

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FEDERAL STATE INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES**

***SOCIOLOGY AND ECONOMICS
OF COMTEMPORARY
SOCIAL REALITY***

***SOCIAL
AND SOCIO-POLITICAL
SITUATION IN RUSSIA
- 2013 year***

Edited by
G.V.Osipov and G.I.Osadchaya

**MOSCOW
2014**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

***СОЦИОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА
СОВРЕМЕННОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ***

*СОЦИАЛЬНАЯ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СИТУАЦИЯ В РОССИИ
в 2013 году*

Под редакцией
Г.В.Осипова и Г.И.Осадчей

МОСКВА
2014

УДК 323/324(470+571)
ББК 66.3(2Рос)3
Р76
ISBN 978-5-7556-0522-9

Социология и экономика современной социальной реальности. *Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году*. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – 306 с.

Под редакцией
Г.В.Осипова и Г.И.Осадчей

Настоящий научный доклад является продолжением реализации фундаментального научно-исследовательского проекта ИСПИ РАН комплексного изучения основных тенденций и закономерностей изменения социальной и социально-политической ситуации в постсоветской России.

Данная монография является двадцать третьим по счету научным докладом, в котором собран и систематизирован уникальный концептуальный, статистический, эмпирический материал, раскрывающий особенности трансформации российского общества в 2013 г.

Авторы рассматривают широкий круг вопросов социальных и социально-политических изменений российского общества, создания субъективных и объективных условий для инновационного развития страны и консолидации российской нации. Работа построена на базе материалов теоретических и прикладных исследований, проведенных подразделениями ИСПИ РАН, многие из которых публикуются впервые.

Тенденции, выводы, прогнозы, изложенные в научном докладе, могут быть использованы учеными, политиками, дипломатами, специалистами, чьей областью деятельности является выработка конкретных управленческих решений и выбор социальных технологий. Книга также рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся развитием российского общества и судьбой России.

ISBN 978-5-7556-0522-9

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-политических исследований РАН, 2014

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Академик РАН Г.В.Осипов – Введение. Не упустить предоставившийся шанс! Академия наук – великое национальное достояние России; **д.социол.н. В.К.Левашов** – Социально-политическая ситуация в России – год 2013: риски и императивы; **д.э.н. Л.С.Черной** – Предпринимательская этика в ходе развития рыночных хозяйственных систем Нового времени и этические проблемы предпринимательской деятельности в рыночной современности; **д.филос.н. А.С.Капто** – Фальсификация как оружие антиистории; **д.социол.н. Ю.А.Зубок, д.социол.н. В.И.Чупров** – Молодежь в изменяющейся социальной реальности: изменение отношения к семье, образованию, труду, власти; **д.социол.н. Е.М.Мчедлова** – Динамика религиозности населения РФ, изменение ценностных ориентаций россиян, их влияние на процессы консолидации и дезинтеграции российского общества (социологическое исследование религиозности); **к.ист.н. Я.Р.Стрельцова** – Влияние миграции на социокультурную идентичность (на примере Франции); **к.социол.н. С.Г.Карпова, к.социол.н. С.В.Климовицкий** – Концепция социально-психологического измерения коррупции; **д.э.н. И.Я.Богданов** – Социальные и социально-правовые корни казнокрадства и коррупции в России. Совершенствование системы социального и социально-экономического законодательства в целях преодоления этих негативных явления; **д.социол.н. Х.В.Дзуцев, д.филос.н. В.В.Касьянов** – Исторические, политические, экономические, социальные причины межнациональной напряженности и экстремизма в республиках Северокавказского Федерального округа Российской Федерации; **д.э.н. Л.Л.Рыбаковский** – Условия, необходимые параметры и источники заселения Сибири и Дальнего Востока: социально-демографические характеристики качества населения России. Современные тенденции в динамике и расселении населения восточных регионов России; **к.э.н. Е.П.Сигарева** – Формирование системы социальных и социально-экономических условий для решения актуальных демографических проблем России (рождаемость, смертность, качество населения); **чл.-корр. РАН С.В.Рязанцев** – Разработка рекомендаций по совершенствованию демографической политики России на основе математической модели демографического развития; **к.э.н. Р.В.Маньшин** – Миграционная политика Российского государства как важнейший аспект реализации мегaproекта «Интегральная Евразийская Транспортная Система»; **д.полит.н. В.И.Якунин** – Интегральный проект солидарного развития на Евро-Азиатском континенте (научно-практическая концепция); **академик РАН Г.В.Осипов, к.социол.н. С.В.Климовицкий** – Измерение социальной реальности и качества жизни; **д.полит.н. М.И.Бесхмельницын, д.э.н. С.В.Рогачев, к.филос.н. М.Н.Мерзликин, д.э.н. О.А.Кислицына** – Социально-политическая и экономическая безопасность России по критериям риска; **д.социол.н. Г.И.Осадчая** – Методология конструирования модели социального взаимодействия стран-участниц процесса евразийской интеграции; **д.филос.н. Орлова И.Б.** – Взгляд на евразийскую концепцию из 2013 года.

Введение

НЕ УПУСТИТЬ ПРЕДОСТАВИВШИЙСЯ ШАНС!

На календаре – весна 2014 года. Бурлит соседняя Украина, умело спровоцированная, русофобски настроенная политтехнологами Запада и США, подожженная на киевском майдане недобитыми пособниками фашистов – последователями С.Бандеры и Р.Шухевича из западных украинских областей. Для меня многие приходящие из Украины вести подобны не только коварным стрелам, больно ранящим душу и сознание, но и сродни обжигающим протуберанцам, поднимающим из глубины души горечь за непростительное благодушие и недальновидность соотечественников, прежде всего чиновных, при власти, на кого возложена ответственность за судьбу России и ее народа.

Жаль, что потребовались месяцами длящиеся со стороны «майданного» Киева оскорбления национального достоинства проживающих на Украине и в самой России миллионов русских людей, угроз физической расправы в их адрес, чтобы наконец-то начал критически пересматриваться доминировавший в русском массовом сознании и, к сожалению, в российской внешней политике миф об «особой близости братского народа», «о нерушимом славянском единстве».

Я вовсе не призываю менять один умильный миф на другой злобный: об особой зловредности украинских соседей. Украинский народ состоялся не вчера, так же, как не со вчерашнего дня пребывает бок об бок с россиянами. Верно и то, что у нас с украинцами и братьями-белоруссами одна колыбель – Мать городов русских – Киев. Одна купель – Херсонес Таврический, где был крещен князь Владимир, активно продолживший с берегов Днепра крещение Святой Руси. Прежде всего, именно эти обстоятельства этнического и конфессионального единения русичей и украинцев способствовали тому, что на протяжении веков между ними, действительно, сформировались и укрепились, в основном, доброжелательные, добрососедские отношения.

Но в межгосударственной политике, равно как и в бытовом проживании, претензии возникают, как правило, к соседям.

На данный момент со стороны украинцев их было бы много меньше, если бы на протяжении десятилетий советского и постсоветского бытования наши доморощенные, с поз-

воления сказать, «элитарии» раз за разом не демонстрировали бы граничащий с умственной несостоятельностью мазохизм, относясь к русофобским высказываниям и действиям на Западной Украине со смирением карикатурного непротивленца, объясняя угрозы и поступки распоясавшихся «хлопців» шалостями все никак не взрослеющих «младших братьев».

Если бы со стороны многомиллионной КПСС своевременно давалась принципиальная оценка чрезмерно благосклонным в отношении Украины и, зачастую, при этом пагубным для всей страны в целом действиям «украинского окружения Хрущева» и сменившего их «днепропетровского клана Брежнева», а исполнительная власть в Советском Союзе строже спрашивала за ущербные в отношении страны действия с ее высшего руководства. Напомним, что именно в этот период без всякого на то серьезного основания в УССР был передан из состава РСФСР Крым. Передан поспешно, как говорится – «втихую», с грубейшими нарушениями существующего законодательства. Передан, как образно высказался нынешний глава крымского Парламента Владимир Константинов, – «как мешок картошки».

Бесспорно, не удалось бы недругам СССР, а теперь Российской Федерации, возродить лживый миф о «героях Украины» из так называемой Украинской повстанческой армии (УПА), если бы документальные свидетельства о зверствах командиров и бойцов этого сформированного при активном участии гитлеровской Германии воинского соединения не были упрятаны под грифом «Совершенно секретно» в архив Министерства обороны. Там пролежали они вплоть до апреля 2014 г., когда бесчинства киевских «майдановцев» сподвигли руководство российского оборонного ведомства рассекретить эти ужасающие свидетельства. Что ж, лучше позже, чем никогда...

Что до «нерушимого славянского единства», то слепота российских сторонников этого мифа поражает еще в большей степени. «Славянские братья» из Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора, как только Советский Союз, которому они были обязаны не только процветанием в послевоенный период, но и в значительной степени выживанием в горниле фашистских этнических чисток, испытал серьезные трудности в экономике и общественно-политической жизни, в мгновение ока переориентировались на Запад, на Европейский союз и НАТО, нисколько не смущаясь, что этот военно-политический блок был создан для физического уничтожения Советского Союза, а затем и возрожденной России.

Не надо быть провидцем, чтобы предвидеть именно такое развитие событий в отношениях с нашими неверными союзниками-«братьями». Надо знать отечественную историю, помнить, о чем предупреждали нас, неразумных потомков, наши великие предки.

«Начнут же они (*славяне – Г.О.*) свою новую жизнь именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта...»¹.

¹ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Запись за сентябрь–декабрь 1877 г.

Труден наш путь к новой России. Труден и тернист. Пудовыми ядрами висят на стрекоженных ногах наших ошибки, заблуждения, несостоятельные амбиции из прошлых лет, огрехи в воспитании и образовании, сомнительные идеологемы, обернувшиеся несостоятельными мифами.

Скажу без ложной скромности: в свое время я немало потрудился для развенчания наиболее опасных, злобных из них². Так, предпринятый мною анализ теоретических концепций, обосновывающий пути (или, вернее, генеральный план) и средства строительства социализма, выявил в ряде аспектов научную несостоятельность этих концепций, граничащую с социальным мифотворчеством. Анализ имевших место способов их реализации обнаружил, что суммарные последствия практических социальных действий оказались не только неадекватными социализму, но, по существу, вступили в непримиримый конфликт с истинными реалиями этого социально-политического строя.

В своем сознании, критически возбужденном перестройкой и демократическими поползновениями вчерашних партocrats, стремительно переоснащенных в неоллибералов, мы успешно победили административно-приказную систему, пронизавшую все социальные структуры советского общества и препятствовавшую социально-экономическому развитию великой страны. Но чтобы победить ее не в фантазиях, а на деле, необходима победа экономическая, которая единственная только и могла реально повысить уровень и качество жизни народа. Однако заниматься трудным, каждодневным, во многих своих проявлениях рутинным и оттого априори неблагодарным делом возрождения из упадка отечественной экономики никакого желания новые хозяева России, ее «элита» не испытывали. Ведь после свержения советской власти вокруг возникло столько лакомой и как бы «ничейной» собственности, что отказать себе в заветном желании протянуть к ней загибающие руки, не было никаких сил.

Одновременно с этим, отсутствие научно разработанных теоретических основ социально-экономического реформирования России привело в конечном итоге к тому, что, как и прежде, на смену одним социальным мифам – развитого социализма, построения коммунизма и т.п. – пришли другие, не менее одиозные.

Например, благостный миф о том, что разгосударствление всего и вся вкупе с массовой приватизацией производственных активов и непротивление со стороны государства финансовым спекуляциям и строительству авантюрных финансовых «пирамид» помогут ускоренному построению в России свободного рынка, который «своей невидимой рукой», как по шучьему велению, разрулит многочисленные проблемы советской экономики, которые создавались и накапливались в течение долгих времен, особенно в период так называемого «застоя». Чуда, естественно, не произошло. Практическая же реализация новых мифов о капиталистическом бытовании различными властными структурами и политическими силами привела в действие такой социальный маховик, который стал крушить все, отбрасывая страну на десятилетия назад.

Оценивая губительные для России процессы, инициированные горбачевской перестройкой и углубленные и радикализированные пришедшими на смену советским ренегатам рос-

² *Осипов В.Г.* Социология и социальное мифотворчество. М., 1999; *его же.* Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000.

сийскими радикальными неолибералами, выдающийся ученый и истинный патриот Отечества честно констатировал: «У нашего общества нет модели управления, управление им идет в значительной степени вслепую. Пробы и ошибки оказались весьма болезненными и продвинули нас, скажем так, “к потере статуса”. Любые эксперименты на обществе в наш век опасны (курсив – Г.О.)»³.

Это очень глубокий, я бы сказал, основополагающий вывод об опасности, даже усилую оценку – *недопустимости*(!) любых экспериментов на обществе. Во все времена и, тем более, в бурный противоречивый для возрождающейся после десятилетий советского тоталитаризма России период смены веков и веков.

Наступивший век по прогнозам и выводам футурологии должен стать веком торжества научного мировоззрения и явить миру качественно новые принципы и подходы к организации настроенного на объединение мирового сообщества, к управлению каждым отдельным государством и обществом. Как известно, XXI веку во всемирном научном сообществе пророчат определяющий титул «века социальных наук». Пока, будем откровенны, это крайне недостаточно проявлено и в информационных сетях, опутавших нашу планету, и, что важнее всего, в готовности государственных, общественных, корпоративных и частных инвесторов финансировать социально-гуманитарные исследования и продвигать их выводы в повседневную управленческую практику истеблишмента.

Связано это, прежде всего, с дефицитом новых и плодотворных идей сохранения и гармоничного развития людского сообщества. Права социологи Ж.Тощенко и Н.Романовский, утверждающие, что отсутствуют заметные изменения в метатеоретической стратегии развития, что в этом плане «больших подвижек не наблюдается, если не считать высказываний Э.Гидденса и И.Валлерстайна и некоторых других авторитетных ученых в пользу создания в перспективе интегрированной социологической науки»⁴. Сказанное, в первую очередь, относится к социологии, но справедливо и в отношении креативных усилий остальных гуманитарных наук. Налицо кризис идей, следовательно, и всеобщий кризис общественного развития человечества.

Современная эпоха в жизни планеты Земля определяется не так называемым «постмодерном» – формализованным направлением в научной, художественной, общественно-политической и других сферах – явлением тупиковым, замкнутым на самое себя, перенасыщенном разного рода симулякрами и эрническим цитированием, а введенным в научный обиход В.И.Вернадским понятием *ноосфера*, и тем качественно отличается от эпохи *биосферы*. Сегодня человек и создаваемые в процессе его деятельности *техносфера* и *социосфера* (социальная реальность) детерминируют состояние и будущее не только физического мира – неорганической и органической природы, но и мира социального, то есть человеческой цивилизации.

С вступлением в стадию ноосферы человек превратился в крупнейшую *геологическую силу*, стихийные разноплановые действия которой выходят за пределы рационального контроля. Антропогенные воздействия на отдельные компоненты ноосферы возрастают,

³ Амосов Н. Реальности, идеалы и модели // «Литературная газета». 1988, 5 октября.

⁴ Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В. О тенденции развития социологии в современном мире // «СОЦИС». 2007, №6. С.5–26.

стремительно приближаются к критическим и неизбежно ведут к возникновению синергетического эффекта в системе. Происходит включение механизмов адаптации к происшедшим изменениям, о действии которых никто не имеет ни малейшего представления. Вся планета ускоренно приближается к состоянию неизвестности и непредсказуемости.

Техносфера под воздействием разнонаправленных социальных действий человека, осуществляемых во имя реализации, чаще всего, его сиюминутных, эгоистических или корпоративных интересов и целей, развиваясь в геометрической прогрессии, порождает ряд глобальных угроз. Эти угрозы, если социальные действия и впредь будут осуществляться стихийно и безответственно, неизбежно приведут человеческую цивилизацию к гибели, а нашу планету – к катастрофе.

Актуальный пример. Экономические, а с XX века и экономико-финансовые кризисы сотрясают мировое сообщество с регулярной периодичностью. На их изучение и отработку способов и технологий преодоления были направлены усилия научных сил стран-лидеров мировой цивилизации. И результаты не замедлили сказаться. Разработанная сообществом экономистами ведущих индустриальных стран теория кризисов позволила распознавать их приближение, вооружила практических работников промышленности, финансовой сферы, управленцев и политиков эффективными методологиями противодействия кризисам, научила зачастую еще на начальных стадиях купировать негативные экономическо-социальные последствия, что убергло экономики и финансы многих стран от сокрушительных потерь, а социальную сферу – от стихийных волнений и классовых столкновений.

Так продолжалось буквально до недавних пор, до 2007–2008 гг., когда две волны мирового кризиса не просто обрушили финансовые биржи и банки, ввергли большинство отраслей индустрии в тяжелую стагнацию, но и оказались практически невосприимчивыми к неоднократно проверенным и от этого, как считалось, безотказным антикризисным мерам, тактикам и стратегиям. Если сравнивать кризис с пандемией гриппа, а такое сравнение представляется нам вполне корректным, то можно констатировать, что для нейтрализации нового экономического «вируса» так до сих пор и не удалось разработать надлежащую по эффективности «вакцину».

Как следствие – новая волна глобального финансово-экономического кризиса, которая накрыла мировую цивилизацию в конце 10-х гг. Ее ожидали, к ее возникновению готовились, копя резервы, стараясь контролировать финансовые и товарные потоки, производство и сбыт, рынки и биржи, поэтому ведущим мировым экономикам удалось купировать кризис на ранней стадии, понеся при этом существенно меньшие потери, чем в предыдущих кризисных ситуациях. Однако и процесс выздоровления оказался более долгим. В первую очередь, для развивающихся стран и государств так называемого «третьего мира». Затянувшаяся стагнация даже породила высказывания о возможном «переиздании» Великой депрессии (Great Depression) по образцу и подобию мирового кризиса 1929–1939 гг.

Отсюда явно наблюдаемая растерянность в рядах экономистов, специалистов финансового обращения, управленцев, политиков и т.д. Как следствие – активные, порой суетливо-лихорадочные поиски спасительной идеи в «бабушкином сундуке» научных наработок предшествующих поколений по принципу «Новое – это хорошо забытое старое». Пока такая пристрастная ревизия исторического архива идей реанимировала интерес к марксизму – как в его классических формах, так и к неомарксистским теориям эпигонов и оппонентов марксова учения.

Но опасность окончательного экономического коллапса – не единственная реальная угроза человечеству.

Четко обозначились глобальные экологические угрозы. Это – «ядерная зима» в случае ядерного конфликта; потепление климата вследствие т.н. «парникового эффекта»; тотальная нехватка продовольствия и питьевой воды и т.д. Как верно предупреждал мой добрый товарищ академик Никита Моисеев: «Человек подошел к пределу, который нельзя перешагнуть ни при каких обстоятельствах: один неосторожный шаг – и он сорвется в бездну. Одно необдуманное действие – и человечество может исчезнуть с лица Земли»⁵.

Еще более радикально в отношении задач человечества по сохранению среды обитания высказался Н.Винер. Он призвал людей не только контролировать и всячески сдерживать свои потребительские действия, но и самим трансформировать сознание и культуру, исходя из задачи всеобщей гармонизации мира. «Чтобы существовать в условиях ноосферы, человечество должно изменить себя», – считал великий кибернетик.

Сомнения в возможностях человека управлять мировым развитием без существенных изменений своего эго высказывал швейцарский инженер и философ Г.Эйхельберг: «Бог сотворил нашу планету и разумное существо на ней – человека, предоставив ему полную возможность в дальнейшем самому решать свои проблемы... создав сложный мир техносферы, человек не может более эффективно управлять направлением его развития»⁶.

Сказанное выше убеждает нас вслед за лауреатом Нобелевской премии голландским экономистом Я.Тимбергеном сделать вывод, что научное понимание индивидуального и коллективного социального поведения, ведущее к их контролю, вероятнее всего, является наиболее насущной задачей, стоящей сегодня перед человечеством. Из этого следует, что в сложившейся ситуации *только социальные и гуманитарные науки, объектом исследований которых является человек, его социальные действия и создаваемая им социальная реальность*, могут внести научную рациональность в разнонаправленные, стихийные и безответственные действия самого человека, привести их к общему знаменателю, устранив и нейтрализовав глобальные угрозы, подобно дамклову мечу, нависшие над человечеством.

Увы, такое понимание ситуации отнюдь не характерно для тех управленцев от науки, кто призван осуществлять инвестирование в научные разработки, определяя первоочередные направления и выделяя приоритеты.

Помимо управленческо-финансового барьера, который возведен на пути научного творчества в вопросах разработки наиболее эффективной парадигмы развития нашего Отечества и рационального бытования всего человечества, «коллективное бессознательное» (К.Г.Юнг) научного сообщества России, ее политического класса, включая так называемых «рассерженных горожан», все еще продолжает во многом оставаться в плену отживших, а зачастую откровенно вредных мифологем.

⁵ Моисеев Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999.

⁶ Эйхельберг Г. Человек и техника. М., 1981.

На дворе – весна 2014 года... В климатическом плане выдалась она на редкость неустойчивой. Тепло, достигающее абсолютного рекорда, в одночасье сменяют минусовые температуры. Набухшие почки деревьев и кустарников покрывает рыхлый ноздреватый снег...

Политическая весна-2014 принесла стране нашей, да и всему мировому сообществу, еще более впечатляющие и неожиданные события. Главное из них – бесспорно, присоединение Крыма к Российской Федерации.

В сменяющих один другого медийных репортажах on line мы, граждане России, имели возможность воочию наблюдать воистину историческое событие, последствия которого пока очень сложно предсказать. Они, эти последствия, могут стать судьбоносными для нашей страны и ознаменоваться как новым духотворным и экономическим подъемом, так и унынием разочарования и глубочайшим упадком всего и вся. Боюсь, до той запредельной глубины, с которой попросту станет невозможным подъем даже на утраченный уровень.

Что ожидает нас в этом худшем варианте? Бытование в статусе региональной державы. Хуже того: весьма вероятная фрагментация самой Российской Федерации по болезненным, оставшимся после распада СССР, разломам национальных, территориальных, конфессиональных и других противоречий.

Снова на переломе веков все зависит от нас самих. Воспользуемся ли мы предоставленным России историческим шансом на небывалое Возрождение, или, как, увы, не раз случалось ранее, бездарно упустим этот шанс?

Пока же в Крыму, да и по всей России царит вполне понятная эйфория ликования. Не только восстановлена историческая справедливость, но, что важнее всего, исполнены чаяния подавляющего большинства граждан Крыма, 23 года после распада СССР до наших дней ожидавших наступления этого светлого для них дня!

«Мы возвратились домой!» – звучит из уст подавляющего большинства крымчан. Эта передающаяся, как эстафетная палочка, от человека к человеку фраза стала народным слоганом безупречно проведенного на полуострове всенародного референдума, в котором за присоединение к РФ проголосовали более 96,77% крымчан. «Мы возвратились домой!..».

Но и мы – жители материковой России – тоже вернулись домой, в прекрасный благодатный регион, имя которому – Крым. И не только от территориального прибавления радуется душа; крымчане в своей изоляции от России сохранили столько высоких гражданских и личностных качеств, так укрепили свое единство, воспитали, закалили силу духа, верность отцовым традициям, что могут и будут служить примером многим и многим из нас.

Наша законная радость, увы, чаще всего вызывает у наших недругов злость и нескрываемое раздражение. Вопреки очевидности, Евросоюз и их заокеанский хозяин не признают легитимности присоединения к России исконно русской территории, населенной в большинстве русскими и русскоязычными гражданами. Нам угрожают санкциями, политическими, экономическими, гуманитарными. И вовсе не из-за того, что Западу столь мила и дорога Украина, ее так называемая «территориальная целостность», якобы нарушенная коварным соседом. Взбаламученную Украину с обзленным на всех населением большинство европейских стран и США рассматривают исключительно как дестабилизирующий фактор в подбрюшье России, а отряды националистических радикалов «Правого сектора» – как зондеркоманды, способные подавить неизбежный протест самого украинского населения, когда по указке МВБ и схожих с ним финансовых организациях правительство Украины в

условия получения кабальных кредитов вынуждено будет ввести неподъемные для большинства жителей Украины тарифы ЖКХ и цены на потребительские товары первой необходимости.

Продуктивны ли в такой сложной ситуации, чреватой лишь усугублением и разрастанием, санкции против России взамен плодотворных совместных усилий по стабилизации бурлящей Украины? Что принесет Западу возврат к «холодной войне»? Ничего хорошего.

Значительная часть научного сообщества, политиков, общественных деятелей определяют основную составляющую многотрудного, противоречивого процесса трансформации общественного уклада как *глобализацию*, обоснованно отводя в ней ведущую роль геополитике. При том условии, что усилия стран, которые в состоянии проводить геополитику и готовы взвалить на себя этот груз ответственности, будут направлены на поддержание мира и стабильности во всем мире. Первыми в ряду таких стран следует назвать Россию и США.

Арнольд Тойнби предвидел этот процесс и обращал внимание на то, что предстоит затратить немало усилий на исследование отношений «экуменического характера», понимая под ними социальные отношения вселенского, всемирного масштаба. При этом автор теории конфликта цивилизаций подчеркивал принципиальное отличие геополитики периода глобализации от «международных отношений» эпохи модерна⁷.

Геополитика, которая в прошедшем веке в достаточной мере носила спорадически-ментальный характер, что, в основном, обуславливалось острой необходимостью «быстрого реагирования» для решения сиюминутных проблем блокового противостояния, все больше обретает системный характер, подвергается всестороннему научному прогнозированию. Это позволяет проводить ее не только в режиме *on line*, но и решать назревшие проблемы в системном, плановом порядке⁸.

К «социальным отношениям вселенского, всемирного масштаба», которые требуют самого серьезного к себе внимания и настойчивых усилий для скорейшего решения, мы относим комплекс проблем, возникших в результате величайшей геополитической катастрофы – развала СССР. Сейчас, после более двух десятилетий, прошедших после случившегося, на лицо трагическая ситуация геополитического свойства. С одной стороны, это наличие огромных запасов оружия массового поражения, достаточных для уничтожения всего живого на нашей планете. С другой стороны, все растущие претензии как старых, так и новых возникающих государств на высокий уровень качества жизни, соответствующий или, по крайней мере, приближающийся к социально-экономическим реалиям самостоятельных государств.

Но есть ли у новых государств объективные основания для такого рода претензий? Опыт показывает, что из более 190 государственных образований, которые, являясь на настоящий момент членами ООН, составляют современную цивилизацию, по-настоящему са-

⁷ Тойнби А. Постигание истории. Сокр. версия Д.С.Сомервелла в 10 т. 1960; Цивилизация на суде истории (Civilization on Trial, 1948); Перспективы западной цивилизации (The Prospects of Western Civilization, 1949); Война и цивилизация (War and Civilization, 1950).

⁸ Кокошин А.А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям. М., 2008.

модостаточными можно назвать лишь единицы. Страны-лидеры, к которым мы справедливо относим Россию и США, стали таковыми не только по причине наличия на их территориях жизненно необходимых ресурсов: углеводородов, природного газа, руды металлов, коксующегося угля, минеральных удобрений и т.п., но и высокого уровня технико-экономического развития. Страны, не являющиеся самодостаточными экономически, а значит, и политически, самостоятельно свою жизнедеятельность обеспечить не могут. В той или иной мере они вынуждены ориентироваться на лидеров развития. Эта ситуация порождает новые сложные проблемы для самих ведущих стран.

В результате, несмотря на предпринимаемые Президентами РФ и США Владимиром Путиным и Барак Обамой усилия по смягчению противостояния России и Соединенных Штатов Америки на международной арене, реально это противостояние – если и не усиливается, то существенно и не смягчается. Вслед за шагом навстречу наш американский партнер, как правило, совершает два шага назад или в сторону от магистрали.

Характерно, что прямое противостояние США и Российской Федерации наблюдается нечасто, ибо серьезные геополитические причины его, практически, отсутствуют. Россия и Соединенные Штаты в географическом плане «разведены» на разные континенты и не имеют общих сухопутных границ. Обе страны полностью самодостаточны, и экономики их не зависят от уровня импортно-экспортных взаимоотношений. У нас нет претензий друг к другу в ретроспективном плане; напротив, история взаимоотношений наших стран и народов – это история эффективного сотрудничества и боевого братства в критические для мирового сообщества периоды. Достаточно вспомнить, что и в Первой мировой войне (Великой, как называют ее на Западе), и во Второй мировой войне Российская Империя и СССР, с одной стороны, и Соединенные Штаты Америки, с другой, являлись союзниками. Народам России и американцам присущи схожие черты: дружелюбие, открытость миру, патриотизм, соединяющийся, порой весьма причудливо, с мессианскими устремлениями.

Во многом негативный процесс противостояния великих держав провоцируют те самые до конца не состоявшиеся страны, которые на рынке мирового разделения труда и торговли способны предложить лишь политические услуги одной из сверхдержав в ее противостоянии с другой сверхдержавой.

Это относится не только к бывшим союзным республикам бывшего СССР, но и целому ряду других стран Европы, Африки, Латинской Америки и Азии.

За годы советской власти, союзные республики СССР, за исключением Белоруссии и Азербайджана, щедро датировались за счет России, и теперь от этой привычки им, ставшим самостоятельными государствами, трудно отказаться. Поэтому продолжается давление на Россию как со стороны стран членов СНГ, так и стороны бывших союзников по Варшавскому договору. России угрожают размещением на своих территориях баз НАТО и даже откровенной агрессией, как это было во время вооруженного вторжения Грузии в Южную Осетию, когда вместе с осетинами гибли российские миротворцы, чья неприкосновенность подтверждалась мандатом Совбеза ООН.

Шантажируются и США бесконечными демагогическими просьбами защитить «молодые демократии» от «руки Москвы», требованиями поставок современных наступательных вооружений и «гуманитарной помощи». Появилась и новая, поражающая беспардон-

ным цинизмом форма построения отношений «независимых» стран со сверхдержавами – Россией и США, когда у заокеанского патрона выпрашиваются политическая и даже военная защита и, одновременно с этим, у России – экономические преференции в обмен на сомнительные обещания снизить темп дрейфа в сторону совокупного Запада, повременить со вступлением в НАТО, поддержать в международных организациях по малозначимым второстепенным вопросам и т.п.

Проблемы в отношении международной безопасности, которые раз за разом создают мировому сообществу восточноевропейские и другие «независимые» страны, вполне сравнимы с последствиями ширящегося в мире религиозного экстремизма, в первую очередь – исламского фундаментализма. Шантаж России и США может привести к военному конфликту между сверхдержавами и, как следствие, к геополитической катастрофе.

Настало время России и США пересмотреть свои взаимоотношения и те принципы, те методы управления, которыми они руководствовались во внутренней национальной политике и на международном уровне, и выстроить новые четкие, соответствующие обоюдным интересам и современному миропониманию.

Прежде всего, следует отказаться от практики поощрения и даже принуждения своих союзников к конфронтации с геополитическим соперником. Не нужно впредь США разыгрывать в глобальной политической игре с Россией крапленые и давно битые карты. Но и России следует аккуратней и корректней выстраивать свои партнерские и союзнические отношения. В частности, с рядом стран Карибского бассейна, которые хоть и расположены в непосредственной близости с естественной зоной национальных интересов США, проявляют близкую к агрессивности строптивость в отношении северного соседа. Пока что строптивость вербальную, но хорошо известно, что словесная перепалка часто провоцирует горячие конфликты.

Какие-то начальные штрихи новой дорожной карты дипломатических взаимоотношений России и США уже нанесены на чистый лист, и, чтобы успешно продолжать эту крайне необходимую миру «картографию», следует с уважением отнестись к тем шагам навстречу нашей стране, которые уже совершены администрацией президента Б.Обамы. Оценить по достоинству проделанное, и дипломатическими усилиями, как можно скорее, преодолеть конфликт между нашими сверхдержавами из-за событий в Крыму и на Украине.

В 1958-м году в Америке вышел на экраны кинофильм «Скованные одной цепью» (The Defiant Ones), незамысловатая фабула которого дала возможность режиссеру Стэнли Крамеру создать развернутую кинометафору о животрепещущей проблеме нации – расизме. По сюжету, два молодых человека: белый и афроамериканец, скованные кандалами, совершают побег из тюрьмы на Юге США. Фильм четко и однозначно утвердил в сознании нации, траченном в существенной мере предрассудками расизма, что белые и черные в США самой историей обречены на совместное проживание, и лучше для обоих этносов, чтобы проживание это оказалось мирным, а не конфронтационным.

«Скованные одной цепью» с триумфом прошел по экранам всего мира, его посмотрели миллионы зрителей. Но лишь буквально несколько человек узнали, что в тот же период одной из ведущих киностудий Голливуда был приобретен сценарий еще даже не написан-

ного сценария, главная идея которого выражалась одной фразой: «Что будет с Америкой, когда ее президентом станет чернокожий?».

Не знаю, вдохновил ли американских кинематографистов приход Барака Обамы в Белый дом на реанимацию того давнего сценария. Думаю, он потерял актуальность, ибо кардинально изменилась страна, за полвека преодолев пропасть расовой сегрегации. Внешняя политика президента-афроамериканца, вступившего во второй срок президентства, практически не отличается от политики своих белых предшественников. И все же...

Нисколько не умаляя заслуг российской дипломатии и лично президента РФ В.В.Путина, благодаря которым удалось предотвратить внешнюю агрессию стран НАТО по отношению к Сирии, заключить долгожданные договоренности с Ираном, которые не только снизили порог ядерной опасности на Ближнем и Среднем Востоке, но и вывели ведущую ближневосточную державу – Иран из унижительной для нее и разорительной для иранской экономики изоляции, опять же, справедливости ради, скажу, что в процессе этом имела место если и не определенная поддержка мирных инициатив России со стороны США, то, по крайней мере, разумная готовность свернуть с тропы силового конфликта, не идти до трагического финала в геополитическом противостоянии великих держав.

Еще недавно все дипломатические действия и силовые акции США в ближневосточном регионе совершались исключительно в интересах Государства Израиль и верных Америке вассалов – Саудовской Аравии и Катара. Теперь же администрация Обамы все чаще дает понять арабскому большинству в регионе, что будет учитывать и его интересы. «Известно, куда ведет дорога, вымощенная благими пожеланиями», – наверняка возразят мне скептики. На что отвечу: «Дорогу, тяжелую и опасную, осилит лишь идущий, тот, кто вступил на нее и готовится совершить первый шаг...».

Прекрасно отдаю себе отчет в том, что те изменения политической партитуры США, чаще даже не сами по себе изменения, а туманно заявленная *предрасположенность* к ним, столь ограничены во всем и завалуированы от своих внутренних и мировых «ястребов», что различимы, пожалуй, лишь такими ветеранами американистики, каковым является ваш покорный слуга. Соглашусь и с тем, что геополитические микроуступки, о которых я веду речь, продиктованы во многом затяжными кризисными явлениями в экономике США, в их финансовой сфере.

Как бы там ни было, для нас важно, что осознанно либо под давлением обстоятельств американский истеблишмент пусть и с явным раздражением, но начинает осознавать, что положение единственного мирового центра силы и развития, которое объективно заняли США после ухода с мировой арены СССР, все в большей мере становится не по средствам первой державе мира. Да, мировой кризис коснулся всех без исключения государств, так что появление новой супердержавы в обозримом будущем не предвидится. Но и Китай с завидным ростом основных экономических показателей, и Российская Федерация, настойчиво и успешно восстанавливающая свою уникальную силовую компоненту⁹, с неизбеж-

⁹ Как ни вспомнить в этой связи о серии совещаний, которые провел 28–29 ноября 2013 г. в Сочи Президент РФ В.В.Путин с разработчиками и изготовителями нового сверхточного оружия, на которых жестко и однозначно была поставлена задача в ближайшие сроки обеспечить поступление в Вооруженные Силы России достаточного количества вооружений, которые сделают Россию неуязвимой от любой агрессии!

ностью потеснят Америку на мировом Олимпе. А на подходе – Индия, Бразилия, Индонезия. Да и Японию, с удивительной стойкостью и благородством пережившую фантазмагические природные катаклизмы, опрометчиво списывать со счета.

Мировое сообщество медленно, с остановками и откатами на предыдущие позиции, но движется по направлению к многополярному миру. К ситуации, когда перманентный диалог, а не силовое давление становится главной формой решения планетарных проблем. И хоть путь этот не близок, но уже сейчас мы должны готовить себя к новой всемирной политической конфигурации...

Переход к качественно новому партнерству двух великих держав ни в коей мере не направлен против третьих стран. Более того, доверительные отношения между ними объективно являются серьезным стимулом для конструктивного решения многими странами своих социально-политических проблем на основе свободного демократического выбора и рыночных отношений.

У России с американскими партнерами существует множество точек соприкосновения, множество схожих проблем, требующих немедленного решения. Взять только глобальную проблему *нераспространения* будь то ядерных вооружений или новейших традиционных военных систем, опасные формы биологических изысканий (клонирование человека, геномодифицированные продукты питания), терроризм и расовый экстремизм, агрессивные формы религии (ваххабиты, талибы, тоталитарные секты), наркотрафик, морально-нравственные извращения (порнография, содомия, проституция, подпольная торговля человеческими органами, изъятыми криминальным способом) и др. В принципе эти проблемы способны решить только Россия и США целенаправленными совместными усилиями. Ни у кого более на планете нет на то ни политических, ни экономических, ни силовых возможностей. Понимание сложившейся ситуации должно усилить ответственность двух стран за судьбу мира.

Так неужели столь трудно, буквально по крохам, накопленный позитив во взаимоотношениях между Российской Федерацией и США мы пустим по ветру в угоду профессиональным провокаторам с киевского «майдана», где бы они сейчас и в каком обличье ни выступали?!..

Далеко не всегда календарное время совпадает с реальным, эмпирическим, особенно если речь идет о глобальных, тектонических подвижках социума. Исходя из этого, смею утверждать, что Российская Федерация вплоть до весны 2014-го лишь формально, все по тому же календарю, вступила в XXI век. Реально, в геополитическом плане мы все еще оставались в веке XX.

Подобные «задержки времени» уже случались в истории России. По мнению одних историков, XX век наступил для нашего Отечества в году 1914-м, с началом Первой мировой войны. Другие исследователи считают, что произошло это и вовсе в революционном 1917-м, похоронившем 300-летнюю Российскую Империю и начавшем череду невиданных в российской истории кровавых противостояний и катаклизмов.

Новая возрождающаяся Россия тоже долго, почти полтора десятилетия, ждала наступления *своего* нового века – светлого и жизнеутверждающего. Ждала и, особенно после избрания Президентом РФ В.В.Путина, сосредотачивалась, чтобы ускорить этот процесс. В

ожидание перехода, мы все проживали *прелюдию* столь многообещающего для нас по ряду прогнозов и предсказаний грядущего столетия.

И вот, смею утверждать, что этот долгожданный переход осуществился. В свой XXI век Российская Федерация вступает в нерасторжимом теперь единении с Крымом, в небывалом со времени полета Ю.Гагарина в космос единении и добром, конструктивном сплочении. Только бы не упустить сей выдающийся шанс!

С неизбежностью грядущие изменения социальной реальности обуславливают необходимость *перехода к новой системе управления обществом*, предполагающей отказ от традиционного метода проб и ошибок и принятие социально значимых государственных решений на основе всестороннего научного анализа и точных математически выверенных расчетов.

Целесообразно говорить о *новом алгоритме* принятия государственных решений, составными элементами которого являются научное обоснование *изменений* тех или иных сторон социальной реальности в соответствии с поставленной *целью* и возложение персональной ответственности за его реализацию и рациональное использование.

Принятие данного алгоритма означает переход к *обществу знания*.

Переход к обществу знания – это не стихийный, а *научно управляемый процесс*, основанный на новых принципах формирования кадрового состава законодательных и исполнительных органов государственной власти, на основе их научной компетенции и овладении научными методами и способами управления социальными процессами.

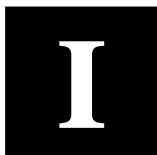
Речь идет о реализации основных императивов *просвещенной демократии*, предполагающей:

– *во-первых*, научное осмысление *новой социальной реальности* во всех ее аспектах и создание ряда *научных дисциплин*, позволяющих познать ее явные и латентные закономерности;

– *во-вторых*, подготовку на основе современного научного знания *нового поколения* профессорско-преподавательского состава, способного овладеть научным знанием, отражающим состояние новой социальной реальности;

– *в-третьих*, подготовку *нового поколения специалистов*, способных не только использовать на практике полученные знания, но и создавать *инновационное* научное знание при решении возникающих проблем на различных уровнях государственного управления.

Наука и образование – системообразующие факторы новой социальной реальности, а их интеграция – веление времени.

Социально-политическая ситуация в России: оценка динамики и рисков

АКАДЕМИЯ НАУК – ВЕЛИКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ

XXI век – век науки. Вступив в третье тысячелетие, человечество постепенно начало осознавать, что оно так радикально изменило окружающий мир, что теперь само должно измениться, чтобы выжить в этом мире. Любые попытки решить сегодняшние задачи вчерашними методами и средствами обречены на неудачу. Качественно новые и неординарные подходы, необходимые для осмысления и решения проблем дальнейшего существования человеческой цивилизации может обеспечить только наука.

В XX в. были сделаны величайшие открытия в области естественных и технических наук. Но, к сожалению, использование этих открытий, находившееся под диктатом политической и коммерческой практики, согласовывалось с так называемой политической и коммерческой целесообразностью. Более того, политическая и коммерческая практика нередко замыкаясь в себе, пренебрегали данными науки, главным образом, данными социальных и гуманитарных наук, жизненными интересами человека и человечества, вследствие чего многие глобальные процессы приобретали стихийный и непредсказуемый характер. В том числе и в результате игнорирования науки и объективных социально-экономических реалий произошел развал СССР и социалистической системы, а капиталистическая система распределения, по словам бывшего вице-президента США Альберта Гора, поставила нашу планету на грань гибели.

Естественные и технические науки открывают неограниченные возможности для изменения окружающего мира. Однако стихийное, во имя получения сиюминутной прибыли, использование современных достижений этих наук без учета жизненных интересов человека и общества, это дорога в никуда. Рулем и компасом, позволяющим человечеству избежать «дороги в никуда», являются науки социальные и гуманитарные, в системе которых важная роль принадлежит психологии и социологии. «Миру, – как отмечал Николай Амосов, – просто приспичило решать вопросы психологии и социологии потому, что от этого зависит быть или не быть человечеству».

Речь в данном случае идет о системном подходе к судьбам природы, общества и человека, что невозможно без органичного взаимодействия и единства наук естественных и технических с науками социальными и гуманитарными. Уникальной и, пожалуй, единственной организацией в мире, в рамках которой объединяются и взаимодействуют эти науки является Российская академия наук, созданная указом Императора России Петра Первого. Учрежденная этим указом, Академия наук России «сделалась, – как отмечал президент Академии наук СССР Сергей Вавилов, – основным истоком новой русской науки... В истории мировой культуры в прошлых веках нельзя указать другой пример столь же быстрого и эффективного выращивания науки, как это было в России в первой половине XVIII в. через посредство Петербургской академии». Быстрое и эффективное наращивание науки в России успешно продолжалось и в XIX, и в XX вв.

Менялись ее названия – Петербургская академия наук, Императорская академия наук, Академия наук Советского Союза, – но направленность ее деятельности оставалась неизменной, она всегда преданно служила науке и России. Бесспорны ее заслуги и перед мировой цивилизацией. Одна треть всех величайших научных открытий XX в. сделана российскими учеными, а на научно-техническое пространство бывшего СССР приходилось не менее 25% мирового обмена технологиями. Без преувеличения можно сказать, что без научных открытий Российской академии наук и российских ученых не было бы ни научно-технической, ни технотронной, ни информационной революций. Упомянем только некоторые из этих открытий. Это – телевидение, полупроводники, ракеты, лазер, управляемый термоядерный синтез, спутник, первый космический полет, информационные системы и т.д. Это и первый официально зарегистрированный самолет, и первый аппарат, впервые достигший Луны и благополучно вернувшийся на Землю. Все невозможно перечислить. Более того, можно сказать, что ученые Академии наук практически предотвратили ядерную катастрофу. В кратчайшие сроки они решили проблемы производства ядерного оружия, тем самым, нарушив планы Пентагона и бывшего Президента США Гарри Трумэна о нанесении ядерных атак по важнейшим стратегическим объектам (включая Москву) на территории бывшего СССР.

С разрушением Советского Союза по академии наук страны и российской науке в целом были нанесены удары очередными, уже «демократическими» социальными преобразователями, пришедшими вслед за «партократическими». Тогда резко сократилось инвестирование фундаментальной науки и НИОКР. Опыт передовых в технологическом отношении стран показывает, что доля государственных ассигнований на науку не может быть ниже 2% ВВП. Например, в Израиле она составляет 3,5%, в Японии – 3,05%, США – 2,75%. В России, в результате реформирования, этот показатель оказался равен 0,34%. Объем финансирования отечественной науки в расчете на одного сотрудника от 50 до 100 раз ниже, чем в развитых странах. Только в 1985–1997 гг. из российской науки ушло более 2,4 млн человек. Отсутствие возможности заниматься научной работой, низкие заработки заставляют молодых талантливых ученых уезжать в США и другие западные страны, обедняя научный потенциал России.

Несмотря на эти негативные тенденции, сложившиеся в науке в процессе неолиберального реформирования страны, Российская академия наук, находясь в крайне тяжелом финансовом положении, продолжает верно служить своему народу и государству. Она дает разработки практического использования величайших научных открытий своих ученых в

интересах российских граждан и российского государства, представляет научно обоснованные программы выхода России из системного кризиса. Ученые Российской академии наук своевременно ставили вопросы о возможных катастрофических социальных и других последствиях тотального разрушения промышленности и сельского хозяйства, о криминальном характере распродажи государственной собственности, о бесперспективности для страны принятого демократами курса экспортно-сырьевого развития. Соответствующие документы направлялись в Правительство Российской Федерации¹⁰. Но, как и следовало ожидать, никакой положительной реакции на эти документы тогда не последовало.

В спорах о путях и способах дальнейшего существования или, вернее, выживания России и российской академической науки столкнулись, таким образом, два мировоззрения: научное, представленное большинством ученых Российской академии наук, и мифотворческое, представленное так называемыми «социальными преобразователями». Российские ученые видят выход из создавшегося кризисного положения страны при помощи демократических преобразований, осуществляемых на основе науки и научно обоснованных данных.

Благими намерениями вымощена дорога в ад. В последнее десятилетие, жизнь внесла существенные поправки в это, апробированное историей, изречение древних. Благие намерения, как свидетельствует анализ результатов перестройки и реформирования Советского Союза, а затем и России, явились ничем иным как латентным прикрытием, камуфляжем реальных циничных целей социальных преобразователей от демократии.

В мгновение ока, после прихода к власти «демократов», проявилась истинная сущность целей «друзей народа». Народ был лишен власти, общественной собственности, многих социальных завоеваний. Произошел невиданный в истории человечества передел государственной собственности в интересах узкой группы разрушителей великого государства. Открыто были объявлены ранее тщательно скрываемые, истинные цели социально-экономических преобразований – «строительство капитализма». Средства массовой информации якобы с удивлением констатировали, что в России «случайно» произошло то, чего никто не хотел. Они предрекают России распад, а русскому народу исчезновение. Более того, для ускорения этого процесса разрабатываются и публикуются в прессе «научные» проекты «искоренения русизма на Руси». Все по подобию судеб Римской империи и римлян. И это не исторический фатализм или случайность.

В течение ряда лет определенные силы (агенты влияния, спецслужбы ряда зарубежных государств) фактически работали не столько на уничтожение коммунистического режима, который к этому времени в лице его руководителей прогнил и разложился, а на развал Советского Союза и России. Беловежские соглашения – это не мгновенное «озарение» трех главных разрушителей великой страны, а результат многолетней подготовительной работы. «Суверенитет» и «независимость» России, провозглашенные первоначально Верховным

¹⁰ Это доклад Института социально-политических исследований РАН на Президиуме РАН 1992 г. «Разрушение социально-политической системы», документ «Основные направления реформирования», подготовленный в 1992 г. авторитетной комиссией РАН и направленный в Правительство России, а также подготовленный в 1995 г. для Президиума РАН доклад «Направленность изменений в обществе» и многие другие документы.

Советом РСФСР, а затем узаконенные Беловежскими соглашениями, ратифицированные тем же Верховным Советом, не только объявили вне закона СССР, но и создали объективные условия передела государственной собственности, неограниченной эксплуатации природных ресурсов России.

И в качестве первого шага, еще за несколько лет до провозглашения «суверенитета» и «независимости» России тщательно продумывались и планировались действия, связанные с ликвидацией Академии наук СССР как уникального научного сообщества.

Реализуя вышеизложенные замыслы «демократов», Верховный Совет РСФСР принимает решение об учреждении Российской академии наук (РАН). Аргумент весьма благородный: почему во всех союзных республиках есть Академии наук, а в России – нет. Этот дискриминационный для России факт, решают депутаты Верховного Совета РСФСР, следует устранить. И он устраняется, но каким путем.

Академику Ю.С.Осипову дается поручение подготовить предложения о структуре этой вновь созданной Академии и провести в нее, на конкурсной основе, выборы. В этих целях были выделены вакансии для действительных членов и членов-корреспондентов. Замысел социальных преобразователей, что подтверждается документально, состоял в том, чтобы, во-первых, учредить новую «элитную» российскую академию в качестве «клуба», а во-вторых, с развалом СССР (что уже тогда имелось в виду) автоматически упразднить Академию наук СССР, вывести за пределы академии выдающихся ученых страны, сделать бесхозной ее, созданную трудом многих поколений русского народа материальную и интеллектуальную собственность и, более того, раз и навсегда уничтожить научный потенциал России. Многие выдающиеся ученые в один миг оказались бы вне Академии наук, и начался бы процесс распродажи по бросовым ценам собственности бывшей Академии наук СССР, оказавшейся вне закона. Не случайно именно в этот период появились многочисленные публикации, преследующие цель дискредитации российской науки и Российской академии наук и обсуждающие различные вариации одного и того же вопроса: «Нужна ли России фундаментальная наука?», с заранее предопределенным ответом: «Нет, не нужна, фундаментальные научные разработки мы можем получать из зарубежья».

Но так сложились обстоятельства, что все публикации и практические действия социальных преобразователей не достигли желаемой цели. Только благодаря усилиям и.о. Президента Российской академии наук Ю.С.Осипова, поддержанным руководством Академии наук СССР, было принято решение об объединении АН СССР – правопреемницы Императорской академии наук, и вновь созданной Российской академии наук. Тем самым Российская академия наук и российская наука были спасены.

И вновь, уже в конце 90-х гг., началась идеологическая подготовка, направленная на дискредитацию и упразднение Российской академии наук. Появились многочисленные статьи, требующие распространить «правила игры», приведшие к разрушению великой страны и ее системному социально-экономическому кризису, на Российскую академию наук и российскую науку.

Как всякий социальный институт Академия наук, естественно, нуждается в постоянном совершенствовании, развитии. И если бы речь шла именно об этом, то с этим никто не стал бы спорить. К сожалению, под призывами реформирования Академии наук, скрываются совершенно другие цели. А именно: передел ее собственности, ее расчленение на ряд

самостоятельных учреждений, часть из которых перейдет в ведение отдельных министерств или корпораций; противопоставление естественных и технических наук, с одной стороны, и социальных и гуманитарных наук, с другой; наук «точных» и наук «неточных».

В адрес Российской академии наук, ее руководителей и ученых, как из рога изобилия, сыплются самые различные обвинения и оскорбления разгневанных социальных преобразователей: «РАН – это химера», она «амбивалентна», ее статус «феодалный», ее устав «двусмысленный», в основе ее деятельности лежит «табель о рангах», «атмосфера в академических институтах своей пустотой и заброшенностью напоминает некоторые сюрреалистические сюжеты классической литературы», «разрыв между фундаментальной наукой исследовательских институтов и образованием – очевидный анахронизм», роль РАН в поддержании выживания фундаментальной науки в России – миф.

Наряду с приведенными выше высказываниями имеются и другие – такие, как: достижения российских ученых ничтожны, они отстали от информационной революции, фундаментальные исследования в России надо прекратить, институты гуманитарного (социального) профиля следует распустить, на смену коллективному творчеству должно придти творчество индивидуальное, ученые-одиночки должны работать по госзаказам или финансироваться за счет грантов, получаемых на конкурсной основе. И, наконец, значительная часть Академии наук должна быть передана в Министерство инновационного развития, которое еще предстоит создать. И так далее и тому подобное.

И все это нужно для того, чтобы «обосновать» окончательный приговор: Российская академия наук должна быть упразднена или, в крайнем случае, разделена на две академии – естественных и гуманитарных наук, которые, соответственно, превращаются в «элитные клубы» обладателей почетного звания «академик» и «членов-корреспондентов». В тайне вынашиваются проекты еще и о выделении Академии технических наук.

Все это не ново: это в духе губернатора города Глухова, упразднившего науки. Все это можно было бы принять за глупую шутку, если бы не было так серьезно. Речь идет о новом фронтальном наступлении не только на Российскую академию наук, но и на российскую науку в целом.

Организованный «вал» публикаций – ответ на очередной социальный заказ. Он, безусловно, исходит от пресыщенных властью политиков и олигархов. Первые выступают за упразднение Академии наук, так как результаты ее исследований идут в разрез с их практической деятельностью. Вторые – нацелились на ее собственность.

В обоснование приводится масса аргументов, что естественники и гуманитарии не понимают друг друга, что естественные науки имеют, главным образом, фундаментальную, а технические – прикладную направленность, что наличие академической науки препятствует развитию науки университетской (вузовской), что в евро-американских странах наука развивается в стенах университетов. Некоторые социальные преобразователи доходят до того, что утверждают: почему у нас должна быть столь мощная Академия наук, когда таковых нет в западных странах и в США.

На все эти выводы можно было бы не обращать внимание, если бы за ними не скрывались более серьезные замыслы. А именно: практически речь идет не только о Российской академии наук, а о свертывании или упразднении академической науки, о широкой распродаже, перераспределении или приватизации ее собственности.

Сама постановка вопроса о «новых правилах игры» по отношению к обществу, государству, народу, науке – некорректна. Ни общество, ни народ, ни наука не могут быть игрушками или инструментами в руках социальных преобразователей. Общество и народ – это не театральная сцена или театральный реквизит для импровизированной игры актеров – социальных преобразователей. Эксперименты над человеком, народом, обществом и государством следует поставить вне закона.

Кстати, метод мышления социальных преобразователей крайне авторитарен. Они абсолютно уверены в своем» и т.д. Все это созвучно со знаменитой фразой Никиты Хрущева: «Я знаю, что народу хорошо и что народу плохо». Остается только ее перефразировать: «Мы (социальные преобразователи и социальные учителя) знаем, что науке хорошо и что науке плохо».

Вспомним, что и перестройка обосновывалась безапелляционным тезисом «иного не дано». А каков результат?

Несмотря на определенные различия алгоритмов реформирования Российской академии наук, все они имеют общую антиакадемическую направленность. А именно: предлагается прекратить прямое бюджетное финансирование Академии, перейти к асимметричному финансированию естественных и гуманитарных наук, развивать систему внебюджетного финансирования, перевести значительную часть Президиума РАН в очередной (пятый или шестой) раз преобразуемое Министерство промышленности, науки и технологий¹¹ под новым названием Министерства инновационного развития. За этим Министерством, неважно в данном случае в каких формах (грантов, госзаказов и т.д.), устанавливается право финансирования науки и т.д. При этом, затрагивая вопрос о «пресловутой» собственности Академии, предлагается сохранить ее за институтами.

Что все это означает на практике? Это означает невиданную в истории бюрократизацию науки, ставящейся в зависимость от произвола далеких от науки и от понимания её реальных задач чиновников. Подобное уже было в «новаторских» идеях Н.С.Хрущева о преобразовании Академии наук в Министерство науки. Сейчас ставится вопрос об «огосударствлении» науки, не только науки гуманитарной и социальной, но и науки вообще. Наука становится министерской. Но наука – это не «министерская», а особая сфера человеческой деятельности. Во-первых, она требует государственной поддержки; во-вторых, для нее неприемлемы методы государственно-административного управления; в-третьих, она связана с деятельностью человеческого интеллекта; в-четвертых, творчество и его результаты не могут осуществляться только по заказу; в-пятых, фундаментальные исследования носят эвристический характер, они не обязательно в данный момент могут быть непосредственно связаны с практикой и т.д.

¹¹ Госкомитет по науке и технике (ГКНТ), 1991 г. – Госкомитет по науке и технологиям, 1992 г. – Министерство науки, высшей школы и технологической политики, 1993 г. – Министерство науки и технологической политики, 1997 г. – Министерство науки и технологий, 2000 г. – Министерство промышленности, науки и технологий. Совсем как в известной басне Крылова. Непонятно, однако, почему наука связывается только с промышленностью. Почему вне науки остаются сельское хозяйство, транспорт, политика и т.д.?

Создание научного знания – это уникальный творческий процесс, связанный с получением и анализом огромного количества фактов. Естественно, что он коренным образом отличается от деятельности не только чиновников, но и инженеров. Это чрезвычайно трудоемкий процесс по изысканию способов получения данных, методов анализа огромного количества фактов, построению теории и т.д. Кроме того, необходимы не только глубокие профессиональные знания, титанический труд, но и талант. На вопрос Наполеону Бонапарту, о том, чем он отличается от Бога, он ответил: «Я могу любого сделать генералом или даже маршалом, а вот ученым человека может сделать только Бог».

Сводить творческий научный процесс к деятельности чиновников министерства, независимо от того, какими бы функциями они не наделялись, как минимум некорректно. Возвращаясь к прошлому, можно сказать, что даже «партократы» не решились сделать подобный шаг. Но не в этом главное. Главное остается за кулисами. Речь в действительности идет о том, чтобы практически упразднить Российскую академию наук. Ее основными исследовательскими центрами являются институты. При прекращении прямого бюджетного финансирования, при иезуитской оговорке о сохранении за институтами собственности, они (эти институты) фактически прекратят свое существование, ибо окажутся не в состоянии содержать самостоятельно свою собственность. И эта собственность пойдет на распродажу с молотка, как пошла на распродажу государственная собственность разрушенного Советского Союза.

Старые концепции переделываются на новый лад: с упразднением научной деятельности Российской академии наук перестает действовать ее Устав. Таким образом, институты, входившие в структуру Академии наук, оказываются вне закона.

Из года в год много говорится и пишется об анахронизме в отношениях между академической наукой и наукой университетской (вузовской). При этом делается парадоксальный вывод о том, что в отстаивании университетской науки (а за эталон берется университетская наука США) виновата наука академическая, что за счет перераспределения средств академической науки можно значительно поднять уровень науки университетской. Одним словом, предлагается разрушить науку академическую во имя науки университетской. При этом, во-первых, непонятно, почему мы должны перестраивать организацию российской науки по образцу американской? Во-вторых, почему вузовскую науку нужно поднимать за счет академической? Поднять университетскую науку до уровня академической, конечно, можно и нужно, но для этого необходимы большие материальные и другие ресурсы. И решать эту проблему следует постепенно по мере получения в каждом конкретном случае необходимого для этого финансирования. Все это потребует существенного изменения организационной структуры, значительного увеличения рабочих площадей, увеличения профессорско-преподавательского состава университетов и т.д. Но даже при наличии необходимых финансов, это потребует многих десятков лет. В-третьих, в России и в США сложились различные традиции научных исследований: в России – это Академия, в США – университеты. Всегда ли нужно ломать традиции?

Если же решать эту проблему за счет перераспределения финансовых средств Академии наук в пользу университетской науки, то это означает – разрушить одно и не создать другое. Никто не мешает установлению между этими двумя отраслями науки самых разносторонних творческих отношений. Это и многолетняя стажировка профессорско-препода-

вательского состава в научных учреждениях Академии, это и создание на базе Академии совместных исследовательских отделов, лабораторий и т.д. При этом опыт такого взаимодействия уже имеется, и он свидетельствует о положительных результатах.

Параллельных наук, о необходимости создания которых говорят социальные преобразователи, не существует. Наука едина и неделима. Но формы ее организации могут быть различны. Это – академическая, университетская (вузовская), отраслевая и общественная формы организации науки. Все они имеют право на существование. И ведущая роль, в Российских реалиях, принадлежит академической науке. Однако в последнее время академической науке противопоставляют не только науку университетскую, но и науку общественную. В России официально получены лицензии на право деятельности на общественных началах более 560 академий наук. Среди них есть как очень серьезные, так и просто анекдотичные. Существует, например, даже академия оккультных наук.

Большая часть этих Академий никакой творческой научной деятельности не ведет и вести не может из-за отсутствия необходимой материальной базы и финансовых средств. Нередко поэтому научная деятельность подменяется амбициозной деятельностью, связанной с присвоением ученых званий и степеней. Так, ежегодно дипломы докторов наук, профессоров, академиков, членов-корреспондентов получают около 20 тыс. членов этих академий. При этом деятельность ВАК объявляется анахронизмом. Можно себе представить, какое впечатление складывается у российской общественности о науке, когда человек, именующий себя «академиком» (но не указывающий, что он является «академиком» Академии оккультных наук) выступает по телевидению или радио и несет несусветную чушь о своих изысканиях.

Никто не предлагает запретить или упразднить эти академии. Но научные степени и звания установлены государством, и государством четко зафиксированы правила их присвоения. В ситуации же, обсуждаемой нами, собирается группа ученых, и не только ученых, иногда не превышающая десятка человек, ее участники проводят так называемое учредительное собрание, создают очередную Академию наук и, соответственно, избирают сами себя академиками и членами-корреспондентами¹². И далее следует уже массовое пополнение «академиками» и «членами-корреспондентами» данной академии. Все это напоминает «феномен социальной шизофрении» и дискредитирует науку. Здесь надо навести строгий порядок.

Звание члена общественных академий само по себе достаточно почетно, именовать же себя академиками и членами-корреспондентами они не имеют права. Кроме того общественные академии, как и многие другие общественные объединения, наделены правом выдвижения своих членов на присуждение звания «Заслуженный деятель науки», а также в члены-корреспонденты и действительные члены РАН. Почему не использовать это право?

Президиуму РАН, возможно, было бы целесообразно занять позицию не игнорирования, а сотрудничества и координации деятельности наиболее серьезных из общественных академий, например, таких, как Академия естественных наук, Академия военных наук и др.

¹² Это характерно не только для науки. «Казачий круг», независимо от числа его членов, избирает генералов, самопровозглашенные «дворяне» и «претенденты на российский престол» наделяют свое окружение титулами «князей» и «графов».

Что касается амбивалентности Российской академии наук, то в амбивалентности и двойственности статуса можно обвинить не только ее, но и Государственную Думу. Чем в принципе порядок ее финансирования и принятия решений отличается от Академии наук? С одной стороны, Государственная Дума имеет бюджетное финансирование, а, с другой, сама устанавливает порядок своей деятельности и принятия решений, свою организационную структуру. Нелепыми выглядят попытки превратить Российскую академию наук или в государственное учреждение, объединив ее с соответствующим министерством, или в общественную организацию, превратив ее в элитный клуб.

Над решением проблем науки должны работать разумные люди. Научный подход не приемлет односторонних решений. Самый лучший вариант решения проблемы может быть заменен еще более лучшим вариантом. Любые решения, затрагивающие жизненные интересы человека и общества, равно как и среды их обитания, должны приниматься на основе данных науки и научно обоснованной экспертной оценки.

Единство науки и политики – веление времени. В период господства партократии руководство страны крайне подозрительно относилось к общественным наукам. Ряд наук, например, социология и политология, были запрещены, а для других, таких, как психология или социальная психология, были созданы невыносимые условия для развития.

Более того, общественными науками считались только те, которые входили в три составные части марксизма. Это – философия, политическая экономия и научный социализм (коммунизм). Все иное объявлялось от лукавого. И когда под нажимом общественности уже было невозможно игнорировать термин «социология», то это понятие было объявлено тождественным «научному коммунизму» или «обществознанию» в целом. Общественные науки, и это прямо декларировалось, должны были выполнять функцию идеологическую, идеологически обслуживать существующий партократический режим. Иначе говоря, осуществлять функцию социальной апологетики (это относилось не только к наукам, включенным в три составные части марксизма, но и к истории). Функции – познавательная и практическая – фактически исключались.

Сейчас дело коренным образом изменилось, вошли в научный обиход понятия социальных и гуманитарных наук, был институционализирован целый ряд других наук об обществе и человеке, в том числе социология, социальная психология, культурная антропология, политология и др. Произошло сближение этих наук, с одной стороны, с естественными и техническими, а, с другой, с политикой и социальной практикой. Это означает то, что, несмотря на пятидесятилетний запрет, социальные и гуманитарные науки, благодаря самоотверженности российских ученых, не только развивались, но и в кратчайшие сроки преодолели отсталость и встали в один ряд с естественными и техническими науками. Во-первых, благодаря новейшим информационным технологиям совершенно изменились методы социальных наук. Они широко используют математику. В социологии применяются методы структурно-функционального анализа, латентного и факторного, причинного и корреляционного анализа, целая система выборочных и других методов. Во-вторых, были отброшены обнаружившие свою несостоятельность однофакторная и однолинейная модели общества. На смену им пришли многофакторные и многолинейные теории развития человеческих обществ. В-третьих, научно проведенные социологические или психологические

исследования дают столь же точные результаты, как естественные и технические науки. Они дают точную, количественную и качественную оценку последствий принимаемых решений для человека, общества и природы. Разделение наук на «точные» и «неточные» утратило смысл.

Неудивительно поэтому, что попытки социальных ученых оценить социальную и политическую практику, часто встречают неприязнь и противодействие. Кому, например, из политиков или социальных преобразователей приятно знать, что реализация их умозрительных проектов будет иметь своим следствием резкий скачок смертности населения, еще большее снижение рождаемости, сокращение продолжительности жизни, рост преступности, самоубийств, наркомании, алкоголизма. Конечно, намного лучше для самоуспокоения реформировать страну и ее науку на свой лад, не зная и не задумываясь о социальных последствиях своей деятельности.

Например, решение Государственной Думы о захоронении на территории страны радиоактивных отходов. Если бы депутатам Государственной Думы социологами и экологами были представлены конкретные научные данные о состоянии радиоактивности в России, о ее влиянии на смертность, онкологические заболевания, о том, какое влияние окажет захоронение радиоактивных отходов других стран на повышение радиации, на здоровье людей, на природу и т.д., то вряд ли большинство парламентариев проголосовали бы за данное решение. Но, вероятно, лучше не знать, чем знать. Тогда социальная ответственность за последствия реализации данного решения фактически снимается.

Поэтому и сейчас некоторым политическим и государственным деятелям более предпочтительно использовать социальные и гуманитарные науки в апологетических целях. Достаточно обратить внимание на средства массовой информации, которые ссылками на псевдонаучные социологические исследования систематически зомбируют население России в интересах определенных персон или социальных групп.

Любое серьезное научное исследование, например, социологическое, требует: а) разработки альтернативных гипотез; б) выбора и разработки исследовательского инструментария; в) обоснования того или иного метода выборки для получения научной выборочной совокупности; г) выявления конкретных единиц, которые включаются в эту совокупность; д) анализа исследований специалистов, работающих в разных областях социальной науки и т.д. Все это требует больших профессиональных знаний и финансовых затрат. Это говорит не только о чрезвычайной сложности, связанной с проведением научного исследования в социальных и гуманитарных науках, но и о необходимости коллективного творчества при подготовке и проведении любого научного исследования в этих науках.

Но это еще не все. С полной ответственностью можно сказать, что проведение действительно научного исследования в области социальных и гуманитарных наук задача не менее, а в ряде случаев более сложная, чем в науках естественных. Это объясняется тем, что факторы социальной жизни, пружины, лежащие в основе деятельности масс, партий, лидеров, более сложны, более завуалированы, нежели законы природы. Поэтому в научном смысле открытие законов социальной жизни, истории человеческого общества требует гораздо большего времени, сопряжено с большими и непредсказуемыми ошибками, нежели открытие многих естественнонаучных законов, например, космоса, управления термоядерными реакциями. Конечно, социальные науки не создают современных реактивных

самолетов, атомных реакторов. Но социальные и гуманитарные науки позволяют дать ответ на вопросы, как все эти достижения науки и техники должны служить человеку, его благу, не противостоять обществу, обслуживать современную человеческую цивилизацию. Направлять же достижения естественных и технических наук для установления господства одних государств над другими, одной части общества против другой, для уничтожения животной и растительной жизни на Земле, – преступно.

Власть имущим не нужна научная экспертиза принимаемых решений. Нередко они, по известным причинам, идут на принятие антинародных решений сознательно, игнорируя данные науки, нередко прямо противоположные характеру и содержанию их деятельности.

В чем состоит, например, квинтэссенция социологической теории? Она состоит в следующем: человек есть продукт общества, а общество, в свою очередь, есть продукт преследующих свои цели различных групп людей, находящихся у власти или борющихся за завоевание власти. И в зависимости от того, какими идеями эти группы руководствуются (религиозными, умозрительными, утопическими, мифотворческими, научными и т.д.) в своей практической деятельности, таковым будет и общество, таковым будет и человек. То общество, которое мы сейчас имеем в России – это не результат действия каких-то случайных или мистических сил, а результат социальной деятельности людей, стоящих у власти и борющихся за власть. Именно поэтому социологи ставят проблему социальной ответственности властных структур за последствия принимаемых ими решений. Люди, включенные во властные структуры, должны персонально отвечать за брак, допущенный в процессе их деятельности.

И сейчас предпринимаются попытки устранения «опасных» для политиков и социальных преобразователей наук. Так, под нажимом определенных кругов была изъята из числа обязательных для преподавания в вузах страны, социология. Более того, с полной серьезностью ставится вопрос о ликвидации социальных и гуманитарных академических институтов. «Феномен гуманитарного академического института, – пишет один из идеологов упразднения Российской академии наук, – это тупиковое в современных условиях направление организации научных исследований».

Принять этот тезис к практическому руководству – значит, отбросить развитие социальных и гуманитарных наук на многие десятилетия, если не на столетие, назад, разорвать их связь с другими науками и социальной практикой. Современный институт социального или гуманитарного профиля требует не менее, а в некоторых случаях даже более сложного технического оснащения, чем институты естественного профиля. Только на современной и весьма дорогой технической базе, на основе объединения усилий специалистов различного профиля могут развиваться современные социальные и гуманитарные науки. Индивидуально, с наименьшими финансовыми затратами и без наличия специальной материально-технической базы можно заниматься умозрительным мифотворчеством, а не серьезной наукой, поставленной на службу человеку и обществу.

Нельзя не вспомнить в этой связи слова русского философа Николая Бердяева. «Политика, – писал он, – должна занять свое подчиненное, второстепенное место, должна перестать определять критерии добра и зла, должна покориться духу и духовным целям... Должна быть преодолена диктатура политики, от которой мир задыхается и исходит кровь. Духовная жизнь должна вновь занять подобающее ей иерархически преобладающее

место... Суровый исторический пессимизм освобождает нас от великих земных утопий совершенного общественного устройства... Нелегко победить радикальное зло человеческой природы и природы мира... Но отсюда не следует, что мы должны соглашаться на власть зла и на злую власть, что воля наша не должна быть направлена к максимуму правды в жизни».

Как естественные и технические, так и социальные и гуманитарные науки сами по себе ничего не решают. Их результаты, вольно или невольно, могут быть использованы как во благо, так и во зло человека, общества и природы. Именно поэтому, результаты использования их открытий должны быть представлены в человеческом и социальном измерении. А это невозможно без органического взаимодействия этих четырех важнейших групп наук.

Не политика и политическая практика доминирует над наукой. Наоборот, в XXI в. наука определяет основные направления и содержание политической и социальной практики. Политика настолько серьезное дело, что политикой не должны заниматься политики, не опирающиеся на науку. Все социальные действия, от кого бы они ни исходили, реакционны, если деградирует человек и распадаются социальные связи. Любые человеческие и социальные жертвы, приносимые во благо совершенного общественного устройства, будь то социализм или капитализм, или во благо последующих поколений, так же преступны, как преступны массовые расстрелы и лагеря смерти, созданные Л.Троцким и И.Сталиным, или издевательства Н.Хрущева и Л.Брежнева над здравым смыслом «во имя торжества коммунизма». Говоря о невозможности взаимодействия естественных и гуманитарных (социальных) наук, автор анонимной статьи в «Независимой газете» апеллирует к «феномену Фоменко». Но если и упоминать этот феномен, то он вполне применим к тому, что предлагают социальные преобразователи сделать с российской наукой и Российской академией наук.

Российская академия наук почти за три столетия обрела огромный интеллектуальный и технический потенциал. Одним росчерком пера этот потенциал можно разрушить, уничтожить под самыми благовидными предлогами. Для этого ума не надо. Труднее решить задачу преумножения этого потенциала, максимального его использования в национальных интересах России. В этих целях, на наш взгляд, следовало бы существенно пересмотреть старые подходы к принципам функционирования Академии наук, ее Президиума, формы взаимодействия Академии с руководством страны. В последнем случае следует внимательно отнестись к взаимным претензиям Академии наук и руководства страны.

Основная претензия Российской академии наук – **невостробованность науки** руководством страны. Решение этой проблемы может, на наш взгляд, носить двоякий характер. Следует предоставить право Президенту Российской академии наук непосредственно, минуя чиновников от науки, выносить на рассмотрение Правительства или доводить до сведения Президента России наиболее важные и принципиальные разработки Академии, рекомендации по практическому использованию научных открытий и изобретений, российских ученых. Правительство в обязательном порядке принимает к рассмотрению эти предложения и выносит по ним принципиальные решения. Эти решения в обязательном порядке доводятся до сведения научной общественности и соответствующих организаций.

В свою очередь Правительство России ставит перед Академией наук проблемы, требующие научного решения. В стране, например, создан Центр стратегических разработок. Он представил Правительству страны предложения по стратегии развития России на бли-

жайшие годы. Аналогичные предложения можно было бы предложить представить Академии наук и обсудить на заседании Правительства оба проекта. Можно предложить Академии наук представить ряд других проектов для рассмотрения Правительства, например, о возможности перевода авиации на водородное топливо, об использовании новых материалов (керамики и др.), о геополитической стратегии России и т.д. Отделение экономики и Отделение философии, социологии, психологии и права, например, могли бы представить в Президиум РАН, а затем в Правительство России свое, научно обоснованное видение экономического и социального развития страны и т.д. В данном случае на смену взаимным претензиям пришла бы взаимная ответственность.

На Академию наук следовало бы возложить проведение научной экспертизы наиболее принципиальных решений, принимаемых Президентом, Правительством и Государственной Думой. В данном случае должны представляться не голословные рассуждения типа «одобрены», «не одобрены», а аналитическое обоснование последствий этих решений для человека, общества и природы.

Качественно, на наш взгляд, должны меняться характер и содержание деятельности Президиума РАН. На рассмотрение Президиума следует главным образом выносить завершенные результаты научных разработок с предложениями об их практическом использовании с последующим, в случае принятия, направлением на рассмотрение Правительства Российской Федерации. Каждый член Президиума РАН персонально отвечает за конкретный участок работы и представление конечных результатов проведенных исследований Президиуму РАН и, соответственно, Правительству России.

Наряду с этим в рамках Академии наук необходимо создать все условия для проведения фундаментальных исследований, т.е. исследований, не связанных с сиюминутной практикой, но ориентированных на будущее.

В то же время важно решить проблему поддержания Российской академии наук и академической науки. Для этого необходимо:

- восстановить финансирование РАН на уровне финансирования АН СССР;
- соответственно восстановить заработную плату действительных членов и членов-корреспондентов РАН, докторов и кандидатов наук в размерах, пропорциональных установленным ранее в АН СССР. Систематически проводить индексацию заработной платы ученых. Желательно, со временем, восстановить статус академиков и членов-корреспондентов РАН, существовавший в Императорской академии наук. Кстати, в Академии наук СССР действительно члену обеспечивались все условия для занятия научной деятельностью: помимо выплаты за звание, квартиры, дачи, выделялись семь вакансий для создания исследовательской группы или лаборатории. Впоследствии это было как-то незаметно отменено;

– акцентировать внимание на том, что звания и степени – академик, член-корреспондент, доктор наук, профессор, доцент, кандидат наук – являются государственными званиями и степенями и присваиваются только в установленном государством порядке. Общественным Академиям, Университетам, Институтам и т.д. – это право не предоставляется.

Вряд ли целесообразно сохранить под любыми новыми названиями Министерство науки. Сохранить это министерство – значит, ставить науку в зависимость от чиновников от науки. Посредническая деятельность между Академией наук и Правительством должна

быть устранена. Координационную деятельность между различными областями науки – академической, университетской, отраслевой и общественной – могла бы осуществлять Российская академия наук.

Избавлению Российской академии наук от диктата различного рода политиков и шантажа чиновников, способствовало бы повышение ее статуса. Непосредственное курирование Российской академией наук, на наш взгляд, следовало бы передать Президенту России.

В заключение статьи хотелось бы привести замечательные слова Федора Достоевского, которые непосредственно относятся к деятельности социальных преобразователей. Он писал: «Дай всем этим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново, то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое, бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятиями всего человечества, прежде чем будет завершено...».

Лучше этого не скажешь. Академия наук как великое национальное достояние России должна быть сохранена при любых сценариях реформирования, и ученые академии должны занимать достойное место в жизнедеятельности новой России.

Определенный оптимизм вызывает то, как осуществляется нынешнее реформирование академической науки. После жаркой дискуссии, в которой дали, как говорится, «по полной» высказаться обеим сторонам, после принятия Госдумой РФ основополагающих документов, не просто легитимизирующих идею реформирования, но и излагающих ее стратегию, взвешенным решением Президента РФ В.В.Путина был объявлен мораторий на какие-либо радикальные действия как «за», так и «против» реформ. Год – немалый срок, особенно в наш динамичный век. Достаточно времени, чтобы все заинтересованные в позитивных реформах российской академической науки стороны смогли еще раз глубоко и детально проанализировать свою позицию, подвергнув ее позитивным коррективам. Дан еще один шанс на интеграцию позиций, мнений, персоналий. Наш долг достойно использовать его...

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ – ГОД 2013: РИСКИ И ИМПЕРАТИВЫ

Только после того,
как будет срублено последнее дерево,
Только после того,
как будет поймана последняя рыба,
Только после того,
как будет отравлена последняя река,
Вы, наконец, осознаете,
что деньги не съедобны.

Индийское религиозное пророчество

Генезис социально-политических рисков. Глобальный мир последних трех десятилетий в процессах разделения труда, развития производств, формирования мировых рынков, социальных сообществ и политических объединений выстраивался при доминировании либеральных представлений о мотивах и перспективах движения в будущее. Конструкция материального экономического базиса, в первую очередь производственно-рыночного и технологического, и институты идеологической и духовно-нравственной ориентации современного либерального глобального общества рождались в политических лабораториях консервативных политиков 70–80-х гг. прошлого столетия. М.Тэтчер, одна из главных политических фигур неоллиберализма, в своей книге «Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира», над которой она работала, дополняла и уточняла до самой кончины, и которую, без сомнения, можно рассматривать как искренний политический манифест современного либерализма, писала: «Консервативная революция, которая была инициирована Рональдом Рейганом в Америке, поддержана мною в Великобритании и другими политиками разных убеждений по всему свету, открыла национальные экономические системы для международной конкуренции. Дерегулирование, снижение налогов и приватизация в нашей национальной экономике сопровождалась на международном уровне отменой валютного контроля и снижением тарифов. Триумфальному шествию таких западных ценностей, как свобода выбора и свобода личности, помогала информационная революция, которая лишила тоталитарные государства возможности промывать своим поданным мозги в отношении мировых реалий. Крушение коммунизма в Восточной Европе, а затем в Советском Союзе привело к полному исчезновению “второго мира” и подтолкнуло к действиям страны третьего мира, стремившиеся к самосовершенствованию. Результа-

том стало первое серьезное внедрение свободной рыночной политики в развивающихся странах»¹³.

Не будем строги к эмоционально ярким краскам эпической либеральной панорамы глобального мира, нарисованного М.Тэтчер. В конце концов, она старалась добросовестно выполнить последний пункт своего политического завещания: «Мы должны: прославлять победу глобального капитализма, основанного на свободном предпринимательстве; сделать так, чтобы его выгоды в результате открытой торговли стали доступными для всех государств на Земле»¹⁴. Воспитание и политическое кредо «железной леди» консервативного либерализма побуждали её мыслить и писать о том, что «человеческая природа такова, что чарующий голос торгового протекционизма, видимо, не смолкнет никогда»¹⁵. Жизнь в проявлениях своего многообразия не столь одномерно волшебна. Особенно во взлетах и падениях экономической конъюнктуры на мировых рынках. В седле политики и бизнеса крепко сидит тот, кто помнит: «Никогда не говори никогда!». Правда постоянства в том, что в поисках своих стратегических аргументов неолИБЕРАЛЫ всегда обращались к классическому наследию А.Смита, к его «невидимой руке рынка» и принципу невмешательства государства в экономику «laissez-faire». М.Тэтчер и её единомышленники считают, что рецепт успеха современного политика прост. Он сводится к «statecraft» – мастерству, искусству управления государством. Но в своей консервативной либеральной политической философии они осознанно или неосознанно остаются, по крайней мере, политическими романтиками, если не догматиками времён экспансии британской империи – расширяющейся индустриально-торговой цивилизации, и не обращают должного внимания на хронические социально-политические болезни нашего глобального трансграничного времени постмодерна.

Как раз во времена пребывания М.Тэтчер на Даунинг-стрит У.Бек публикует свою, впоследствии ставшую известной, работу «Общество риска», предлагающую новое видение проблемной ситуации, которую выстраивает на пороге XXI в. человечество. Он показывает, как политика и практика консервативного либерализма и этатического социализма к концу XX в. приводят к «противопоставлению природы и общества». Попытка победить бедность с помощью умножения материального богатства, эксплуатация и использование в этих целях ресурсов и сил природы оборачиваются растущими сбоями и катастрофами и ставят под угрозу саму реальность существования жизни на планете. «Оборотной стороной обобществления природы является *обобществление её разрушения*» что и вызывает «*опасные общественные метаморфозы*: повседневные нормы жизни ставятся с ног на голову. Рушатся рынки. В условиях изобилия царит дефицит. Возникают массовые претензии. Правовые системы не справляются с фактами. Самые животрепещущие вопросы наталкиваются на недоуменное пожимание плечами. Медицинское обслуживание оказывается несостоятельным. Рушатся научные системы рационализации. Шатаются правительства. Избиратели отказывают им в доверии. И все это при том, что грозящая людям опасность не имеет ничего общего с их действиями, наносимый им ущерб – с их трудом, а ок-

¹³ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. Пер. с англ. М., 2012. С.492.

¹⁴ Там же. С.497.

¹⁵ Там же. С.497.

ружающая действительность в нашем восприятии остается неизменной. Это означает конец XIX в., конец классического индустриального общества с его представлениями о национально-государственном суверенитете, автоматизме прогресса, делении на классы, принципе успеха, о природе, реальной действительности, научном познании и т.д.»¹⁶.

В своё время Ф.Энгельс в «Диалектике природы» обратил внимание на особое место и роль, которую занимает человек и созданное им общество в процессе освоения природы: «На каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, – что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять»¹⁷. Политика господства над природой и игнорирование интересов большинства граждан в обществе неизбежно вызывают процессы социального обнищания и деградации жизни. Эта аксиома известна науке и неоднократно подтверждалась артефактами культуры и археологии великих империй и государств. Но она неудобна для политиков в либеральной практике. Поэтому её редко выпускают за границы академических аудиторий и изданий. В апологиях либерализма она отнесена к архаике. Но каждый раз, когда современное развитое капиталистическое общество заболевает и начинает ставить себе диагноз очередных недугов, оно вынуждено обращаться к классической науке и её апробированному временем знанию. «Я думаю, – в наши дни подчеркивает И.Валлерстайн, – Маркс оказался прав в одном из самых скандальных своих прогнозов, от которого впоследствии открестились сами марксисты. Эволюция капитализма как исторической системы действительно ведет к поляризации и к абсолютному, а не только относительному обнищанию большинства»¹⁸.

У.Бек принимает и вслед за К.Марксом и И.Валлерстайном вводит в свою теорию «общества риска» понятие «обнищание». Но если К.Маркс и И.Валлерстайн настаивают на неизбежности абсолютной и относительной форм материального обнищания, т.е. ограничиваются количественными измерениями, то У.Бек идет дальше и подвергает процесс современного обнищания качественному анализу. «Мой тезис звучит так: в обществе риска речь идет о такой форме обнищания, которая сравнима и в то же время не идет ни в какое сравнение с обнищанием трудящихся масс в промышленных центрах на раннем этапе индустриализации»¹⁹. Он показывает, что в основе современных процессов обнищания, имеющих объективный характер, лежит «собственная динамика: не чья-то злая воля, а рынок, конкуренция, разделение труда...»²⁰. Книга У.Бека выходит в год Чернобыльской аварии. В предисловии автор особо выделяет мысль: «От бедности можно защититься границами, от опасностей атомного века – нельзя». По его мнению, в обществе развиваются кризисные процессы, которые угрожают возможностью «не-бытия вообще». Новая, каче-

¹⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С.8.

¹⁷ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С.496.

¹⁸ Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 гг. // «Свободная мысль». 1996, №5. С.42.

¹⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С.62.

²⁰ Там же. С.61.

ственно иная реальная угроза нашего времени – «цивилизационное обнищание» вырастает рядом с традиционным материальным обнищанием. Цивилизационное обнищание – новый вид социально-политических рисков, выражающийся в росте страха материально благополучного, живущего в достатке общества перед будущим. Такая новая проблемная ситуация требует иной научной и политической парадигмы: «В отличие от XIX в., возникающие проблемы нельзя решить с помощью повышения производительности, перераспределения, расширения социальных гарантий и т.д., они требуют или целенаправленной и массивной «политики контринтерпретации», или принципиально нового мышления и перепрограммирования действующей парадигмы цивилизации»²¹. Парадокс современности заключается в том, что либеральная стратегия и практика развития чередой своих кризисов и провалов подорвала у населения многих стран чувство свободы и веры в будущее, научный прогресс. Абсолютизация принципа либеральной свободы в экономике глобального мира привела к тискам материальной и духовной нищеты, дерационализовала общественное сознание, посеяла в нем зерна несвободы иррационального страха.

Бедность побеждает экономический рост. Один из создателей идейно-политической доктрины либерализма, английский философ-просветитель XVII в. Джон Локк в своих взглядах исходил из того, что бедность разрушает человеческое общество точно так же, как война. По его мнению, причины бедности необходимо искать не в человеческих отношениях, а в природе, которая не может обеспечить достаток для всех. Бог дал человеку природу, но наибольшую пользу она оказывает ему, становясь частной собственностью и соединяясь с трудом и прилежанием, которые свойственны далеко не каждому. Для того чтобы победить бедность, человек должен покорить природу и производить как можно больше материальных ценностей. Иными словами, богатство должно победить бедность с помощью экономического роста.

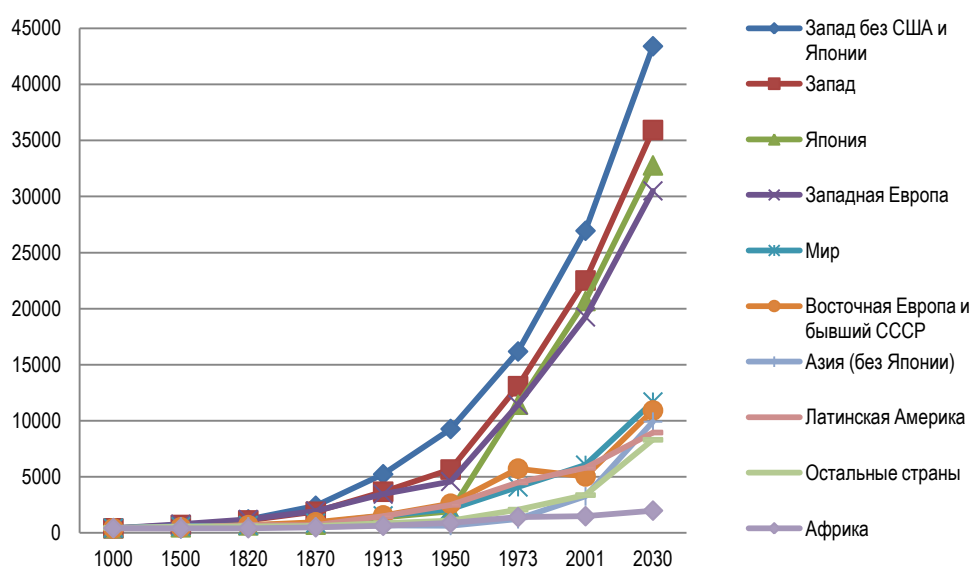
Дж.Локк заложил фундамент западной философии жизненного успеха, критерием которого является демократия меньшинства, расширяющиеся стандарты материального потребления, экономический рост, максимизация прибыли, минимизация издержек и ответственности бизнеса перед государством и обществом. Согласно этой системе взглядов и ценностей, природа, земля выступают не как колыбель человечества, а как враг, с которым необходимо сражаться, на которого необходимо направить всю мощь своих трудовых, творческих усилий для того, чтобы победить бедность, достичь процветания. Эта система взглядов легла в основу экономической философии колониализма и классического империализма. Идеолог и строитель Британской колониальной империи Сесил Родс открыто заявлял, что политику территориальной и экономической экспансии империализма необходимо проводить для того, чтобы избежать классовой войны в Великобритании. Он вошел в мировую историю со словами: «Если бы я мог, то завоевал планеты». Философия и практика абсолютизации принципов экономического либерализма продолжается и в наше время. Риски материального обнищания создают неустойчивость социальной и политической жизни общества, разрушают природу, основы нравственной, духовной жизни человека.

²¹ Там же. С.63.

Социально-политической сущностью сложившейся кризисной, даже, скорее, угрожающей, ситуации является глобальный, грозящий взрывом риск диспаритета владения и распоряжения природными и созданными современной цивилизацией колоссальными материальными и духовными ресурсами. Экономическое, политическое, интеллектуальное неравенство в глобальном масштабе имеет много измерений: между промышленно развитыми и развивающимися странами, иначе говоря, между Севером и Югом, Западом и Востоком, белой, черной и желтой расами; между классами, социальными группами и слоями в каждом из обществ (государств), входящих в мировое сообщество; между общинами, исповедующими различные религии; между социокультурными системами; наконец, между интересами ныне живущего и будущих поколений землян.

Представленные британским экономистом Ангусом Мадисоном данные убедительно показывают, как драматически на протяжении конца последнего тысячелетия нарастал социально-экономический диспаритет между Западом и остальным миром. Динамика дивергенции Запада и остального мира, «развитых» и «развивающихся» стран в показателях роста населения, ВВП на душу населения отражена на графиках 1, 2, 3.

График 1
Уровень ВВП на душу населения, долл., 1990 г.

Источник: http://www.ggd.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_02-2010.xls; http://www.ggd.net/maddison/articles/world_development_and_outlook_1820-1930_evidence_submitted_to_the_house_of_lords.pdf; http://www.ggd.net/Maddison/other_books/Growth_and_Interaction_in_the_World_Economy.pdf.

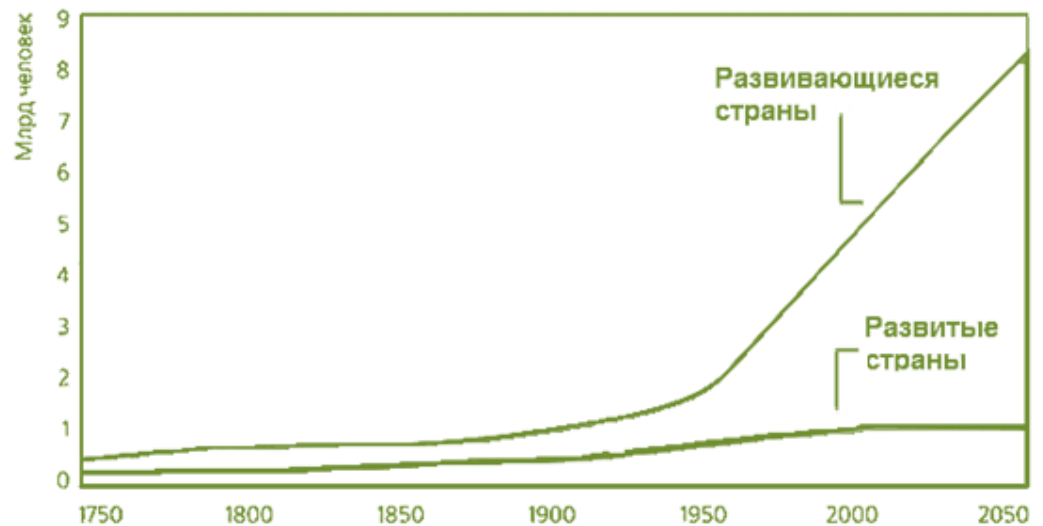
Примечание: Запад в интерпретации А.Мадисона – это Западная Европа, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Япония.

Реальный доход на душу населения на Западе возрос в три раза за период с 1000 г. до 1820 г. и в 20 раз – с 1820 г. по 2001 г. В остальных странах мира доход рос гораздо медленнее – на треть за период с 1000 г. до 1820 г. и в 6 раз – с 1820 г. по 2001 г. На страны Запада в 2001 г. приходилось 52% мирового ВВП и только 14% мирового населения. Средний годовой доход составлял 22500 долл. (по паритету покупательной способности 1990 г.). Остальные страны с 86% населения имели средний годовой подушевой доход меньше, чем 3400 долл. Разрыв между уровнями среднего «душевого дохода» в развитых и развивающихся странах продолжает расти. В 1870 г. душевой доход в развивающихся странах был в 11 раз ниже, чем в богатых, в 1960 г. – уже в 38 раз, а в 1985 г. – в 52 раза.

Второй стороной растущего глобального диспаритета является опережающий рост населения в развивающихся странах (см. график 2).

График 2

Рост населения мира, 1750–2050 гг.

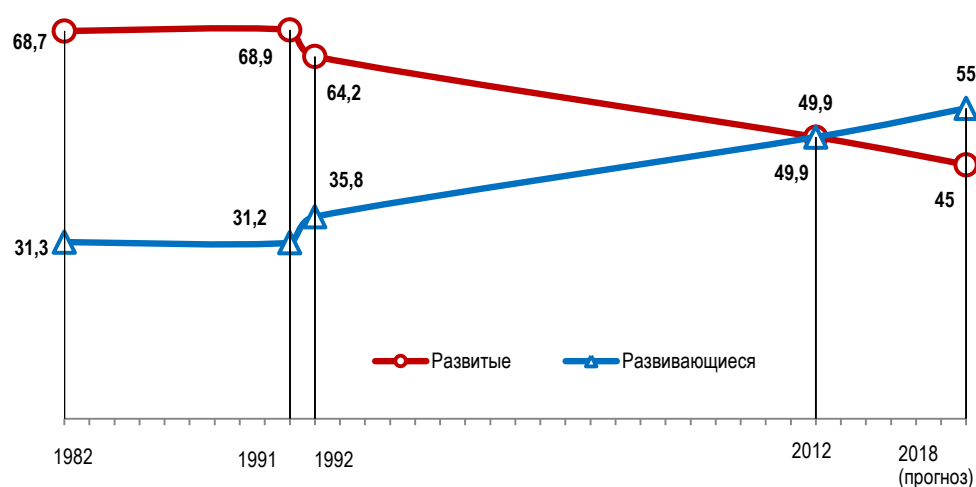
Источник: http://www.worldbank.org/depweb/beyond/wrru/wnr_03.pdf.

На протяжении всей истории человечества рост численности населения был невелик, но в последние два столетия успехи здравоохранения и сельского хозяйства подготовили почву для «демографического взрыва». В XIX в. численность возросла на 710 млн человек, в XX в. – на 4950 млн человек, причем в 60–80-х гг. численность населения планеты выросла более, чем в 1,5 раза. В последнее время численность мирового населения ежегодно увеличивается на 90 млн человек, причем 90% прироста приходится на страны Африки, Азии и Латинской Америки.

Третьей стороной растущего глобального диспаритета является изменение доли развивающихся стран в мировом ВВП (см. график 3).

График 3

Доля стран с развитой и развивающейся экономикой в мировом ВВП, по паритету покупательной способности

Источник: МВФ; цит. по: Новый двигатель мировой экономики // «Ведомости». 2013, 6 июня, №98(3360).

В 2013 г. доля развивающихся стран в мировом ВВП составит 50,9% против 49,1% доли развитых стран. Вопрос в том, как распределяется этот возросший ВВП? Происходит ли сокращение численности бедных слоев населения в развивающихся странах? Стали заметны успехи в борьбе с бедностью в странах BRICS, но в остальных развивающихся странах риски неравенства возрастают.

Таким образом, неравномерность, стихийность хозяйственной жизни на планете привела к образованию «бермудского треугольника» противоречий между растущими доходами, ростом населения и распределением капитала. В изменившихся условиях необходимо найти баланс между главными игроками глобализирующегося взаимозависимого мира. Поиск этого равновесия и должен привести к новой парадигме жизнедеятельности человечества в единстве его рациональных согласованных практик.

Антиколониальная революция, в основном завершившаяся в 60-е гг. нашего века, привела не к сближению стран и народов по уровню экономического развития, а, напротив – к возрастанию экономического неравенства. Этот «эффект» обеспечен усилением эксплуатации стран «третьего» и «четвертого» мира, которая зиждется на совершенствовании ме-

ханизмов финансовой эксплуатации, осуществляемой транснациональными корпорациями и банками, поддерживаемой политическим давлением западных государств и военной силой, которая всегда угрожает и немедленно вводится в действие в случае необходимости. Международные финансовые организации и правительства ведущих западных стран, проводя политику помощи развивающимся странам и строительства «свободных» рыночных экономик через предоставление займов и инвестиций, в реальности достигают эффекта закабаления.

Созданный развитыми странами мировой экономической порядок закрепляет неэквивалентность в оплате труда, ножницы цен на сырье, полезные ископаемые, энергоносители, добываемые и вывозимые из развивающихся стран, и цен на готовую продукцию, на средства производства, а также на продукцию ширпотреба и продовольствие, импортируемые этими странами.

Возникновение и закрепление в некоторых странах новых тенденций в области нищеты, возможно, имеют еще более важное значение, чем повышение уровня нищеты. К числу заслуживающих внимание факторов относятся развитие тенденции к ротации людей между различными категориями нищеты, увеличение численности городской бедноты и стагнация нищеты в сельских районах, рост доли лиц из числа городской бедноты, работающих в неформальном секторе экономики, и численности безработных среди малоимущих.

Ускорение урбанизации нищеты и отсутствие заметного прогресса в улучшении ситуации с укоренившейся в сельских районах нищетой представляют собой новые вызовы процессу развития. Нищета традиционно рассматривается прежде всего как сельское явление, и острота этой проблемы по-прежнему остается наиболее серьезной в сельских районах. Однако растет и число городских районов, где наблюдается высокий уровень нищеты.

Разразившийся в 2008 г. финансовый кризис стремительно перерастает в кризис гуманитарный. Глобальный экономический кризис повысил риски нищеты и бедности для домохозяйств практически во всех развивающихся странах (см. схему 1).

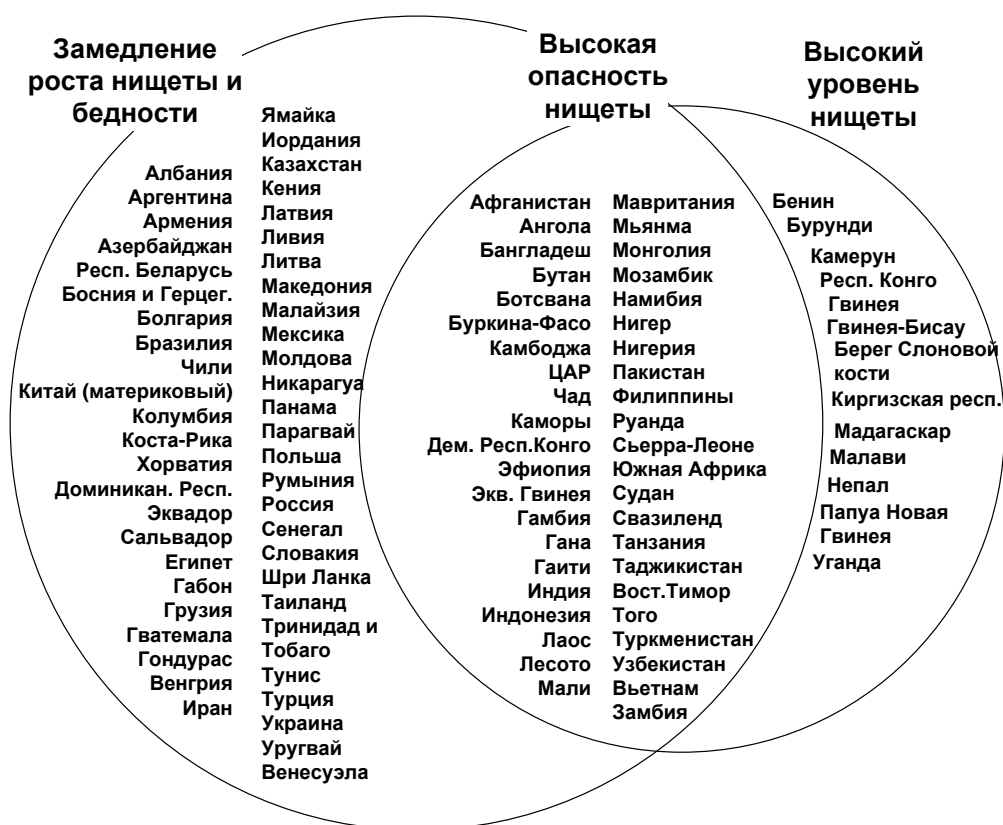
Почти 40% развивающихся стран подвержены в условиях кризиса высоким рискам нищеты. В этих странах высокий уровень нищеты дополняется снижением темпов экономического роста. Еще 56% развивающихся стран испытывают умеренные риски, сопровождающиеся либо низкими темпами роста, либо высоким уровнем нищеты.

Демографические тенденции привели к тому, что многие домохозяйства, общины и страны еще глубже увязли в трясине нищеты. Высокая рождаемость усугубляет нищету, заставляя направлять ресурсы домохозяйств не на накопление, а на потребление. Увеличение численности иждивенцев ложится тяжелым бременем на доходы многочисленной рабочей силы и таким образом закрепляет состояние нищеты даже среди трудоустроенного населения. Внутренняя и международная миграция также тесно связаны с нищетой. Происходит обнищание общин, поскольку они теряют своих наиболее экономически активных членов.

Важно отметить, что процессы инновационного развития экономик как в развитых, так и в развивающихся странах происходят в парадигме консервативно-либеральной трактовки экономической свободы, что приводит к расширенному воспроизводству институтов и механизмов неустойчивого развития. Критерием развития в этой модели является экономическая эффективность, понимаемая как минимизация издержек и максимизация прибыли, и которая императивно диктуются ценностями и стандартами общества массового потребления.

Схема 1

Страны высоких рисков нищеты и бедности

Источник: <http://go.worldbank.org/1FWPZ7KCJ0>.

Экономическая эффективность воспроизводит особый тип инноваций, обеспечивающий рост потребления ресурсов, вовлечения в экономический оборот новых видов природных ресурсов и поиск рынков дешевой рабочей силы. Экскавация невозобновляемых ресурсов, нарушение среды обитания человека и живого мира ведет к деградации биосферы. Возрастающая антропогенная нагрузка на природу в свою очередь ведет к опустыниванию, уменьшению площади лесов, загрязнению атмосферы и дефициту пресной воды, уменьшению посевных площадей, т.е. создаёт условия и причины материальной деградации цивилизации. В своих критических и катастрофических формах материальная деградация локальных общностей приводит к деградации духовной. Круг воспроизводства неустойчивой

жизнедеятельности замыкается. Каждый новый цикл такой экстенсивной модели массового производства и потребления уменьшает потенциал воспроизводства различных живых биологических форм и видов, самого человека. Развивающиеся процессы бедности, как материального обнищания и уменьшения биоразнообразия пока не остановлены и в нашей стране.

Российские социально-экономические тенденции. В период либеральных реформ уровень культуры гражданского общества в России, усилия граждан и политиков оказались достаточными для того, чтобы выйти из ямы кризиса нулевых годов без критически-массовых социальных протестов. Такая толерантная реакция на системный кризис не означает, что социум не был наполнен критическими настроениями и пассивен в протестных действиях.

Данные социологических исследований показывают²², что уровень тревожности массового сознания граждан по поводу своего экономического положения флуктуирует, оставаясь на довольно высоком уровне. Структура тревожности массового сознания граждан – одна из основных характеристик состояния социального здоровья и устойчивости развития общества. По-прежнему дороговизна жизни остается главной заботой и тревогой большинства граждан в нашей стране (см. табл. 1).

По данным исследования в июне 2013 г. дороговизна жизни (50%), повышение тарифов на услуги ЖКХ (45%), произвол чиновников (37%), являлись доминирующими тревогами массового сознания. Далее структура актуальных тревог сложилась следующим образом: повышение цен на продукты питания (31%), преступность (30%), падение нравов, культуры (29%), экологическая обстановка (28%), разделение общества на богатых и бедных (27%), безработица (25%), алкоголизм (22%), безопасность близких (19%), наркомания (19%), терроризм (14%), обострение межнациональных отношений (13%), закрытие, простой предприятий (12%), высокая инфляция (12%), задержка выплаты зарплаты, пенсий (7%), мировой экономический кризис (4%), монетизация льгот (4%).

²² В тексте приводятся данные, полученные в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия», проводимого Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга – д.социол.н. В.К.Левашов. Исследовательский коллектив: к.социол.н. И.С.Шушпанова, с.н.с. В.А.Афанасьев, с.н.с. О.П.Новоженкина. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства, национального и социально-профессионального состава. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. Исследования 2013 г. проведены при поддержке РФФИ, проект №13-06-00166-а «Социологический мониторинг “Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях мирового экономического кризиса 2013–2015 гг. ”», проект №12-06-00402-а «Междисциплинарное исследование социальных основ глобальных процессов и новых путей решения глобальных проблем» и РГНФ, проект №11-03-00266 «Модернизация гражданского общества и развитие институтов демократии в России: социологический мониторинг».

I. Социально-политическая ситуация в России: оценка динамики и рисков

Таблица 1

Динамика тревожности респондентов, РФ, % от числа опрошенных

	1992, VII	1993, XI	1994, II	1995, I	1995, XI	1997, I	2001, XII	2002, XII	2003, X	2005, IX	2006, I	2006, VI	2007, I	2007, VII	2008, II	2008, VI	2008, XI	2009, VI	2009, XII	2010, VI	2010, XII	2011, VI	2011, XI	2012, IV	2012, XII	2013, VI
Дороговизна жизни	-	70	58	60	56	41	66	67	60	60	55	62	58	50	57	58	58	50	48	51	53	56	56	49	51	50
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	-	-	-	-	-	-	-	-	44	46	43	45	46	39	48	42	35	36	31	38	43	36	42	40	43	45
Произвол чиновников	-	-	-	-	-	-	32	27	29	29	31	32	32	29	31	29	28	28	33	31	35	33	33	41	44	37
Повышение цен на продукты питания																40	36	34	32	29	39	31	31	30	29	31
Преступность	44	51	50	43	32	28	51	49	44	32	36	40	36	41	36	32	32	28	34	33	30	29	33	33	31	30
Падение нравов, культуры	13	-	-	-	-	-	32	27	25	26	25	30	29	33	27	27	29	26	31	26	27	24	24	27	26	29
Экологическая обстановка	22	26	34	31	21	24	33	32	33	29	31	36	37	42	38	38	32	31	32	32	33	33	25	31	24	28
Разделение общества на богатых и бедных	-	22	20	17	13	-	33	33	22	23	27	30	27	26	27	22	22	20	19	20	18	27	22	25	24	27
Безработица	-	24	24	21	14	14	31	29	25	22	25	27	22	21	18	16	23	32	25	26	29	29	28	27	24	25
Алкоголизм	-	-	-	-	-	-	17	17	18	20	20	23	25	28	27	22	19	22	25	22	20	24	23	23	22	22
Безопасность Ваша и Ваших близких	-	-	-	-	-	-	-	-	31	33	28	32	29	28	26	27	24	22	25	25	27	25	22	24	24	19
Наркомания	-	-	-	-	-	-	42	26	32	29	30	31	31	34	30	27	26	22	26	23	22	23	24	25	22	19
Терроризм	-	-	-	-	3	-	27	29	31	26	24	20	17	21	15	12	16	9	17	24	15	18	14	14	13	14
Обострение межнациональных отношений	26	11	10	10	6	7	21	15	8	8	10	11	11	10	8	9	10	9	9	8	9	10	10	11	12	13
Закрытие, простой предприятий	-	-	32	30	19	22	28	19	16	14	13	14	14	10	13	8	12	15	14	14	11	14	13	14	14	12
Высокая инфляция																25	26	19	14	13	11	16	11	10	11	12
Задержка выплаты зарплаты, пенсий	-	-	-	-	-	39	19	21	11	11	9	9	9	7	7	5	7	11	7	7	7	7	7	7	9	7
Мировой экономический кризис	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	16	14	9	7	4	7	4	6	4
Монетизация льгот	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13	6	4	4	4	3	2	3	3	2	5	2	2	2	1	3	4

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментари; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

По сравнению с декабрем 2012 г. из всего приведенного ряда тревог обращает внимание снижение на 7 п.п. тревог граждан по поводу произвола чиновников. За прошедший год стала видна тенденция к росту тревог россиян в отношении повышения тарифов на услуги ЖКХ (рост на 5 п.п.). Структура и характер тревог в обществе к июню 2013 г. в значительной мере определялись эффектами политики, которую государство декларировала как модернизацию.

Картина значимости тревог российского общества: экономические проблемы (угроза бедности респонденту и его близким), дисфункции государства, деформация нравов и экологические тревоги показывает, что перспективные приоритеты политики российского государства должны выстраиваться классическим образом в последовательности: человек–общество–природа. Разорвать эту триаду материально–духовных первопотенций²³ невозможно, так как только в единстве её элементов возникает синергетический феномен жизни. Политика как деятельность может вносить в хаос взаимодействия первопотенций конструктивное или деструктивное начало. Вектор и характер конкретной политики может умножить или уменьшить все или каждую из первопотенций. Научное начало в этот процесс вносят науки о человеке, обществе и природе, которые позволяют измерять протекающие процессы взаимодействия и понимать закономерности устойчивого развития, изменяющуюся структуру интересов, потребностей, условий жизни. В частности методы политологии и социологии позволяют понять структуру и характер интересов жизнедеятельности общества, отношение граждан к проводимой государством политике.

Динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ претерпела некоторые изменения (см. график 4). В июне 2013 г. положительно относились к курсу проводимых экономических реформ 29% респондентов, 32% респондентов относились негативно, 19% – безразлично и 20% затруднились ответить. Два последних индикатора показывают, что реформы оставались вне интересов и внимания 39% граждан. По сравнению с июнем 2011 г. наблюдалась устойчивая тенденция к снижению количества россиян, отрицательно относящихся к курсу проводимых экономических реформ (снижение на 7 п.п.). За тот же период наметился рост числа граждан с положительной оценкой курса экономических реформ (рост на 6 п.п.). Рассматривая полугодовые колебания, можно отметить резкое снижение числа респондентов, безразлично относящихся к курсу проводимых экономических реформ (на 7 п.п.) и одновременный рост россиян, затруднившихся ответить (на 6 п.п.). Граждане теряли интерес к экономической политике государства, не понимая ее итоговых результатов.

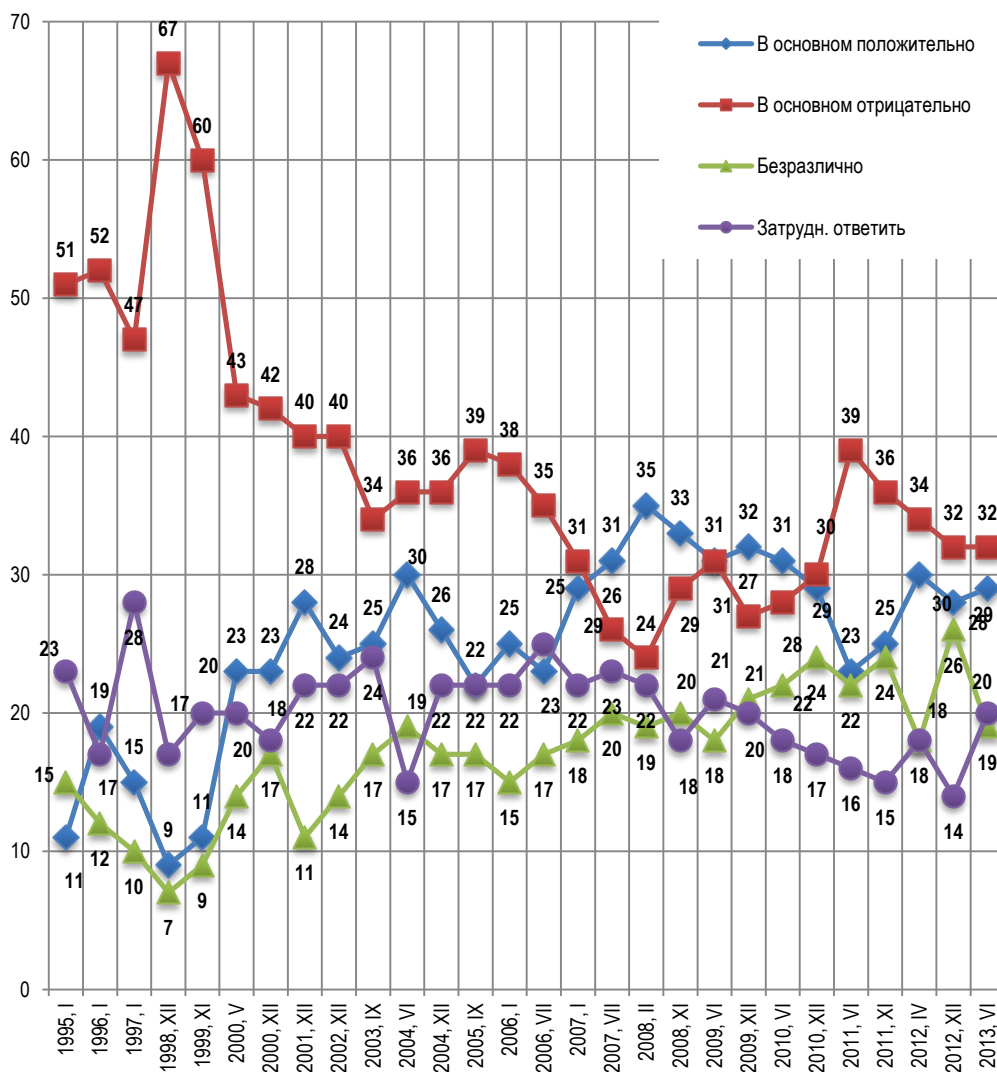
В целом наблюдались следующие тенденции: постепенное снижение численности граждан, отрицательно относящихся к курсу проводимых экономических реформ, увеличение количества россиян с положительной оценкой проводимых экономических реформ.

Один из главных социально–политических рисков периода либеральных реформ заключался в том, что на всем протяжении кризисных лет в России продолжало действовать фундаментальное социально–политическое противоречие между интересами большинства общества и государственной политикой реформ.

²³ Воспользуемся понятием древнегреческой философии «первопотенция». На наш взгляд, это понятие дает возможность семантически адекватно представить системную связанность мира.

График 4

Динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ, РФ, % от числа опрошенных

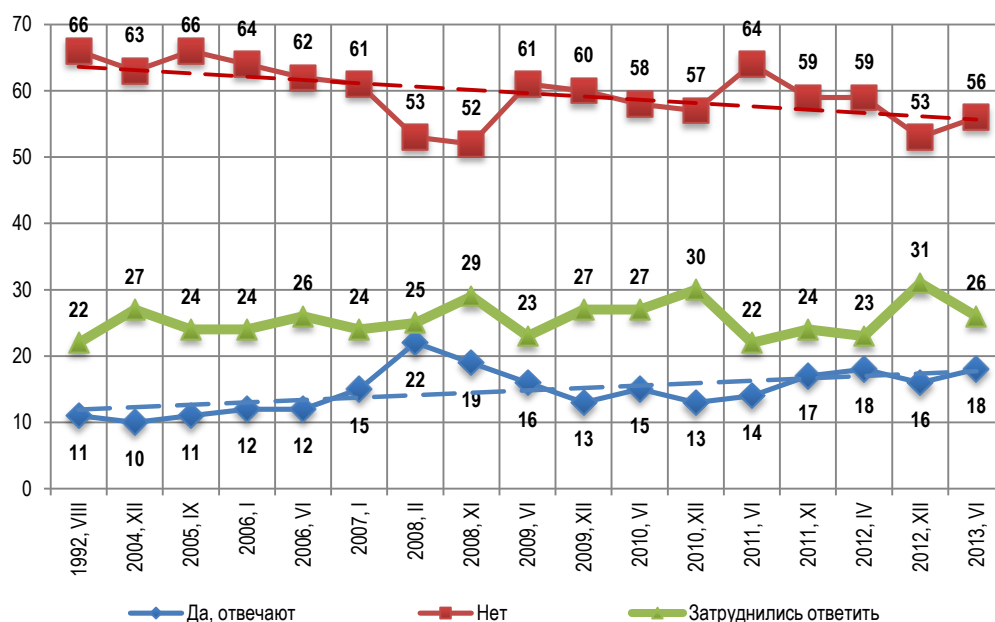

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Однако уровень гражданской культуры общества, усилия граждан и политиков оказывались недостаточными для того, чтобы выходить из кризисных ситуаций без критически-массовых социальных протестов и забастовок. В своем большинстве российское общество по-прежнему считает, что проводимые экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения (см. график 5).

График 5

Мнение респондентов о том, отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения, РФ, % от числа опрошенных

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

По данным исследования, только 18% граждан считали, что реформы отвечают интересам большинства населения, 56% имели противоположное мнение и 26% затруднились ответить на вопрос. По сравнению с декабрем 2012 г. произошло снижение на 5 п.п. числа граждан, затруднившихся ответить. Анализируя тенденции, отметим, что наблюдалось снижение количества граждан, считающих, что экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения и соответственное увеличение численности россиян с противоположным мнением.

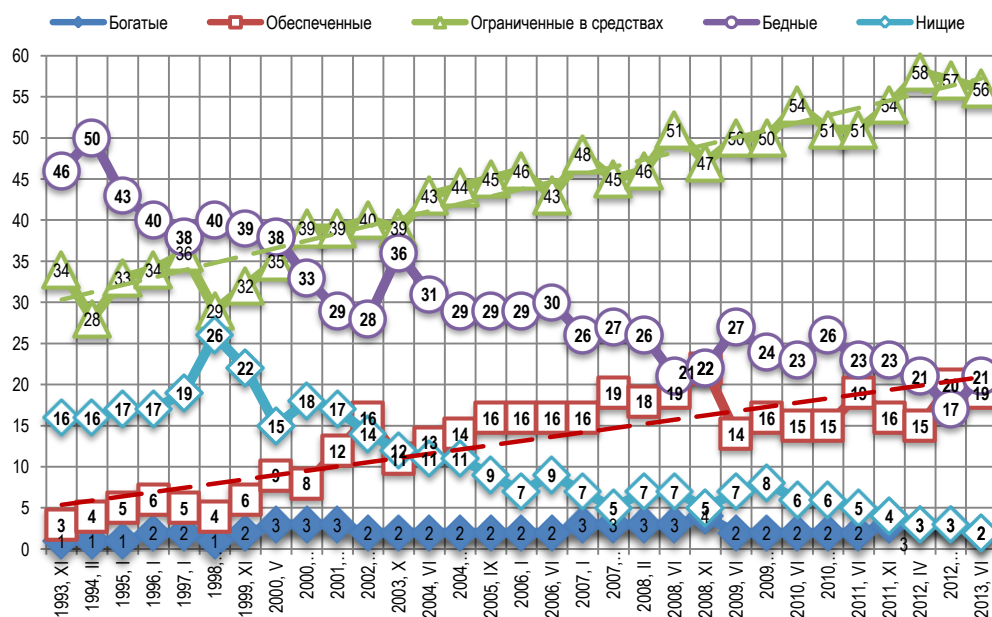
Экономическое положение большинства российских граждан остается тяжелым (см. график 6). В июне 2013 г. сами граждане России оценивали свои денежные доходы следующим образом. Около 23% респондентов, по их самооценке, живут в условиях нищеты и

бедности: не доедая (2%) или еле-еле сводя концы с концами, зарабатывая деньги, которых хватает только на приобретение продуктов питания (21%). У 56% респондентов денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды, 19% могут позволить купить себе большинство товаров длительного пользования, 2% не отказывают себе ни в чем.

Отметим, что по сравнению с данными исследования апреля 2012 г., число «обеспеченных» россиян увеличилось на 4 п.п., приблизившись к максимальным значениям. При этом число «нищих» россиян достигло минимального уровня за все время исследований. Кризис, несомненно, отразился на темпах роста группы «обеспеченных» граждан. Доля «ограниченных в средствах» граждан показала тенденцию к снижению. Несмотря на меры, предпринимаемые Правительством РФ по повышению зарплат и пенсий, более половины респондентов продолжали жить в стесненных денежных обстоятельствах. Тенденция поляризации населения по признаку денежных доходов продолжала усиливаться.

График 6

Самооценка денежных доходов респондентов²⁴, РФ, % от числа опрошенных

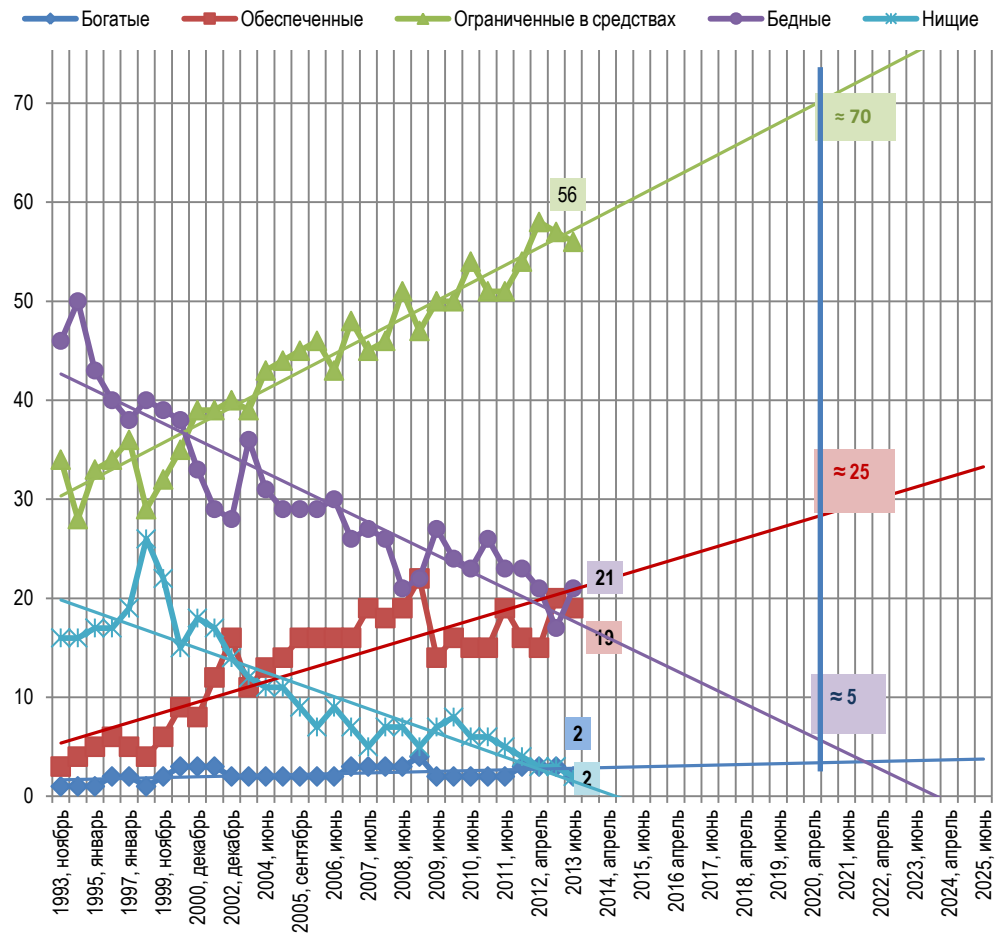

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

²⁴ Вопрос: «Какая из ниже приведенных оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?». Варианты ответов: «Богатые» – денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать; «Обеспеченные» – покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей; «Ограниченные в средствах» – денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды; «Бедные» – денег хватает только на приобретение продуктов питания; «Нищие» – денег не хватает даже на приобретение продуктов питания.

График 7

Динамика самооценки денежных доходов, РФ, % от числа опрошенных

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Представленные данные показывают, что группа «ограниченных в средствах» граждан растет более высокими темпами, чем группа «обеспеченных» граждан (см. график 7). Если провести простейшую линейную экстраполяцию сложившихся тенденций, станет ясно, что совсем скоро, в районе 2020 г. большая часть российского общества будет жить с довольно скромным денежным достатком: группа граждан, «ограниченных в денежных средствах», составит 70% от всех проживающих в стране. Группа «обеспеченных» граждан,

для которых покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, возрастёт до 25%. Богатых граждан – не отказывающих себе ни в чем, останется около 3%. Нищих граждан, которых по самооценкам в нашей стране насчитывалось до 25% в 1998 г., вообще не будет наблюдаться в социальной структуре российского общества. Конечно, эти величины имеют прогнозный характер. Можно предположить, что богатых россиян будет больше даже на несколько процентов, а величина самооценки «нищие» тоже останется, по крайней мере, в пределах ошибки выборки. Но главные пропорции социальной структуры российского общества сформируются таким образом, что самую большую группу составят бедные люди, живущие от зарплаты до зарплаты, денег у которых будет хватать только на приобретение необходимых продуктов питания и одежды. Соответствующий характер примет вся система социально-политических отношений. Её главным признаком будет неустойчивость и неопределенность, задаваемые, с одной стороны, скромным материальным положением, а с другой, если сохранятся нынешние тенденции, слабыми надеждами на улучшение положения в будущем.

Императивы устойчивого развития. В сложном многоаспектном анализе проблем устойчивого развития представляется в равной степени неверным подчеркивание одной из сторон: либо только социально-экономической, чем нередко грешили отечественные труды 70–80-х гг., посвященные критике докладов Римского клуба, либо только экологической, чем поныне грешат многие ученые, и особенно популярная литература на Западе. Обе составляющие концепции устойчивого развития неотделимы друг от друга.

Высокий уровень национального дохода в развитых странах, включая высокий уровень заработной платы лиц наемного труда, идут рука об руку с растущими объемами и структурой потребления материальных ресурсов, эксплуатацией и уничтожением природы в промышленных и ресурсодобывающих регионах. Расточительный образ жизни богатой части человечества разрушает окружающую среду. В то же время беднейшая часть человечества не в состоянии удовлетворить свои, подчас самые элементарные, первичные потребности в питании и чистой воде, здравоохранении, образовании.

Природа на Земле неделима, и оба вида «давления» на окружающую среду сплетаются воедино: уничтожение лесов в бассейне Амазонки снижает уровень кислорода в атмосфере, в то время, как отравление воздуха промышленными и транспортными выбросами в США (40% мирового объема) приводит к росту содержания углекислого газа, химически вредных примесей в атмосфере, истощению озонового слоя. Такого рода взаимосвязь можно проследить по всем видам взаимодействия системы «общество – природа», две части которой все в большей степени становятся взаимозависимыми, а дисфункции в одной из них вызывают сбои в другой, что в принципе рано или поздно может привести к глобальной катастрофе. Это означает, что связь между обществом, его деятельностью по использованию природных ресурсов планеты, и природой на Земле, иначе говоря, отношение «общество–природа», не может рассматриваться только с натуралистической точки зрения, вне социальных связей человеческого общества, взятого в целом, как совокупность стран и народов, и как структура социальных отношений внутри них. Изменение взаимоотношения общества и природы требует изменения взаимоотношений внутри глобального, рассматриваемого, как единое целое, человеческого общества. Поэтому мы полагаем, что социальная

сущность рассматриваемой концепции заключается в преодолении исторически сложившихся и продолжающих возрастать макросоциальных неравенств в глобальном масштабе, что является необходимой предпосылкой для изменения характера взаимоотношений между обществом и природой, для перехода человечества к устойчивому развитию как особому типу развития мировой цивилизации, которое должно обеспечить сохранение жизни как таковой и условий обитания человеческого общества на Земле.

Для наших целей важно выяснить сущность и формы проявления социально-политической компоненты рассматриваемой концепции. На глобальном уровне она конкретизируется в проблеме коренного изменения существующего «мирового порядка». Глобальное макросоциальное неравенство не может не сказываться на внутренней социально-политической устойчивости политических режимов стран, не входящих в «золотой миллиард». Резко усилившееся в последние годы значение социальных факторов заставляет правительства этих стран ставить на межгосударственном уровне вопросы об изменении мирового порядка в целях придания ему большей справедливости и устойчивости, а в перспективе – обеспечения устойчивого развития в глобальном масштабе.

Осмысление совокупности фактов, объективной информации и субъективных оценок создавшегося положения приводит к принципиальным выводам относительно характера переживаемого периода, обусловившего появление концепции устойчивого развития, ее социальной сущности, а также возможности воплощения основных идей этой концепции на практике через изменение мирового порядка политическими методами.

Во-первых, процессы деградации, вырождения и самоистребления жизни на планете в целом, в том числе в России, начинают принимать критические размеры. Основная причина такого положения заключается в том, что мотивация экономической деятельности через максимизацию прибыли, неэквивалентный обмен ресурсов, труда и услуг, хищническую эксплуатацию природы и большинства населения, стандарты массового потребления продолжают доминировать и навязываться миру меньшинством индустриально развитых стран, их правящими кругами.

Во-вторых, индустриальная цивилизация в лице ТНК и политических институтов развитых стран создала социальный порядок, который характеризуется относительно высокой степенью социально-политической стабильности внутри стран Запада, и в то же время создает колоссальные ресурсные и социальные диспаритеты на планетарном уровне между регионами, нациями, государствами.

В-третьих, социально несбалансированная индустриально-рыночная модель развития исчерпала свои возможности и начала воспроизводить в расширенном масштабе экологические, экономические, социальные, политические, военно-технические и другие препятствия и угрозы на пути устойчивого развития мировой цивилизации. Возникла острая потребность в новой глобальной парадигме социально-политического развития.

В-четвертых, концепция устойчивого развития допускает различные трактовки и нуждается в дальнейшем совершенствовании, в особенности по вопросу о путях ее воплощения в жизнь. Различие интересов приводит к различному истолкованию сущности концепции устойчивого развития, а также представлений о социально-политических механизмах перехода к нему в глобальном и региональном масштабах. К настоящему моменту реализация стратегии устойчивого развития как новой формы жизнедеятельности человечества

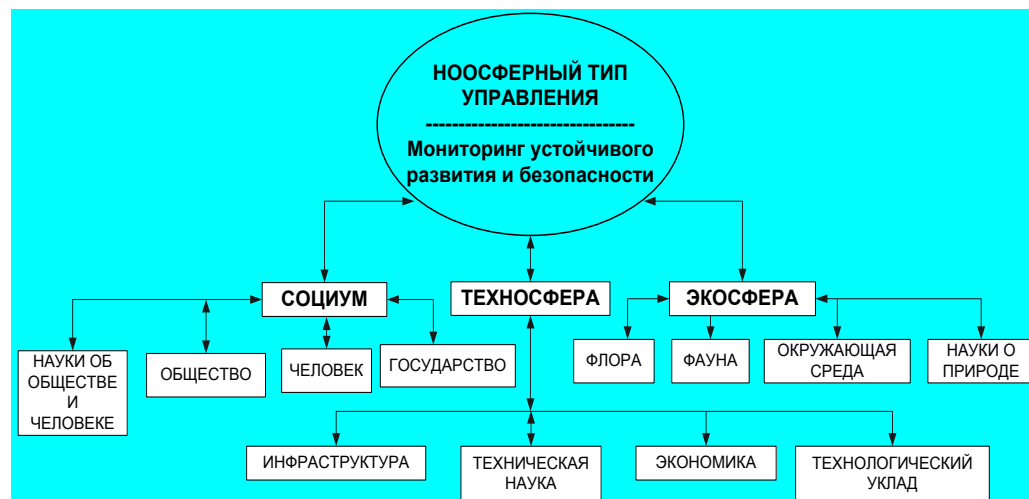
представляется проблематичной. Предстоит длительный переходный этап к ее согласованному в рамках мирового сообщества осуществлению.

В-пятых, императивы устойчивого развития являются определяющим фактором в разработке стратегии, среднесрочной и краткосрочной политики рыночных реформ. Экономические институты, инструменты и показатели реформ не могут рассматриваться как стратегические цели устойчивого развития. Они являются средствами достижения комплексных целей взаимообусловленности жизнедеятельности человека, общества и природы.

Сделанные выше выводы носят весьма общий характер, в них зафиксирован сложившийся на данный момент баланс интересов между основными заинтересованными сторонами, установившийся, как результат использования рычагов давления и соотношения сил. Они требуют своего развития и конкретизации для регионов. В частности, для России, эти программы действий должны быть разработаны с учетом исторических особенностей и нынешнего социально-экономического и политического положения каждого из регионов. Собрать необходимую информацию, на основании которой и может быть принята система адекватных мер, призвана система социального мониторинга, как инструмента управления процессами устойчивого развития страны. На этом пути еще много нерешенных проблем (см. схему 2).

Схема 2

Концептуальная схема организации мониторинга устойчивого развития и безопасности жизнедеятельности

В заключение приведем мнение еще одного классика политической и социальной мысли. Карл Мангейм еще в середине прошлого века, с вершины достигнутого пришел к выводу: «Давайте посмотрим на мир с точки зрения врача, пытающегося поставить научный

диагноз нашей общей болезни. В том, что наше общество серьезно больно, сомнений нет. Коротко ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: мы живем в век перехода от *laissez-faire* к планируемому обществу. Планируемое общество будущего примет одну из двух возможных форм: либо это будет диктатура с правлением меньшинства, либо новая форма правления, которая, несмотря на сильную власть, будет демократической»²⁵. Переберем мостик размышлений в наше время и для этого воспользуемся мыслью лауреата Нобелевской премии по экономике Пола Кругмана: «Несмотря на все различие в деталях, обусловленных экономическими, технологическими и социальными изменениями, которые произошли за 75 лет, переживаемые нами беды очень похожи на те, что происходили в 30-х гг. прошлого столетия, а нам известно, что тогда делали высокопоставленные политики, – анализ Кейнса и других экономистов подсказывает, как надо реагировать на трудности сегодня»²⁶.

Экономическая доктрина неокейнсианства предполагает стимулирование государством массового потребительского спроса. Легче всего это будет сделать в XXI в. в странах развивающихся рынков, в группу которых входит и Россия. Для этого с помощью рациональной, плановой политики государства необходимо создать массовый платёжный спрос. Сделать это можно с помощью восстановления в промышленности, аграрном и научно-интеллектуальном секторах экономики массового производства, где заработная плата не должна носить символические размеры. Пора перешагнуть через неолиберальные монетарные догмы. Этого требует время, об этом пишет П.Кругман: «К сожалению, мы не используем знания, которыми обладаем, поскольку слишком многие люди, облеченные властью, – политики, государственные чиновники, а также более е многочисленный класс говорящих и пишущих, формирующих общественное мнение, – по разным причинам предпочли забыть уроки истории и выводы нескольких поколений экономистов и заменить давшие трудом познания идеологическими и политическими предубеждениями»²⁷.

Так или иначе, работы ученых многих отраслей науки готовят переход цивилизации на новую парадигму жизнедеятельности. Важно помнить о том, что угроза уничтожения жизни в погоне за золотым тельцом стала возможной. Но и теория устойчивого развития становится признанной мировым научным сообществом универсальной системой научных взглядов, вокруг которой динамично формируются области теоретических и эмпирических естественнонаучных, социальных и гуманитарных знаний о происходящих на планете и в регионах социальных, экономических, культурных, политических, экологических и других процессах, связанных с научно планируемым поддержанием и развитием жизни. Концепция и теория устойчивого развития являются научным отражением новой парадигмы глобального развития жизни человеческого общества, и, на наш взгляд, имеет самое непосредственное отношение к перспективам демократического развития колоссального по масштабам и уникального по структуре и проблемам Евразийского региона, ядром которого является Россия.

²⁵ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С.413.

²⁶ Кругман П. Выход из кризиса есть. М., 2013. С.9.

²⁷ Там же.

ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ЭТИКИ В ХОДЕ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ НОВОГО ВРЕМЕНИ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЫНОЧНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Содержание понятия «предпринимательская этика» и его эволюция

Предпринимательскую этику современные энциклопедии определяют как особую подсистему общественной нравственности и как специфический этос, свойственный предпринимательскому сообществу²⁸. Эти представления, своими корнями уходящие в глубину тысячелетий – от трактатов Ксенофонта, Аристотеля и других до поучений древнекитайских философов, – стали предметом специальных исследований в эпоху становления капитализма Нового времени. Именно на этом историческом этапе потребовалось понять, как формируется и что собой представляет общая система мотиваций и морально-этический комплекс человека конкретной эпохи и культуры. И в особенности система мотиваций и морально-этический комплекс, определяющие деятельность «человека экономического» этой эпохи и этой культуры – и, значит, содержание, характер, темпы экономического развития.

Одно из наиболее ярких и развернутых описаний, касающихся становления специфической буржуазной этики (в том числе, в ее «предпринимательском» аспекте), видимо, дает М.Оссовская в своей работе «Рыцарь и Буржуа»²⁹. Оссовская достаточно подробно рассматривает представления о предпринимательской этике от древности до позднего Нового времени, содержащихся в исследованиях, наставлениях, поучениях, художественной литературе разных эпох. И (что, на наш взгляд, наиболее важно для нашей темы) показывает, что предпринимательская мораль и ее осмысление в этике обусловлены не только религиозными представлениями (культом), лежащим в ядре определенной культуры, но и специфической конкретикой развития этой культуры, включая экономическую культуру, в различных сословиях в определенном месте и в определенное время. И в этом смысле предпринимательская этика не только «экономоцентрична», но и культурно специфична, сословно специфична и исторична.

²⁸ Новая философская энциклопедия. В 4 т. М., 2001.

²⁹ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали. М., 1987.

Поскольку лидером в становлении капиталистического рыночного хозяйства «по факту» оказалась преимущественно протестантская часть Европы и позднее Америки (где по преимуществу и формировалась социальная модель «человека экономического» Нового времени), естественным следствием этого обстоятельства стал особый интерес к проблеме мотиваций такого человека в странах развивающегося капитализма, где протестантизм занимал сильные или даже решающие позиции в общем религиозном пространстве «морального долженствования»: Англии, Германии, Франции, позже США и других стран с высоким религиозным значением «эмигрантского» протестантизма.

Начиная с основополагающих работ М.Вебера³⁰ и других социологов преимущественно «протестантских» стран (В.Зомбарт, Э.Трёлч, Т.Парсонс и др.³¹), точка зрения о доминирующем влиянии именно протестантской этики на становление системы мотиваций деятельности «человека экономического» (и, в частности, предпринимателя) Нового и Новейшего времени стала преобладающей.

Тем не менее и до работ М.Оссовской, и позднее появлялись исследования, которые показывали решающую роль других религиозных и социокультурных сред на становление мотивационных предпочтений и мотивационной специфики предпринимательства (в том числе, развитого и успешного предпринимательства) в конкретных исторических и страново-географических условиях. Как в христианско-европейской религиозно-культурной зоне, так и в конфуцианской и исламской Азии.

В частности, оказались достаточно хорошо исследованы системы предпринимательской этики традиционного (по М.Веберу) типа в городах-республиках средневековой Италии, ранних и поздних исламских халифатах, в Китае средних веков и Нового времени, в Индии эпохи Бабуров.

Было показано также, что в Новое время в пределах Европы и ее колониальных владений наряду с основным (условно, протестантским, по Веберу) типом наиболее динамичной, с точки зрения темпов развития предпринимательской этики, существовали и развивались специфические (и вполне успешно развивавшиеся) очаги предпринимательства, этическая нормативность которых определялась иными религиозными и социально-культурными основаниями (отметим, что иногда эти отличия подчеркивают, говоря об *иноцивилизационности* социокультурных оснований).

Тем не менее нельзя не признать, что европейская этика протестантского типа, беспрецедентно подстегнувшая развитие европейской науки и промышленных технологий, стала одним из главных «моторов» того рывка в экономическом развитии основных стран Европы, который создал хозяйственно-экономический облик капитализма Нового времени. И что этику этого типа – по мере расширения масштабов международных торговых обменов и в порядке «копирующего» догоняющего развития – в значительной степени перенимали для обеспечения собственной конкурентоспособности все более экономически связанные с «протестантской» Европой регионы мира.

³⁰ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избр. соч. М., 1990.

³¹ См. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994.

При этом следует подчеркнуть, что социоэкономические трактаты Нового времени (в частности, учение А.Смита о «невидимой руке рынка»³², обеспечивающей объединение индивидуальных предпринимательских эгоизмов в русло «общего блага») явным или неявным образом подразумевали в содержании массовой этики предпринимателей некий «моральный закон внутри», который разделял богоугодное, благое предпринимательское действие, – и недопустимый, греховный выход за его пределы. В связи с этим стоит подчеркнуть, что до широко известного «Богатства народов» тот же А.Смит издал трактат «Теория нравственных чувств»³³, где вполне конкретно описал тот тип общества (и гражданина этого общества), который является условием «благотворности» работы «невидимой руки рынка».

Одновременно необходимо отметить, что у «морального закона внутри» по И.Канту³⁴, устанавливающего этические границы для предпринимательского активизма, был отчетливый коррелят в этике предпринимательства традиционных укладов. В частности, именно религиозная социокультурная нормативность «допротестантских» и «непротестантских» зон Европы в условиях экспансии капитализма Нового времени в достаточно больших объемах сохраняла и поддерживала в предпринимательской среде малого и среднего бизнеса (в особенности, вне основных промышленных центров эпохи) иную, традиционную этику. Ту этику, в которой, в частности, конкуренция была второстепенным фактором предпринимательской активности, поскольку ограничивалась и различными нормами внутрицеховой и внутрисословной солидарности, и моральными репрессиями нормативной социальной среды. Ту этику, в которой демпинговые приемы захвата рынка и негативные экстерналии³⁵ предпринимательской деятельности были исключением, поскольку этой этикой воспринимались как аморальные и социально нелегитимные, т.е. не могли получать социальную санкцию.

Фундаментальные трансформации типов экономической структуры и систем предпринимательской этики в позднее Новое и Новейшее время

Колониальный империализм как фактор этико-нормативных трансформаций. Видимо, очень серьезные трансформации предпринимательской этики в тогдашней Европе оказались связаны с эпохой колониальной экспансии развивающегося капитализма. Столкнувшись с религиозными, социокультурными и этическими системами Африки, Америки, Азии, принципиально отличными от европейской христианской системы, колонизаторы регулярно обнаруживали отчетливые конфликты своей и чужой моральной нормативности. И одновременно выявляли, что христианский прозелитизм (мягкий или жесткий), при любой его внешней формальной успешности, не стирает до конца, но лишь «затушевывает» эти социокультурные и морально-регулятивные различия и противоречия.

³² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.

³³ Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.

³⁴ Кант И. Лекции по этике. М., 2000.

³⁵ Begg D., Fischer S., Dornbush R. Economics. С.267.

Ответом на этот вызов стали все шире укоренявшиеся в Европе представления о фундаментальном антропологическом неравенстве, которое требует от христиан применять в отношении «дикарей» иные этические нормы. Можно предположить, что обсуждаемое здесь столкновение Европы с другими цивилизационными мирами в известной мере реанимировало в массовом сознании пионеров процесса колонизации некий аналог «рыцарской» сословной этики средневековой и ранненовременной Европы, в которой строгая моральная обязательность в рамках своего дворянского сословия не распространялась ни на крестьянство, ни на буржуазное «третье сословие».

Поэтический (и потому общеизвестный) тезис Р.Киплинга «Несите бремя белых» – по определению, предполагал особое отношение к «дикарям», на которое не распространяется собственная этическая нормативность «цивилизованного европейца». Этические нормы предпринимателя-колонизатора уже не составляют единства – они «расщепляются», они оказываются многозначны и различны – для «своих» и для «дикарей».

Но когда «моральный закон внутри» уже не императивен, а избирателен, постоянный выбор в рамках этой избирательности не может не размывать и сам этот моральный закон, и границы его применимости. И в том числе круг тех «своих», к которым относятся моральные обязательства предпринимателя. Вплоть до предельной избирательности: есть я и мой ближайший родственный круг, а ко всем остальным может и должно быть такое же отношение, как к дикарям.

Эти явления (которые, отметим, проявляют аналогию или близость к типичным архаичным трайбалистским системам «права обычая» и внутриплеменных моральных норм) не могли не ретранслироваться из колоний в метрополию. И не могли не ослаблять предпринимательскую этику как внутренний регулятор моральной нормативности бизнеса в Европе метрополий.

Именно эти обстоятельства вызывают в то время в Европе дискуссии вокруг понятия «*Ното homini lupus est*»³⁶ и (начиная с Дж.Гоббса и его «Левиафана»³⁷) политико-социологические исследования о роли государства как сферы «договора о правилах» и контролера «внешних» норм, предотвращающих смещение отношений граждан (и, в частности, предпринимательской конкуренции) в направлении «войны всех против всех».

Предпринимательство в своем конкурентном активизме оказывается формально (т.е. законодательно) ограничено в основном лишь внешними нормами запретов. «Моральный закон внутри» оказывается, по сути, все более «факультативным» и необязательным регулятором предпринимательского поведения.

Более того, успешность бизнеса оказывается все более отчетливо связана с внеморальностью или даже аморальностью поведения, решений, действий предпринимателя. Именно тогда возникает (а далее постепенно закрепляется как новая норма) формула «бизнес – и ничего личного». Устоявшиеся традиционные основы предпринимательства – доверие и кредит – оказываются оперты фактически только на внешнюю нормативность государства-левиафана. А именно – на качество и детальную проработанность формальных норматив-

³⁶ Человек человеку – волк (лат.).

³⁷ Гоббс Т. Избранные соч. В 2 т. М., 1964. Т. 1.

ных требований законов и на способность государства выявлять, пресекать и репрессировать нарушения законодательных норм.

Трансформации предпринимательской этики эпохи олигопольного и монополистического капитализма. Олигопольный и монополистический капитализм, начиная с последней четверти XIX в., углубляет не только социальное, но и этико-нормативное расслоение предпринимательства. Он фактически разделяет предпринимательство на нормативно-конкурентную (нижнюю) и неявно-договорную (верхнюю) зоны. Причем в «верхней» зоне крупного и сверхкрупного монопольного и олигопольного капитала классические законы конкуренции действуют в особых «смещенных» или «превращенных» формах, или же вообще не действуют. А переход из «нижней» конкурентной зоны в «верхнюю» предполагает достаточно высокие «барьерные» издержки и большинству предпринимателей фактически недоступен.

Тем самым сфера применимости понятий и механизмов совершенной конкуренции резко сужается. И, следовательно, предпринимательская этика, характерная для «нижней» и «верхней» зон, дополнительно расщепляется. А поскольку в хозяйственной системе, как правило, сохраняются и элементы (или рудименты) «донововременной» этики традиционного типа с ее сословно-цеховой солидарностью и моральными ограничениями конкуренции, то в хозяйственно-экономической системе возникает как минимум «трехслойная» система этических предпринимательских норм.

Здесь следует отметить, что, как подчеркивает Й.Шумпетер³⁸, основные импульсы экономического развития (и за счет более высоких возможностей финансирования разработки новых технологий и внедрения в производство крупных инноваций, и за счет эффекта масштаба производства), как правило, поступают из сферы крупного монопольного и олигопольного предпринимательства (оговорим, сферы наиболее спорной с точки зрения массовой предпринимательской этики). Совокупность этих новых процессов эпохи монополистического капитализма дополнительно закрепляет в массовом предпринимательском сознании неморальность или просто аморальность предпринимательства как новую норму новой морали.

По этой новой норме разрешено все, что не запрещено (что не успели запретить или удается скрыть от контроля норм). Однако к этим условиям добавляется еще одно: возможности или способности крупного монополистического капитала воспрепятствовать невыгодным для себя законодательным запретам через лоббистские механизмы законодательства. В связи с этим в социалистической (в том числе, марксистской) социологической и политэкономической литературе развивается обсуждение тех или иных форматов «покупки государства» сверхкрупным бизнесом. Этот (достаточно распространенный в повседневной политической практике эпохи) процесс вызывает к жизни устойчивое (и воспринимаемое как справедливое массовым сознанием наемных работников и мелкого бизнеса) определение капиталистического государства как механизма классового господства крупной и средней буржуазии.

³⁸ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.

В связи с этим заметим, что начиная с рассматриваемой эпохи все более популярное в либеральных экономических теориях требование «минимального государства» есть основания рассматривать не только в связи с подозрением бизнеса, что чиновник-контролер будет мешать свободе предпринимательской деятельности, но и, прежде всего, в связи с тем, что в сильном государстве такой чиновник будет, в случае нарушений законодательных норм, правомочен и способен применить значимые и болезненные санкции не только в адрес мелкого и среднего, но и в адрес крупного и сверхкрупного бизнеса.

Очевидно, что феномен «купленного государства» в рамках широкого распространения описанной выше «многоуровневой» и «внеморальной» нормативности – повышает транзакционные издержки классического «шумпетеровского» предпринимательства и разделяет зоны предпринимательства разного типа и масштаба достаточно высокими барьерами. А также сужает сферу доверия в системе сделок формально единого рынка, оказывая дополнительное давление в направлении элиминирования любых устойчивых форм предпринимательской этики, ориентированной на какой-либо социально легитимный «моральный закон внутри» и социальную солидарность.

Трансформационные этические последствия первой глобализации рубежа XX в. и «финансового империализма». Процессы первой глобализации, в конце XIX–начале XX вв. в высокой степени затронувшие практически все страны «рыночного» мира, не могли не оказывать мощное влияние на предпринимательскую этику.

Во-первых, крупные волны инокультурной миграции (и в пределах Европы, и в Северную и Латинскую Америку, в Азию и Африку) приводили к очень плотным контактам общегражданской и предпринимательской этики разных групп мигрантов и автохтонного населения.

Во-вторых, эти контакты не могли, с одной стороны, не создавать морально-нормативные коллизии и, с другой стороны, не приводить к дополнительному размыванию «морального закона внутри» и у мигрантов, и у автохтонов.

Конечно, были специфические (преимущественно сектантские) общины, которые на новой родине реализовали своего рода «социокультурные автономии», живя и работая (в том числе, активно занимаясь предпринимательством) в добровольных этнорелигиозных «гетто», и осуществляя торговые и бюрократические контакты с автохтонной средой через специально выделенных для этих целей посредников. Наиболее яркий (и почти единственный) предпринимательский успех такого рода – американские мормоны. Однако это исключение из правила лишь подчеркивает то обстоятельство, что социальное большинство – автохтонное и эмигрантское – подвергалось взаимной, если так уместно выразиться, «этической ассимиляции». Яркий пример – почти полное «вымывание» в первой трети XX в. той накаленной протестантской этики, которую сохраняли в предыдущие столетия общины британских, германских, отчасти французских ранних переселенцев в Америку.

Второй фактор эпохи «первой глобализации» – это приобретение банками (и в целом финансовым капиталом) доминирующих позиций в экономических системах развитых рыночных экономик, а также транснационализация и международная экспансия финансового капитала. Этот процесс, подробно и содержательно описанный как марксистами, так и

их либеральными оппонентами (см., например, Р.Гильфердинга³⁹), ставил производственное (промышленное, сельскохозяйственное, торговое) предпринимательство во все более глубокую неравноправную зависимость от банков, которые контролировали ключевой фактор предпринимательства – кредит.

Перефразируя Шумпетера, можно сказать, что от банков решающим образом зависело, будет ли предприниматель «мчаться к успеху, оседлав долги», либо ему (в лучшем случае) придется «топтаться на месте», или же (в худшем случае) готовиться к банкротству. Эта односторонняя зависимость не могла не трансформировать предпринимательскую этику финансистов, включая их стремление к созданию все более прибыльных для банков (и все более проблемно-рискованных для заемщиков) систем и условий кредитования.

Великие кризисы первой половины XX в.: трансформации системы предпринимательских рисков и основные тенденции изменений доминирующей предпринимательской этики. Конечно же, одним из наиболее мощных трансформеров предпринимательской этики во все времена были крупные экономические кризисы. Подробно рассмотренные в литературе причины каждого из этих кризисов выходят за рамки нашего исследования.

Тем не менее следует отметить, что каждый из кризисов приводил к подрыву как взаимного доверия между предпринимателями, так и доверия к государственным регуляторам, которые в кризисных условиях не могли в полной мере контролировать исполнение писанных для «мирного» хозяйственного времени законодательных норм. А это не могло не вызывать в предпринимательской среде процессов переосмысления системы «внешних» рисков организации и ведения бизнеса, а также обращения части предпринимательского сообщества к субкриминальным и криминальным бизнес-практикам. И, значит, не могло не сказываться на предпринимательской этике.

Представляется, что это справедливо для всех крупных кризисов первой половины XX в. Так было в случаях разрывов между конъюнктурными ожиданиями масс предпринимателей и реальными хозяйственно-экономическими тенденциями (кризис начала XX в. – перепроизводство сырья, Великая депрессия – перепроизводство товаров). Так было с непредсказуемыми для предпринимательского сообщества действиями государственных регуляторов (кризис 1907 г. – резкое повышение учетной ставки Банком Англии, кризис 1914 г. – массированные продажи зарубежных ценных бумаг центральными банками наиболее развитых стран). Так было с достаточно глубокими национализациями частных активов в кризисах Первой и Второй мировых войн.

Во всех этих случаях было налицо дестабилизирующее влияние глобализации и создаваемой глобализацией растущей экономической (торговой, финансовой, валютной) связности мира. Но на проявленную в полной мере с начала XX в. глобализацию – и предъявленную предпринимательскому сообществу необходимость учитывать в своей стратегии выгоды, риски и издержки глобализации – наложилось еще одно важное обстоятельство. А именно то, что формировавшаяся в течение Нового времени научная картина экономического мира в первой половине XX в. из сугубо научного сообщества экономистов разных

³⁹ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1959.

специализаций и взглядов проникает – через становящуюся систему массового образования – в достаточно широкие предпринимательские массы. Причем это касается не только владельцев и высшего руководства крупных компаний, но и значительной части среднего и даже мелкого бизнеса.

Для нашей темы в связи с этим расширением роли массовых научных представлений об экономике важно, в первую очередь, активное и широкое распространение «мейнстримной» модели «человека экономического», а также мотивационной модели эффективного предпринимателя.

В этой мейнстримной модели предприниматель представал деятелем, обладающим «протестантским» активизмом, доведенным до максимума рискованной поисковой решительности, по Шумпетеру, но полностью освобожденным от любой (в том числе протестантской) этики. Этика целиком и полностью концентрировалась во «внешнем» законе, в соблюдении юридической нормативности. А «внутренний» закон предпринимательского активизма – целиком и полностью определялся стремлением к максимальной прибыльности бизнеса и реализации потенциала экспансии на рынках.

Трансформации предпринимательской этики во второй половине XX в. Вторая мировая война и проблемы большинства развитых стран, связанные с переживаемыми все обществом трудностями послевоенного восстановления национального хозяйства, в определенной мере возродили в предпринимательском сообществе чувство социальной солидарности и вместе с ним солидарные «внутренние» мотивации морального долженствования. Однако одновременно в мировой и национальных рыночных экономиках действовали другие факторы, предоопределяющие размывание и ослабление в предпринимательской среде «морального закона внутри».

Первый из таких факторов – неуклонное усложнение предпринимательской среды. Эта среда системно усложняется как за счет наращивания взаимосвязанности и взаимозависимости производственных цепочек и контрактных отношений, так и за счет (неизбежно входящих в эти цепочки и отношения) разнообразных позитивных и негативных экстерналий. Системные свойства такой сложной среды становятся все менее обозримыми и все менее поддающимися рациональному осмыслению и прогнозированию как со стороны предпринимателя, так и со стороны законодателя.

Соответственно, процесс системного усложнения предпринимательской среды сопровождается наращиванием и усложнением (но всегда запаздывающим и далеко не всегда адекватным наращиванием и усложнением) системы законодательных норм, регулирующих для предпринимателей условия ведения бизнеса. И этот процесс имеет два следствия, крайне важных для рассматриваемой нами темы.

Во-первых, системное усложнение предпринимательской среды и ее регулирования сами по себе задают для предпринимательства достаточно высокую планку понимания возможных бизнес-стратегий, т.е. наращивает дополнительный «интеллектуально-образовательный» барьер в организации и ведении бизнеса.

Во-вторых, отставание «внешнего» законодательного регулирования от реалий ведения предпринимательства создает в законодательстве неизбежные (по крайней мере, временные) «лакуны», в которых определенные предпринимательские инициативы еще не огра-

ничены формальными нормативными запретами, и в которых может размещаться активизм предпринимательских индивидов и групп, уже вполне свободных от «морального закона внутри».

Это все вместе рождает широкий спектр достаточно доходных предпринимательских стратегий, создаваемых по принципу «изучить закон, чтобы его обойти». И, в силу наглядной эффективности таких стратегий, не может не служить образцом для подражания, деформирующим предпринимательскую этику в направлении окончательного элиминирования «морального закона внутри», вплоть до широкого распространения субкриминальных и криминальных предпринимательских практик.

Следующим важным фактором последних десятилетий, оказывающим существенное влияние на предпринимательскую этику, стал современный раунд глобализации и все более широкое распространение предпринимательства на социокультурно чуждых территориях. Здесь нужно особо отметить резкое наращивание в мировом ВВП доли транснациональных корпораций и транснациональных банков (ТНК и ТНБ), работающих в слаборазвитых и развивающихся странах.

В этих странах, в силу типично слабой проработанности и «незрелой» специфики национального экономического законодательства, лакуны в системе запретов оказываются, как правило, гораздо шире, чем в «материнских» странах происхождения ТНК и ТНБ, и предоставляют достаточно широкие возможности для упомянутых выше стратегий «обхождения» законов. В том числе, в части реализации субкриминальных и криминальных предпринимательских практик, а также вовлечения в оборот бизнеса криминальных капиталов. По ряду небезосновательных оценок, эти практики в какой-то мере повторяют, в порядке аналогии, практики конкистадоров раннего колониализма, и не случайно нередко получают определение «экономический неоколониализм».

Нужно отметить, что процессы экспансии ТНК и ТНБ на новые рынки мировой экономической периферии или полупериферии (по Броделю и Валлерстайну)⁴⁰, как и в эпоху колониализма, не могли не трансформировать предпринимательскую этику экспансирующего капитала в направлении все большей свободы от моральных запретов. И, опять-таки, не могли не приводить к импорту такой – все более «свободной от морали» – предпринимательской этики в неоколониальные метрополии.

Наконец, еще одним важным следствием наращивания объема экономической деятельности ТНК и ТНБ на современном этапе глобализации стало ослабление национально-государственной лояльности структур международного бизнеса в отношении стран происхождения. И, соответственно, вымывание из системы предпринимательских мотиваций хозяев и менеджеров ТНК и ТНБ элементов социальной солидарности с гражданами страны происхождения капитала. Очевидно, что этический «космополитизм» транснационального бизнеса не может не снимать еще один пласт моральных ограничений у вовлеченного в такой бизнес предпринимательского сообщества.

⁴⁰ См, например, *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск, 1993; *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

Следующий фактор, современной эпохи, оказавший очень существенное влияние на предпринимательскую этику – повсеместное распространение публичных компаний, активы которых широко торгуются на биржах. Это приводит к почти полному размыванию у акционеров и менеджеров публичных компаний личной ответственности за судьбу бизнеса⁴¹. Бывшие предприниматели все чаще становятся рядовыми и почти случайными игроками на фондовых рынках, которых интересуют лишь текущая капитализация и потенциальные дивидендные выплаты компании, но не стратегические перспективы ее развития. То есть теряется важнейший компонент и (если брать в исторической ретроспективе) фундамент предпринимательской этики – верность своей компании как своему детищу и ценнейшему нематериальному активу.

Это обстоятельство оказывается особенно существенным для финансового сегмента экономики, где предприниматель оперирует с неовещественными активами (акциями, облигациями, валютами, производными ценными бумагами), которые не имеют отчетливо выраженной связи с материально овеществленной продукцией или услугой, и почти всегда имеют обезличенных и анонимных адресатов. Очевидно, что такая обезличенность операций и адресатов дополнительно гасит этическую самокритику актора-предпринимателя, занимающегося подобными операциями.

«Финансиализация» глобальной экономики и ее роль в трансформациях предпринимательской этики. Современный этап развития рыночных хозяйственных систем, который Э.Люттвак, выявляя его специфическую сверхвысокую динамику, определил емким термином «турбокапитализм»⁴², характеризуется чрезвычайно высоким уровнем доминирования предельно транснационализованного финансового сектора экономики. Необходимо отметить, что, во-первых, этот сектор, в силу его транснационализации, уже практически не поддается эффективному регулированию на национальном уровне и, во-вторых, за счет своих доминирующих позиций успешно сопротивляется попыткам создания «плотных» систем наднационального регулирования. То есть по факту своего «нерегулируемого доминирования» становится реальной глобальной (наднациональной) хозяйственно-экономической властью.

Совмещение этих обстоятельств обеспечивает именно финансовому сектору такие условия деятельности, в которых пространство «нормативных лагун» между регулирующими

⁴¹ В связи с этим процитируем отрывок из интервью профессора швейцарского Университета Санкт-Геллена Фредмунда Малика газете “Handelsblatt” 17 июля 2009 г.: «Достижения любой компании оцениваются только лишь по финансовым показателям... В результате возникает саморазрушающаяся система. Получить быструю прибыль легко, если не надо думать о будущем. Достаточно сократить расходы на инновации, маркетинг и обучение, и биржевой курс стремительно летит вверх. Держателя акций (shareholder) в классическом понимании этого слова сегодня уже нет, остались только жонглеры акциями (shareturner). Большинство из них... судьба компании вообще не интересует. Они приходят на генеральное собрание пайщиков и голосуют за себе подобных. Спустя пару недель они свои бумаги продают».

⁴² *Luttwak E. Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy.* Weidenfeld & Nicolson, London, 1998, Harper Collins, New York, 2000.

ми «внешними» нормами оказывается особенно широким и малоопределенным. То есть та предпринимательская этика, которая в современных определениях целиком делегирована в сферу институтов нормативности и формальных запретов, «внешнюю» по отношению к акторам бизнеса, оказывается крайне недостаточной и позволяет группам финансового бизнеса ограничивать собственные предпринимательские мотивации сферой своих специальных интересов. Причем нередко – что особенно ярко показал нынешний глобальный экономический кризис, отбросивший мировое экономическое развитие минимум на десять лет назад, – такие специальные интересы финансистов фундаментальным образом расходятся с интересами макросоциальными и национальными, а также с интересами глобального развития.

В частности, в ходе расследований американской Комиссии по ценным бумагам и фондовым рынкам выявлено, что те глобальные банки, которые выпускали приведшие к кризису «мусорные» деривативы на основе ипотечных закладных, одновременно вели инсайдерскую биржевую игру на этих деривативах⁴³. А в дальнейшем было установлено, что в наиболее острой фазе кризиса банки Федерального резерва США втайне от общества и Конгресса кредитовали крупнейшие транснациональные финансовые организации на общую сумму более 16 трлн долл.

Далее, Комиссия ООН по борьбе с наркобизнесом и организованной преступностью выяснила, что огромные финансовые активы транснациональных криминальных синдикатов в ходе кризиса были вовлечены в легальный оборот крупнейшими банками и послужили финансовым фундаментом для спасения этих банков от краха и наращивания их рыночной капитализации. То есть в условиях кризиса финансовый сектор фактически провел широкие операции плотнейшего сращивания с криминальным сегментом мировой экономики.

Именно понимание этой специфики финансового бизнеса вызывает к жизни негативно-воинственные определения типа «жирные коты с Уолл-Стрит». И очевидно, что такого рода неопровержимые факты, которые становятся достоянием общества и, в частности, широкого предпринимательского сообщества, но не получают отторжения в виде жестких и показательных государственных санкций, – окончательно «добивают» в массовой предпринимательской этике остатки «морального закона внутри».

Наконец, еще одним фактором последнего времени, крайне болезненно сказавшемся на предпринимательской этике, стал кризис экономической теории. Теоретические исследования сложных систем рынков, за которые получали нобелевские премии лауреаты последних десятилетий, в массовом предпринимательском сознании вызывали иллюзии начала жизни мирового общества в крайне сложном, но бескризисном и потому предсказуемом глобальном мире. В связи с этим стоит отметить высказывание нобелевского лауреата Р.Лукаса, сделанное в 2003 г.: *«Проблема предотвращения депрессий с практической точки зрения решена, а теоретически она была решена уже несколько десятилетий назад»*⁴⁴.

В ходе развития нынешнего кризиса стало ясно, что эта проблема не только не решена. Стало ясно, что «финансовый турбокапитализм» сам по себе является мощнейшим кризо-

⁴³ “Wall Street Journal”. 2010, May 13.

⁴⁴ Цит. по: «Ведомости». 2009, 9 июня. <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2009/06/09/199580#ixzz0uKWMXVsg>.

генным фактором, способным ввергать глобальную экономику в глубокий хаос. И стало ясно, что растущая сложность этого «турбокапитализма», в котором громадные финансовые ресурсы могут мгновенно и непредсказуемо перебрасываться из одной страны в другую и с одного рынка на другой, – создает такую высокую степень неопределенности для предпринимательской активности, которая не может быть освоена никакими, сколь угодно активными и настойчивыми, рациональными действиями. Поскольку предпринимательство в классическом (традиционном или, напротив, шумпетеровском) смысле этого слова – все более явно оттесняется и вытесняется финансовой и рыночной игрой, в которой предприниматель любого масштаба уже не игрок и даже не ферзь, а пешка или, в лучшем случае, второстепенная фигура для реальных игроков.

Осознание этого процесса все более массово уничтожает в базисных условиях деятельности предпринимателей доверие к контрагентам, к финансовой сфере как источнику кредитов и к государству как гаранту устойчивости и предсказуемости рыночных правил.

Конечно, предприниматель всегда работает в условиях неопределенности и риска. Но он использует такую стратегию лишь до той границы, когда неопределенность позволяет хотя бы приблизительно оценить риски. В данном случае речь идет уже о другом. Возникает массовое и все более устойчивое ощущение глобальной и постоянной неопределенности и невозможности даже краткосрочного прогнозирования финансовой и спросовой конъюнктуры, т.е. минимальной приемлемой оценки рисков.

Соответственно, исчезают предпосылки даже для среднесрочного (и, тем более, для стратегического) планирования бизнеса. И, значит, оказываются под глубоким сомнением фундаментальные условия экономического развития.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ КАК ОРУЖИЕ АНТИИСТОРИИ

Фальсификация – это подмена подлинного мнимым, злостное преднамеренное искажение или неверное истолкование документов, фактов, событий; подделка, изменение с корыстной целью свойств определенных явлений и социально-политических процессов, характеристик отдельных личностей. Фальсификация не имеет ничего общего с искренним заблуждением или незнанием истинного положения дел. В международно-правовой практике (в ходе переговоров, при выработке договоров, соглашений и т.д.) с целью не недо-

пухания фальсификации используется верификация. Фальсификация используется в неблагоприятных целях во внешне- и внутривнутриполитической деятельности государств, СМИ, аналитических структур. В современных условиях во все поры европейского мирового сообщества, как метастазы в человеческом организме, проникает беспрецедентная ложь, политическое лицемерие; ревизия истории, мифы о «новой, исторической правде». Средства: приписывание субъекту политических отношений мнимых намерений и действий, «запуск» в СМИ «пробных шаров» и слухов, когда основу информации составляют несуществующие (а предполагаемые) факты, приемы «желтой прессы», сфабрикованные фото-, аудио- и видеоматериалы, подделка архивных и исторических документов, лжесвидетельства конкретных участников событий.

Широкое распространение получило то, что можно охарактеризовать сетевым термином «троллинг» (троль – тот, кто засоряет дискуссию провокациями и прочим мусором). С целью ограничения возможности оппонента влиять на ситуацию применяются методы диффамации, дискредитации или демонизации, в ходе компаний фальсификации истории подрывается деловая или культурная репутация путем задействования технологий «отторжения» прошлого, монополизации информационного пространства и «зачистки» «белых пятен истории» методами рабулистики, т.е. манипулятивных уловок из арсенала «черной риторики», рассчитанные на неосведомленность аудитории и имеющие целью аргументировать точку зрения выступающего вне зависимости от того, насколько она близка к истине. Распространенным является постулирование лживых от начала до конца выводов на основе «клиповой» подборки образов.

В ходу и такой прием, когда автор, явно или неявно ощущая слабость своих профессиональных позиций, стремится уйти от внутрицелевой полемики, демонстрируя негативное отношение к «официальной» науке, якобы препятствующей путем «догматических» запретов развитию новых актуальных и перспективных направлений. Такой подход соседствует с апелляцией к массовому читателю, которому преподносятся очередные «тайны истории», предлагается «принципиально новый взгляд» на прошлое, сообщаются малоизвестные или вовсе неизвестные широкой публике исторические факты, придающие таким сочинениям необходимую респектабельность, пафосно обличающую тональность и, как правило, сенсационность. При этом игнорируется преемственность в развитии научного знания, нашедшая выражение в известном принципе соответствия Н.Бора, получившего статус общеметодологического принципа: новая теория, гипотеза, идея должна согласоваться с фундаментальным результатом прежних теорий. Фальсификатор отдает предпочтение венаучным целям – пропаганде определенного отношения к прошлым событиям или вообще разрушению исторической памяти, внушению читателю каких-то политических или идеологических идей, а вовсе не поиск истины и объективности.

Множество фальсификаций (псевдонаучных теорий) осуществляется путем спекуляций на некоторых объективно существующих трудностях методологии исторического познания, имеющих как в области установления эмпирических фактов прошлого (неполнота сохранившихся свидетельств и сложность процедур установления их достоверности), так и в области исторического синтеза (множественность способов интерпретации и взаимозависимости исторических фактов, зависимость теоретических реконструкций от мировоззренческих позиций историка). В данном случае речь идет о таких приемах фальсифи-

кации, как: некорректная работа с источниками, когда производится отбор «подходящих» свидетельств, вместо того, чтобы учитывать всю их совокупность, открывать «не всю правду», а чаще еще и прятать правду за потоками сомнительных фактов, цифр, цитат и т.д.; подтасовка и искажение исторических фактов, когда выбираются либо недопустимые, либо менее вероятные по сравнению с общепринятыми интерпретациями сведений, содержащихся в исторических источниках; отсутствие опоры на источники вообще, поскольку переистолкованию в таких случаях будет подвергаться тот или иной отрезок истории в целом.

Нередко фальсификаторами игнорируются такие устоявшиеся в исторической науке методы, как критика исторических свидетельств и критическое отношение к источникам. Распространенный прием – выстраивание ложных причинно-следственных связей путем произвольного вырывания каких-то фактов из сложного исторического контекста (например, приписывание советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. решающего значения с точки зрения обстоятельств развязывания Второй мировой войны основано на рассмотрении факта его подписания не как одного из звеньев причинно-следственной цепи, а изолированно, вне связи с Мюнхенским соглашением 1938 г., с дипломатической «игрой» фактически всех европейских государств, а также США; такое изложение обстоятельств развязывания войны, когда опускается не только Мюнхенский сговор, но и другие важные события, ей предшествовавшие, разрывает ткань исторического повествования и направлено на формирование в общественном сознании мысли об отсутствии связи между Мюнхенским сговором и началом Второй мировой войны).

Усилия многих сторонников «альтернативных» версии истории носят, своего рода, маркетинговый характер, так как они направлены на продвижение и пропаганду в средствах массовой информации идей, прежде всего, самих авторов. Осуществленное же современными фальсификаторами «переосмысление» истории представляет собой главным образом как проект, реализуемый средствами, характерными для пропаганды или рекламного бизнеса.

При этом методологически важно разграничивать, с одной стороны, получившее распространение во второй половине XX столетия в западной философии и методологии истории рассмотрение её (истории) как разновидности литературного творчества, когда историк «творит историю», создает сюжеты о прошлых событиях и реализует это в жанрах романа, комедии, сатиры и т.д. (этот подход к истории стал сильно проявляться в западной историографии с момента выхода в свет в 1973 г. книги Хейдена Уайта «Метаистория»), а с другой – рассмотрение истории как науки, позволяющей на основе критериев научности и объективности в историческом познании отличить добросовестное исследование от подделок. Следовательно, если мы считаем историю жанром литературы, когда историк волен создавать свой образ прошлого, то отождествление истории с литературой снимает вопрос о фальсификации, так как в данном случае мы не имеем права требовать от него объективности или правдоподобности; если же речь идет об истории как науке, то любое преднамеренное отступление от достоверности фактов или событий, их искажение, равно как и придумывание историй являются (независимо от побудительных мотивов – положительных или отрицательных) фальсификацией.

В содержательном плане фальсификации охватывают широкую проблематику отечественной и мировой истории. Особый упор в «войне за историю» фальсификаторы делают

на новейшую историю России и особенно на события, связанные со Второй мировой войной. В оборот запущены тезисы о пересмотре геополитических итогов войны, о провокационном навязывании России нравственной вины за события тех лет, подводится идеологическая база для предъявления ей различного рода компенсационных претензий.

Фальсификации истории нередко стимулируются определенными политическими интересами и преследуют цели разрушения исторической памяти, подрыва национальной идентичности, внушение таких представлений о прошлом, которое позволяет тем или иным силам достигнуть определенных политических целей в настоящем.

Необъективная оценка Съездом народных депутатов СССР советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. и секретного протокола к нему содействовала не только развалу СССР, но и ныне служит «аргументом» для предъявления России политических и финансовых претензий со стороны прибалтийских государств по поводу так называемой «оккупации», да и претензий более широкого плана, нацеленных на дискредитацию всего, что было достигнуто страной в период существования СССР.

Советскому руководству приписывается даже сознательное содействие развязыванию Второй мировой войны, исходя из желания «раздуть революционный пожар в Европе», или же «обосновывается» тезис о подготовке Советским Союзом нападения на Германию на основе общих рассуждений о верности Сталина «ленинскому завету» сокрушить капитализм военным путем. В общественное сознание внедряются мифы о сотрудничестве НКВД и гестапо перед войной в целях борьбы с «мировым еврейством» путем публикации очевидных фальшивок, подаваемых как «совершенно секретные документы», якобы до сих пор скрываемые историками в недрах архивов.

На подрыв символов социальной памяти направлена ведущаяся уз на протяжении нескольких десятилетий компания по «демифологизации» истории, для чего предпринимаются попытки, например, поставить под сомнение хрестоматийные факты, связанные с подвигами 28 героев-панфиловцев, Н.Гастелло, З.Космодемьянской, А.Матросова и др. Устроители своего рода историко-информационных спецопераций выглядят не столько ангажированными и агрессивно настроенными пропагандистами, сколько политическими, сознательно действующими диверсантами от истории. Не иначе как идеологической диверсией можно назвать компромисс между попытками героизировать пособников нацистов и «лесных братьев» в Прибалтике и данными о военных преступлениях первых и устроенном вторыми масштабном терроре против лояльных советской власти местных жителей.

В арсенале фальсификаторов – манипуляции вокруг исторического значения отдельных событий или личностей. Такие фигуры, как Мазепа, Петлюра, Власов, используются как оружие для разрушения национальной идентичности. Усилиями ряда публицистов и историков генерал Власов вопреки своей реальной роли марионетки спецслужб Третьего рейха из третьестепенной фигуры чуть ли не превращен сегодня в одну из ведущих фигур российской истории XX в.: рассказы о нем и его фотографии помещаются в некоторых учебниках и учебных пособиях наряду с рассказами о Сталине, Жукове и т.п., а в учебном пособии М.Н.Черновой «Люди и судьбы России-XX век» материалы о Власове представлены среди биографий «людей, внесших заметный вклад в историю своей страны», более того, утверждается, что в борьбе со сталинизмом Власов «решил использовать немцев». Российские авторы таких сочинений ничем не отличаются в вопросах «установления» историче-

ской правды от украинских авторов, которые возносят на исторический пьедестал Бандеру и Шухевича.

В свою очередь, многие политические и государственные деятели прибалтийских государств говорят о «нелегитимности послевоенного мироустройства». Эстония, отвергая итоги Второй мировой войны, заявляет о своих претензиях на часть Псковской и Ленинградской областей; Литва высказывается за создание международного суда над «Советским геноцидом»; специальная правительственная комиссия Латвии занимается подсчетом «ущерба», якобы нанесенного ей Россией; созданная в Молдавии государственная «комиссия по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима» по примеру прибалтов готовит свои «счета» к России.

Прибалтийские республики, настаивая применительно к их присоединению к СССР на термине «оккупация», ищут призрачный шанс рассчитывать на некую компенсацию. В разработанном на эту тему плане аж до 2020 г. значатся такие пункты: создание трибунала по бывшему СССР, приравнивание СССР к Третьему рейху, осуждение коммунизма, выдвижение политико-финансовых и историко-моральных требований к России. Фальсификаторы даже не задумываются над тем, что под запущенным ими в оборот тезисом «советской оккупации» Прибалтики, следуя такой логике, можно понимать и подписание 10 октября 1939 г. в Москве министрами иностранных дел СССР и Литовской Республики В.Молотовым и Ю.Урбшисом договора, согласно которому СССР передал Литве город Вильно (Вильнюс) с Виленской (Вильнюсской) областью. Никак не согласуются утвердившиеся диверсионно-идеологические штампы о «советской оккупации», «геноциде», «русификации» с реальной картиной ввода советских войск в прибалтийские республики в июне 1940 г., с развитием экономики и социальной сферы в интересах латышского, литовского и эстонского этносов (особенно в сравнении с положением прибалтийских русских сегодня).

Парламентарии трех прибалтийских стран, сменив в новых исторических условиях антисоветскую риторику на антироссийскую, развернули против России агрессивную политико-идеологическую войну с использованием самых худших приемов «холодной войны». Войну эту они ведут как с трибуны своих национальных государственных институтов, так и структурах европейского сообщества, куда их страны входят в качестве равноправных членов – Евросоюз, Европарламент, НАТО и т.д. За громогласными инсинуациями об «одинаково преступном» характере политики довоенного Советского Союза и фашистской Германии четко просматривается стремление учинить новый Нюрнбергский процесс с целью объявить СССР преступным государством, распространив такую оценку на современную Россию как правопреемницу СССР. Фактически открыт «второй фронт» по пересмотру итогов Второй мировой войны, причем открыт не только в отдельных странах, а в целом на Западе. «Пригласив в НАТО семь стран Центральной и Восточной Европы, альянс добился самой большой победы за полвека. Он перечеркнул «пакт Молотова–Риббентропа» и «Ялтинские соглашения», – эти слова, произнесенные 1 декабря 2002 г., принадлежат тогдашнему генеральному секретарю НАТО Дж.Робертсону, который, как видно из текста, поставил на один уровень «пакт» и Ялтинские соглашения, которые подписаны в том числе и премьер-министром Великобритании. У властей Латвии и Эстонии в почете престарелые пособники ээсовцев, национальными героями Украины были объявлены в период правления Ющенко бандеровцы, которые по своей жестокости против своего же народа часто

превосходили даже гитлеровцев, в пропагандистских кампаниях против «русских оккупантов» выступают поляки, которые лично выслуживались перед рейхом.

В некоторых постсоветских республиках и бывших соцстранах развернулась беспрецедентная война с памятниками, увековечившими Великую Победу над фашизмом, причем акты вандализма осуществляются или с молчаливого согласия, или даже с участие официальных властей: достаточно вспомнить о демонтаже «Бронзового солдата» (памятника советским воинам) в эстонской столице. «Актом государственного вандализма» и «вызовом всему мировому сообществу» назвал МИД РФ взорванный в Кутаиси по указанию Саакашвили мемориал воинской славы, посвященный грузинам, павшим в годы Великой Отечественной войны.

За несколько месяцев до демонтажа Монуумента воину-освободителю в Таллинне эстонский парламент одобрил закон, приравнивающий советскую символику к нацистской, и принял поправки к закону «О праздничных датах», согласно которым предписано отмечать траурный день памяти «борцов за освобождение Эстонии» из числа легионеров Ваффен-СС, других нацистских пособников и «лесных братьев», но зато запрещено праздновать в Эстонии 22 сентября – День освобождения Таллинна от немецко-фашистских захватчиков. На такие действия эстонских власти своеобразной оказалась зарубежная реакция: критически отреагировали только политики из правящей коалиции Словакии и Бельгии, а также бывший канцлер ФРГ Герхард Шредер; Вашингтон, ЕС и НАТО проявили понимание «эмоций» Таллинна.

В этом же ряду появление «музеев советской оккупации» в Польше, Тбилиси и Киеве, закрытие польскими властями посвященной уничтоженным советским гражданам экспозиции в Освенциме. Экономической составляющей этого процесса явилось законодательно зафиксированное требование Литвы получить от России компенсацию за якобы имевшую место «оккупацию». Следуя «примеру» прибалтов, польский сейм 16 сентября 2009 г. официально назвал ввод советских войск на территорию Западной Украины и Белоруссии четвертым разделом Польши.

21 мая 2009 г. правительство Эстонии одобрило внесенный министерством юстиции законопроект об учреждении в стране Дня памяти жертв преступлений сталинизма и нацизма. Цель этой акции – выставить России исторический счет, доказать «идентичность преступных режимов» и, в конце концов, добиться пересмотра роли Советского Союза во Второй мировой войне. Памятной датой объявлено 23 августа, т.е. день подписания советско-германского договора о ненападении.

Парламентская фракция входящей в латвийское правительство партии «ОС»/ДННЛ направила на рассмотрение в Сейм поправки к Уголовному закону, согласно которым за публичное отрицание «факт оккупации Латвии» и призыва к такому отрицанию предусмотрена уголовная ответственность. Латвийский сейм принял декларацию о советских репрессиях на Украине в 1932–1933 гг., объявив «голодомор» геноцидом украинского народа. 16 марта в Латвии отмечается как день латышского легиона Ваффен-СС. А суд Клайпеды признал свастику «историческим наследием современной Литвы».

«Насилием над историей» явилось принятие 3 июля 2009 г. Парламентской ассамблеей ОБСЕ резолюции «Воссоединенная Европа: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI в.». В ней СССР приравнен к нацистской Германии, период

правления И.В.Сталина обозначен как «сталинизм» и приравнен к идеологии Третьего рейха в период руководства А.Гитлера. Согласно резолюции, советский режим наравне с Германией несет ответственность за развязывание Второй мировой войны. Предшественником этой резолюции явился сделанный в 2006 г. на сессии ПАСЕ доклад о «Необходимости осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов», в исходном названии которого осуждались «преступления коммунизма». Парламентская ассамблея предложила даже установить общеевропейский день памяти жертв сталинизма и нацизма, приурочив его к подоспевшей тогда годовщине подписания «пакта Молотова–Риббентропа». Цель подобных акций многопланова – не только по госзаказу переписать историю и установить «новую» историческую правду, выгодную определенным силам, но и создать предпосылки для стимулирования требований к России со стороны стран бывшего СССР возмещения материального «ущерба от оккупации». Более того, в резолюции от России как участника ОБСЕ требуют отказа от демонстраций во славу советского прошлого и избавления от структур, «приукрашивающих историю».

Фальсификации, связанные с пересмотром итогов Второй мировой войны, создают необходимый информационный фон для усиления в японском обществе настроений в пользу расширения военно-политических прав Токио, которые в свое время были ограничены Конституцией 1947 г. и американо-японским договором 1961 г.; именно в этом контексте официальный Токио все настойчивее ставит вопрос о «несправедливости» Сан-Францисского договора 1951 г., которым союзники ограничили территорию Японии островами Японского архипелага.

Не ушел от фальсификаторского соблазна и президент США Б.Обама, который в ходе мероприятия по случаю 65-летия открытия второго фронта оценил высадку американских и британских войск в Нормандии как «поворотный этап», определивший итог всей дальнейшей антигитлеровской компании в годы Второй мировой войны. Сказав о том, что «оккупация континента могла бы продолжаться бесконечно», если бы операция союзников провалилась, он ничего не сказал о том, что второго фронта не было бы без первого, т.е. без советского фронта, на котором был сломан хребет гитлеровской военной машины и на котором, прежде всего, осуществилась основная партитура войны.

Фальсификаторство глубоко проникло и в школьный, и в вузовский учебный процесс. По мнению ученых, объединенных Национальной лабораторией внешней политики, проанализировавших две сотни школьных учебников истории, изданных в 12 странах бывшего Советского Союза, за исключением Беларуси и Армении, страны постсоветского государства вместо объективного изложения исторических событий преподают школьникам гремучую смесь из мифов по поводу древности своего народа, высокой культурной миссии предков и «заключением врага» – России. В угоду политике из истории вымываются целые пласты, говорящие о добрососедских отношениях с другими странами в прошлом, о той всесторонней помощи, которая оказывалась бывшим республикам СССР, ставшими ныне самостоятельными государствами. В узбекских учебниках, например, не рассказывается о том, как в 1967 г. именно Россия за год отстроила разрушенный землетрясением город; из текстов исключаются все события, которые можно трактовать как благоприятные плоды совместного существования. Во многих учебниках добро превращено во зло, странным образом не меняя своего содержания, знак «плюс» меняется на знак «минус» в зависимости

от текущей политической конъюнктуры. В учебном пособии для одиннадцатиклассников «История Казахстана: Важнейшие периоды и научные проблемы» утверждается о том, что «руководство советской страны, как и царское правительство, рассматривало Казахстан как источник сырья», а стремление казахов к свободе ставится в один ряд с «борьбой индийского народа против английских колонизаторов, борьбой алжирского народа против французского колониального господства, войной вьетнамского народа против американского колониализма». О том, что «индустриализация (в советское время – *А.К.*) превратила Азербайджан в сырьевую базу СССР» и что в годы «перестройки» начал осуществляться «план переселения тюркских народов в Западную Россию, другие славяно-христианские республики», а их земли заселялись «христианским населением», – утверждается в учебнике для старших классов «История Азербайджана». В киргизском учебнике для 5-го класса содержится такой пассаж: «За всю свою трехтысячелетнюю историю кыргызский народ не был в таком жалком состоянии, как при продолжателях дела царского империализма – красных милитаристах».

Практически все учебники в бывших братских республиках грешат приписками к возрасту своего государства. Узбекские учебники утверждают, что узбекская государственность насчитывает около трех тысячелетий, а в учебниках прибалтийских авторов (изданных в рамках проекта Совета Европы) обсуждается «этническое происхождение людей каменного века». В эстонских учебниках трактовка периода шведского господства выдержана в самых позитивных тонах вопреки тому, что именно при шведах, в XVII в., от голода, чумы и войн погибло четыре пятых населения (что подтверждается эстонским энциклопедическим словарем). В учебнике «История Эстонии» высказывается «горькое» сожаление: «Отчего же запад не осуществил масштабный крестовый поход на Русь? К 1240 г. время было упущено...». Утверждается также, что в период «советской оккупации» Эстонская ССР мучительно страдала: «были построены многочисленные крупные заводы, шахты и электростанции абсолютно ненужные для самой Эстонии».

В учебнике «История Латвии» для основной школы отмечается, что латышские воины храбро сражались в 15-й и 19-й дивизиях немцев, но ничего не говорится о принадлежности этих дивизий к Ваффен-СС, которая Нюрнбергским трибуналом признана преступной организацией. А эстонским детям в учебниках рекомендуется гордиться добровольческим эстонским батальоном СС «Нарва», созданным в 1943 г. и «проявившим незаурядную отвагу в боях за Украину» (по логике авторов эстонцы и в данном случае боролись за эстонскую независимость). В учебнике утверждается, что Эстония «оказалась в числе проигравших войну», в нем не упоминается кто же все-таки взял Берлин – Советская армия или союзники, из иллюстраций – только фото Гитлера, Муссолини и капитулировавшего немецкого солдата. В молдавских учебниках можно найти утверждение о том, что Гитлер, начав операцию «Барбаросса», опередил наступление советских войск на Запад. Авторы азербайджанских учебников при освещении Великой Отечественной войны то сообщают, что «первая весть о мужестве азербайджанцев пришла из Брестской крепости», где, по их данным, сражались 44 азербайджанца» (по официальным спискам, среди защитников был один азербайджанец), то фактически восторженно пишут о том, как героически сражались азербайджанцы в «особых национальных воинских частях», которые создал Гитлер, и немцы высоко оценили их боевые качества, наградив многих из них медалями.

По утверждению авторов учебника «История Украины. Конец XVIII–начало XX вв.» (выпущен в период «расцвета» «оранжевой идеологии» в Украине), голодомор был «следствием продуманной политики, целью которой были ликвидация проявлений «украинизации», лишение украинцев исторической памяти, нейтрализация их стремления к самостоятельной национально-государственной и культурной жизни. А в учебном пособии, рекомендованном Министерством образования Украины во время президентства в Украине Ющенко, заявлено, что якобы древний украинский язык – ранний санскрит – является матерью всех индо-европейских языков и что он возник и сформировался более семи тысяч лет назад. В трактовке некоторых украинских авторов воссоединение Украины с Россией является не чем иным, как признанием Москвой её независимости, а «Мартовские статьи», которые всего лишь устанавливали условия службы Запорожского войска, самым забавным образом названы неким межгосударственным договором. По воле таких исследователей на политической карте того времени появилась вдруг «Украинская казачья держава», которая потом, оказывается, была «уничтожена» Москвой, что стало одним из «тяжких преступлений царизма перед украинским народом».

Согласно «исследованиям» некоторых современных грузинских авторов, в Дманиси люди жили приблизительно 1800000 лет назад. В Европе не обнаружены останки людей столь далекого времени, поэтому археологи называют дманисских людей «первыми европейцами», а найденные черепа – не принадлежащими виду *homo sapiens* (т.е. «первый грузин-европеец» еще не был человеком разумным, да и Грузия географически находится в Азии, а не в Европе).

Ключевая задача современного общества – восстановление иммунитета против притупляющих политическое чутье людей вирусов, вызываемых искажением истории и использованием этих искаженных образов в политической и информационной практике. История является, прежде всего, наукой, и противодействие фальсификации истории должно рассматриваться в русле той борьбы, которую ведет научное сообщество.

Запущенная в политический оборот идея о том, что острые исторические темы должны быть исключены из текущего политического диалога и что «надо оставить историю историкам», является сомнительной по крайней мере по таким двум соображениям: во-первых, государство не имеет права снять с себя ответственность защищать историческую память и гордость своего народа, что особенно важно для России, восстанавливающей свою историческую субъектность после пережитых столь масштабных разрушительных процессов; во-вторых, попрание русской истории и национальных чувств русского и других населяющих Россию народов возведено в ряде стран (Латвия, Литва, Эстония, Грузия) в ранг государственной политики и оформлено в соответствующих документах, от которых политические и государственные деятели отказываться не собираются. И полагать, что, к примеру, создаваемые ныне в ряде случаев совместные комиссии историков могут изменить всю ситуацию – не только заблуждение, но и уход от решения проблемы по существу. Существенных результатов в этой сфере можно добиться лишь путем интеграции квалифицированных и объективных экспертных оценок исследователей с принципиальной и последовательной политикой государства (в дипломатии, в деятельности органов образования, культуры, науки, в международном научном и культурном обмене и т.д.).

24 сентября 2009 г. президент РФ Д.Медведев с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН объявил о необходимости противодействовать попыткам пересмотреть закрепленные в Уставе ООН итоги Второй мировой войны. Государства-члены ООН единодушно поддержали инициативу России включить в повестку дня сессии Генассамблеи новый пункт «Окончание Второй мировой войны». Согласно данному решению в мае 2010 г. состоялось специальное заседание Генеральной Ассамблеи, посвященное этой дате, на котором принята подготовленная Россией совместно с государствами-членами ОДКБ резолюция по этому вопросу.

Кроме того, уже многократно Генеральная Ассамблея одобряет подавляющим большинством голосов еще одну российскую инициативу – резолюцию «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации определенных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». Основная направленность этого решения – осуждение прославления нацистского движения «Ваффен-СС», недопустимость героизации нацизма, что оскверняет память бесчисленных жертв фашизма и представляет собой попытку беззастенчивой ревизии истории. В документе подчеркивается, что надо учиться на её уроках, а не пытаться задним числом «подкорректировать исторический процесс или придать ему сослагательное наклонение. Из года в год расширяется круг государств, поддерживающих эту российскую инициативу. Против выступают лишь США, ссылаясь вовсе неубедительно на принцип свободы мнений. Страны Евросоюза воздерживаются. Приводимые ими аргументы звучат скорее как отговорки. Но главное – по этому вопросу большинство государств с Россией.

От имени состоявшегося 19 октября 2009 г. учредительного съезда общероссийского общественного объединения «Поколение Победы» в соответствии со ст. 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 45 и 47 Правил процедуры суда был направлен в Европейский суд по правам человека иск против Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ПАСЕ–ОБСЕ) в связи с одобрением ею резолюции «Воссоединенная Европа: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI в.».

Крупным событием в борьбе с фальсификаторами за настоящую историческую правду стала состоявшаяся в декабре 2009 г. в Берлине первая в истории масштабная международная конференция «Уроки Второй мировой войны и холокоста». Её организатором выступил Всемирный конгресс русскоязычного еврейства (ВКРЕ) при поддержке Центрального совета евреев Германии, руководителей еврейских организаций и общин Европы, антифашистских организаций из стран СНГ, Балтии и Восточной Европы. В работе форума приняло участие 500 представителей из 25 стран мира. Результатом работы форума стало создание новой организации – «Международный антифашистский фронт», который консолидирует антинацистские и антифашистские силы во всем мире. Одна из главных задач Международного антифашистского фронта – проведена в каждой стране мониторинга нарушений положения Нюрнбергского трибунала. Участники конференции обратили особое внимание на то, что документах Нюрнбергского трибунала жестко записано, что те организации, юридические и физические лица, правительства тех стран, которые будут реабилитировать воинские формирования, воевавшие на стороне Гитлера, подлежат суду Международного трибунала. Поэтому на конференции решено, что результаты этого мо-

нитинга будут передаваться международные неправительственные организации, для того чтобы бороться с этой чумой.

На Берлинской конференции были приняты также четыре резолюции. Первая стала обращением к странам и народам мира к Совету Европы, к ООН о недопущении реабилитации фашизма. Вторая резолюция – обращение ко всем антифашистским силам по созданию постоянно действующего собрания антифашистских и антинацистских сил. Третья резолюция адресована Парламентской ассамблее ОБСЕ и касается выработки четкого решения по вопросу соотношения двух исторически: деятелей – Гитлера и Сталина. По мнению участников конференции, нужно обратить внимание Ассамблеи на недопустимость одностороннего подхода к этим личностям: нельзя приравнивать Сталина к Гитлеру; нельзя сравнивать ГУЛАГ с Освенцимом – это разные идеологии и разные причины, почему люди туда попадали. Еще одна резолюция касается ситуации со сносом Мемориала славы в Ку-таиси. В ней в частности отмечается, что «война с памятниками, попытки вычеркнуть память о совместной борьбе народов с фашизмом оборачивается войной с собственным народом и его историей». Последняя резолюция конференции касалась ситуации в Украине. В ней осуждается проводившаяся на государственном уровне во времена президентства Ющенко героизация нацистских преступников, возведение в ранг «героев» нации гитлеровских пособников Бандеры и Шухевича, гонения на тех, кто с оружием в руках сражался против фашизма.

В «битвах за историю» необходимо твердо стоять на позиции уважения и защиты отечественной истории во всей её правде, какой бы она ни была, последовательно и системно парировать применение против страны оружия исторической лжи, оберегать накопленное предками богатейшее духовное и интеллектуальное наследие, настойчиво отстаивать сегодняшние национальные интересы. И то, какое место в этом глобальном противоборстве занимает каждый политик, ученый, журналист, педагог – дело совсем не личное, хотя, к сожалению, некоторые думают наоборот. Но, как говорил Л.Толстой, «для того, чтобы научиться говорить правду людям, надо научиться говорить её самому себе». И сегодня актуальным является совет патриарха отечественной историографии Н.М.Карамзина: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бездействия; он должен быть, прежде всего, правдив; но может, да и должен неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а в том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем, прежде всего, должен быть историк».

МОЛОДЕЖЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ОТНОШЕНИЕ К СЕМЬЕ, ОБРАЗОВАНИЮ, ТРУДУ, ВЛАСТИ

В развернувшемся общественном дискурсе о новой социальной реальности высказываются различные точки зрения о влиянии ее изменения на процессы, происходящие в российском обществе. В этой связи выделяются противоречия, лежащие в основе проблем, возникающих в молодежной среде. Изменяющаяся социальная реальность отражается во всех сферах жизнедеятельности молодежи, проявляется в ее отношении к семье, образованию, труду, власти.

В теоретическом плане данный процесс исследуется в парадигме феноменологической социологии знания. С позиций феноменологического подхода под термином «социальная реальность» понимается «вся совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций»⁴⁵. То есть социальная реальность рассматривается не как объективные условия бытия, а как знания людей об этих условиях, приобретенных в процессе «интерсубъективных взаимодействий» (термин Э.Гуссерля). При этом делается упор на обыденное, повседневное знание, как результат жизненного опыта. Знание о конкретных объектах социальной реальности редуцируется в систему значений, смыслов, на основе которых формируется отношение к этим объектам.

На эмпирическом уровне исследование отношения молодежи к семье, образованию, труду, власти как к феноменам социальной реальности осуществляется в образной форме. Исследуется не столько отношение к собственной семье, к своему образованию, к условиям и содержанию труда, к конкретной власти, сколько образ этих объектов реальности, сложившийся в представлении молодых людей. Образное познание реальности предполагает особую форму отношения к ее объектам. «Образ – это рациональное и эмоциональное впечатление о предметах, персонажах, событиях и явлениях материального и духовного мира на основе обозначаемого устойчивого смысла (идеи). Образ вне смысла рассыпается»⁴⁶. Наполняя образы новыми смыслами в изменяющейся реальности, молодые люди конструируют свое отношение к ее объектам. С позиций символического интеракционизма, они действуют на основе значений (смыслов), которые придают этим объектам (Дж.Мид).

⁴⁵ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М., 1994. С.485.

⁴⁶ Аверинцев С. Собр. соч. Словарь. М., 2006. С.386–387.

С социологической точки зрения, под отношением будем понимать «систему сложившихся индивидуальных, групповых представлений, понятий, суждений о социальном объекте, явлении, возникающих вследствие эмоционально-чувственного отражения в индивидуальном или групповом сознании социальной реальности в форме интериоризированного опыта взаимодействий с другими людьми, познания ее природы и сущности, выраженных в социальной позиции индивида, группы»⁴⁷. Социальная позиция молодого человека определяется, прежде всего, по его отношению к базовым характеристикам объектов. Оно вытекает из понимания сущности объектов реальности, их социальных функций, совокупности внутренних и внешних связей, которые результируются в ценностной форме (базовый аспект отношения). Тенденции изменения базовых характеристик наиболее наглядно проявляются в межпоколенческом анализе – в сравнении их оценок в молодом (18–29 лет), родительском (40–59 лет) и дедовском (старше 60 лет) поколениях. Влияние этих тенденций проявляется в деятельностной форме и отражается в семейном положении молодежи, в направленности мотивации ее труда, в работе молодых специалистов по приобретенной специальности, в политических ориентациях молодых людей.

Опираясь на результаты социологического исследования⁴⁸, проанализируем отношение молодежи к семье, образованию, труду, власти как к феноменам социальной реальности.

Базовые характеристики образа семьи складываются из понимания смысла семьи, а также на основе оценки этических характеристик семейных отношений. Рассмотрим, прежде всего, является ли семья ценностью. Для этого проанализируем распределение ответов на вопрос: «В чем для Вас смысл семьи?» (табл. 1).

Распределение ответов, представленных в табл. 1, позволяет сделать вывод о соотношении терминальных и инструментальных ценностей семьи в зависимости от возрастных и гендерных различий. Семья как терминальная ценность определялась набором смысловых значений: потребность («Не могу представить свою жизнь без семьи»); цель (т.е. «Просто должна быть»); любовь. Такое отношение к семье присуще подавляющему большинству россиян (83,6%). В наибольшей степени терминальную ценность семьи разделяют молодые люди. В возрастной группе 25–29 лет ее значение составляет 87,9%. Молодежь значительно больше, чем представители других возрастных групп, видит смысл семьи в любви (45,9% в группе 18–24 года). Значение любви в ценностной структуре с возрастом снижается, но возрастает потребность в семье.

Различается, хотя и незначительно, ценностное отношение к семье мужчин и женщин. Женщины больше ориентированы на семью как терминальную ценность (86,2%).

Таким образом, несмотря на некоторые возрастные и гендерные различия, семья для большинства россиян традиционно является значимой терминальной ценностью. Причем терминальное отношение к семье воспроизводится в молодом поколении.

⁴⁷ Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М., 2014. С.67.

⁴⁸ Исследование проведено Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011 г. Выборка рассчитывалась на основе половозрастных квот, репрезентирующих российское население с учетом региональных особенностей в 66 населенных пунктах в 13 субъектах Российской Федерации. N = 1301 человек. Доля молодежи в возрасте 18–24 года составила 14%; 25–29 лет – 11%. Руководители исследования – проф. Ю.А.Зубок и проф. В.И.Чупров.

Таблица 1

**Ценностное отношение к семье в зависимости от возрастных и гендерных различий,
% к ответившим**

Демографические характеристики		Ценностное отношение к семье							
		Потребность	Необходимость	Средство	Цель	Любовь	Обуза	Терминальная ценность	Инструментальная ценность
Общее распределение		36,7	13,6	2,0	16,8	30,1	0,7	83,6	16,4
Пол	Мужчины	35,5	15,7	2,5	16,7	28,8	1,0	81,0	19,0
	Женщины	37,9	11,8	1,6	17,0	31,3	0,4	86,2	13,8
Возраст	18–24	27,9	10,4	2,2	13,1	45,9	0,5	86,9	13,1
	25–29	35,7	9,3	2,9	14,3	37,9	0,1	87,9	12,1
	30–39	29,7	11,0	3,8	16,9	38,1	0,4	84,7	15,3
	40–49	36,9	15,3	0,8	20,8	25,0	1,3	82,7	17,3
	50–59	45,5	12,2	2,1	17,2	23,6	0,4	86,3	13,7
	60 лет и старше	41,8	20,9	0,7	16,8	18,7	1,1	77,3	22,7

Этические ориентации россиян в сфере семейных отношений оценивались на основе представлений об укладе семьи: о распределении ролей в семье, о желаемом количестве детей, об отношении к детям, о характере и содержании семейных связей. Исторически семья на Руси была патриархальной. Главой семьи являлся муж. Семья была многодетной. Воспитание детей носило преимущественно авторитарный характер. Семейные связи строились на многопоколенной основе с общим ведением домашнего хозяйства. Межнациональные браки не поощрялись⁴⁹. Представления об укладе семьи содержались в ответах на вопрос, заданный в проективной форме: «Создавая семью, какие из перечисленных ее характеристик, Вы считали бы приемлемыми для себя?» (табл. 2).

Общее распределение ответов на поставленный вопрос позволяет дополнить образ семьи россиян. Придерживаясь традиционного взгляда на семью, как на терминальную ценность, большинство россиян отдают предпочтение ее современному укладу. Они предпочитают однопоколенную семью (раздельное проживание от родителей) (68,9%), отношения в которой должны строиться на основе равноправного распределения ролей (60,8%), с общим, совместным ведением хозяйства (72,7%), ориентированы на двух детей (58,4%), воспитание которых должно строиться на демократичной основе, в сочетании строгости и самостоятельности (78,2%).

⁴⁹ См. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953; Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

Таблица 2

Этические ориентации в сфере семейных отношений в зависимости от возрастных и гендерных различий, % к ответившим

Основания ориентаций	Характеристики ориентаций в сфере семейных отношений	Распределение ответов								
		В целом	Возраст (лет)						Пол	
			18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше	Муж.	Жен.
По распределению ролей в семье	Муж – глава семьи	33,1	36,4	44,3	33,5	33,1	28,8	28,6	41,7	25,4
	Жена – глава семьи	6,1	3,8	4,3	5,5	3,8	8,6	9,2	4,6	7,5
	Равноправие	60,8	60,1	51,4	61,0	63,1	62,7	62,3	53,8	67,1
По желаемому количеству детей в семье	Одндетная	17,1	17,5	23,6	18,6	18,6	15,9	11,7	16,7	17,4
	Двухдетная	58,4	56,3	57,9	60,2	60,6	57,9	57,1	57,0	59,7
	Трехдетная и более	21,3	19,1	12,9	17,4	18,2	24,9	30,0	21,7	20,9
	Бездетная	3,2	7,1	5,7	3,8	2,5	1,3	1,1	4,6	2,0
По характеру отношения к детям	Авторитарный	11,4	10,9	12,9	9,7	10,6	9,0	15,0	12,3	10,6
	Либеральный	10,5	9,3	10,7	10,6	11,0	9,9	11,0	12,9	8,3
	Демократичный	78,2	79,8	76,4	79,7	78,4	81,1	74,0	74,8	81,1
По характеру семейных связей	Многопоколенная	31,1	25,1	30,7	27,1	29,7	32,6	38,5	29,4	32,5
	Однопоколенная	68,9	74,9	69,3	72,9	70,3	67,4	61,5	70,6	67,5
По содержанию семейных связей	Независимость каждого члена семьи	27,3	23,0	27,9	28,0	27,1	27,5	29,3	29,7	25,1
	Общее ведение хозяйства	72,7	77,0	72,1	72,0	72,9	72,5	70,7	70,3	74,9
По отношению к межнациональным бракам	Нейтрально	46,3	46,4	49,3	45,8	49,2	48,5	41,0	46,6	46,2
	Одобряю	26,5	29,0	24,3	36,4	22,0	24,5	23,1	27,9	25,3
	Не одобряю	17,4	19,7	12,9	7,6	19,1	17,2	25,6	15,7	19,0

При этом почти половина россиян (46,3%) нейтрально относится к межнациональным бракам. То есть в образе семьи большинства россиян традиционные ориентации вытесняются современными, что не может не отражаться на отношении к семье молодежи.

Молодежь по сравнению с родительским и дедовским поколениями в большей степени ориентирована на современную однопоколенную семью (74,9% – в группе 18–24 года; 69,3% – 25–29 лет). Больше прослеживается в ее среде и ориентация на одндетную и бездетную семью. Даже среди 25–29-летних молодых людей заметно выше доля ориентиро-

ванных на однодетную семью (23,6%). А 5,7% вообще не стремятся иметь детей. Более одобрительно молодежь относится к межнациональным бракам (29%). В то же время среди молодых выше доля тех, кто придерживается традиционного взгляда на доминирующую роль мужчины в семье (36,4%). Причем в возрастной группе 25–29 лет почти каждый второй (44,3%) считает, что муж должен быть главой семьи. Заметно выше среди молодых и ориентация на совместное ведение домашнего хозяйства (77%). По характеру отношения к детям между молодым и родительским поколениями существенной разницы не отмечено. Лишь среди представителей дедовского поколения заметно выше, чем в общем распределении (11,4%), доля сторонников авторитарных методов воспитания –15%. То есть молодежь, воспроизводя традиционное самоценное отношение к семье, больше ориентирована на конструирование современного семейного уклада.

Различается образ семьи у мужчин и женщин, в том числе и в молодом поколении. Мужчины более, чем женщины ориентированы на однопоколенную семью (соответственно, 70,6% и 67,5%); они менее демократичны в отношении к детям (74,8% и 81,1%), но более либеральны (12,9% и 8,3%); чаще придерживаются взгляда, что должна быть независимость, автономность каждого совершеннолетнего члена семьи (29,7% и 25,1%). То есть в большей степени придерживаются современных взглядов на семью. Но при этом они стремятся сохранить традиционное лидирующее положение в семье. Среди них значительно больше процент признающих главенство мужа в семье (41,7% и 25,4%). Подобная ориентация зачастую входит в противоречие с неспособностью современных мужчин материально обеспечивать семью, что приводит к конфликтам. Впрочем, эта неспособность не всегда зависит от самих молодых мужчин, а имеет более глубокие корни, связанные с неравенством социального положения молодежи в стране. В ориентациях на бездетную, однодетную и многодетную семью существенных различий среди мужчин и женщин не отмечается. Это свидетельствует, что желание иметь или не иметь детей в современных условиях определяется не социокультурными, а социальными факторами.

Образ семьи отражается в социальных практиках в сфере семейных отношений, что проявляется в семейном положении и в наличии детей (табл. 3).

Данные, представленные в табл. 3, показывают, что в зарегистрированном браке состоят 54% российских граждан старше 18 лет, в незарегистрированном (в том числе в так называемом гражданском) – 7,6%, каждый десятый разведен (10,4%) или овдовел (10,8%), 17,2% – никогда не состояли в браке. Влияние возраста прослеживается в изменении всех показателей базовых характеристик семейного положения. Обращает на себя внимание высокий процент респондентов, никогда не состоявших в браке. Среди молодежи в возрасте 18–24 года таких большинство – 69,4%, и в группе 25–29-летних молодых людей доля холостяков составляет 24,3%. Тенденция поздних браков обозначилась в начале 1990-х гг. и продолжается до сего времени. Убеденные холостяки составляют в группе 30–39-летних 15,7%, и даже после 40 лет их доля весьма высока. Отмечается рост, вплоть до 60 лет, доли респондентов, состоящих в незарегистрированном браке. Наиболее высокий процент незарегистрированных браков отмечается в группе 18–29-летних (11,4%). Выявленные различия семейного положения отражают противоречия в соотношении традиционных и современных характеристик образа семьи в изменяющейся социальной реальности в различных возрастных группах.

Таблица 3

Семейное положение и наличие детей в зависимости от возраста, % к ответившим

Возраст (лет)	Показатели базовых характеристик								
	Семейное положение (% к ответившим)			Наличие детей (% к состоящим в браке)					
	Никогда не состояли в браке	В зарегистрированном браке	В незарегистрированном браке	Разведены	Овдовели	Ни одного	Один	Два	Больше двух
Общее распределение	17,2	54,0	7,6	10,4	10,8	9,9	33,7	46,9	9,5
18–24	69,4	19,1	8,7	2,2	0,5	37,3	42,2	19,6	0,9
25–29	24,3	54,3	11,4	6,4	3,6	28,9	54,3	21,7	0,1
30–39	15,7	63,1	8,5	10,6	2,1	8,3	44,4	42,6	4,7
40–49	5,5	69,1	8,1	14,0	3,4	4,4	34,1	50,0	11,5
50–59	2,1	59,2	9,0	17,2	12,4	3,8	25,8	53,5	17,0
60 и старше	2,9	51,6	2,6	8,8	34,1	6,8	14,9	66,9	11,5

Среди респондентов от 18 до 60 лет, состоящих в браке, каждый десятый (9,9%) не имеет детей и каждый третий (33,7%) имеет одного ребенка. Половина респондентов (46,9%) имеют двух детей, и лишь 9,5% – трех и более детей. Однако в разных возрастных группах значения этого показателя существенно различаются. Среди молодежи до 29 лет включительно, состоящей в браке, 28,9% не имеют детей и 54,3% имеют одного ребенка. Начиная с 30-летнего возраста процент респондентов, имеющих двух детей, последовательно возрастает, достигая максимума в группе респондентов 60 лет и старше (66,9%). Его значение, по сравнению с группой молодежи 25–29 лет, в три раза выше. В разы выше и доля респондентов старше 50 лет, имеющих трех и более детей. То есть отношение к семье по данному показателю среди молодежи, по сравнению со старшим поколением, заметно рационализировалось. Молодые не спешат создавать полноценную семью и обзаводиться детьми.

Итак, анализ базовых характеристик отношения молодежи к семье выявляет следующие тенденции. Во-первых, семья традиционно остается в сознании молодежи значимой ценностью, хотя и отмечается тенденция инструментального отношения к ней. Во-вторых, изменяющаяся социальная реальность проявляется в весьма противоречивом характере образа семьи молодежи. Воспроизводя традиционную ценность семьи, он заметно дополняется современными представлениями о семейном укладе, причем в разных возрастных,

гендерных группах их соотношение существенно различается. В-третьих, противоречия в сложившемся образе семьи негативно отражаются на реальном поведении молодежи в данной сфере (рост доли незарегистрированных браков, количества разводов, доли одинокорольных семей).

Базовые характеристики отношения к образованию отражают ценностную составляющую его образа в представлении молодежи. Эмпирически они определяются тем, в какой степени образование и приобретаемые знания являются ценностью. На вопрос: «В чем для Вас смысл образования?» ответы распределились следующим образом (табл. 4).

Таблица 4

Ценности образования в зависимости от возрастных и гендерных различий, % к ответившим

Возраст/ пол	Варианты ответов					
	Развитие способностей	Диплом	Потребность в познании	Престиж	Карьера	Общая культура
В целом	26,1	14,5	16,1	4,6	31,1	7,5
Мужской	29,2	17,0	17,2	3,4	28,3	4,9
Женский	23,4	12,2	15,2	5,7	33,7	9,9
18–29 лет	20,9	18,3	12,6	6,5	36,9	4,8
Мужской	22,1	19,0	12,6	6,5	35,5	4,3
Женский	19,8	17,7	12,5	6,5	38,4	5,2

Распределение ответов позволяет сделать вывод о соотношении терминальных и инструментальных ценностей образования в зависимости от возрастных и гендерных различий. Образование как ценность (терминальная) определялась набором смысловых значений: развитие способностей, потребность в познании, общая культура. В целом, по совокупности значений терминальная ценность образования составила 49,7%, в том числе среди мужчин – 51,3%, а среди женщин – 48,5%. Среди молодежи в возрасте 18–29 лет отношение к образованию как к терминальной ценности существенно ниже (38,3%), хотя сохраняется тенденция гендерных различий (39% среди мужчин и 37,5% среди женщин). Две трети молодежи (61,7%) придерживаются инструментального отношения к образованию как к средству достижения других целей (диплома, престижа, карьеры). При этом женщины, в том числе и молодые, в большей степени, чем мужчины, связывают смысл образования с карьерой. Образование они чаще рассматривают для себя как «социальный лифт» и как способ преодоления существующего неравенства с мужчинами.

Таким образом, в российском обществе сохраняется некий паритет самоценного, т.е. традиционного отношения к образованию (49,7%) и инструментального, отражающего современные ценности (50,3%). Однако в молодежной среде этот паритет нарушен в пользу инструментальных ценностей образования (38,3% против 61,7%). Для сравнения в 2002 г. это соотношение составляло 58,6% против 41,4%. То есть отмечается тенденция существенного снижения доли терминальной ценности в отношении к образованию молодежи и рост инструментальной ценности. Подобный «всплеск» инструментальной ценности обра-

зования свидетельствует о наличии весьма влиятельного негативного фактора, связанного, по всей видимости, с очередным этапом модернизации системы образования.

Обращает на себя внимание весьма низкий процент связывающих смысл образования с познанием. В этой связи рассмотрим, в какой степени знание является ценностью в обществе и для молодых людей, т.е. когнитивной ценностью, также относящейся к базовым характеристикам отношения к образованию.

Вопрос, направленный на исследование ценности знания, состоял из нескольких альтернативных суждений, выбор которых предполагал соответствующую оценку. Альтернатива: «Знание – это главное достояние человека» / «В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги» – предполагает оценку понимания респондентом роли знания в жизнедеятельности современного молодого человека (соответственно, терминальную или инструментальную ценность знания). Следующая альтернатива: «К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни» / «Знания – не самоцель, а средство решения поставленных задач» – уточняет предыдущую оценку на выявление терминального и инструментального аспекта когнитивной ценности. Результаты ответов на поставленный вопрос содержатся в табл. 5.

Таблица 5

Ценностное отношение к знанию в зависимости от возрастных и гендерных различий, % от числа опрошенных

Возраст/пол	Распределение ответов			
	Знание – это главное достояние человека	В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги	К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни	Знания – не самоцель, а средство решения поставленных задач
В целом	61,8	38,2	59,4	40,6
Мужской	59,8	40,2	56,7	43,3
Женский	63,6	36,4	61,8	38,2
18–29 лет	54,2	45,8	53,7	46,2
Мужской	54,1	45,9	51,5	48,5
Женский	54,3	45,7	56,0	44,0

Анализ табл. 5 показывает, что в целом значения терминальной ценности знания в обеих альтернативах превосходят значения инструментальной ценности. Причем, среди молодежи также отмечается положительное сальдо в соотношении значений терминального (54,2% и 53,7%) и инструментального (45,8% и 46,2%) отношения к знаниям, хотя в абсолютном выражении значения терминальной ценности знания заметно ниже, чем в общем распределении (61,8% и 59,4%).

Среди женщин значения терминальной ценности знания существенно выше, чем среди мужчин. Это проявилось в оценках суждений: «Знание – это главное достояние человека»

(63,6% – среди женщин и 59,8% – среди мужчин) и «К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни» (соответственно, 61,8% и 56,7%). Видимо, женщины, связывая в большей степени смысл образования с карьерой, лучше понимают, что социальное продвижение в современном обществе зависит от знаний. А поэтому выше, чем мужчины, оценивают их терминальное значение. Хотя в молодежной среде гендерные различия заметно нивелируются.

Вместе с тем, нельзя не отметить изменение смысла в когнитивной мотивации молодых людей. Почти каждый второй (46,2%) считает, что знания – лишь средство решения поставленных задач, а 45,8% молодых людей убеждены, что деньги могут заменить знания. Для сравнения, в 2002 г. инструментальную ценность знания разделяли 36,8% молодежи в возрасте от 15 до 29 лет. Снижение доли терминальной ценности знания и рост ее инструментального значения во многом связан с единым государственным экзаменом (ЕГЭ), введение которого имело разрушительное влияние на отношение к знаниям молодежи.

Отношение к образованию, как к феномену социальной реальности, нашло отражение в уровне образования молодежи (законченное образование на момент исследования). За последнее десятилетие он изменился следующим образом (табл. 6).

Таблица 6

Изменение уровня образования молодежи, % к ответившим, 2002–2011 гг.

Уровень образования	2002		2006		2011	
	18–24 года	25–29 лет	18–24 года	25–29 лет	18–24 года	25–29 лет
Неполное среднее образование (до 9 классов)	8,6	5,6	8,8	8,5	4,4	0,7
Полное среднее образование	41,1	19,7	37,3	15,5	34,4	13,6
Среднее специальное образование	32,1	46,1	35,6	39,8	36,1	48,6
Высшее и незаконченное высшее образование	18,2	28,3	18,3	35,6	24,6	36,4
Другие виды образования	0	0,3	0	0,6	0,5	0,7

Уровень образования является комплексным показателем, так как в значительной мере отражает ориентации молодежи на различные виды образования, практические возможности его приобретения и реальные действия, направленные на достижение поставленных целей. Как видно из таб. 6, отмечаются позитивные тенденции роста уровня образования молодежи. В 2011 г., по сравнению с 2002 г., существенно снизилась доля молодежи, имеющей незаконченное среднее образование. Одновременно возросла численность молодых людей, получивших среднее специальное, незаконченное высшее и высшее образование. Особенно следует отметить позитивный рост среднего специального образования среди молодежи, учитывая его резкое снижение в 90-е гг. Если в 1997 г. доля молодежи в возрасте 18–29 лет со средним специальным образованием составляла 35,6%, то в 2011 г. – 42,3%. Тем самым обеспечивается и качественный рост контингента абитуриентов в высшие учебные заведения. Заметна тенденция «омолаживания» уровня высшего образования. В два раза чаще стали приобретать высшее образование молодые люди в возрасте до 24 лет. Это, видимо, связано с мерами по отсрочке студентов от службы в армии, и имеет большое значение в становлении профессиональных качеств молодых специалистов. Причем, от этого

выиграла и армия, получив возможность расширить в своих рядах контингент молодых людей с высшим образованием.

Позитивная направленность выявленной тенденции особенно заметна на фоне образовательной структуры в других возрастных группах (табл. 7).

Таблица 7

Уровень образования по возрастным группам, % к ответившим

Возраст (лет)	Уровень образования				
	Неполное среднее	Полное среднее	Среднее специальное	Высшее, незаконченное высшее	Ученая степень
18–24	4,4	34,4	36,1	24,6	0,5
25–29	0,7	13,6	48,6	36,4	0,7
30–39	3,4	14,0	47,9	33,9	0,8
40–49	3,0	12,3	53,0	31,0	0,8
50–59	5,6	19,7	53,6	20,2	0,9
60 и старше	23,1	18,7	44,3	13,6	0,4

Как следует из анализа табл. 7, по удельному весу высшего образования нынешнее поколение молодежи выгодно отличается от предыдущих. При этом каждый четвертый молодой человек в возрасте 25–29 лет (23,5%) продолжает учебу в среднеспециальных учебных заведениях, а 58,8% – в вузах.

Существенно изменяется структура образования в зависимости от гендерных различий (табл. 8).

Таблица 8

Уровень образования в зависимости от возрастных и гендерных различий, % к ответившим, 2011 г.

Возраст/ пол	Уровень образования			
	Неполное среднее	Полное среднее	Среднее специальное	Высшее, незаконченное высшее
В целом	7,8	18,5	47,5	25,7
Мужской	6,7	20,9	48,0	24,3
Женский	8,7	16,4	47,0	27,0
18–29 лет	3,1	25,1	41,4	30,1
Мужской	2,4	31,4	43,8	22,5
Женский	3,9	18,8	39,0	37,7

Как видно из анализа общего распределения, среди мужчин выше доля респондентов, имеющих полное среднее образование (20,9%), чем среди женщин (16,4%). Но ниже доля с высшим и незаконченным высшим образованием (соответственно, 24,3% и 27%). Особен-

но заметны гендерные различия в уровне образования среди молодежи в возрасте 18–29 лет. Мужчины в этой возрастной группе опережают женщин по уровню полного среднего образования (31,4% и 18,8%) и среднеспециального образования (43,8% и 39,0%), и заметно отстают от них по наличию высшего и незаконченного высшего образования (22,5% и 37,7%). То есть женщины в России имеют более высокий уровень образования, чем мужчины, и эта тенденция воспроизводится молодежью.

Таким образом, отмечены следующие тенденции в отношении молодежи к образованию в изменяющейся социальной реальности. Во-первых, на фоне паритета в соотношении традиционных и современных ценностей образования в российском обществе, среди молодежи за последнее десятилетие произошло резкое снижение доли терминальных ценностей и рост инструментальных ценностей образования. Это указывает на наличие системной причины, связанной с реформированием образования. Во-вторых, выявлено противоречие между тенденцией инструментализации отношения к образованию и сохраняющимся пока терминальным отношением к знанию, несмотря на резкое снижение его значений. В-третьих, данное противоречие позитивно отразилось на повышении уровня образования молодежи, по сравнению с родительским поколением, но снижением качества знаний.

Базовые характеристики образа труда отражают понимание сущности (смысла) труда, а также этические представления в сфере трудовых отношений.

Понимание сущности труда анализировалось на основе ответов на вопрос: «В чем для Вас смысл труда?» (табл. 9).

Таблица 9

Понимание молодежью смысла труда, %

Варианты ответов	Распределение ответов по возрасту	
	18–24 года	25–29 лет
Ощущение своей полезности	14,2	12,1
Возможность заработать	59,6	65,0
Внутренняя потребность	7,1	5,0
Вынужденная необходимость	12,6	12,1
Творчество	4,9	4,3
Общение	1,6	1,4
Терминальная ценность труда	26,2	21,4
Инструментальная ценность труда	73,8	78,6

Как видно из табл. 9, большинство молодежи связывает труд с заработком. Так понимают смысл труда 59,6% молодых людей в возрасте 18–24 года и 65% – в возрасте 25–29 лет. Если учесть, что почти каждый десятый (12,6% и 12,1%, соответственно) относится к труду как к вынужденной необходимости, а около полутора процентов (1,6% и 1,4%, соответственно) как к возможности общения, то становится очевидным вывод, что три четверти молодежи труд рассматривают как средство решения актуальных жизненных проблем. Ощущение полезности своего труда, т.е. его общественной значимости, присуще соответ-

ственно 14,2% и 12,1% молодых людей. Еще меньше (7,1% и 5%) смысл труда связывает с внутренней потребностью трудиться, а также с возможностью реализации своего творческого потенциала (4,9% и 4,3%). Это означает, что терминальная ценность в образе труда присуща лишь четвертой части молодежи (соответственно, 26,2% и 21,4%). В отношении к труду большинства российской молодежи доминируют инструментальные ценности.

Сравнительный межпоколенческий анализ показывает, что данная тенденция унаследована молодежью от родительского поколения, трудовая социализация которого пришлась на период горбачевской перестройки и развала Союза.

Проанализируем, как изменяется образ труда в различных и возрастных и гендерных группах россиян (табл. 10).

Таблица 10

Изменение отношения к труду в зависимости от демографических характеристик

Демографические и религиозные характеристики		Показатели отношения к труду								
		Ценности (% к ответившим)		Интересы (% к опрошенным)						
		Терминальная ценность труда	Инструментальная ценность труда	Самореализация в профессии	Интересная, творческая работа	Возможности для предпринимательства	Самоутверждение в коллективе	Достойный заработок	Ощущение полезности	Обеспечение элементарных средств существования
Общее распределение		27,7	72,3	31,2	32,2	7,4	14,2	73,3	31,7	21,9
Пол	Мужской	25,9	74,1	32,5	29,4	8,2	14,2	76,5	26,8	21,4
	Женский	29,3	70,7	30,0	34,8	6,7	14,2	70,5	36,1	22,4
Возраст (лет)	18–24	26,2	73,8	38,3	41,5	8,2	21,9	76,5	23,5	15,3
	25–29	21,4	78,6	36,4	34,3	12,1	15,0	78,6	26,4	15,7
	30–39	21,2	78,8	33,1	33,5	7,6	12,7	76,7	23,7	25,4
	40–49	22,4	77,6	30,1	31,8	9,3	13,1	75,4	29,7	26,3
	50–59	25,3	74,7	27,5	29,2	6,0	12,9	68,2	33,5	24,5
	60 лет и старше	44,0	56,0	26,4	27,1	3,7	12,1	68,1	47,3	20,5

Как видно из табл. 10 терминальная ценность труда в большей мере присуща молодежи от 18 до 24 лет (26,2%), т.е. на этапе трудового старта. А затем с повышением возраста, вплоть до предпенсионного (50–59 лет), наблюдается рост инструментальных ценностей в отношении к труду. Очевидно, что прагматизация современной реальности с возрастом усиливается. Лишь в дедовском поколении (старше 60 лет) отношение к труду как к тер-

минальной ценности резко возрастает (44% против 27,7% в общем распределении). Здесь, видимо, проявляются последствия социализации в сфере труда в советский период людей старшего поколения. Последовательно возрастает от 23,5% в группе 18–24-летних до 47,3% среди тех, кому 60 лет и старше понимание общественной значимости труда. Как видно, общественный смысл труда, сформированный в историческом сознании россиян, сохраняет свое значение и в современной реальности.

Заметно изменяется образ труда в зависимости от гендерных различий. Для женщин более характерна терминальная ценность труда, чем для мужчин (соответственно, 29,3% и 25,9%). Рассматривая нередко свою работу как подспорье в семье, они чаще, чем мужчины видят в ней доказательство собственной полезности (соответственно, 36,1% и 26,8%), меньше проявляют заинтересованность в достойном заработке (70,5% и 76,5%) и больше в интересной и творческой работе (34,8% и 29,4%). То есть женщины рассматривают труд преимущественно как способ эмансипации и самореализации.

Важная роль в образе труда принадлежит интересам. Они входят в его структуру в качестве способов реализации потребностей, определяя характер отношения к труду. Интерес к тем или иным аспектам труда проявляется в форме ожиданий (экспектаций). Мы ожидаем получить в результате трудовой деятельности то, в чем заинтересованы. Поэтому об интересах в мотивационной структуре, можно судить, проанализировав, что ожидает молодежь от труда. Интересы самореализации посредством труда также как терминальное отношение к нему в наибольшей степени выражены среди молодежи 18–24 лет. В этой возрастной группе превышают общие распределения значения интересов в профессиональной самореализации (38,3% против 31,2%), в интересной, творческой работе (41,5% против 32,2%), в самоутверждении в коллективе (21,9% против 14,2%), в достойном заработке (76,5% против 73,3%). То есть в конструируемом молодежью образе труда сочетаются традиционные ценности и интересы с современными. Это свидетельствует, что вступает в жизнь достаточно амбициозное поколение.

Однако с повышением возраста значения этих интересов в образе труда молодежи постепенно снижаются, что связано с накапливающимся субъективным опытом и нереализованными ожиданиями. Сталкиваясь с объективной действительностью, молодые люди пересматривают свое отношение к труду, корректируя характеристики, сформировавшиеся в его образе. В старшей возрастной группе (25–29 лет) лишь каждый третий связывает с трудом ожидание интересной работы (34,3%), ощущения собственной полезности (26,4%), развития профессиональных качеств (36,4%). Знаковым для нынешнего состояния общества является весьма низкая заинтересованность молодых людей в самоутверждении в трудовом коллективе (15%). Очевидно, они не ожидают от солидарности в нем возможности решения своих актуальных проблем. Не видит подавляющее большинство молодежи возможности удовлетворения посредством труда своего интереса к предпринимательской деятельности (12,1%), что лишний раз свидетельствует о несовершенстве рыночных отношений в России. Как следует из анализа, большинство молодежи, особенно в старшей возрастной группе, не ожидает от труда реализации своих насущных интересов.

Интересы обеспечивают деятельностную направленность образа труда, если возможности осуществления ожиданий становятся реальными. Проанализируем, как изменились оценки молодыми людьми своих возможностей в сфере труда за последние годы. Для этого

сравним, какова доля молодежи, оценившей свои возможности выше среднего балла (4 по семибальной шкале) в 2002 г. и 2011 г. (табл. 11).

Таблица 11

Оценка возможностей реализации интересов в сфере труда, %, 2002–2011 гг.

Интересы	Оценка возможностей выше среднего	
	2002	2011
Найти (сменить) работу	47,5	48,4
Повысить квалификацию	58,1	58,6
Повысить заработную плату	38,5	43,0
Продвинуться по службе	35,2	47,0
Защитить свои права	35,3	53,2
Создать (расширить) свой бизнес	19,2	26,1

Сравнительный анализ данных, содержащихся в табл. 11, свидетельствует о значительном расширении возможностей молодежи в сфере труда по сравнению с 2002 г. Однако, несмотря на положительную тенденцию, лишь каждый второй респондент оценивает возможности реализации своих интересов в сфере труда выше среднего балла. А возможность создания (расширения) собственного бизнеса – еще меньше (26,1%). Это означает, что для половины молодежи возможности не стали реальностью. Существовая в декларативной форме, они не активизируют интересы, что и отражается в низком уровне ожиданий их реализации посредством труда.

Такое несоответствие особенно заметно в оценках интереса к повышению заработка и возможностей его реализации. Как отмечалось выше, заинтересованность в получении достойного заработка проявили 77,5% молодежи в возрасте 18–29 лет, а возможность его повышения оценили для себя лишь 43%. Очевидно, что подобное несоответствие негативно отражается на отношении к труду. Об этом свидетельствует и характер связи между оценкой возможности реализации интересов и ценности труда. В группе респондентов, не имеющих возможность повысить свою заработную плату (1-я и 2-я позиции на семибальной шкале), труд как терминальную ценность отмечают 16,1%, в то время как в группе с высокой степенью возможности (6-я и 7-я позиции) – 26,7%. Противоречие между интересами и возможностями их реализации возникло не сегодня. Но ныне оно осмысливается не столько в связи с конкретными условиями трудовой деятельности, сколько с изменением функций труда в новой социальной реальности, связанным с его рационализацией.

Рационализация труда, отразившаяся в инструментализации отношения к нему, проявляется не в том, что люди стремятся получать достойную заработную плату. В условиях рынка – это естественное стремление, являющееся условием повышения эффективности труда, постольку, поскольку оно связано с его результатами. Проблема видится в отсутствии возможности для значительной части молодежи обеспечить посредством труда благополучную жизнь, что отразилось в доминанте интереса к достойному заработку. Неудовлетворенное стремление к справедливой зарплате снижает актуальность других интересов, ограничивая возможности труда в их реализации. В результате утрачивается одна из его

важнейших функций – производство духовных сил человека. Сегодня добросовестный труд не только перестал быть фактором вертикальной мобильности, но и все меньше обеспечивает элементарные материальные и духовные потребности молодых людей. А без этого труд не может быть эффективным. Таким образом, изменившиеся функции труда в новой социальной реальности становятся препятствием на пути повышения его производительности.

Рассмотрим, как изменяются в разных гендерных и возрастных группах этические характеристики образа труда (табл. 12).

Таблица 12

Изменение этических характеристик образа труда в зависимости от демографических характеристик, %

Демографические характеристики		Этические характеристики, присущие в полной мере				
		Трудолюбие, честное, добросовестное отношение к труду	Ответственность	Бережливость	Самоотдача в труде	Индивидуализм, принцип каждый за себя
Общее распределение		62,0	62,6	51,3	53,3	22,1
Пол	Мужской	58,7	58,8	46,6	50,2	23,2
	Женский	65,0	65,9	55,6	56,0	21,2
Возраст (лет)	18–24	36,1	45,4	33,9	36,6	36,1
	25–29	39,3	41,4	23,6	33,6	37,9
	30–39	45,3	44,1	40,3	35,2	28,0
	40–49	63,6	63,6	51,7	48,3	18,6
	50–59	78,5	76,8	61,8	68,2	13,3
	60 лет и старше	90,1	87,9	77,7	81,7	10,3

Анализ табл. 12 показывает, что трудолюбие и ответственность являются доминирующими характеристиками отношения к труду большинства (62%) россиян. Причем каждый второй отмечает, что ему в полной мере присущи бережливость и самоотдача в труде. По всем характеристикам, этические ориентации женщин в сфере труда выгодно отличаются от трудовой этики мужчин. Значения оценок этих качеств, присущих женщинам, выше, чем среди мужчин. Трудолюбия (65% против 58,7% среди мужчин), ответственности (65,9% против 58,8%), бережливости (55,6% против 46,6%), самоотдачи (56% против 50,2%). Лишь индивидуализм в его крайних проявлениях – каждый за себя, присущ женщинам в мень-

шей степени (21,2% против 23,2%), что также можно считать положительной тенденцией. Это означает, что такие качества, как трудолюбие, честное, добросовестное отношение к труду, ответственность, бережливость, самоотдача определяют образ труда большинства россиян. Тем самым развеивается миф о так называемой «совковости», неполноценности трудовых качеств российских граждан.

Однако нынешнее поколение молодежи значительно ниже оценивает наличие у себя перечисленных характеристик этики труда. Они присущи лишь каждому третьему молодому человеку, причем в старшей возрастной группе (25–29 лет) значения их оценок ниже, чем в младшей (18–24 года). Отсюда следует вывод, что в результате осуществляемой модернизации мы не столько формируем новую современную модель трудовых отношений, сколько утрачиваем традиционную.

Отношение к труду формируется еще на учебной скамье. Первые трудовые навыки проявляются в отношении к учебе, к приобретаемым знаниям. А затем многое зависит от того, насколько выпускник ПТУ, техникума или вуза имеет возможность применить полученные знания на практике. Поэтому важным фактором, влияющим на отношение к труду, является работа по приобретенной специальности. В 2011 г. работали в полном соответствии с полученной специальностью – 36,3%; по близкой, схожей специальности – 27,4%; по совершенно другой специальности – 29,7%; затруднились с ответом 6,6%. То есть каждый третий молодой специалист работал не по специальности, полученной в учебном учреждении. Для сравнения в 2002 г. в полном соответствии с полученной специальностью работали 50,1% молодых специалистов, а по другой специальности – 25,2%.

Проследим, насколько работа по специальности связана с отношением молодого специалиста к знаниям и к труду (табл. 13).

Таблица 13

Связь работы по специальности с отношением молодого специалиста к знаниям и к труду, %

Соответствие работы полученной специальности	Отношение к знаниям			Отношение к труду		
	Знание – это главное достояние человека	В наше время без знания можно обойтись, были бы деньги	Знания никогда не бывают лишними	Знания нужны лишь в определенных ситуациях	Терминальная ценность труда	Инструментальная ценность труда
Работа в соответствии с полученной специальностью	58,3	41,7	55,6	44,4	27,8	72,2
Работа по другой специальности	36,4	63,6	48,4	51,5	9,1	90,9

Анализ данных, содержащихся в табл. 13, подтверждает наличие связи отношения к труду с ценностью знания, приобретаемого в вузе. Отношение к знаниям как главному дос-

тоянию человека, а также убежденность, что знания никогда не бывают лишними, свидетельствуют о терминальной ценности знания молодого специалиста. Их разделяют 58,3% и 55,6% специалистов, работающих в соответствии с полученной специальностью. Как видно из табл. 13, значения терминальных ценностей знания среди работающих по другой специальности существенно ниже (соответственно, 36,4% и 48,4%). Обратная картина прослеживается в анализе значений альтернативных суждений, рассматриваемых как инструментальные ценности знаний. Это – суждение, что без знаний в наше время можно обойтись, были бы деньги. Его отметили 41,7% респондентов, относящихся к группе работающих по полученной специальности и 63,6%, работающих по совершенно другой специальности. А также мнение, что знания важны лишь в определенных ситуациях (соответственно, 44,4% и 51,5%). Отсюда следует, что приобретение первой работы по специальности зависит не только от конъюнктуры рынка труда, но и в значительной степени определяется отношением к профессиональным знаниям, приобретаемым в процессе учебы.

В табл. 13 также прослеживается связь работы по специальности с ценностью труда. Терминальная ценность труда значительно выше в группе молодых специалистов, работающих по полученной специальности (27,8%), чем среди работающих по другой специальности (9,1%). То есть работа по приобретенной специальности является значимым фактором формирования профессиональных качеств молодого специалиста и его отношения к труду. Результаты анализа указывают также на корреляцию между отношением к профессиональным знаниям и отношением к труду.

Итак, можно сделать следующие выводы.

В образе труда молодежи отражаются противоречивые тенденции сохранения традиционных характеристик трудовой этики и нарастающих тенденций инструментального отношения к труду. Доминирующая роль материальных интересов и ценностей в мотивационной структуре молодежи, входит в противоречие с низким уровнем возможности их реализации посредством труда. В изменяющейся социальной реальности утрачивает свое влияние на молодежь духовно-нравственная функция труда, без которой не мыслимы современные преобразования в стране.

Рационализация труда в условиях утраты духовно-нравственных регуляторов приобретает извращенные формы, проявляясь в «рваческом», «шабашническом» отношении к работе и бизнесу, в подмене результатов труда симулякрами, в имитационных моделях трудовой деятельности, в мошенничестве и коррупции.

Базовые характеристики образа власти. Они вытекают из понимания сущности власти и её социальных функций, т.е. характеризуют такое отношение, которое не зависит от конкретных действий конкретной власти. Учитывая различие традиционной и современной политических культур, показателями базовых характеристик отношения к власти будут являться следующие противоположности: единовластие–разделение властей, персонификация–деперсонификация, иерархичность–нивелирование иерархии, централизация–децентрализация. Для анализа использовались ответы на вопрос: «Как Вы считаете, что для России лучше подходит, учитывая ее исторические особенности (выбрав одно из двух утверждений по каждой строке)?». Ответы распределились следующим образом (табл. 14).

Таблица 14

Традиционная и современные модели образа власти, % к ответившим по строке

Распределение ответов по возрасту							
Традиционная модель			Современная модель				
	18–24 года	25–29 лет	Общее распределение		18–24 года	25–29 лет	Общее распределение
Сильный лидер, умеющий сосредоточить в своих руках всю полноту власти	65,0	72,9	72,6	Сильные политические партии	24,0	17,1	17,5
Монолитное государство с управлением из единого центра	43,2	53,9	52,4	Самостоятельность регионов	47,5	39,3	38,5
Умный, мудрый и честный руководитель	73,8	70,0	70,8	Не важно, кто управляет страной, важно чтобы он соблюдал закон	20,8	23,6	24,4
В стране должен быть хозяин – нашему народу нужна «сильная рука»	59,6	61,4	65,5	Нельзя допускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека	30,1	26,4	24,7
Парламент должен быть ответственен перед Президентом	53,0	47,9	49,3	Парламент должен быть независим от Президента	31,1	32,9	34,8
Суд должен быть ответственен перед Президентом	38,3	29,3	34,5	Суд должен быть независим от Президента	48,6	51,4	52,9
Губернатор должен отвечать перед Президентом	47,5	42,9	46,3	Губернатор должен отвечать только перед народом	42,1	40,0	40,7
Мэр должен отвечать перед губернатором	41,5	36,4	38,5	Мэр должен отвечать только перед народом	47,0	44,3	47,3
Областная Дума должна отвечать перед губернатором	48,6	39,3	42,8	Областная Дума должна быть независима от губернатора	31,7	37,9	37,8
Городская Дума должна отвечать перед мэром	49,2	37,9	42,7	Городская Дума должна быть независима от мэра	31,7	40,0	37,7

В дихотомии базовых характеристик образа власти, представленных в табл. 14, единовластие, персонификация, иерархичность, централизация, соответствуют традиционному обществу, а разделение властей, деперсонификация, нивелирование иерархии, децентрализация – современному. Большинство россиян (72,6%) считают, что в стране должен быть «сильный лидер, умеющий сосредоточить в своих руках всю полноту власти», тогда как за существование сильных политических партий «проголосовало» лишь 17,5% респондентов.

Это говорит о преобладании идеи единовластия в представлениях россиян. Сторонников единовластия больше среди мужчин (75,3%), а также среди наиболее экономически активной части населения (30–39 лет – 75,4%). Самая большая доля сторонников единовластия в старшем поколении (60 лет и более – 79,1%), сильнее других унаследовавшем традиционную политическую культуру. Среди молодежи в возрасте 18–24 года меньше сторонников единовластия (65%) и больше приверженцев сильных политических партий (24%), т.е. разделения властей. Но в старшей возрастной группе молодежи (25–29 лет) значения оценок приближаются к общему распределению.

Доминирующая ориентация на данную базовую характеристику образа власти проявилась и в суждении – «в стране должен быть хозяин – нашему народу нужна «сильная рука» (65,5%). Только четверть российских граждан (24,7%) возражает против единовластия – «нельзя допускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека. Большинство молодежи также разделяет идею «сильной руки», хотя и в меньшей степени, по сравнению с родительским и дедовским поколениями (59,6% – среди 18–24-летних и 61,4% – среди 25–29-летних молодых людей). Несмотря на принятую два десятка лет назад демократическую конституцию, демократическое сознание в народе не возобладали, иначе бы противников единовластия было большинство, потому что нет ничего более крамольного для демократии, чем идея передачи всей власти в руки одного человека. Но российский народ «не чуток» к демократическим «табу», в нем преобладают традиционные воззрения на власть, которые воспроизводятся молодым поколением.

«Монолитное государство с управлением из единого центра» превалирует с существенным перевесом (52,4%) над идеей «самостоятельности регионов» (38,5%), что свидетельствует о доминировании базовой характеристики – централизация власти. Здесь также выделяются мужчины (53,4%) и лица старше 60 лет (57,9%). Централизация в меньшей степени характерна для образа власти молодежи в младшей возрастной группе (18–24 года). Доля сторонников децентрализации–самостоятельности регионов в этой группе (47,5%) превышает долю сторонников централизации власти (43,2%). Хотя в старшей возрастной группе молодежи (25–29 лет) различия в оценках нивелируются, приближаясь к общему распределению.

Доминирование установки на персонификацию власти над деперсонификацией отражено в предпочтении суждения: «Умный, мудрый и честный руководитель» (70,8%) над альтернативой: «Не важно, кто управляет страной, важно, чтобы он соблюдал закон» (24,%). Связывают власть с личностью руководителя в большей мере женщины (72,4%), молодежь младших возрастных групп (18–24 года – 73,8%) и представители старшего поколения (60 лет и более – 74,7%).

Проявилась традиционная ориентация и в отношении к вертикали власти. Почти половина россиян, включая молодежь, считает, что законодательная власть должна подчиняться исполнительной власти: Парламент – Президенту (49,3% – в общем распределении, 53% – в группе 18–24 года, 47,9% – в группе 25–29 лет), Областная Дума – губернатору (соответственно, 42,8%, 48,6%, 38,3%), городская Дума – мэру (соответственно, 42,7%, 49,2%, 37,9%). Характерно, что число сторонников вертикали власти больше среди женщин и заметно повышается с возрастом, за исключением лиц старше 60 лет. Противоположные суждения о независимости законодательной власти от исполнительной собрали меньше голосов. В независимости Парламента от Президента (соответственно, 34,8%, 31,1%, 32,9%); Областной Думы от губернатора (соответственно, 37,8%, 31,7%, 37,9%); Городской Думы от мэра (соответственно, 37,7%, 31,7%, 40%). И дело даже не в том, что большая часть не только молодежи, но и их родителей не знает закона, а в том, что в их образе власти (какой власть должна быть) закрепились четкая иерархия между исполнительными и законодательными структурами. Иерархичность – базовая характеристика власти традиционного общества, и в данном случае она доминирует в общественном сознании, игнорируя узаконенную независимость двух ветвей власти.

Демократическая идея «разделения властей» нивелирует не только соподчиненность законодательной и исполнительной власти, но и иерархичность власти вообще, включая соподчиненность между исполнительными структурами власти. Если Президент и губернатор занимают свою должность в результате всенародных выборов, то между ними нет иерархии, они отличаются друг от друга только географией компетенции. Мэр вообще не вписывается во «властную вертикаль», поскольку муниципалитет является органом самоуправления. Это все формализовано в законе, т.е. на бумаге, но никак не проявляется в общественном сознании. В политическом сознании россиян, напротив, существует четкая иерархическая соподчиненность между всеми властными структурами. Губернатор должен отвечать перед Президентом (46,3% – в общем распределении, 47,5% – в группе 18–24 года, 42,9% – в группе 25–29 лет). А мэр отвечает перед губернатором (соответственно, 38,5%, 41,5%, 36,4%).

Даже «святая святых» современного демократического общества – норма независимости суда, хотя и разделяется половиной россиян (52,9% – в общем распределении, 48,6% – в группе 18–24 года, 51,4% – в группе 25–29 лет), но каждый третий (соответственно, 34,5%, 38,3%, 29,3%) считает, что суд должен быть ответственен перед Президентом. Как видно, нормы современного и традиционного общества сталкиваются на невидимых фронтах политического сознания.

Проблема состоит в том, что характеристики власти современного общества не выросли естественным путем на российской почве, а были позаимствованы извне. Когда властные отношения органично развиваются в соответствии с доминирующей политической культурой того или иного общества, формируется базовый образ власти, способствующий воспроизводству ее реальной структуры. Но если волевым решением принимается новая форма или структура власти (базовые аспекты которой образованы в лоне другой политической культуры), то включается социокультурный механизм, «ломающий» и перестраивая навязываемую структуру в соответствии с мировоззренческими установками политической культуры данного общества. То есть социокультурный механизм является для общества своеобразной «иммунной системой», поддерживающей это общество в состоянии равновесия и стабильности.

Рассмотрим влияние сложившегося образа власти на политические ориентации различных поколений россиян. Респондентам было предложено оценить по семибалльной шкале справедливость различных суждений, которые выражают их политические ориентации (табл. 15).

Оценки всех суждений, представленных в табл. 15, распределяются в диапазоне от 4 до 7 баллов на основе семибалльной шкалы. Напомним, что если границы исследуемого диапазона сужаются, то увеличивается значимость даже небольших различий в оценках (в десятых и сотых балла). Наивысшие значения принадлежат суждениям: «В нашей стране, нашему народу нужно сильное государство с сильной армией и службой безопасности» – $K = 6,45$ баллов; «В нашей стране тяжелая промышленность и машиностроение должны быть в собственности государства» – $K = 6,14$ баллов; «Иностранный капитал не должен иметь возможность покупать в России землю и заводы» – $K = 5,78$ баллов. Все три суждения отражают государственническую ориентацию.

Таблица 15

Политические ориентации в зависимости от пола и возраста

Суждения	Распределение ответов (К)								
	В целом	Пол		Возраст (лет)					
		Мужской	Женский	18–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 и более
В нашей стране, нашему народу нужно сильное государство с сильной армией и службой безопасности	6,45	6,43	6,47	6,19	6,20	6,46	6,56	6,48	6,64
В нашей стране тяжелая промышленность и машиностроение должны быть в собственности государства	6,14	6,18	6,10	5,60	5,76	6,14	6,31	6,27	6,42
Иностранный капитал не должен иметь возможность покупать в России землю и заводы	5,78	5,73	5,80	5,46	5,32	5,81	5,87	5,80	6,05
Не только Президент, но и губернаторы должны избираться прямым голосованием всего народа	5,77	5,83	5,74	5,93	5,71	5,72	5,76	5,72	5,85
В жизни каждый человек должен полагаться только на себя	5,28	5,33	5,23	5,31	5,24	5,21	5,32	5,29	5,29
Каждый человек должен самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, а не ждать помощи от государства	5,15	5,30	5,08	5,30	5,32	4,94	5,19	5,26	5,16
Россия должна восстановить свои границы, вернуть себе Крым и другие территории, утраченные после распада СССР	5,27	5,22	5,31	4,96	5,01	5,32	5,36	5,37	5,46
В России власть Президента должна быть ограничена парламентом, следящим за правильностью его решений	5,10	5,15	5,05	4,99	5,08	5,10	5,07	5,07	5,22
Россия – это государство, прежде всего, русских	4,35	4,33	4,37	4,54	4,40	4,55	4,32	4,32	4,14
Победа на выборах демократических лидеров поможет России выйти из кризиса	4,21	4,20	4,22	4,18	4,19	4,36	4,17	4,17	4,18

Примечание: К – средневзвешенный коэффициент по семибальной шкале оценок.

Стремление к сильному независимому государству традиционно присуще национальному характеру россиян. Эта традиция была унаследована в коммунистической идеологии, которая определяла направленность советской государственной политики на протяжении XX в. Не случайно в большей степени она сохраняется в образе власти в средних и старших возрастных группах, а также среди женщин, более ориентированных на стабильность, которую они связывают с сильным государством (К = 6,67), не зависимым от иностранного капитала (К = 5,80). Разделяет приоритет государственнической позиции и большинство молодежи, хотя в абсолютном выражении значения их оценок (коэффициентов) ниже

общего распределения. Ориентация на сильное государство с сильной армией и службой безопасности занимает первое место среди других политических ориентаций молодежи (K = 6,20).

Вместе с тем четко прослеживается влияние на образ власти демократических ориентаций. Респонденты высоко оценили суждение: «Не только Президент, но и губернаторы должны избираться прямым голосованием всего народа» (K = 5,77), отражающее традиционно-демократическую ориентацию. После государственнической она занимает вторую позицию. Среди ее сторонников выделяются мужчины (K = 5,83), молодежь младших возрастных групп (18–24 года – K = 5,93) и лица старше 60 лет (K=5,85). Это свидетельствует, что демократизм власти становится значимой характеристикой отношения к ней не только среди молодежи, но и в старшем поколении.

Однако, разделяя демократические ориентации, россияне в целом и молодежь далеки от стремления их радикализировать. На это указывают наиболее низкие значения суждений: «В России власть Президента должна быть ограничена парламентом, следящим за правильностью его решений» (K = 5,1 – в общем распределении; K = 4,99 – в группе 18–24 года; K = 5,08 – в группе 25–29 лет) и «Победа на выборах демократических лидеров поможет России выйти из кризиса» (K = 4,21 – в общем распределении; K = 4,19 – среди молодежи), отражающим радикально-демократические ориентации. Причем радикально-демократические взгляды занимают последнее место в структуре политических ориентаций молодежи. Среди радикально настроенной части населения выделяется поколение 30–39-летних граждан (K = 4,36), самый активный период политической социализации которых пришелся на начало 90-х гг. Оценки в остальных возрастных группах незначительно отличаются от общего распределения. Очевидно, не высокую популярность радикально-демократических взглядов среди большинства российских граждан следует учитывать несистемной оппозиции, если она хочет добиться успеха.

Снижают свои позиции в образе власти россиян и либерально-демократические ценности, отразившиеся в суждениях: «В жизни каждый человек должен полагаться только на себя (K = 5,28) и «Каждый человек должен самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, а не ждать помощи от государства (K = 5,15). Хотя данные суждения в большей степени разделяют мужчины (K = соответственно, 5,33 и 5,30), а также молодежь старших возрастных групп (25–29 лет – K = 5,32) и представители среднего поколения (40–59 лет – K = соответственно, 5,32 и 5,26), т.е. наиболее экономически активная и квалифицированная часть населения, нельзя не признать, что либерально-демократические ориентации в образе власти заметно уступают государственническим и традиционно-демократическим. С этим, видимо, связано отсутствие необходимой поддержки со стороны большинства населения либерально-демократических реформ, осуществляемых в постсоветский период.

Еще ниже оценили респонденты суждение – «Россия должна восстановить свои границы, вернуть себе Крым и другие территории, утраченные после распада СССР» (K = 5,27 – в общем распределении; K = 4,96 – в группе 18–24 года; K = 5,01 – 25–29 лет), отражающее крайнюю форму проявления национально-патриотических настроений. Не удивительно, что в большей степени это суждение разделяют представители среднего и старшего поколений (среди 40–49-летних – K = 5,36; среди 49–59-летних – K = 5,37; среди тех, кому 60 и более лет, – K = 5,46). Вместе с тем оценки, превышающие 5 баллов, свидетельствуют,

что в образе власти россиян национально-патриотические ориентации занимают значимые позиции. При этом крайняя форма их выражения придает образу эмоционально-чувственный характер, что активизирует деятельностные аспекты отношения к власти. Особенно это проявляется в отношении к власти в средних и старших возрастных группах, т.е. в родительском и дедовском поколениях, оказывающих влияние на молодежь.

И все же, эмоционально выражая национально-патриотические взгляды, большинство россиян не одобряет национализм. Суждение: «Россия – это государство прежде всего русских», свидетельствующее о националистических ориентациях его сторонников, респонденты оценили лишь в 4,35 балла. Здесь выделяется молодежь в возрасте 18–24 года ($K = 4,54$) и среднее поколение (30–39 лет – $K = 4,55$). Однако даже среди молодежи это самые низкие значения оценок рассмотренных суждений. Ниже – только радикально-демократические ($K = 4,21$ – в общем распределении и 4,19 – среди молодежи). Выходит, что даже ксенофобия, которая ныне преследуется государством по закону, все же более предпочтительна в глазах россиян и молодежи, чем победа на выборах кандидата от радикальных демократов.

Итак, россияне, включая молодежь, – преимущественно государственники. Они ориентированы на власть, способную обеспечить сильное, независимое, демократическое государство. При этом государство мыслится как надежда и опора, а вовсе не противник, с которым призвано бороться гражданское общество, в соответствии с либерально-демократической концепцией.

Сильное государство, по мнению россиян, предполагает централизацию власти. Каждый второй (48,3%) считает, что «Россия будет сильной, когда Президент сосредоточит в своих руках всю полноту власти». И 50% – выразили твердую уверенность, что «На сегодняшний день в России надо продолжать укреплять вертикаль власти». Лишь 15,6% респондентов не согласны с таким мнением, остальные затруднились с ответом. Очевидное противоречие между государственническими и традиционно-демократическими ориентациями в образе власти россиян свидетельствует о существующем противоборстве традиционной и современной моделей в его формировании.

Подводя итог проделанному анализу, и выявив особенности сложившегося образа семьи, труда, образования и власти, попытаемся определить то общее, что характеризует отношение молодежи и россиян в целом к социальной реальности. Исторически сложившееся сосуществование в России двух типов социальной организации, базирующихся на традиционной и современной культурах, предопределили и соответствующие модели отношения к социальной реальности. Причем современная социальная организация приобрела в постсоветской истории институциональный характер, получив правовое закрепление в Конституции и ряде законов. Если в традиционной модели отношения к реальности отражается объективный процесс воспроизводства базовых характеристик объектов, то в современной – их обновление и развитие, которое во многом институционально регулируется.

Проделанный анализ позволил выявить следующие тенденции, характерные для отношения молодежи и россиян в целом ко всем изучаемым объектам социальной реальности.

1. Доминанта традиционных базовых характеристик образа объектов социальной реальности в массовом сознании россиян.

2. Нарастающая тенденция рационализации базовых характеристик под влиянием глобализационных процессов.

Рассмотрим подробнее.

Доминанта традиционных базовых характеристик образа объектов социальной реальности. Традиционное отношение к социальной реальности моделирует повторение прошлых образцов, исторически сложившихся в разных сферах общественной жизни. Причем, зародившись в православной культуре, религиозные основания образов различных объектов социальной реальности постепенно трансформировались в социокультурные. Поэтому выявленные традиционные основания в базовых характеристиках отношения к объектам социальной реальности свидетельствуют о сохранении в российском обществе «ценностно-нормативного ядра» (Ф.Хайек), обеспечивающего ему непрерывность, преемственность и стабильность развития.

Инерционная сила традиций проявляется даже тогда, когда изменилась направленность институционального регулирования социальных отношений. Это свидетельствует об устойчивости сложившейся традиционной модели отношения к объектам социальной реальности в массовом сознании россиян. Несмотря на выявленную тенденцию в молодом поколении проявления современных ориентаций в образе семьи, образования, труда, власти, общая их равнодействующая направлена на воспроизводство традиционной модели социальной реальности. Поэтому недооценка традиций, попытка не считаться с ними в процессе принятия управленческих решений, как правило, приводит к снижению их эффективности. Так произошло с рыночными реформами, с модернизацией образования, с демократизацией политической системы.

Рационализация базовых характеристик. Развитие немислимо без инноваций. Если традиция обеспечивает функционирование и простое воспроизводство социума, то инновация – его расширенное воспроизводство. В выявленных тенденциях изменения отношения к объектам социальной реальности она проявилась в форме рационализации базовых характеристик их образа. Рационализация, предполагающая наличие осознанной цели, наполняет образ различных объектов новыми смыслами, представлениями о новых возможностях. Под влиянием глобализационных процессов они приобретают современное содержание, изменяя характер отношения к окружающей реальности.

Как следует из анализа, выделяются следующие способы рационализации отношения к различным объектам реальности. Во-первых, *путем изменения содержания смысловых значений в традиционно существующих формах.* В привычных понятиях, как например, патриотизм, долг, свобода, постепенно изменяются, а нередко подменяются смыслом, изменяющие, по существу, их содержание. Скажем, в патриотизме любовь к отечеству замещается жизненным комфортом (где хорошо, там и Родина); в понимании чувства долга возвышенное внутреннее побуждение заменяется рациональным обязательством (например, долг перед семьей заменяется брачным контрактом); внутренняя, духовная свобода, традиционно присущая ментальности россиян, противопоставляется внешней свободе (демократическим свободам) и т.д.

Во-вторых, *посредством рационализации способов реализации ожиданий, возникающих в образе различных объектов реальности.* Инновация, по Р.Мертону, предполагает согласие с одобряемыми данной культурой целями, но отрицает социально одобряемые

способы их достижения. Вместо традиционных способов (возможностей) реализации ожиданий появляются новые более рациональные, одобряемые значительной частью людей. Они расширяют возможности реализации ожиданий, но и рационализируют отношение к объектам социальной реальности. Появление современных институтов гражданского общества нашло отражение в межличностных отношениях; новые формы брачных отношений (временных брачных союзов) повлияли на изменение образа семьи; внедрение монетаристских технологий отразилось в инструментализации отношения к труду; единый государственный экзамен (ЕГЭ) изменил отношение к знанию; действия несистемной оппозиции становятся фактором, корректирующим образ власти.

Как показал анализ, рационализация проявляется в отношении к объектам реальности во всех социальных группах. В зависимости от целей она чаще приобретает общественно значимую направленность, но нередко и контр продуктивную. В отношении к семье – в самоощущении ее необходимости (13,6%), но и для карьеры, жизненного комфорта (2%). В отношении к труду – в развитии предприимчивости и достиженческих ориентаций с целью заработать (54,3%), но и в вынужденной необходимости (15,7%). В отношении к образованию – в повышении престижа, возможности продвигнуться по службе (35,7%), но и просто ради диплома (14,5%). Причем, эти соотношения заметно изменяются в разных социальных группах. То есть рационализация происходит на индивидуально-личностном и групповом уровне, что отражает многообразие и противоречивость интересубъективной реальности россиян.

Направленность и характер процесса рационализации отношения к различным объектам социальной реальности во многом зависят от эффективности институциональных форм его регуляции. В стремлении побыстрее покончить с наследием прошлого были разрушены многие нравственные устои общества, что отразилось в прагматизации межличностных отношений, в появлении извращенных образцов отношения людей друг к другу, к окружающим, к обществу. Распространение неолиберальных взглядов на семью привело к росту числа разводов и к снижению рождаемости. Ошибки, допущенные при монетаризации экономики, активизировали рост инструментальной мотивации труда, породили множество конфликтов, негативно отразились на его эффективности. Затянувшаяся и малопонятная для большинства населения реформа образования обернулась снижением качества знаний и конкурентоспособности молодых специалистов на рынке труда. Нежелание власти меняться, на деле, а не на словах проводить более гибкую политику заметно понизило доверие к ее структурам, привело к росту социальной напряженности в обществе. Это означает, что низкая эффективность экономической и социальной политики не только негативно отражается на рационализации отношения к объектам социальной реальности, но и во многом становится тормозом в развитии его современных моделей.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Стержень религиозного знания – представления, основанные преимущественно на вере во что-то сверхъестественное и вероятностного контактирования с ним (своего рода теоретическое основание), с приобретением религиозного опыта (своего рода практики). Налицо слияние теории и практики, точнее, теоретических и практических аспектов исследования религиозности.

В начале хотелось бы сказать о самом религиозном знании. В отличие от всех других видов знания, оно носит априорный характер и при этом не поддается верификации: его нельзя ни опровергнуть, ни обосновать или доказать с научной точки зрения. Оно основывается главным образом на вере в предмет и объект знания. Нельзя знать наверняка, действительно ли так обстоит дело, как это представляется и передается. Религиозное знание, – то, во что верят и свято чтят. Исторически религиозное знание как таковое стало формироваться, думается, не на заре возникновения самой религии в виде первобытных верований, а позже – с накоплением опыта, возникновением письменности, общественных отношений, условий для отправления религиозных культов, постоянное развитие традиционных религиозных догматов и др. Так называемый *социумный* аспект является, на наш взгляд, первоочередным. Без него возникновение, фиксирование и передача каких бы то ни было знаний невозможны. Существенную роль в процессе накопления религиозного знания сыграл и *цивилизационный* аспект. Появившись в процессе зарождения цивилизаций, оно стало накапливаться, так или иначе оформляться и передаваться сначала из уст в уста, затем в зафиксированном виде – разнообразных священных книгах, святынях, предметах и сооружениях религиозного культа, религиозном искусстве, практиках. Не исключено, что при передаче знаний из поколения в поколение на них откладывает отпечаток та или иная эпоха в развитии общества, определенные общественные уклады, воздействует необходимость приспособления к складывающейся в соответствующий период социально-политической ситуации. В данном случае подобное знание – своего рода цивилизационная ценность, наряду с морально-нравственными, культурными (сюда относятся главным образом искусство и литература), политическими, идеологическими, социальными и пр. В свою очередь, оно само создает определенные материальные, культурные и некоторые другие ценности в виде, например, священных писаний, религиозной атрибутики, святынь, зданий, культовых сооружений, предметов искусства, среди которых явно выступает живопись (иконопись) и др. Представления о накопленных годами и веками религиозном знании последующие поколения могут получить, например, основываясь на дошедших до нас священных книгах – в каждой религии, концессии – своих (Библии, Коране, Ведах, Суннах, Талмуде и др.). Таким образом знание увековечивается.

Кроме того, что еще важно: религиозное знание всегда высоконравственно. Оно полностью согласовывается с достоинством личности. Оно не допускает негативных элементов ни в своем учении, ни в отношениях людей со своими святынями, равно как и между всеми верующими, учит добру и терпимости. Специфика сугубо религиозного знания как раз заключается в том, что посредством его вырабатывается соответствующий (практически бесконфликтный) кодекс поведения (мирные традиции, обряды, молитвы, посты, предписания и мн.др.).

Следует обратить также внимание на то, что сопровождает религиозное знание, его развитие и получение: религиозный опыт, практики. Они переживаются людьми, тем самым являясь индивидуально и общественно значимым. Вместе с тем, именно они составляют инструментарий для соответствующего социологического исследования, хотя и считаются данными «свыше» для духовного роста личности, внутренних и затем последующих внешних преобразований, но трактуемых в духе откровения для избранных, отдельного народа или же всего человечества. Представляется, что подобный опыт может привести как к приращению соответствующего знания, так и к массовой социальной активности для достижения тех или иных конкретных результатов. Способы обретения такового – психологического или культового свойства – молитвенная практика, медитация, ритуальные музыка и танцы, иные религиозные психотехники. Обретенное при этом знание исповедуется в качестве Откровения. Однако оно довольно трудно поддается словесному выражению (оно невербализуемо). В таком случае могут использоваться графические символы (например, мандала), звуки, изображения (иконы), музыка, поведенческие акты (смех, например) и т.д. плюс эмоции. Вырабатываемые посредством аккумуляции религиозного опыта другие материальные и нематериальные культурные ценности – изобразительное искусство, музыка, поэзия, живопись, скульптура, театр и др. – продолжают во времени полученный в результате каких-то действий религиозный опыт людей. Еще заметим: основой религиозного искусства является культовое искусство, неразрывно связанное с культовой же практикой. Формирование и последующая догматизация в мировых и национальных религиях канонических черт различных жанров культового искусства в конце концов приводят к их обособлению и появлению секуляризационных тенденций, для которых существенным становится индивидуализм («личное видение»), антропоцентризм, канон о господстве законов природы, а, стало быть, оригинальность и соответствующая новизна. Религиозный опыт является уникальным своеобразным способом осознания и освоения мира и оформления его в виде определенной отрасли общего знания.

Итак, полномасштабное исследование религиозности населения показывает следующую картину.

Религия – явление и общественное, и индивидуальное. Предмет же социологии религии – в том, какое место занимает она и какую роль играет в обществе, насколько важна для людей. В среднем по России более, чем для половины опрошенных религия играет довольно заметную роль в жизни и лишь для каждого десятого – не играет почти никакой роли. Стало быть, достаточно высокая степень религиозности налицо.

Сколько же в России верующих? Результаты опроса показывают: 65–66%, причем православных среди них – преобладающее большинство – 71,9%. Исповедующих католицизм – 1,4%, протестантизм – 0,9%, ислам – 5,1%, иудаизм – 0,3%, старообрядчество – 5,1%, язы-

чество и что-либо другое – менее 1%. Колеблются между верой и неверием – 16–18%, не верят – 9% с небольшим. Из верующих участвуют в жизни какой-либо общины постоянно – 8,2% или иногда – 14,4%, совсем не посещают и не принадлежат и практически не хотели бы – 63,1%. Далеко не все верят в загробную жизнь (треть); молятся редко или какими-то своими молитвами; постов практически не соблюдают, религиозные тексты читают мало; если исповедуют или причащаются, то крайне редко (чуть более трети не причащались совсем); церковь посещают как очень редко (четверть опрошенных), так и несколько раз в год (тоже четверть); – но, тем не менее, считают себя религиозными. Чуть больше 1% владеет церковнославянским языком, чуть более половины (55%) держат в своем доме Библию и где-то 18–25% – другие священные тексты (типа Молитвослова, Псалтыря, Корана и др.).

Существенный показатель (и инструмент) религиозности – вера в Бога. Две трети говорят: верю – уже приличный показатель; в загробную жизнь – треть, столько же колеблются. В переселение душ (реинкарнацию) верят – 26,7%, не верят – 56,4%, затруднились ответить – 16,9%.

Закономерно возникает вопрос: те, кто верит в Бога и идентифицирует себя в качестве верующего, – молятся ли они этому самому Богу и посещают ли молельные заведения (кто какие – храмы, церкви, мечети etc.). Взглянем на результаты исследования:

– почти каждый день молятся – от 5,5% в среднем до 10%. Их можно отнести к разряду активных верующих;

– около половины менее активных верующих – тех, кто молится лишь иногда, чаще своими молитвами, – 40–46% плюс те, кто молятся чаще существующими церковными молитвами, – еще около 10–17%. Итого, так и получается: 50–63%;

– не молятся вообще – 27–31% – немногим более четверти – и при этом тоже идентифицируют себя как верующие. Может быть и так. Они, конечно, могут не молиться физически и в то же время быть верующими (чисто теоретически), исповедуя определенное направление.

Физическое участие верующих в церковной жизни ограничивается и не столь уж активным посещением храмов. Здесь картина похожая:

- посещающих довольно часто – раз в месяц и чаще – 7% ;
- время от времени – несколько раз в год – 9–25%;
- раз в год – 10–19%;
- крайне редко – не каждый год – 23–25%;
- не посещали вообще – 12–15%.

Причины непосещения молельных заведений могут быть самыми различными: принципиальная позиция или нежелание этого делать, болезнь, инвалидность (своя или близких), недоступность, удаленность или отсутствие подобных мест. Значит, большинство все-таки инертны, хотя каждый четвертый верующий россиянин храм не часто, но посещает. Религиозной активности не наблюдается.

Цифры весьма сопоставимы. Стало быть, из идентифицируемых верующих активных совсем немного – до одной пятой (в некоторых регионах – одной четверти) от опрошенных. Есть еще показатели. Посмотрим дальше.

Обрядность. Обычно верующие люди соблюдают если не все, то единичные культовые практики кроме вышеуказанных – различные посты, обряды вроде крещения, причащения и т.д. Как же обстоит дело на сегодняшнем этапе?

• Относительно часто (допустим, несколько раз в год) – 8–9%. Зато чаще, чем раз в месяц – и того меньше – 1,5–2%.

• Несколько больше тех, кто, скажем, причащался раз в год – 9,5–10%. Еще больше редко причащавшихся – где-то 25% и уж тех, кто никогда не причащался – 36–43%.

Что касается постов. Если человек верующий, то он обязан соблюдать если не все, то хотя бы отдельные. Тем не менее, опрос показывает, что тех, кто не соблюдает никаких постов – большинство, почти две трети (60–66%). Достаточно много тех, кто все же соблюдает посты, но нерегулярно, иногда – 19–26%. Существенно меньше тех, кто действительно участвует в данной религиозной практике – соблюдающих все посты, особенно большие – 2,5–4,5% и лишь некоторые – 6–7%. Таким образом, среди верующих крайне мало участвующих в культовых практиках. Для них употребим термин «воцерковленные». Остальные не воцерковлены, хотя мы и имеем дело с реально верующими (по убеждению).

Далее. Уважающие себя верующие, как правило, имеют библиотеку религиозного характера, пусть даже она состоит из одной библии или псалтыря. А что на самом деле? В доме имеется:

- Библия (Евангелие) – у 55,5% опрошенных;
- Молитвослов – у 18–27%;
- Коран – у 0,5–10,5%;
- Псалтырь, акафисты и каноны – у 5,5–6%;
- что-либо другое – по 0,1%;
- нет литературы – от 3% до 22%.

То, что в доме имеется религиозная литература – это, конечно, показатель. Но это вовсе не значит, что она будет зачитана до дыр. Если в семье кто-то верит – это не означает, что религиозна вся семья. Верующей может быть не вся семья, ее часть или один-два человека (скажем, дедушка и бабушка). Если верующий воцерковлен, то он, возможно, не только имеет, но и довольно часто обращается к подобной литературе, порой зная ее наизусть. Хотя в жизни он и так следует заповедям и канонам, о которых в свое время узнал либо от родителей, либо как раз из религиозных книг. Бывает, и в домашней библиотеке какой-нибудь светской семьи нет-нет, да и проглянет такая книга, как Библия. В данном случае как образец или даже памятник художественной культуры.

Читают ли верующие священные книги? Большинство их не читало, либо когда-то очень давно – по 36–39%, недавно читали или перечитывали – 8–10%, регулярно читают – 3–5%. Выходит, и здесь воцерковленность, а с ней и религиозность, почти что не проглядывают. Об этом, кстати, свидетельствуют и данные о том, сколько людей в действительности молятся: существенные показатели – 31% не молятся вообще и иногда, какими-то своими молитвами 46%, церковными молитвами – 11–13%, молятся часто, утром и вечером – 1%. Две трети не соблюдает религиозные посты, четверть – постится, но нерегулярно, соблюдают все посты – 1–2% верующих.

Еще один блок вопросов, касающихся псевдорелигиозной тематики. Речь идет об астрологии, гороскопах, магии, колдовстве, приметах и т.д. Вряд ли это является показателем

религиозности, или воцерковленности, но, тем не менее, данные интересные. В астрологию верят – 33,9%, не верят чуть более половины – 55,4% и довольно высокая доля затруднившихся ответить – 10,6%. Стало быть, многие, кто так или иначе связан с религией, в гороскопы, предсказания и т.п. все-таки слабо верят, а если и соприкасаются с этим, то не принимая во внимание. Про магию, колдовство – соотношение почти то же (38,4% – верят против 52,1% тех, кто не верит). Насчет примет: немногим больше тех, кто в них верит, – ровно половина (а вот не верящих меньше – 41,4%). Но, тем не менее, приметы не играют важной роли в жизни, по преимуществу их все же игнорируют. И медитацией большинство опрошенных не увлекается, четверть даже не знает толком, что это такое. Три четверти опрошенных не обращается ни к колдунам, ни к гадалкам и ворожеем, ни к экстрасенсам. Истинно верующие идут молиться в церковь, и то не всегда. Бывает, по поводу неблагоприятного лечения, личных проблем, требующих скорейшего решения, в том числе и материальных, депрессивного состояния и др.

Если считать полученные данные проявлениями показателей воцерковленности, а следовательно и самой религиозности, то получается, что значительнейшая часть верующих не воцерковлена, т.е. является пассивно верующими. Вполне возможно, что религиозность-то как раз проявляется, но далеко не всегда походами в церковь. Да и неважно, принадлежат ли люди какой-либо общине, ходят ли в церковь, главное – что в их душе.

Коренного перелома в продвижении религиозного вида знания невозможно достичь без распределения знаний о мире, человеке и современном обществе, без обновления воспитания и образования в этой области. Стратегия как раз заключается в освоении социокультурного опыта и свободном самоопределении в социальном окружении. Другое дело – сугубо религиозное воспитание. Оно и более последовательно, и более добродетельно, и достигается только в семьях с религиозным уклоном, среди истинно верующих родственников. Уже при становлении личности закладываются предпосылки необходимых моральных и гражданских качеств, включая различные добродетели, уважение к людям независимо от их социального или национального происхождения, вероисповедания и т.д. Если родители всем этим обладают, они могут оказать определяющее влияние на детское сознание. Так, например, дети, посещающие детский сад или начальную школу, или специальную воскресную школу, уже получают опыт, пусть небольшой, ненасильственного урегулирования конфликтов и взаимного уважения друг друга. Дальнейшее знание воспитанник может получить при изучении самой религии, а также истории, географии, социальных наук, морали, языков, литературы, текущих событий, экономики. Предназначение подобного вида воспитания – не только в обретении определенной суммы знаний, но и в развитии базовых способностей личности, ее социальных и культурных навыков, основ целесообразного поведения, здорового образа жизни, даже если они носят религиозный или вероисповедный характер. Инновационным ресурсом развития системы образования является в том числе современное философское, гуманитарное, социально-научное знание.

Верующие люди пользуются всеми благами нынешней цивилизации – и мобильными телефонами, и Интернетом (60%), и научными знаниями – как накопленными человечеством, так и полученными в ходе собственного обучения и просвещения. Как правило, несмотря на семейные православные традиции, образование они получают целиком и полностью светское. 27,6% по России – имеют высшее и 38,8% – среднее специальное образова-

ние. То есть люди достаточно образованные, обладающие современными знаниями и навыками, умением находить выходы из разнообразных жизненных ситуаций, обладающих социальной компетентностью и применяющие ее на практике. Здесь речь идет далеко не о фанатичной религиозности. Скорее, наоборот. Более того, сегодняшние верующие – сторонники главным образом светского образования. Они сами выступают против обязательного религиозного образования, отдавая предпочтение религиозному воспитанию детей в семьях, дома, и очень маленький процент – в специальных воскресных школах. Следующая табл. 1 покажет наши утверждения.

Таблица 1

Распределение ответов на вопросы: «Где получать знания о религиозной культуре?» и «Как Вы считаете, учебный курс Основы религиозных культур должен быть?», %

Где получать знания о религиозной культуре?	
В семье	53–59
В школе	32–37
В религиозной организации (воскресной школе)	15–17
Путем самообразования	6–10
Как Вы считаете, учебный курс Основы религиозных культур должен быть?	
Обязательным	18–20
Факультативным	49–55

Интересно, что сами нынешние взрослые в своей массе ничего не посещали (72,9% ответивших). Что касается того, нравится ли им, устраивает ли их такое положение дел – определившейся позиции особо не наблюдается, по-всякому. Тем более, что, по оценкам многих, каких бы то ни было изменений ни с ними, ни с их детьми не произошло. Почти половина опрошенных ратует за факультативные занятия, настаивая именно на светском характере обучения. Это достаточно высокая цифра, особенно если учесть, что речь идет о верующих, т.е. людях религиозных. Выходит, именно светское образование действительно более всего нужно в жизни (независимо от принадлежности к какой-либо социальной группе).

Подчеркнем, что процесс воспитания и образования в плане получения религиозного знания можно охарактеризовать как практический метод познания действительности, правда, на основе веры, присущий определенным гражданам и странам. Вместе с тем, определим, что дети и молодежь являются субъектами процесса воспитания, саморазвития, социокультурного самоопределения, и неважно, религиозно ли они настроены, и каков уклон их знаний. Верующие люди получают свои знания и принимают участие в практиках на протяжении личной и общественной жизни, а также в ходе профессиональной религиозной деятельности. Значение этого определяется существующими социальными условиями – всеобщими, связанными с характером общественных отношений, социальной структурой, общей культурой, степенью образованности, религиозности населения; и специфическими, связанными с развитостью демократических институтов общества, обеспеченностью прав и свобод граждан, включая свободу слова и мнений, получения и передачи информации, свободу совести и т.д. По мере развития общества, в связи с изменениями экономических,

социальных, политических, технических и других целей, расширяются сферы деятельности, появляются все новые задачи, требующие своего решения; течение времени ведет к возрастанию степени компетентности и глубины высказываний, отсюда – специфическая гражданская позиция, а порой и действия. Без этого, как представляется, невозможно дальнейшее продвижение в области всякого вида знания.

Для решения целого комплекса проблем мы предложили выбрать утверждения, которыми можно руководствоваться в жизни (своего рода жизненное кредо): «Материальное благосостояние человека как основа его независимости» – 54,6 %. На втором месте «Главное – отношения между людьми» – 52,8%. Далее «Свобода как великий дар человека, который необходимо отстаивать» – 40,6% и «Человек создан для счастья, оно заложено в нем от природы» – 30,8%, но при этом «Человек должен делать что-то хорошее и для других» – 33,8%. «Справедливость – высший принцип человеческих отношений» – 25,2%, «Страдания следует терпеливо переносить» – 17,1%. «Главное – учиться и познавать новое» – 9,8% (в некоторых регионах, например, в Белгородской области эта цифра выше – 23,3%, что свидетельствует о стремлении к познанию). Независимо от региона проживания, на первом месте – экономическая независимость. Если сказать более общо – земной смысл бытия. Тут религиозный человек не очень-то отличается от светского. Одновременно речь идет о господствующей в обществе этике, святая святых – человеческих отношениях. Отсюда и климат. Здесь что, нет толерантности? Прав и свобод человека? Терпения, смирения? Не на последнем месте – познание природы человека, самопознание. Существенный фактор. А вот истинная вера – на последней позиции. Тоже показательно.

Еще один вопрос касается социальных отношений, а именно: с какими людьми вы ощущаете близость? Явно, что опрошенные в своей массе люди обособленные. Со своими единомышлителями общаются всего лишь 7,8%, духовно близки – 15%. Зато существенно выше показатель общения либо с близкими, родственниками, друзьями, либо с сослуживцами и коллегами по работе. То есть с теми, кто всегда находится рядом. Значит, верующие люди как таковые сегодня разобщены между собой, а не сплочены, казалось бы. Логичнее предположить обратное, хотя по результатам опроса выходит, что религия, вера – дело сугубо частное, и не имеет значения, религиозен ли находящийся рядом человек.

А как насчет толерантности? Здесь картина следующая. Подавляющее большинство (71,1%) заявили, что не испытывают неприязнь к людям, придерживающимся другого вероисповедания, хотя прослеживается порой неприязненное отношение к Баптистам, Свидетелям Иеговы, Кришнаитам, иногда к мусульманам. Такое же примерно соотношение видно при определении позиции неприязни иной национальности. Оно показывает, что националистов среди опрошенных практически нет. Получается, те, кто попали в группу опрошенных, толерантны. Добавим, что к установлению толерантного климата ведет и социальная среда, и социальный статус, и уровень образования, и воспитание, и искусство общения с людьми как своего, так и иного круга, и уровень морали и нравственности, и достоинство, и терпение. Именно такими качествами люди верующие и обладают (конечно, не только верующие).

Результаты опроса демонстрируют политизированность россиян, позиционирующих себя как людей верующих, религиозных. В таком случае сама религиозность и все ее пока-

затели как бы сглаживаются, выдвигая на передний план мирские проблемы. Так, в случае, когда речь идет о доверии власти, в частности, Президенту РФ, положительно ответили – 60,8%, правительству – 45%, Совету Федерации – 38%, Государственной Думе – 35,6%, прокуратуре – 33,7%, суду – 31,8%, полиции – 31,1%, церкви – 49,8%, СМИ – 33,2%, предпринимательским кругам – 27,8%, Российской академии наук – 46,8%, политическим партиям – 24,6%. Стало быть, народ доверяет больше всего Президенту и общественным институтам как религиозной направленности (церкви), так и светской, научной (РАН). Показательный факт. Показательно также то, что лишь неполная половина опрошенных верующих действительно доверяет своему же религиозному институту (церкви). Причины две: церковь не дает ответы на жизненно важные вопросы; она не удовлетворяет стремлениям верующих россиян идти под ее же эгидой. Отметим, что для защиты своих интересов сравнительно у многих имеется желание обратиться в суд (42,9%), несколько меньший процент – в полицию (26,1%), в органы власти (18,8%), еще меньший – в СМИ (10,5%); в среднем 3–6% готовы выйти на улицу, участвовать в митингах, забастовках, акциях протеста. Вместе с тем, какое-то количество (и не очень маленькое) не хотят ничего делать, считая, что их интересы защищены. Однако, «на баррикады» идти почти никто не желает. То есть гражданская позиция есть, а готовность вести действия – чуть ли не нулевая. Здесь, скорее, политика невмешательства. Зато в общественных движениях, касающихся религиозных дел, – в первых рядах, да и то не всегда. Большинство говорит о реформировании общества – кто мягким путем, кто радикальным, но все небезучастны к тому, что с ними будет. Видно, что опрошенные в массе своей прибегают к светским приемам, совсем мало – к религиозным, что о росте религиозности опять-таки явно не свидетельствует.

Еще одно. Проведенное исследование выявляет некий общий социальный портрет современного верующего. Это в основном работающий член семьи или пенсионер (женщин чуть больше, чем мужчин) пожилого или среднего (гораздо реже) возраста, имеющий 1–2 детей, занимающийся преимущественно умственным трудом с повседневной нагрузкой, интеллектуально развит, обладает небольшим по размеру, но стабильным доходом и такими же материальным положением, гражданин, патриот, лоялен. Бывает социально активен. Но церковь не посещает, в религиозных практиках не участвует, священных книг в доме не держит. Образование имеет, как правило, светское; тяготеет к современному научному знанию. Следовательно, нынешний верующий всего лишь позиционирует себя таковым, совершенно не проявляя своей религиозности или религиозной активности.

Надо заметить, что женщин-верующих несколько больше, чем мужчин (57,5% против 42,5%). Они более эмоциональны и подвержены определенному влиянию. А также лиц старшего поколения (таковых от 24% до 37% в зависимости от регионов). Современная молодежь не увлекается ни молитвами, ни постами, ни походами в церковь. Конечно, нельзя говорить огульно обо всех, но в массе так. Да и среднее поколение достаточно инертно в данном отношении. Более половины опрошенных – состоящие в браке, т.е. люди семейные, чтящие институт брака, которым не чуждо и общественное мнение. Они и воспитывают детей, во-первых, в полноценных семьях, во-вторых, в православных, а, стало быть, высоко моральных и нравственных традициях. Подобные семьи достаточно благополучны. Уровень доходов по преимуществу – около среднего, средний или немного выше. Стало быть, не рвачи, не «государственные воры», не гоняются за благополучием, довольствуются тем,

что есть. Живут тихо, мирно. Но имеют непреклонную человеческую и гражданскую позицию.

Верующие – отдельный пласт общества: специфический, но в то же время идентичный ряду других социальных групп. Они позиционируются, прежде всего, как обычные люди, полноценные члены общества, не маргиналы, никакие ни неадекватные, ни сумасшедшие, ни какие-либо еще. Нормальные, только отличаются тем, что верят во что-то такое, о чем нельзя с уверенностью сказать, есть оно или нет; не говоря уже о том, что оно не может быть познано (по крайней мере, при нынешнем уровне знания). А откуда берется эта вера, тоже непонятно. Понятно было насчет древних веков, но сегодня? Значит, она передается через века, возможно, путем сохранения и передачи культурных (общемировых, цивилизационных, несколько в большей мере местных) традиций и ценностей, включая главным образом религиозные. В каких-то семьях довольно глубокая вера сохранила свои корни и передавалась от прадедов, дедов и отцов к детям. Зачастую к богу обращаются за решением насущных задач, связанных в основном со здоровьем, точнее, с болезнями. А откуда они сегодня берутся? Современное поколение – ослабленное, в силу экономического и общего состояния в стране, отвратительной экологии, вечных социальных стрессов, психологического (ладно, настроя, а то – климата), погодных аномалий, которые происходят в том числе и по вине самого человека (от выбросов грязных, токсичных веществ в атмосферу, загрязнения водоемов, вырубки лесов как источника кислородного баланса, испытаний ядерного и химического оружия, радиации, мусорных отходов и др.). Еще одна причина – трудные жизненные ситуации. Не знаем, действительно ли помогает верующим обращение к богу или к другим силам. Возможно, ими что-то движет. Здесь, нам представляется, играют роль в значительной мере ряд иных факторов – течение времени, обстоятельства, сами люди и их эмоции, действия и пр.

При рассмотрении такой необычной социальной группы, как верующие, мы приходим к заключению, что они не отличаются в принципе от других групп социума, придерживаясь, однако, своей специфики. Они по-настоящему духовны. Они более человечны, более культурны, более чтят родителей и членов семьи, людей старшего поколения, они легко общаются и помогают друг другу и незнакомым людям, ничего у них не спрашивая и не обращая внимания на их внешний вид. По идее, нашим современникам, особенно молодежи, стоит даже поучиться у верующих социальной коммуникации в сегодняшнем обществе, несколько обедненном (прежде всего в духовном плане), коррумпированном, в котором господствуют зачастую определенные «понятия», сленг, не всегда приемлемые линии поведения и т.д. И еще одно: они верят не в земные ценности, а во что-то внеземное, высшее, что-то со стороны, но не в себя и других людей. Нам кажется, это делает их слабее физически. Вместе с тем, духом они могут быть достаточно сильны. Хотя они такие же члены общества, их жизненная позиция имеет отличительные черты, а, впрочем, может и не отличаться от других социальных групп. Главным образом ввиду того, что основным предметом их жизни является вера (то есть, что-то эфемерное), а не конкретное знание.

Судя по данным всероссийского социологического исследования, среди опрошенных истинно верующих оказалось примерно две трети (ок.66%), преобладающая часть из которых – более 71% в разных регионах – православные. Значит, по распространенности среди религиозных направлений на первом месте стоит именно православие. Безусловно,

верующие данной группы несут с собой православную культуру, которая основана прежде всего на религиозных традициях и ценностях, имеющих подчас и мировое значение. Здесь речь идет о моральности, достоинстве человека, высокой нравственности, космополитизме и при этом патриотичности, лояльности (толерантности) по отношению к приверженцам других вероисповеданий, других национальностей, других взглядов, других культур, ответственности, главенствующим образом моральной. Вместе с тем, религиозная культура, в том числе православная, в некоторой степени все же опирается и на общую массовую культуру уже с ее традиционными ценностями, памятниками и традициями, включая цивилизационные достижения.

Частично затронем еще вопрос, позволяющий идентифицировать российских верующих, – о православной культуре.

Одна из характерных черт культурного человека – его просвещенность. Речь может идти, скажем, о начитанности, грамотности, о том, как он воспринимает разнообразные культурные, в том числе достижения мировой науки, о его поведении, отношении к другим (например, инородным, религиозным, сугубо национальным, имеющим необычные черты) памятникам архитектуры и культуры. Если человек – носитель культурных знаний, то он должен их как-то передавать дальше, следующему поколению. Особенно, если он хочет при этом приобщить других людей. Это можно сделать не только распространением соответствующей литературы, но и при помощи просветительской работы. В том, что касается накопления именно религиозного знания, главенствующую роль могло бы сыграть введение основ православной культуры в учебных заведениях (школах, лицеях, гимназиях). Казалось бы, такую программу должны поддерживать максимальное количество верующих. Однако, картина несколько иная, как мы уже демонстрировали. Так складывается, очевидно, потому, что люди имеют в своей массе среднее специальное и высшее образование, работают зачастую далеко не в религиозной сфере, постоянно живут в светском обществе и соответственно соприкасаются с остальным миром, идущим несколько вразрез с религиозностью. Они не хотят быть своего рода изгоями. Возможно, что и православных воскресных школ при церквях с лихвой достаточно для имеющегося количества верующих. Представляется, об этом еще долго будут вестись споры и дискуссии, учитывая возрастающий в настоящее время интерес к системе образования и просвещения в целом. Православные верующие, хотя и являются таковыми, имеют семьи, детей (превалирующее большинство 1–2 детей), но желают воспитывать их более светским образом, нежели религиозным или воцерковленным, делая их, скорее, гражданами, чем церковными служаками. Особенно, судя по тому, что опрошенные делают упор сугубо на факультативных занятиях по православной культуре, отдавая предпочтение общеобразовательным программам.

Как мы уже указывали, большинство опрошенных – действительно верующие, но не активные, а пассивные. Они верят в Бога (в меньшей степени – в какие-нибудь сверхъестественные силы), да иной раз прочитают что-нибудь из религиозной литературы, иной раз помолятся, поучаствуют в праздниках, некоторые из которых стали общенародными, чуть ли не государственными (такие, как, например, Пасха, Рождество, Крещение. А большой Рождественский пост вообще стал своеобразной диетой, утратив свой первоначальный смысл), редко кто будет уповать на Бога в случае болезни или обратится к знахарям, колдунам – обращаются к врачам, иной раз заглянут в церковь (так – свечи поставить), почти

не участвуют в жизни какой-либо общины или прихода. Нынешние православные по преимуществу не воцерковлены. Воцерковленные же, наоборот, с обязательностью и довольно часто, если не постоянно, участвуют именно в церковной практике, ведя религиозный образ жизни (соблюдая посты, праздники, обряды, регулярно молясь и т.п., исповедуя определенное направление) и глубоко веря при этом в Бога и во все божественное.

Тем не менее, пассивно верующие наряду со всеми имеют полное право, а ряд из них активно участвуют не в религиозной, а в мирской, светской жизни, оставаясь гражданами своей страны. У них в большей степени проявляется недекларативный патриотизм, они намного более толерантны к людям не своей веры и национальности, лояльны к партиям, мигрантам и т.д., им не свойственна ксенофобия. Они подчиняются, как правило, высоко нравственным ценностям и традициям, экстраполируя их в повседневную жизнь. Они очень культурные люди. Более того, ведь молельные дома и другие религиозные памятники, святыни, книги, утварь и проч. являются не только сугубо религиозными, но в то же время памятниками архитектуры, отечественной и мировой культуры в целом.

Но религия – это часть общественной культуры, поэтому изучение ее приверженцев на современном этапе представляет немалый интерес. Тем более, что за последнее десятилетие данные по этой категории населения претерпели определенные изменения. Религия как часть культуры оказывает определенное влияние на общество и общественные процессы, но больше все-таки на сознание – как массовое, так и индивидуальное. Вместе с тем, верующие именно в качестве своего рода социальной прослойки, несмотря на свои убеждения и мироощущение, с обязательностью проявляют и гражданскую позицию, принимают активное участие в общественной и политической жизни страны (например, в избирательной кампании, на различных митингах, демонстрациях, протестных акциях и др.). Это церковь как гражданский институт участвует и иногда даже способна повлиять на какой-нибудь политический процесс.

По Конституции, церковь отделена от государства. Вместе с тем, существовавшая на протяжении времени грань несколько размылась. Сами верующие это как бы демонстрируют. Прежде всего, они граждане, живут в обществе. Зачастую забывая о вере, они занимаются своими гражданскими, собственными и общественными делами, не задумываясь о Боге или высших силах. Все это осталось в прошлом. Верующие, как и остальные люди, шагнули в новый век с общемировым прогрессом. Если человек обладает знаниями, навыками, талантом, наконец, он будет с необходимостью их применять. Если человек, скажем, финансист, иной деятель «от бога», достигает всего своим собственным трудом, при чем тут непосредственно Бог? Такой человек не пойдет в церковь молиться, просить сил и средств, здоровья и т.д. Он будет просто и много работать. Если есть какая-то вера – это личное дело каждого, глубоко внутреннее. Оно не выносится наружу, не демонстрируется. Немного осталось сильно верующих, но и они, можно сказать, модифицируются, адаптируются к сегодняшней реальности.

То есть верующие по существу не желают отделяться, не хотят выглядеть своего рода маргиналами. Не знаем, хочет ли этого церковь – быть отделенной, обособленной, маргинальной. Недаром по стране на любых клочках государственной земли строятся церкви так называемой шаговой доступности. Кроме того, церковь постоянно участвует (на взаимной основе) в совместных с государством проектах, скажем, по восстановлению архи-

тектурных сооружений и связанных с религией, а, бывает, и не связанных. И еще. Представители духовенства практически постоянно принимают участие в разного рода политических и общественных мероприятиях (далеко не только религиозной направленности). А праздники? Рождество, Масленица, Пасха, Вербное Воскресение, Великий пост и ряд других практически возведены чуть ли не в ранг государственных: их празднует вся страна. О чем это может говорить? Не думаем, что о полной отделенности (прежде всего в социально-политическом плане) церкви, ее деятелей и приверженцев от государства и всего социума. Религия на сегодняшнем этапе играет по большей части общественную (как интегрированная в культурный пласт общества) роль, чем обособленную. Хотя, конечно, государство сохраняет свою непосредственную светскость.

Особо отметим, что в процессе исследования выявилась определенная картина, более показательная, открытая, яркая, насыщенная, нежели ранее. Показатели, которые являются в то же время собственно инструментами социологического исследования, в том числе, и религиозного знания, свидетельствуют об определенном наличии веры и о пассивной религиозности населения России в целом.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ)

Анализ влияния фактора миграции на социокультурную идентичность Франции актуален для России тем, что в Европе, в частности во Франции, политика приглашения трудовых мигрантов из стран «третьего мира» началось значительно раньше, и сегодня можно исследовать ее последствия, делая важные для российской миграционной политики выводы.

Проводимая сегодня и прогнозируемая миграционная политика в России, как и во многих европейских странах, не учитывает серьезных нарушений культурного и социального баланса, к которому может привести массовая миграция людей с иной культурой и невысоким уровнем образования.

Международные миграции стали вызовом для идентичности многих национальных государств. По данным Демографического отдела ООН, в 2009 г. насчитывалось почти

214 млн международных мигрантов и 740 млн внутренних⁵⁰. За полвека численность неевропейского населения 15 стран Европейского союза выросла более, чем в 50 раз. Сегодня в Европе проживают около 18,4 млн иммигрантов. Однако, если принимать во внимание нелегальных мигрантов и натурализованных иностранцев, то, по оценке СЕПС, эта цифра будет больше по крайней мере на 40–60%, т.е. речь идет о 25–29 млн человек. Численность европейского населения растет за счет иммиграции, в первую очередь мусульман. В 2009 г. в ЕС их проживало 15–24 млн⁵¹. Относительность оценок объясняется значительной трудно учитываемой нелегальной иммиграцией. Более того, согласно прогнозам доклада ООН 2000 г., Европа к 2050 г. будет нуждаться в притоке 700 млн новых иммигрантов, а, например, Франция – 1,7 млн иммигрантов в год. Так, Франции, по прогнозам ООН, необходимо привлечь до 2025 г. 23 млн иммигрантов⁵².

В 2010 г. во Франции проживало 7,2 млн иммигрантов (по определению ООН, – это люди, родившиеся вне государства, в котором они проживают на постоянной основе), что составило 11,1% населения страны. Из них 5,1 млн (7,8%) родились за пределами ЕС. По численности иммигрантов Франция занимает шестое место в мире после США (42,8 млн), России (12,3), Германии (9,8 млн), Саудовской Аравии (7,3 млн) и Канады (7,2 млн). При этом Франция является одной из стран ЕС, которая в пропорциональном отношении имеет самый высокий процент людей иностранного происхождения (1-го и 2-го поколения) среди населения в возрасте от 25 до 54 лет. Он составляет 13,1%. Она также опережает другие европейские страны (Соединенное Королевство, Нидерланды, Бельгию, Германию и Испанию) по количеству детей, приходящихся на одного иммигранта (13,5%).

Иммигранты в основном являются выходцами из Африки (41%: 30% – из стран Магриба, 11% – из государств южнее Сахары), Европейского союза (34%) и Азии (14%, треть которых – из Турции)⁵³. Дети, имеющие одного или двух родителей-иммигрантов, составляли в 2008 г. 6,7 млн человек или 11% населения (из них 3 млн имели обоих родителей иммигрантов). Общая численность иммигрантов и детей иммигрантов (т.е. второе поколение) в 2008 г. составила 12 млн человек или 19% населения Франции, насчитывавшего по состоянию на 1 января 2014 г. 66 млн человек (включая заморские департаменты).

Иммигранты активно заселяют помимо столичного региона, в котором их доля в населении достигает 40%, юг, юго-восток и северо-восток страны, в основном крупные города. Их присутствие незначительно на западе Франции – в Бретани – 1% и в сельской местности – 2%.

Среди иммигрантов, получивших французское гражданство в течение 1990-х гг., половина приходилась на выходцев из стран Магриба, и значительная часть – на турок и азиатов. Одновременно с заметным уменьшением (более, чем в два раза) европейцев, полу-

⁵⁰ Atlas des migrations. Le Monde. La vie. Hors-série. 2008–2009. Paris. P.116.

⁵¹ <http://www.expert.ru> 2002.3731; http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/musulmane_v_stranah_starogo_sveta_2008-1-15-56-3.htm.

⁵² www.eclairco.org/immigration.

⁵³ Populations étrangère et immigrée en 2008 [archive]. Insee, octobre 2011; *Borrel C.* Enquêtes annuelles de recensement 2004 et 2005. Près de 5 millions d'immigrés à la mi-2004 [archive]. Insee Première no 1098, août 2006.

чивших французское гражданство за этот же период – с 84% до 41,3%, число африканцев увеличилось в 3,5 раза: с 13,5% до 46,3%, азиатов – почти в 6 раз – с 2,5% до 11,8%. В 2007 г. во Франции насчитывалось более 1 млн берров – французов, родившихся от родителей-магрибинцев. Мусульман в стране – около 6 млн, ислам стал второй религией в государстве.

Процедура получения гражданства, очевидно, также способствовала увеличению доли населения иностранного происхождения среди французов. Так, иммигранты активно пользовались получением гражданства по двум категориям: «по заявлению родителей» и «без формальностей», упраздненным в 1993 г. Из 95 тыс. иностранцев в 1992 г. его получили соответственно 32 тыс. и 24 тыс. человек.

Руководители, как европейских стран, так и России в миграционной политике во главу угла ставят демографическую проблему и кадровый дефицит, то есть в первую очередь экономическую мотивацию приглашения иммигрантов. Определяющим фактором у предпринимателей всех типов бизнеса является заинтересованность в дешевой рабочей силе. Их поддерживают либерально настроенная общественность, значительная часть СМИ, правозащитные организации.

Вопрос о влиянии современной миграции на социальную, культурную и этническую составляющую национальной идентичности осложняется отсутствием официальных данных о национальном составе приезжающих мигрантов, большая часть которых работает нелегально, и в целом достоверной статистики об их количестве. В этих условиях официальные данные о социальной и профессиональной структуре миграции также не являются полными.

Во Франции на сегодняшний день фиксируются данные о стране происхождения иммигранта (место рождения человека и его родителей) и его гражданстве. Государство, считают известные французские ученые, отказывается публиковать данные, которые информировали бы население о реальных размерах иммиграции в страну, предпочитая дезинформацию и «гомеопатические» меры по регулированию миграции⁵⁴. Ситуация несколько изменилась после принятия в 2007 г. закона, предусматривающего введение этнической переписи (как это уже практикуется в США, Великобритании, Нидерландах, Китае, ЮАР и др.) для научных исследований и предотвращения дискриминации в процессе интеграции (при приеме на работу и т.д.).

В отличие от своих соседей Франция – одно из старейших государств иммиграции. Она принимает иммигрантов с середины XIX в., практически непрерывно. Еще в 1975 г. известный французский экономист Ж.Тапино развеял иллюзию, согласно которой трудовая миграция не приведет к семейной⁵⁵.

Если первое и отчасти второе поколения иммигрантов в Европе, и в частности, во Франции легко ассимилировались, то для нового поколения иммигрантов идея интеграция не стала доминирующей. Начиная с 1990-х гг. иммиграция, которая ранее рассматривалась как шанс для экономического развития государства, превратилась в одну из серьезных национальных проблем. Она состоит не столько в сегодняшнем притоке иммигрантов, сколько в сложности и безуспешности попыток интегрировать молодое поколение иммигрантов,

⁵⁴ www.eclairco.org/immigration.

⁵⁵ *Tapinos G. L'immigration étrangère en France*. Paris, INED, 1975. coll. Travaux et documents. Cahier 71. P.112.

детей и подростков, несмотря на то, что Франция – это государство с одной из самых эффективных моделей гражданской ассимиляции. Политику «жить вместе» многие французские социологи называют вызовом настоящему и будущему Франции, одной из основных десяти проблем, которые переживает страна.

«Интеграционная» функция республиканской модели дает сбой, социальное смешение людей различных культур было успешным до тех пор, пока их культуры и привычки были схожи. Первые волны иммиграции составляли в основном иммигранты, цивилизационно принадлежавшие к европейской культуре. Последние – происходят из регионов с иной культурно-религиозной идентичностью. Во Франции, где выходцев из афро-азиатских стран начиная с 1960-х гг. (после крушения колониальных империй) было традиционно достаточно много, пропорции их представительства в последних миграционных потоках существенно изменились.

Трудовая миграция 1950–1970-х гг. сменилась, точнее, была практически замещена семейной. Большинство мигрантов, въезжающих по линии «семейного воссоединения», составляют неработающие члены семьи и безработные, которых Франции приходится содержать. Трудовые мигранты в основном приезжают из Европы, Азии и Америки⁵⁶. Одновременно растет число смешанных браков, высока рождаемость (во Франции выше в два раза) у женщин афро-азиатского происхождения. В результате меняется идентичность государства. Так, Н.Саркози констатирует, что «под влиянием иммиграции утрачивается имманентно присущие французской нации особенности, ценности... Проблема национальной идентичности касается нас всех... То, что происходит в промышленности, сельском хозяйстве, сельской местности, в среде ремесленников связано не только с экономикой, но и с исчезновением определенной формы цивилизации, наследуемых и передаваемых народом ценностей, культуры труда... Франция – это не мешанина общин и индивидов... это страна толерантности и уважения, но она требует и уважения к себе, в ней нет места парандже... Стать французом означает вступить в особую форму цивилизации, ценностей, обычаев»⁵⁷. Либеральная миграционная политика во Франции привела к тому, что даже ее сторонники вынуждены сегодня признать изменение национальной идентичности «в корне, по существу»⁵⁸. Меняются традиции, культура труда французов и т.п. Одним из негативных последствий иммиграции стало снижение общей культуры французов, а в среде молодежи иммигрантского происхождения особенно. В условиях непрекращающейся иммиграции французы стали опасаться этнического и религиозного коммунитаризма. Как писал известный французский экономист М.Аллэ: «Французское общество – это люди, объединенные одной историей, ценностями и устремлениями, а не мозаика индивидуумов, чуждых друг другу»⁵⁹.

Современную французскую идентичность французы понимают по-разному. Так, например, правые, в частности Б.Ортефе, полагают, что национальная идентичность – это

⁵⁶ Observatoire Statistique de l'Immigration et de l'Integration.

⁵⁷ Sarkozy: la gauche a "peur" de l'identité nationale. 12.11.2009. www.debatidentitenationale.fr.

⁵⁸ Heran F. Le temps des immigrés. Essai sur le destin de la population française. P., Seuil, 2007; Sarkozy: la gauche a "peur" de l'identité nationale. 12.11.2009. www.debatidentitenationale.fr.

⁵⁹ www.europepolycentrique.org/allais.html. la mondialisation, le chômage et les impératives de l'humanisme par Maurice Allais. Prix Nobel d'Économie.

культура французского наследия, частью которого является иммиграция и стремление сохранить национальную сплоченность⁶⁰. Другие – что национальную идентичность нужно искать на перекрестке глобализации, региональных и локальных идентичностей, которые все более усиливаются⁶¹. Попыткой, по мнению многих, не очень удачной, стало проведение в 2009–2010 гг. национальных дебатов в стране о национальной идентичности французов. Несмотря на весь скептицизм, сопровождавший их проведение, результаты показали, что национальная идентичность существует. Она определяется, прежде всего, такими понятиями, как «ценности» и «сопричастность», изменяется со временем, ослабевает, что, соответственно, требует ее сохранения.

Опрос, проведенный TNS SOFRES среди французов, показал, что 76% участвовавших в дебатах, полагают, что французская национальная идентичность существует, 74% – горды своей принадлежностью к французской нации, 93% – полагают, что принадлежность к французской нации определяется комплексом прав и обязанностей: 91% – общим языком, 86% – общими ценностями, 84% – общей историей и культурой, 82% – разнообразием культур, 65% – считают, что в настоящее время национальная идентичность постепенно утрачивается так же, как и общие национальные ценности. В качестве главных средств, которые должны способствовать ее укреплению выдвигаются школа (78%), семья (57%), политическая инициатива (51%).

Изменение социальной идентичности. Проблема замещения квалифицированных кадров неквалифицированными. Если в 1960–1970-е гг. речь шла о трудовой иммиграции во Францию, представленной в основном рабочими-мужчинами трудоспособного возраста, то в 1980-е гг., а особенно в 1990-е гг. трудовая иммиграция сменилась семейной. Стали приезжать члены семей, дети и родственники бывших трудовых мигрантов. Значительный прирост иностранного населения во Франции за последние двадцать лет, и особенно за последние годы произошел за счет иностранцев, приезжающих по линии семейного воссоединения. Так, в 2002 г. среди получивших разрешение на пребывание в стране сроком на год и более они составляли 22%, в 2004 г. – 73%.

Заметно возросла среди неевропейского иностранного населения, живущего во Франции, доля женщин, приезжающих по линии семейного воссоединения. В 1990 г. на 100 мужчин мигрантов приходилось 73 женщины, (в 1982 г. – 61). Среди иммигрантов, получивших французское гражданство путем натурализации, женщин было больше (55%), чем мужчин.

Другим источником роста иммигрантов в странах Европы являются смешанные браки, число которых во Франции до 2004 г. непрерывно росло. В 1995–2004 гг. число смешанных браков удвоилось. В 2004 г. их было заключено 51 тыс. – с супругом-иностранцем, из них 8 тыс. – между двумя иностранцами, т.е. один из пяти заключавшихся браков приходился на брак с иностранцем. В результате доля иностранцев в смешанных браках выше, чем в населении страны и составляет – 8% .

⁶⁰ “Le Monde”. 5.07.2007.

⁶¹ www.nouvelobs.com 8.02.2010.

Увеличивается число фиктивных браков, которые позволяют ускоренно получать разрешение на проживание. Они часто организуются хорошо структурированной криминальной сетью.

Число нелегальных иммигрантов в 1990–2010 гг. оценивалось, по косвенным данным, приблизительно от 300 тыс. до 1 млн человек.

В последние годы во Франции осуществляется ограниченная иммиграция. Это произошло благодаря ощутимому ужесточению иммиграционной политики, в частности, закону от 24 июля 2006 г. и более поздним дополнениям к нему. Проводится так называемая «селективная» или избирательная иммиграция. С 2008 г. введена система квот, разработанная Министерством экономики, финансов и занятости Франции, по востребованным специальностям для выходцев из стран, не являющихся членами Европейского союза (профессии, требующие высокой квалификации, инженерно-технический персонал, программисты и т.п.), и для иммигрантов из стран, недавно вошедших в ЕС – 152 специальности (среднетехнический, обслуживающий персонал).

Согласно некоторым экспертным оценкам французов, Франция не привлекает иммигрантов, которых она могла бы интегрировать и в которых нуждается. Трудовая иммиграция составляет только 7% от всей иммиграции в страну. «Приезжающие – в среднем менее квалифицированы, чем французское население. Они провоцируют рост безработицы и живут за счет пособий и благотворительных организаций» – констатирует К.Геан, экс-министр внутренних дел Франции⁶². Ранее он заявлял, что Франция не нуждается в «каменщиках», имея в виду, что приезжающие во Францию в основном выполняют низкооплачиваемую работу, трудясь официантами, помощниками по хозяйству, медсестрами и т.п. за копейки, снижая уровень зарплаты французов. В то время, как Франции необходимы специалисты в области информатики, строительства, технические кадры и т.д., приезжают люди, в лучшем случае имеющие среднее, среднетехническое образование.

На сегодняшний день, больше всего – 48% от всех иммигрантов составляют те, кто не имеет никакого диплома, (среди французов таких – 25%). Степень бакалавра, или диплом о профессиональном образовании имеют – 14% (среди французов – 17%), степень бакалавра и 2 года обучения в ВУЗе – 13%, незавершенное среднее образование – 13% (24%). В рамках принятого в 2011 г. закона допускается ежегодный прием до 180 тыс. легальных иммигрантов (ранее прием составлял 200 тыс.). Из них трудовыми являются лишь 20 тыс. мигрантов⁶³.

Сферами занятости иммигрантов во Франции являются: строительство (в нем заняты 27% трудовых мигрантов), домашняя работа (24%), садоводство (18%), гостиницы, кафе, рестораны (13%), уборка (11%). В этих секторах трудятся – низкооплачиваемые рабочие, находящиеся внизу социальной лестницы. За нелегалами в зависимости от страны происхождения закреплены определенные сферы труда: за марокканцами – сельское хозяйство, за жителями Коморских островов – подводные, портовые работы в Марселе, за китайцами, турками – пошив одежды в Париже, за пакистанцами, шри-ланкийцами – портовые, раз-

⁶² www.lenouvelobservateur.fr. 12.06.11.

⁶³ “Le Monde”. 9.05.07; www.lenouvelobservateur.fr. 12.06.11.

грузочные работы и т.д. В 2007 г. Н.Саркози поставил перед министерством по делам иммиграции, интеграции и солидарного развития задачу увеличить долю трудовой иммиграции в общем потоке мигрантов в страну с 7% до 50%⁶⁴.

Иммигранты являются не только источником трудовых ресурсов, но и безработных. Среди иммигрантов из неевропейских стран процент безработных мужчин – 22%, женщин – 32%. Четверть иностранцев неевропейского происхождения – безработные (это 24% от всех иностранцев, обосновавшихся во Франции). Доля работающих в возрасте 25–49 лет среди французов и европейских иммигрантов составляет 79%, среди неевропейских – 60%⁶⁵. Во Франции, согласно данным Геана, 2650000 безработных (по данным Марин Ле Пен, около 5 млн).

Одним из решений проблемы растущей доли неквалифицированных иммигрантов в миграционном потоке, своего рода компенсацией, является увеличение студенческой иммиграции, ставшее одним из приоритетов иммиграционной политики Франции. С 1998 г. по 2005 г. число студентов во Франции возросло до 265 тыс. чел. Сегодня иностранные студенты составляют около 11,6% от всех французских студентов (в 1998 г. – 7%)⁶⁶. Основной приток идет из стран Магриба и Китая. За последние годы значительно увеличилось число китайцев (87,5% от всех иностранных студентов, или около 20 тыс. чел.). Это результат активной работы Франции по привлечению студентов за рубежом. Больше всего иностранных студентов обучаются во Франции по направлениям экономики, в области гуманитарных наук, филологии, а также в сфере новых технологий.

Для иммиграции талантливой молодежи законом 2006 г. специально была введено направление «компетенции и таланты», предоставляющее вид на жительство сроком до трех лет. Предусмотрена возможность его продления. Оно предназначается для талантливых людей, способных своими умениями развивать культуру, экономику и спорт Франции. Французское общество строго структурировано, социальные лифты работают плохо. Французы не охотно идут учиться и работать в сферу науки, по техническим специальностям. В эти области Франция планирует направлять иностранных студентов. В то же время, увеличивая селективную миграцию, французские специалисты понимают, что она приводит не столько к замещению неквалифицированных мигрантов, сколько к увеличению всего миграционного потока.

Французские эксперты отмечают также и другую особенность европейской иммиграции из развивающихся стран. Элита стран третьего мира направляется в массовом порядке в США и Канаду, а европейский континент заполняется неквалифицированными иммигрантами. Европейская комиссия подчеркивает, что 54% иммигрантов первого поколения из стран средиземноморья, Ближнего Востока, Северной Африки, имеющих университетский диплом, проживают в США и Канаде, в то время как 87% тех, кто не получил никакого диплома и имеют только начальное или среднее образование, находятся в Европе. Наиболее динамичные, компетентные мигранты едут в США и Канаду.

⁶⁴ “Le Monde”. 18.09.07.

⁶⁵ Observatoire Statistique de l’Immigration et de l’Integration. Rapport 2002–2003. http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?red_id=0&ref_id=NATCC102141.

⁶⁶ В России для сравнения – 3%.

Специалисты, такие, например, как Б.Ланн, предлагают в сотрудничестве с «третьим миром» отдавать приоритет подготовке кадров, разрабатывать такие соглашения с развивающимися странами, согласно которым Франция могла бы принимать некоторое количество студентов из этих стран в своих университетах. В них они могли бы получить образование по необходимым направлениям, недоступным в странах происхождения. При этом они должны давать обязательства вернуться через несколько лет на родину и работать там, хотя бы до тех пор, пока не возместят расходы государства на их образование за рубежом.

Правящая элита полагает, что проводимая политика «избирательной миграции» не означает утечки умов. Она основана на мобильности, передвижении людей, компетенцией и идей. «Мы должны поощрять приезд во Францию на время – наиболее одаренных, блестящих студентов, высококвалифицированных талантливых людей»⁶⁷. Образование, опыт, навыки, полученные во Франции, станут главными козырями модернизации в странах происхождения. Эта иммиграция, полезная как Франции, так и иммигранту, должна быть увязана с перспективой возвращения через несколько лет в страну происхождения. Она будет способствовать формированию сети франкофонной элиты в мире, облегчать доступ к технологиям и способствовать развитию третьих стран. Эта «франкофонная» элита будет иметь возможность жить у себя в стране, способствовать ее развитию и кооперации с Францией»⁶⁸. В этом направлении Франция, считают эксперты, не должна действовать в одиночку. Подобные инициативы должны быть поддержаны на уровне ЕС и утверждена «этика возвращения» квалифицированных мигрантов из наиболее неблагополучных стран на родину. Речь идет о политике «взаимообмена» и «соразвитии», которая должна стать главной темой диалога «Север–Юг».

Согласно точке зрения экономиста М.Аллэ, утверждение, что французы не хотят больше выполнять непрестижную работу, ложно, а правда заключается в том, что они не хотят ее делать за низкую зарплату⁶⁹. Массовая иммиграция иностранной рабочей силы значительно снизила оплату труда французов и еще больше усложнила решение социальных проблем. По подсчетам французского специалиста Ж.Бишо, расходы на неевропейских иммигрантов в области социальной защиты, если учитывать высокий процент безработных среди них и исходить из того, что расходы на одного трудоспособного иммигранта такие же, как и на француза, составляют 7 млрд евро в год. «Таким образом иммигранты своим вкладом в экономику покрывают около двух третей социальных затрат государства на их содержание»⁷⁰. Иммигранты сверхпредставлены в центрах по оказанию бесплатной помощи (60% пациентов). Развивается так называемый «медицинский туризм» из разви-

⁶⁷ Их привлечение происходит через создание в других странах «Центров обучения во Франции» под эгидой посольств, в обязанности которых входит отбор лучших.

⁶⁸ «Le Figaro». 9.02.06.

⁶⁹ www.fortune.fdesouche.com/9915-maurice-allais-et-le-cout-de-limmigration (цит. по: *Allais M. Nouveaux Combats pour l'Europe. 1995–2002^ un aveuglement suicidaire. Pour une autre Europe.*).

⁷⁰ *Bichot J. L'incidence de l'immigration sur les comptes sociaux // Ces migrants qui changent la face de l'Europe. L'Harmattan, 2004. Actes du colloque des 10 et 11 octobre 2003, accueilli par la Fondation Singer-Polignac et le Senat. J.Dupaquier et Yves-Marie Laulan. Immigration: les chiffres qui font peur // «Le Figaro». Fin 2003.*

вающихся стран во Францию. Число получающих медицинскую помощь государства, введенную правительством социалиста Жоспена, с 75 тыс. человек в 1999 г. возросло до 200 тыс. человек в 2002 г. Расходы на них составляют 600 млн евро каждый год. Иммигранты с юга сверхпредставлены и среди обитателей социального жилья (среди них 46% – алжирцы, 48% – марокканцы, 51% – турки и 35% – африканцы из Тропической Африки)⁷¹. Ив Мари Лолан, президент Института геополитики населения, полагает, что расходы на иммигрантов и их интеграцию (образование, профессиональную подготовку, жилье, здравоохранение, борьбу с преступностью, обеспечение безопасности) обходятся государству в 36 млрд евро в год⁷². Эксперты считают необходимым «нейтрализовать» механизмы, в первую очередь, финансовые, которые позволяют 95% иммигрантов, приезжая в страну, не работать. По мнению французского экономиста, нобелевского лауреата М.Аллэ, речь идет об абсурдности предоставления иммигрантам семейных пособий, введение которых должно было способствовать росту рождаемости среди французов⁷³. Так, согласно его оценкам, каждый иммигрант только за счет того, что он пользуется благами коллективной инфраструктуры, обходится Франции в сумму, равную его четырехлетней заработной плате, а если он приезжает с семьей, то равную 20-летней зарплате. Разница между тем, что иммигранты получают, и тем, что они выплачивают в виде налогов и взносов, составляла в начале 2000 г., по его подсчетам, почти 300 млрд франков в их пользу⁷⁴.

С ростом числа иммигрантов увеличивается уровень бедности во Франции. Так, если процент бедных во Франции с 1999 г. по 2008 г. едва превышал 7% (это те французы, чей достаток составлял около 50% от среднего уровня жизни во Франции), то на иммигрантов приходилось 22,8% от общего числа малоимущего населения. Среди них уровень бедности был в 2,8 раза выше, чем в среднем по стране⁷⁵. По сравнению с «коренными» французами жилищные условия вновь прибывающих традиционно хуже, покупательная способность ниже.

Речь также идет о растущих пособиях по безработице и пенсионных расходах. Иммигранты являются не только источником трудовых ресурсов, но и безработных, занимая 2 млн рабочих мест, – с одной стороны. С другой – 1 млн пенсионеров во Франции – беден, и 600 тыс. пожилых людей живут на зарплату в 742 евро в месяц. Ситуация ухудшается, в том числе и из-за того, что значительную часть пенсионных пособий для пожилых людей

⁷¹ Ibid.

⁷² www.eclairco.org/immigration.

⁷³ Observatoire Statistique de l'Immigration et de l'Integration. Rapport 2002–2003. http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?red_id=0&ref_id=NATCC102141.

⁷⁴ *Le Pen J.-M.* Politique sociale (Lille, 3 mars 2002). http://www.frontnational.com/lesdiscours.php?id_inter=25.

⁷⁵ Observatoire des inegalités. 28.09.2010. http://www.inegalites.fr/spip.php?article13728&id_mot=76
По данным Всемирного банка, увеличение иностранных работников в какой-либо стране на 0,5% уменьшает зарплату по стране на 1%⁷⁵. По подсчетам профессора Гарвардского университета Дж.Борхаса, приток в США рабочих-нелегалов в 1970–1980 гг. способствовал долгосрочному понижению уровня зарплаты бедных слоев населения на 4,8%. Как считает экономист П.Самуэлсон, нелегальные рабочие выгодны для богатых и невыгодны для бедных // «Независимая газета». 2007, 3 августа.

получают иммигранты из неевропейских стран. Их число за последние пять лет увеличилось на 20%. Сегодня они составляют 23 тыс. из 71 тыс. получающих пенсионные пособия. В начале 2000-х гг. 72% французов полагали, что иммигранты находятся в лучших по сравнению с коренным населением условиях в отношении обеспечения социальными пособиями⁷⁶. Например, Фонд социальной помощи рабочим-иммигрантам и их семьям (FAS) – общественная организация под опекой министерства социальных дел, на социальную поддержку иммигрантов в середине 1990-х гг. получал ежегодно 1,5 млрд франков.

Вместе с тем, как оказалось, французская социальная модель не защищает французов от гнева и ненависти со стороны этнических меньшинств, так же, как и их представителей от социальной изоляции и маргинализации. Исследование, проведенное Лагранжем, ученым из CNRS, в 2010 г. показывает, что дети африканского происхождения становятся в 3–4 раза чаще правонарушителями, чем дети французского происхождения. 2/3 детей иностранцев неевропейского происхождения – испытывают трудности с обучением в школе. Дети иммигрантов в большинстве своем оказываются вне французской школьной системы образования. Это свидетельствует с одной стороны о неспособности Франции интегрировать это население, с другой – о необходимости контролировать иммиграцию.

Характерным явлением последних лет стал отъезд из Франции, как и из других европейских странах, и России образованных, высококвалифицированных кадров. Около 16% выпускников высших школ уехали из страны в 2012 г. Лишь 4%, согласно проведенному во Франции опросу, полностью исключают возможность отъезда из страны⁷⁷.

Важной и настораживающей тенденцией французской высшей школы стал заметный рост числа желающих уехать после окончания учебы работать за границу. 79% студентов самых престижных французских вузов рассматривают возможность работы за рубежом. Большинство мечтает работать в англо-саксонских странах: 32% – в США, 23% – в Великобритании, 12% – в Германии. Китай, Индия, развивающиеся страны – новые направления учебной эмиграции. Как правило, в этих странах студенты ранее проходили стажировку. 79% уезжали за рубеж во время учебы, из них 42% – на стажировку. Даже арабская молодежь, получив французский диплом, стремится в «нефтяные» страны Персидского залива. Таковы данные опроса, проведенного по заказу Института Монтеня среди 975 студентов последнего года обучения 9 наиболее престижных высших школ Франции (École Polytechnique, HEC Paris, ESSEC Business School, Sciences Po и др.). 34% опрошенных полагают, что им будет трудно найти работу во Франции, 44% – не обольщаются в отношении поиска работы за рубежом⁷⁸. Согласно исследованиям, 16% выпускников 2012 г. нашли свою первую работу за рубежом, на 3% больше, чем в предыдущем году. Французы оценивают эти факты как, с одной стороны, – утечку умов, с другой – международное признание высших школ Франции. По мнению французского специалиста Ф.Жаме, в этом яв-

⁷⁶ Bernard P. *Immigration: le défi mondial*. Gallimard. Paris. 2002. P.201, 190.

⁷⁷ <http://etudiant.lefigaro.fr/stage-emploi/actu/detail/article/diplomes-de-grandes-ecoles-la-tentation-du-depart-3060/09.10.2013>.

⁷⁸ С июля 2013 г. правительство Франции упразднило финансовую помощь (ICF – l'indemnité compensatrice forfaitaire) предприятиям, берущим на работу учеников-новичков ("Le Monde". 20.07.2013).

лении есть и положительная сторона, поскольку конкурентоспособность государства сегодня определяется за его пределами. В большинстве случаев покидающие Францию едут работать в зарубежные французские или европейские компании. Только в США французские компании и их филиалы предлагают 2 млн вакансий. Среди причин, которые могли бы вызвать отъезд, 59% опрошенных назвали лучшие возможности для карьерного роста, желание заниматься более интересной работой и более высокие зарплаты. Последние действительно выше, однако пенсионная система, страхование по болезни, социальное обеспечение во Франции значительно лучше. По мнению Тьерри Мариани, вице-председателя UMP (Union pour un Mouvement Populaire – Союз за рабочее движение), занимающегося проблемами французов за рубежом, ситуация сегодня осложняется тем, что речь не идет более о приобретении опыта работы за рубежом, которым многие специалисты пытаются оправдать отъезд молодых специалистов. Ранее этот опыт использовали затем во Франции, и он служил международному признанию страны. Сегодня молодежь не хочет больше возвращаться и планирует свою жизнь за пределами Франции. Если такое значительное число молодых (79%) хочет уехать из страны из-за недоверия к ней, значит, считает Мариани, ситуация приобретает политический характер.

Таким образом, Франция позволяет значительному числу своих граждан наиболее способных и талантливых уезжать из страны. В то же время она привлекает большое количество неквалифицированных мигрантов, которым не хватает работы во Франции. Их среда часто оказывается источником нестабильности, конфликтности и преступности. Происходит неадекватная замена квалифицированных кадров неквалифицированными. «Иммиграция становится неуправляемой и обременительной, когда иммигранты приезжают не для того, чтобы работать и интегрироваться в национальное сообщество, а для получения социальных благ, которые так щедро предоставляются социальным обеспечением во Франции, провоцируя безответственность, паразитизм и обман, позволяя – не работать, не заслуживать, не уважать»⁷⁹.

Только 19% европейцев видят в иммиграции благо для страны. 73% французов считают, что в стране слишком много иммигрантов. Более того, иммиграция может негативно сказаться и на развитии экономики, для подъема которой она используется, так как подрывает, когда речь идет о мигрантах неевропейской культуры, неевропейских стран, сплоченность нации, являющейся необходимым условием эффективного функционирования рыночной экономики. Исследования показали, что массовая иммиграция может оказать положительное влияние на экономику страны, когда государство на подъеме и достаточно богато, чтобы экономически, социально и культурно интегрировать приезжих.

Изменение культурной идентичности. Помимо экономических трудностей существуют социальные, духовные, потенциально более конфликтные, такие, например, как «двойная идентичность» иммигрантов⁸⁰.

⁷⁹ *Garello J.* La nouvelle lettre. 2005, №855, 12 novembre.

⁸⁰ 90% опрошенной молодежи из числа иммигрантов (в возрасте от 18 до 30 лет) живут в предместьях, 71% – чувствуют, что их образ жизни ближе к французскому, 20% – к их родителям, 43% – дома говорят на французском языке, а их родители – на арабском или берберском, 35% – указы-

Главным препятствием на пути интеграции вновь прибывающих мигрантов в массе своей, как уже отмечалось, мусульман, при том не только во Франции, но и в Европе в целом, является их религия – ислам и традиции, с ним связанные, которые все чаще входят в неразрешимое противоречие со светским характером государств Запада. Этот вывод был сделан в начале 2011 г. на съезде руководителей крайне правых европейских партий, рост популярности которых наблюдается в последние годы. Так думают 70% французов, полагающих, что мусульмане плохо интегрируются в принимающее общество из-за культурно-религиозных различий. В начале 2011 г., по данным опросов, более 40% французов видели угрозу Франции в исламе.

Одной из главных проблем, вызывающих недовольство принимающих обществ, является нежелание иммигрантов и их детей интегрироваться в стране проживания, более того, навязывание своего поведенческого кода и религиозно-культурных ценностей коренному населению. Это характерно особенно для мусульман. Идея их интеграции в европейскую цивилизацию не стала доминирующей в среде мусульман. Наоборот, в отличие от прошлых лет, как констатируют ученые-востоковеды, все больше мусульманских мигрантов и их потомков принципиально отказываются интегрироваться в европейское общество и проявляют все большую религиозную нетерпимость. Иммигранты используют религию как доступную им форму идеологии, в данном случае религиозную, с которой они связывают возможность построения более справедливого общества и которая традиционно определяет этику поведения, стереотипы общения, ценностные ориентации в противовес западным с аморальными, с точки зрения приверженцев ислама, образцами гедонистической культуры, неприемлемыми для мусульман. Исследования, проведенные во французских предместьях в 2011 г. Институтом Монтеня под руководством известного французского востоковеда Ж.Кепеля, подтвердили растущую изоляцию иммигрантов и усиление мусульманской идентичности и самоутверждения. Это важный вывод, если учесть традиционное либеральное отношение французской научной элиты к вопросам веры и мусульманского присутствия в стране, а также к проблеме иммиграции в целом.

Радикализация взглядов французов на иммиграцию началась с конца 1980-х гг. Коренное население стало обвинять иммигрантов в том, что в условиях экономического кризиса иммигранты лишают его работы, в росте безработицы и преступности. Если в 1990 г. было совершено 3493 преступлений, то в 2005 г. – 3776.

Опасение стали вызывать демографический дисбаланс⁸¹ в пользу иммигрантов и «поликультурализация» общества. В 1990-х гг. более двух третей французов выступали за за-

вают, что все в семье говорят на французском языке, 20% – что все – на арабском или берберском языках, 64% – готовы защищать Францию в случае нападения, 20% – нет. 63% – выступают против или возмущены мусульманским интегризмом, 9% – его одобряют, 5% – в нем участвуют, 20% – к нему безразличны. *Mermet G. Francoscopie-1995. Larousse. Paris, 1994. P.214.*

⁸¹ Прирост населения во Франции, как и в большинстве европейских стран, происходит в значительной степени благодаря более высокой рождаемости среди иммигрантов. На протяжении последних двадцати лет она была выше, чем у французов. Если в среднем на французенок в 1990–2010 гг. приходилось чуть менее 2 детей (1,9 – один из самых высоких показателей в Западной Европе), то у иностранок – немногим более 3 детей (3,2). За счет иммиграции число женщин фер-

крытие границ для иммигрантов, против публичного проявления ими религиозных убеждений и предоставления права голосования иммигрантам на местных выборах. Половина французов высказывалась за возможность интеграции иммигрантов, другая – за их выдворение из страны в ближайшие годы.

Ислам, который исповедуют в своем большинстве современные иммигранты и их третье поколение, приходит в столкновение с христианскими религиями, а в случае с Францией, не только с католицизмом, но и заметно растущей светской идеологией, лаицизмом – важной составляющей французской национальной идентичности. В католической Франции число атеистов растет. Республиканский секуляризм – государственная политика отделения религии от государства широко разделяется простыми французами. Согласно проведенному в ноябре 2009 г. “Le Parisien” опросу, 60% опрошенных, половина которых – сторонники левых партий, назвали лаицизм среди важнейших элементов национальной идентичности. Французы видят равноправие вер в отсутствие внешних признаков религиозной принадлежности, а не в их демонстрации. Этот подход резко отличается от многих других стран, где поощрение различий.

Растущее число иммигрантов-мусульман поставило и другую серьезную проблему для безопасности государств – угрозу терроризма. Сложности с интеграцией иммигрантов, борьба с нелегальной иммиграцией, проблема безопасности государства и угроза терроризма сегодня взаимосвязаны.

Наконец недовольство коренного населения неспособностью правящих партий решить комплекс проблем, связанных с растущим числом неинтегрируемых иммигрантов, приводит к заметному росту популярности крайне правых, радикальных партий и их идей в обществе. Идеология Национального Фронта распространяется как среди правого, так и умеренного электората. Улучшаются его результаты на выборах.

В целом за последние двадцать лет отношение французов к иностранцам заметно ухудшилось. Всплески ксенофобии приходились на периоды экономических кризисов и на события 11 сентября, а также ноябрьские 2005 г. Помимо известных упреков в адрес иммигрантов, связанных с ростом безработицы и преступности, социальными привилегиями стали выдвигаться новые, в частности, – с нежеланием иммигрантов адаптироваться к стилю жизни и ценностям французов. Так, в 1990 г. 63% французов считали, что люди иностранного происхождения должны осваивать местные нравы, обычаи, язык, манеру одеваться (в Германии, к примеру, таких 36%) и 33% – что они должны сохранить часть своих привычек, характерных для страны происхождения. Согласно мнению 82% французов, необходимо, чтобы иностранец посещал школу во Франции (в Германии, например, – 38%). 71% – полагали, что он должен забыть привычки своей страны, если они противоречат французскому законодательству (в Германии – 45%).

тильного возраста в 1990-х гг. увеличилось приблизительно на 5%. Особенно высокая рождаемость была у марокканок (5,23 ребенка), тунисок (5,20), турчанок (5,05), алжирок (4,20), а у итальянок и испанок – на уровне француженок.

Иммигрантов и их детей упрекают также в вандализме, в презрении к общественному достоянию и к французскому обществу в целом. Это касается в первую очередь иммигрантов магрибинского происхождения, мусульман, чья культура и привычки наиболее отличаются от французских. В массе своей французы убеждены, что различия в обычаях, в религии, языке, осложняют совместное проживание. Многие полагают, что различия между исламской и католической религиями делают интеграцию мусульман невозможной.

По данным опроса, проведенного после президентских выборов 2007 г., 74% французов положительно относились к понятию национальной идентичности, как к объединяющей французское общество ценности, 51% считал, что во Франции слишком много иммигрантов, 61% – что «уже не чувствуешь себя как дома». Положительно относились к исламу только 35% опрошенных, и 24% – полагали, что глобализация представляет собой шанс для французской экономики и общества⁸².

Более того, такое отношение к иммигрантам стало рассматриваться во Франции не как ксенофобия, а скорее, как опасение развития этнического и религиозного коммунитаризма. Сегодня речь идет о сосуществовании христианской, атеистической и исламской культур, которые значительно отличаются, вследствие чего «растет коммунитаризм и непонимание»⁸³.

В основе республиканской модели лежит идея «национальной общности», которая неделима. Она предполагает стремление интегрировать каждого гражданина. Для этого использовались такие институты как школа, армия, система социальной защиты. Однако школа сегодня больше не справляется с этой миссией. Служба в армии перестала быть воинской обязанностью, система социальной защиты – в кризисе. В стране преобладают центробежные силы, которые выбрасывают часть граждан за ее пределы. Ими оказываются те, у кого нет достаточного образования, общей культуры, здоровья, необходимых связей, которые помогли бы им ориентироваться в обществе и занять в нем достойное место. Коммунитаризм становится реальностью социальной географии. Города и предместья делятся на кварталы – мусульманские, еврейские, «черные», азиатские, гомосексуальные. Отказ многих коммун строить 20% социального жилья, к чему их обязывает закон, объясняется опасением жителей смешиваться с другими социальными группами. В результате, по мнению многих социологов, социальное смешение – это благородная, но практически нереальная в сегодняшних условиях задача⁸⁴. Люди объединяются в социальные группы, которые все

⁸² Panel électoral français (2007). Cevipof-Ministère de l'Intérieur. Vague 2. «Enquête post-électorale présidentielle, 2007.

⁸³ Коммунитаризм (от англ. community – сообщество) – идеология конца XX в., стремящаяся к сильному гражданскому обществу, основой которого являются местные сообщества и неправительственные общественные организации, а не отдельные личности. Сформировавшись в 1990-х гг. вокруг идей и работ А.Этциони, коммунитаризм стал влиятельным направлением в американской социальной теории. Практически с момента возникновения развивался не только как социальная философия, но и как социально-политическое движение, отстаивающее интересы сообществ в отношениях с государством и бизнесом (<http://ru.wikipedia.org/wiki/коммунитаризм>; <http://slovari.yandex.ru/~книги/энциклопедия%20социология/коммунитаризм/>); *Mermet G. Francoscopie-2007*. Larousse. Paris, 2006. P.10.

⁸⁴ *Ibid.* P.196–197.

больше отдаляются друг от друга. Сегодня нация продолжает существовать, но создается впечатление, что она «стирается» и радикализуется, возникают анклавности идентичностей. Часть населения оказывается исключенной из новых парадигм глобализирующегося французского общества и ищет тех, кто мог бы защитить от новых реалий, которые чужды и непонятны⁸⁵.

Ухудшается моральное состояние французского общества. В феврале 2006 г. три четверти французов или 76% полагали, что Франция находится в состоянии заката, упадка⁸⁶. Среди французов бытует мнение, что «раньше было лучше». Так, многие французы боятся потерять то, что имеют, выступают против изменений, реформ – в целом. Характерное настроение французов – это недоверие по отношению к институтам власти, СМИ, соседям. Оно усиливается тем, что все труднее становится «узнать правду» в различных областях. Информацией манипулируют те, кто имеет к ней доступ, или ее распространяет. Поэтому у всех возникает чувство, что их обманывают с помощью речей, невыполненных обещаний и лживой информации.

Сегодня эгалитаристской республиканской модели, направленной на установление равенства и стирание различий, не удается справиться с возникающими проблемами. Вместо их решения политическая элита, СМИ проводят политику политкорректности, вводятся новые табу на социально значимые явления, замалчиваются реальные цифры в иммиграционной сфере. Возрастает недоверие, разрыв между политической элитой, СМИ, либеральной интеллигенцией и консервативной частью общества, так называемыми простыми французами. По словам самих французов, ситуация напоминает советскую 1970-х гг., когда существовало две идеологии – официальная – руководства страны, транслируемая СМИ, и – народная, «здравого смысла», которая выражалась в разговорах «на кухне». Как справедливо замечает известный французский демограф М.Трибалья: «У нас во Франции существует только одно политкорректное мнение, и все вопросы иммиграции СМИ рисуют в розовом свете... У нас даже правых не осталось, они тоже ударились в политкорректность. Люди боятся говорить правду, потому что не знают, что делать с этой правдой. Чувство патриотизма умерло. Мы живем в музее великого прошлого и стыдимся настоящего, пытаемся наказать за ошибки, которые совершили давным-давно. И это состояние умов разрушительно не только для французов, но и для иммигрантов, которые пытаются стать французами. Если французы такие плохие, почему мы, иммигранты, должны быть, как они? Мы, французы слабые, терпимые и всего боимся. Мы не уверены в наших ценностях, зато те, кто приезжает к нам, уверены в своих»⁸⁷.

Политкорректность с характерным для нее табу на тему иммигрантов и этнических меньшинств, за последние годы распространилась и на другие сферы жизни. Возникают «профессиональная», «социальная», «идеологическая корректность». Все эти явления отражаются во французском языке. Они – знаковые и свидетельствуют о том, что эгалитаристская французская модель, направленная на установление равенства и стирание различий,

⁸⁵ <http://www.latribune.fr/opinions/tribune/20130513trib000764314/francois-dubet-l-ecole-est-en-peril-.html>.

⁸⁶ *Mermet G. Francoscopie-2007. Larousse. Paris, 2006. P.196–197.*

⁸⁷ Из интервью газете «Комсомольская правда» (2010, 25 февраля) и из личных бесед с демографом.

в современной Франции решает возникающие проблемы не с помощью реальных действий, а лишь меняя названия, вводя новые запреты на социально значимые явления.

Национальная идентичность французов постепенно замещается растущим индивидуализмом, стремлением к личному самоутверждению в ущерб национальному единству. Французы стали предпочитать национальной, гражданской принадлежности отношения по принципу «близости». Они объединяются на уровне региона, коммуны, квартала, но не на национальном, а тем более европейском уровне, в котором сегодня чаще всего видят угрозу, а не новые возможности. Многие французы отмечают, что акцентирование оригинальности, отличий лежит в основе ментальности французов, и когда-нибудь это стремление к независимости во мнении, взглядах может привести к полной дезинтеграции и развалу государства. Парадоксально, что идеи сепаратизма стали характерными не только для Корсики, но и для таких традиционно исторически французских регионов как Вандея.

Республиканская модель долгое время интегрировала и ассимилировала. Она требовала от иностранцев не только подчинения законам Республики, но и принятым во французском обществе нормам поведения, общения, что подразумевало приобщение к ценностям и культуре страны. Так, 95% французов в середине 1990-х гг. придавали большое значение вежливости, 65% – слову «свобода», 21% – равенству, 12% – солидарности, 51% – ценностям религии⁸⁸. Сегодня многие видят в этом противоречие с принципами индивидуальной свободы, признанием права на отличие (в привычках, культуре, религии). Французы вынуждены признать, что сосуществование французов и иммигрантов, многие из которых являются французами по рождению или по натурализации, в рамках республиканской модели стало конфликтным. Происходит радикализация позиций, поведения по отношению к некоторым общинам. В отношении бунтующей молодежи с окраин общественное мнение французов расколото. Некоторые считают этих молодых людей варварами, другие – жертвами республиканской модели интеграции. Действительно, как считает Н.Саркози, иммиграция может служить национальным интересам только в том случае, если она сопровождается успешной интеграцией. Со всей очевидностью возникает потребность в новой модели, в которой был бы найден компромисс между авторитарной ассимиляцией и либеральной интеграцией и были бы определены как границы толерантности, так и права и обязанности приезжих.

⁸⁸ *Mermet G. Francoscopie-2007. Larousse. Paris, 2006. P.242, 212.*

**Антисоциальное поведение и девиации
в современной социальной реальности:
социально-структурный аспект**

**КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗМЕРЕНИЯ КОРРУПЦИИ**

Коррупция относится к числу наиболее серьезных рисков, с которыми приходится сталкиваться современным обществам. Общеизвестными неблагоприятными последствиями коррупции для общества являются: падение престижа публичной власти, снижение эффективности государственного управления, распространение правового нигилизма, рост стоимости жизни, социальная напряженность. В наибольшей степени этому злу подвержены общества переходного типа, к которым относится в том числе и российское. Выработать эффективные научно обоснованные рекомендации по предотвращению коррупции невозможно без качественного усовершенствования методологии ее исследования.

Основная проблема исследования коррупции – это сложность получения так называемых «объективных» данных, свидетельствующих о реальном уровне и распространении этого явления. Речь идет об официальной статистике или других документах, подготовленных с использованием специальных процедур правительственными агентствами или другими уполномоченными организациями.

Эти данные обычно отличаются от «субъективных», получаемых с помощью опросов, анкетирования и интервью, так как в этом случае источником информации являются отдельные субъекты – респонденты, высказывающие свое личное мнение или отношение к определенному социальному явлению. В роли респондентов могут выступать как эксперты, так и обычные люди, но в любом случае они высказывают лишь собственное мнение.

Разделение данных по методу получения на «субъективные» и «объективные» не всегда отражает степень их достоверности. С одной стороны, на основе данных опросов, используя методы статистического агрегирования, можно получить вполне объективную картину того или иного феномена; а с другой, официальная статистика иногда может стать жертвой политических соображений и давать неполное или искаженное представление о том же самом феномене.

В некоторых случаях получение так называемых «объективных» данных может быть технически затруднено. Это особенно очевидно в случае изучения различных форм девиантного поведения, к которым относится и коррупция. Понятно, что никакой официальной статистики коррупции не может быть просто потому, что никто не спешит отчитаться в соответствующие органы о совершенной коррупционной сделке. Что же касается криминальной статистики и данных контрольных органов, то они оценивают лишь выявленную или «видимую» часть коррупции и поэтому не позволяют судить о ее реальном масштабе.

Поэтому основным инструментом социологического исследования коррупции являются опросы и интервью экспертов, населения или конкретных групп, в наибольшей степени сталкивающихся с коррупцией в своей профессиональной или общественной деятельности.

В социологии существуют различные теоретические подходы к изучению социальных явлений и процессов. По нашему мнению, наиболее перспективным является так называемый интегрированный подход, рассматривающий деятельность социального субъекта и объективные структуры, в рамках которых эта деятельность осуществляется, как диалектически взаимообусловленные элементы единой социальной реальности⁸⁹. Этот подход, к которому принадлежат, в частности, такие известные социальные теоретики, как Энтони Гидденс⁹⁰ и Пьер Бурдьё⁹¹, рассматривает социальные структуры не как нечто внешнее по отношению к социальным субъектам, а как интернализированный источник диспозиций и мотиваций, делающих возможными социальные действия, которые, в свою очередь создают и поддерживают социальные структуры. Несколько упрощая, можно сказать, что люди в процессе своей деятельности создают социальный контекст этой деятельности, который, в свою очередь, влияет на характер этой деятельности. Так, Бурдьё⁹² устанавливает взаимосвязь между социальной позицией представителей различных классов общества и их социальными практиками, которые воспроизводят эту социальную позицию. Гидденс⁹³, в свою очередь, анализирует исследование, демонстрирующее воспроизводство культур различных классов на примере образовательных установок, усваиваемых детьми в семье.

Такой подход предполагает, что изучение любого социального явления должно производиться как с объективной или структурной, так и субъективной или деятельностной точки зрения. Исходя из этого, социологическое измерение коррупции должно в обязательном порядке включать в себя как объективный, так и субъективный аспекты.

К настоящему времени в отечественной практике уже существуют индикаторы коррупции, которые можно считать объективными, разработанные Фондом «Общественное мнение» и Фондом «ИНДЕМ»⁹⁴.

⁸⁹ См. *Климовицкий С.* Решение проблемы когерентности в современных западных социологических теориях. М., 2007. С.4.

⁹⁰ См. *Гидденс Э.* Устройство общества. М., 2005.

⁹¹ *Бурдьё П.* Социология социального пространства. СПб., 2007.

⁹² Там же. С.17.

⁹³ *Гидденс Э.* Указ. соч. С.408–409.

⁹⁴ См. Министерство экономического развития. Фонд «Общественное мнение». Состояние бытовой коррупции в Российской Федерации. <http://fom.ru/uploads/files/doklad.pdf>; *Сатаров Г.* Измерение бытовой коррупции в массовых социологических опросах. <http://www.polit.ru/article/2006/08/23/corruption/>.

1. *Коррупционный охват* – доля респондентов, заявивших, что при обращении в государственные учреждения или органы власти они хотя бы раз попадали в коррупционную ситуацию. Показатель рассчитывается от общего числа респондентов, обратившихся в государственные учреждения.

2. *Риск коррупции* – доля респондентов, попавших в коррупционную ситуацию при последнем по времени взаимодействии с представителем государства.

3. *Готовность давать взятки* – доля респондентов, давших взятку в последней по времени коррупционной ситуации.

4. *Интенсивность коррупции* – среднее число взяток в год, приходящееся на одного взяткодателя.

5. *Средний размер взятки* – значение, получаемое усреднением размеров взяток без учёта заданного числа самых больших и самых мелких взяток.

6. *Средний нормированный размер взятки* – средний размер взятки, отнесённый к величине среднегодового месячного дохода на душу населения.

7. *Среднегодовой коррупционный взнос* – среднегодовые затраты на взятки одного взяткодателя.

8. *Объём рынка коррупции* – сумма взяток, выплаченных гражданами за год.

9. *Нормированный объём рынка коррупции* – объём рынка коррупции, отнесённый к величине ВВП.

Несмотря на то, что эти индикаторы получаются на основе опросов, они могут считаться, с точки зрения принятой нами перспективы, объективными, поскольку характеризуют условия, в которых разворачивается деятельность индивидов. Гораздо менее разработанными являются методы измерения субъективной составляющей коррупции, т.е. социально-психологических детерминант коррупционного поведения, хотя обоснованность и необходимость такой постановки проблемы признаются российскими учеными⁹⁵. Предлагаемая концепция направлена на решение этой проблемы.

Социальная психология возникла на основе философии прагматизма, трактовавшей разум как функциональный инструмент динамической адаптации к окружающей среде. Поскольку для социального человека окружающей средой является общество, социальная психология, как она была представлена основателями этого направления Чарльзом Хортоном Кули и Джеймсом Гербертом Мидом, была ориентирована на изучение того, как человеческое сознание формируется и трансформируется в ходе социального взаимодействия. При этом Кули утверждал, что реальное общество – это представления людей друг о друге и об отношениях друг с другом. Мид пошел еще дальше и фактически заключил общество внутрь человеческого сознания. Он трактует сознание человека как процесс, включающий в себя два уровня: спонтанное и непредсказуемое *I*, являющееся источником творчества и новизны, и сдерживающее и ограничивающее *me*, представляющее собой усвоенный индивидом набор установок «обобщенного другого», т.е. общества⁹⁶. Именно *me* лежит в основе внутреннего механизма социального контроля, в отличие от внешнего,

⁹⁵ Журавлев А.Л., Юревич А.Д. Психологические факторы коррупции // «Прикладная юридическая психология». 2012, №1. С.9.

⁹⁶ Mead G.H. Mind, Self, and Society. The University of Chicago Press, 1992. P.175.

представленного системой правовых санкций. Процесс динамического взаимодействия *I* и *те*, в ходе которого формируются социально приемлемые реакции индивида, лежит в основе социальной саморегуляции индивида.

В дальнейшем на основании идей Мида социальными психологами была разработана концепция социализации как продолжающегося на протяжении всей жизни процесса усвоения норм и ценностей общества, адаптирующего индивида к жизни в этом обществе.

Предлагаемая теоретическая модель социального поведения включает в себя условно выделяемые «внешние» и «внутренние» факторы. Внешние факторы представлены факторами среды, создающими тот социальный контекст, в котором возникает и развивается социальное поведение. Факторы среды включают в себя всю совокупность материальных, институциональных и социально-культурных условий, в которых осуществляется социальное поведение. Влияние факторов среды может быть как позитивным, способствующим определенному поведению или даже провоцирующим его, так и негативным, т.е. препятствующим тем или иным действиям или сдерживающим их. При этом важно иметь в виду, что факторы среды оказывают влияние на поведение индивидов не непосредственно, а через призму тех представлений, которые сложились у индивидов об этих факторах и которые могут быть отличны от «объективных». Иначе говоря, «внешность» среды имеет до определенной степени условный характер, поскольку она всегда интериоризируется индивидом в процессе взаимодействия с ней.

Внутренние факторы социального поведения представлены факторами социальной саморегуляции, под которой понимается внутренняя организация поведения, предполагающая выработку целей и средств их достижения. К факторам саморегуляции относятся ценностные системы, социальные установки и диспозиции индивидов. Они формируются в ходе взаимодействия со средой, в основном в процессе первичной и вторичной социализации, однако претерпевают изменения в дальнейшей жизни под влиянием собственного опыта и субъективно значимой информации.

Факторы саморегуляции во взаимодействии с факторами среды создают мотивации для социального поведения. Вероятность той или иной формы социального поведения в каждый момент времени определяется сложным динамическим взаимодействием факторов среды и саморегуляции, которое формирует мотивацию к действию, предполагающую осмысление индивидом ситуации и выбор той или иной модели поведения. Схема процесса представлена на рис. 1.

Применяя эту общую схему к коррупционному поведению, мы можем сформулировать понятие *коррупционной среды*, под которой будем понимать набор факторов социальной системы, делающих коррупционное поведение возможным или способствующим ему. В макромасштабе общества к ним относятся факторы политической, экономической, социокультурной и правовой систем; на мезоуровне социальных институтов и микроуровне предприятий и организаций – это административно-организационные практики и особенности корпоративной этики, т.е. то, что обычно называется «моральным климатом» или «корпоративной культурой».

Уровнем развитости коррупционной среды мы будем называть ту степень, в которой условия той или иной социальной системы способствуют коррупционному поведению.

Рисунок 1

Следует заметить, что нам здесь важны не каузальный анализ и «объективная» оценка факторов социальной среды, которые является прерогативой экспертов, а именно субъективное восприятие обычными людьми сфер общественной жизни или организаций, с которыми им приходится иметь дело в профессиональном, общественном или бытовом контексте. Именно это восприятие, складывающееся на основании собственного опыта, рассказов друзей и родственников, публикаций СМИ и другой субъективно значимой информации, определяет мотивации к коррупционному поведению.

Причем эта субъективная оценка ситуации может расходиться не только с объективными статистическими данными и выводами экспертов, но также и вообще со здравым смыслом. Так, некоторые российские граждане, абсолютно убежденные в сильной развитости коррупционной среды в правоохранительных органах, находясь за рубежом, без колебания пытаются предлагать взятки полицейским, что часто ведет к неприятным последствиям.

Внутренние факторы коррупционного поведения можно назвать *коррупционной саморегуляцией*. Сюда относится вся совокупность факторов, создающих позитивное или нейтральное отношение к коррупционному поведению, т.е. оправдывающих его, формирующих к нему толерантное отношение, провоцирующих оппортунистическое отношение («это особый случай»), вводящих двойные стандарты («я и мое окружение – другие»). Важную роль в формировании коррупционной саморегуляции играют сложившиеся в ходе социализации качества личности, такие, например, как преобладающее стремление к материальным благам, моральная лабильность или цинизм, склонность к рискованным предприятиям, чувство собственного превосходства и т.д.

При этом, однако, следует иметь в виду, что подобные качества личности могут сыграть свою роль в закреплении коррупционных установок лишь при наличии благоприятной среды. С другой стороны, даже индивид со сформированными антикоррупционными установками может в определенных обстоятельствах прибегнуть к коррупционным действиям под влиянием среды, если она, как ему кажется, не оставляет иного выбора.

Таким образом, в соответствии с общей схемой (рис. 1), факторы коррупционной среды находятся в непрерывном взаимодействии с факторами коррупционной саморегуляции и при взаимной поддержке формируют коррупционные мотивации, определяющие коррупционное поведение. Схема процесса представлена на рис. 2.

Рисунок 2

Предлагаемая модель позволяет объяснить недостаточную эффективность только институционально-правовых и полицейских методов в борьбе с коррупцией. Об этом хорошо свидетельствует опыт Китая, в котором принимаются крайне строгие меры против коррупционеров, которые, тем не менее, не дают желаемого результата. Проблема заключается в том, что эти меры воздействуют лишь на факторы среды, игнорируя факторы социальной саморегуляции. Конечно, ужесточение санкций за коррупцию и совершенствование систем контроля могут напугать некоторых коррупционеров и заставить их отказаться от коррупционных действий, однако для других они лишь повысят ставки в игре, сделав ее более рискованной, но при этом и более привлекательной.

Предлагаемая модель также позволяет объяснить механизм формирования системной или самоподдерживающейся коррупции. Так, в ряде исследований⁹⁷ отмечались присущие многим переходным обществам рудименты традиционности, проявляющиеся в патернализме власти, иерархичности социальной структуры, приоритете неформальных социальных отношений над формальными. В этих условиях некоторые виды коррупционного поведения перестают рассматриваться как общественно предосудительные, воспринимаясь как формы благодарности или обмена услугами. Такая высокая степень развитости общей коррупционной среды приводит к патологической социализации, в результате которой у но-

⁹⁷ См., напр., *Алексеев С.В.* Коррупция в переходном обществе: социологический анализ. [http:// www.ceninauku.ru/page_23202.htm](http://www.ceninauku.ru/page_23202.htm); *Радаев В.* Формирование новых российских рынков. М., 1998. С.161–168.

вого поколения формируются представления о естественности этой среды и нормальности коррупционного поведения для решения различного рода личных проблем. Сформировавшиеся в ходе социализации механизмы коррупционной саморегуляции во взаимодействии со средой порождают мотивации к коррупционному поведению, которое, в свою очередь, укрепляет коррупционную среду. Таким образом, создается порочный круг самоподдерживающейся коррупции.

Предлагаемая концепция исследования коррупционного поведения направлена на мониторинг оценок респондентами степени развитости коррупционной среды в обществе в целом, различных сферах общественной жизни и отдельных организациях, а также на выявление социальных установок и диспозиций респондентов в отношении коррупционного поведения (см. Приложение). В целях получения более достоверной информации опрос населения в целом необходимо дополнить опросом групп, профессионально связанных с изучаемыми институтами или имеющих к ним отношение в силу своей общественной деятельности (сотрудники правоохранительных органов, государственные и муниципальные служащие, представители законодательной власти, работники СМИ, представители бизнеса, сотрудники правозащитных НПО).

Опрос относительно коррупционных установок следует дополнить опросом относительно реального участия респондентов в коррупционном поведении и субъективных причин этого участия для выявления корреляции между факторами социальной саморегуляции и реальным поведением, которая будет отражать влияние среды. Важно также выяснить причины отказа от участия в коррупционных действиях, которые позволят определить сдерживающие факторы саморегуляции и тем самым установить наиболее эффективные средства социального контроля коррупции для различных социальных групп (см. Приложение).

Методология подходит для использования как в международной, так и национальной практике. Она позволяет измерять коррупцию на различных уровнях социальных систем – от общества в целом до отдельных институтов и организаций. Полученные данные позволяют выявить наиболее проблемные, с точки зрения коррупции, сферы общественной жизни, которые должны стать объектом более углубленного исследования.

Предлагаемую концепцию социально-психологического исследования планируется протестировать и оптимизировать по результатам проведенного пилотного исследования. Необходимо, в частности, является: уточнение списка вопросов, используемых для проведения опросов, применительно к различным уровням социальных систем и анализ полученных корреляций с целью выявления возможных эффектов взаимовлияния факторов среды и социальной саморегуляции.

Отработанная методология социально-психологического исследования коррупционного поведения позволяет получить целостную картину коррупции как социального явления и выработать необходимые рекомендации для проведения адекватной антикоррупционной политики. Такая политика должна включать в себя наряду с устранением объективных (средовых) факторов, способствующих коррупции (экономических, политических, социокультурных) также меры, направленные на изменение коррупционной саморегуляции, которые предполагают: антикоррупционное воспитание и просвещение, создание в обществе климата нетерпимости к коррупции, антикоррупционную пропаганду. Конкретный перечень необходимых мер должен быть выработан по результатам проведенного исследования.

Приложение

Шкала для измерения развитости коррупционной среды

- 0 – коррупция отсутствует;
- 1 – существуют отдельные проявления коррупции, не оказывающие влияние на выбор действий;
- 2 – коррупция существует, но возможны альтернативные варианты действий;
- 3 – тотальная коррупция: других вариантов действий не существует.

I. Развитость коррупционной среды (оценивается с помощью указанной выше шкалы)

Насколько, на Ваш взгляд, подвержены коррупции следующие институты и организации в Вашей стране:

- органы законодательной власти
- правительство
- органы муниципального управления
- политические партии
- правоохранительные органы (полиция, следственные органы, прокуратура)
- судебная система
- система исполнения наказаний
- налоговые органы
- таможня
- иммиграционная служба
- контролирующие органы (пожарные, санитарные, природоохранные и т.д.)
- лицензирующие органы
- система образования
- система здравоохранения
- средства массовой информации
- жилищно-коммунальное хозяйство
- профессиональные союзы
- неправительственные (некоммерческие) организации
- религиозные организации
- армия
- бизнес

II. Отношение и готовность к коррупционным действиям

1. Какие из приведенных ниже видов коррупционных действий являются, по Вашему мнению, допустимыми в некоторых случаях:

- получение взятки (получение должностным лицом материального или иного вознаграждения за нарушение своих обязанностей в интересах взяткодателя)
- дача взятки
- получение «благодарности» (материального или иного незаконного вознаграждения за добросовестное исполнение должностным лицом своих обязанностей)

- дача «благодарности»
- злоупотребление должностным положением (использование должностным лицом своих полномочий в личных интересах или интересах третьих лиц)
- незаконное финансирование политических партий (с целью продвижения выгодных политических решений)
- нарушения в ходе предвыборной кампании и выборов (использование административного ресурса с целью обеспечения преимущества одной из политических партий, различные формы подкупа избирателей и давления на них, манипуляции с подсчетом голосов)
- незаконный лоббизм (продвижение частных или корпоративных интересов в органах законодательной или исполнительной власти)
- nepотизм (назначение на престижные должности родственников или друзей вне зависимости от профессиональных качеств)
- вымогательство (принуждение со стороны должностного лица заплатить за его действие или бездействие)
- хищение (присвоение частного или общественного имущества с использованием должностного положения)
- мошенничество (хищение частного или общественного имущества или приобретение прав на него обманым путем с использованием должностного положения)
- другие (вписать)
- никакие

2. В каких из приведенных ниже случаев Вы допускаете возможность коррупционных действий:

- освобождение от ответственности (смягчение наказания) за преступление/правонарушение для себя или своих близких
- решение собственных материальных проблем или аналогичных проблем своих близких
- получение необходимой медицинской помощи для себя или своих близких
- решение проблем фирмы/организации, в которой вы работаете, с государственными органами
- создание благоприятных условий для бизнеса
- получение выгодного заказа/контракта
- назначение на желаемую должность для себя или своих близких
- положительное решение Вашего дела или дела Ваших близких в государственном учреждении
- ускорение решения Вашего дела или дела Ваших близких в государственном учреждении
- освобождение от армейской или иной обязательной службы
- поступление (устройство ребенка) в учебное (дошкольное) заведение
- получение льгот
- другое (вписать)
- ни в каких

III. Участие/неучастие в коррупционных действиях

1. В каких из перечисленных видов коррупционных действий Вам (Вашим близким) приходилось участвовать за последние три года:

- получение взятки (получение должностным лицом материального или иного вознаграждения за нарушение своих обязанностей в интересах взяткодателя)
- дача взятки
- получение «благодарности» (материального или иного незаконного вознаграждения за добросовестное исполнение должностным лицом своих обязанностей)
- дача «благодарности»
- злоупотребление должностным положением (использование должностным лицом своих полномочий в личных интересах или интересах третьих лиц)

- незаконное финансирование политических партий (с целью продвижения выгодных политических решений)
- нарушения в ходе предвыборной кампании и выборов (использование административного ресурса с целью обеспечения преимущества одной из политических партий, различные формы подкупа избирателей и давления на них, манипуляции с подсчетом голосов)
- незаконный лоббизм (продвижение частных или корпоративных интересов в органах законодательной или исполнительной власти)
- nepотизм (назначение на престижные должности родственников или друзей вне зависимости от профессиональных качеств)
- вымогательство (принуждение со стороны должностного лица заплатить за его действие или бездействие)
- хищение (присвоение частного или общественного имущества с использованием должностного положения)
- мошенничество (хищение частного или общественного имущества или приобретение прав на него обманым путем с использованием должностного положения)
- другое (вписать)
- ни в каких

2. К каким институтам или организациям относились коррупционные действия, в которых участвовали Ваши близкие):

- органы законодательной власти
- правительство
- органы местного самоуправления
- политические партии
- правоохранительные органы (полиция, следственные органы, прокуратура)
- судебная система
- система исполнения наказаний
- налоговые органы
- таможня
- иммиграционная служба
- контролирующие органы (пожарные, санитарные и т.д.)
- лицензирующие органы
- система образования
- система здравоохранения
- средства массовой информации
- жилищно-коммунальное хозяйство
- профессиональные союзы
- неправительственные (некоммерческие) организации
- религиозные организации
- армия
- бизнес
- не участвовал

3. Какова была цель участия в коррупционных действиях:

- освобождение от ответственности (смягчение наказания) за преступление/правонарушение для себя или своих близких
- решение собственных материальных проблем или аналогичных проблем своих близких
- получение необходимой медицинской помощи для себя или своих близких

- решение проблем фирмы/организации, в которой вы работаете, с государственными органами
- создание благоприятных условий для бизнеса
- получение выгодного заказа/контракта
- назначение на желаемую должность для себя или своих близких
- положительное решение Вашего дела или дела Ваших близких в государственном учреждении
- ускорение решения Вашего дела или дела Ваших близких в государственном учреждении
- освобождение от армейской или иной обязательной службы
- поступление (устройство ребенка) в учебное (дошкольное) заведение
- получение льгот
- другое (вписать)

4. Как бы Вы могли объяснить причины своего (своих близких) участия в коррупционных действиях:

- это нормальный способ ведения дел
- так все делают
- так было проще решить проблему
- это был единственный способ решить проблему
- меня (моих близких) заставили
- другое (вписать)
- не участвовал
- затрудняюсь ответить

5. Как бы Вы могли объяснить причины своего отказа (реального или предполагаемого) от участия в коррупционных действиях:

- это противозаконно
- это не соответствует нормам гражданской (профессиональной) морали
- в случае огласки это может повредить моей репутации (репутации моей фирмы или организации)
- боюсь наказания
- боюсь обмана
- не устроили условия (цена, сроки, количество участников и т.д.)
- другое (вписать)
- затрудняюсь ответить

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ КОРНИ КАЗНОКРАДСТВА И КОРРУПЦИИ В РОССИИ. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЦЕЛЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭТИХ НЕГАТИВНЫХ ЯВЛЕНИЙ

На протяжении последнего десятилетия при характеристике складывающейся общественно-политической и экономической ситуации в России с неизменным постоянством констатируется негативный факт активного распространения коррупции и усиленного её внедрения во все сферы жизнедеятельности государства и общества. За это время по проблеме коррупции осуществлено множество научных исследований, опубликованы сотни книг и тысячи статей. Не проходит дня, чтобы с экрана телевизора или в радиопередаче не прозвучал бы сюжет о коррупции. Проведены сотни конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов», предложивших множество рекомендаций по противодействию её проявлениям. Борьба с привилегиями и коррупцией стала трамплином для восхождения на олимп российской власти первого Президента страны. Одновременно немало известных политиков, федеральных и региональных лидеров на обличении коррупции получили известность и широкую популярность среди населения, создавая себе имидж «бескомпромиссных» борцов с её проявлениями. В то же время некоторые журналисты, сотрудники правоохранительных органов, представители политических партий и движений за свои расследования и разоблачения конкретных проявлений коррупции заплатились свободой и работой, а ряд из них – жизнью и здоровьем.

Однако, к сожалению, от всеобщего обсуждения проблемы коррупции с неизменной констатацией причиняемого ею вреда и многого того, что ещё её сопровождает, общество за это время, по существу, ни на шаг не продвинулось по пути реальной борьбы с её проявлениями. Более того, населением единодушно отмечается, что, не испытывая должного противодействия, коррупция стремительно набирает силу и всё более превращается в самостоятельный и весьма значимый социальный и политический фактор, разрушительно влияющий на дальнейшее развитие российского государства в прогрессивных направлениях.

Следует признать, что между многочисленными декларациями и заявлениями представителей различных ветвей властей об их честном служении обществу, обещании беспощадно бороться с коррупцией во всех её проявлениях и реальным противодействием ей пролегла глубокая пропасть. При этом можно выделить два важных обстоятельства. Прежде-

де всего, коррупция продолжает и далее разрастаться, последовательно охватывая даже те государственные и общественные институты и сферы, которые оставались до недавнего времени относительно свободными от её влияния. Во-вторых, это процесс указывает на известный цинизм и лицемерие всех ветвей российской власти, сопровождающие её деятельность на всём пути как советского, так и постсоветского развития. Весьма показательным в этом смысле сопоставление предвыборного заявления Б.Н.Ельцина в 1991 г., в котором он говорил, что «надо рядом законодательных актов укрепить в народе веру, что эпоха коррупции навечно осталась в прошлом, что корпорациям всякого рода жулья больше никогда не пробраться к власти», с его последующими конкретными действиями на посту главы государства. Как это ни печально, но приходится признать: кроме популизма, желания заручиться поддержкой народа в борьбе с прежней советской номенклатурой и на этой основе укрепить свою власть за этими словами никаких реальных поступков не только не было, но они, скорее всего, даже и не предполагались. Думается, что это не столько вина первого президента, сколько его беда – будучи хорошим учеником ЦК КПСС, он впитал в себя все качества именно этой советской номенклатуры, с которой и боролся, а демократическая фразеология являлась всего-навсего ширмой для прикрытия истинных целей – обладания властью.

В результате, несмотря на многочисленные обещания народу покончить с коррупцией, российской власти за последнее десятилетие так и не удалось предпринять сколько-нибудь эффективных шагов в этом направлении. Многократно участники парламентских слушаний отмечали кризисный характер состояния законности и правопорядка в стране. При этом особое внимание обращалось именно на коррупцию, поразившую все сферы жизни общества и государственной деятельности, и связанную с ней преступность. Констатировалось, что её проявления стали основой повсеместного нарушения Конституции и иных законодательных актов Российской Федерации.

Отмечалось, что внешние проявления коррупции в уголовно-правовой сфере – должностные преступления и в первую очередь казнокрадство и взяточничество – неуклонно возрастают. В то же время, по данным учёных и специалистов, значительное число фактов казнокрадства и взяточничества (90%) остаётся нераскрытым.

Парламентарии отмечали, что сформировавшиеся преступные сообщества сделали ставку на подкуп должностных лиц разных уровней государственной власти, местного самоуправления, финансовых, контрольно-ревизионных органов, что значительно затрудняет выявление совершённых ими преступлений.

Повсеместное распространение получили криминальный лоббизм, корыстный стовор должностных лиц, инвестирование коммерческих структур за счёт бюджета в ущерб интересам государства и граждан, необоснованная и убыточная для общества передача государственного имущества в управление коммерческим структурам, создание лжепредприятий, незаконные внешнеэкономические операции, совмещение государственной службы с участием в коммерческих организациях, неправомерное вмешательство в деятельность правоохранительных органов. Всё это составляет главную угрозу существованию не только государства, но и общества в целом.

Массовый характер приобрели факты незаконного выделения, получения и использования льготных кредитов, перелива капиталов в теневую экономику и зарубежные банки,

отмывания денег, полученных преступным путём. Эти действия неизбежно сопровождаются разного рода корыстными злоупотреблениями должностными полномочиями, значительными суммами взяток.

В этой обстановке оказались поражёнными коррупцией и работники органов, призванных осуществлять борьбу со взяточничеством, корыстными злоупотреблениями должностными полномочиями и превышением власти. Значительную долю среди лиц, привлечённых к уголовной ответственности за взяточничество, составляют работники внутренних дел, налоговой полиции, таможни.

Уголовные дела в отношении почти половины должностных лиц, привлечённых к уголовной ответственности за взяточничество, не доходят до стадии судебного рассмотрения. В отдельных случаях страдает и качество судебных решений по этой категории дел.

Что же изменилось за истекшие 20 лет? Исследование 2013 г. подтверждает, что эта тенденция сохраняется. При этом, как нам представляется, эти показатели не столько свидетельствуют о большей активности правоохранительных органов в борьбе с этими правонарушениями, сколько о возрастающем их распространении, в силу чего уже невозможно не реагировать на их многочисленные и по существу очевидные проявления.

На наш взгляд, более важными являются те качественные стороны, которые приобрела российская коррупция за последнее время, поскольку именно их изучение в максимальной степени позволяет понять главные закономерности и тенденции в ее современном развитии, определить причины ее постоянной генерации и факторы, воздействующие на ее расширение.

Предварительно оценивая ситуацию с учетом этих позиций, к сожалению, приходится признать, что в противодействии коррупции за это время никаких кардинальных сдвигов не произошло. Более того, если какие-то изменения и имели место, то отнюдь не в позитивную сторону. Не случайно по уровню коррумпированности Россия занимает сегодня одно из ведущих мест в мире. В своих повседневных проявлениях коррупция демонстрирует полное и циничное безразличие государственных должностных лиц к авторитету страны, общественным интересам, закону и порядку, народу. Свидетельством этому служит то, что до сих пор так и не выработана государственная стратегия противодействия этому злу, не принят ряд важнейших антикоррупционных законов и иных общественно значимых документов, а меры, которыми сегодня пытаются оказать на нее воздействие, оцениваются профессионалами в большей степени как имитация государственной активности, поскольку они изначально малоэффективны.

Справедливости ради следует сказать, что не последнюю роль в ситуации, складывающейся с распространением коррупции и борьбой с ней, играет неопределенность официальных подходов к пониманию ее сущности и, соответственно, выработке реалистичных в сложившихся условиях мер противодействия ей. До сих пор, когда речь заходит о коррупции и ее признаках, нередко в различных документах и разными авторами в ее понятие вкладывается не менее разное смысловое содержание. Разночтения определяются различием позиций (политических, экономических, правовых, нравственных, бытовых и т.д.), с которых рассматривается это явление, о чем будет сказано ниже.

Наиболее характерен подобный подход к определению ее криминальных проявлений. Например, отдельные специалисты фактически всю коррупцию рассматривают только как

правовую проблему и сводят ее к совокупности должностных посягательств. Иногда ее определяют в качестве одного из составных элементов организованной преступности.

Безусловно, нельзя не согласиться с тем, что именно коррупционные отношения, с одной стороны, провоцируют дальнейшее распространение и усиление криминальной напряженности в стране, а, с другой, ослабляют возможности государства и общества эффективно реагировать на этот процесс. Давно подтверждено, что криминальная коррупция подрывает устои государственной власти, деформирует общественное сознание, ложится тяжелым материальным бременем на россиян. Тем более, что число таких проявлений, как уже отмечалось выше, неуклонно растет с одновременным усилением тяжести последствий содеянного. Поэтому, безусловно, вопросы совершенствования борьбы с ее криминальными проявлениями имеют особую важность.

Вместе с тем, полагаем, что криминальная составляющая не является главенствующей в определении понятия коррупции, так как данное явление представляется неизмеримо более сложным в социальном, экономическом и политическом плане, в силу чего решить проблему борьбы с нею посредством воздействия на ее элементы только правовыми средствами вряд ли удастся.

Вследствие этого важное значение приобретает определение понятийных характеристик коррупции, поскольку без этого весьма трудно будет осмыслить ее внутренние и внешние сущностные признаки и, соответственно, предложить если не радикальные, то, во всяком случае, более эффективные, нежели используемые сегодня, меры противодействия данному явлению.

Как это ни парадоксально, но в целом коррупционные отношения в России оставались почти не наказуемыми. И в дореволюционный период, и в годы советской власти к ответственности удавалось привлечь весьма незначительную часть коррупционеров. Материалы упомянутого исследования свидетельствуют, что даже такая очевидно криминальная и опасная форма коррупции как взяточничество с середины 70-х и до рубежа 80–90-х гг. получала правовую оценку в лучшем случае в полутора – двух случаях из ста реально совершенных. Остальные из-за своей латентности не были не только предметом уголовного преследования, но даже общественного порицания. Другие же виды коррупционных действий из-за пробелов в законодательстве даже формально не признавались общественно опасными, вследствие чего не влекли каких-либо мер воздействия.

Все это создало весьма благоприятную почву для дальнейшего внедрения коррупции в общественные отношения при либерализации экономических и социально-политических условий в стране на рубеже 90-х гг. При этом новая политическая элита умело использовала такие лозунги, как всеобщее равенство перед законом, борьба с привилегиями и коррупцией для отстранения прежней номенклатуры от рычагов власти.

Однако это абсолютно не повлияло на ситуацию с коррупцией в позитивном плане. В результате процессов, направленных на переориентацию экономики от социализма к капитализму, т.е. в противоположную сторону от предыдущего развития, огромная государственная собственность осталась без хозяина. Быстрыми темпами она стала отчуждаться от государства, вокруг нее стали стремительно усиливаться коррупционные процессы. Начавшийся в начале 90-х гг. передел собственности перманентно продолжается и в настоящее время. Именно на этот же период приходится процесс демонтажа большинства инсти-

тутов социального и государственного контроля советской системы с сознательным противодействием замене их иными, пусть и менее эффективными, но все же действующими. Фактически с 1993 г., после того, как была устранена последняя форма контроля исполнительной власти – парламентская, в стране не осталось более или менее дееспособного органа, выполняющего эти функции. Счетная Палата тех лет не в счет, поскольку она представляла собой в большей степени декоративный орган, так как чаще всего ее проверки оставались без серьезного правового реагирования.

Разрушительные последствия имел и развал сложившихся правоохранительных институтов с переориентацией их на противодействие простым и очевидным видам преступлений и возведением барьеров на пути правового воздействия как к высокопоставленным, так и не очень должностным лицам (в форме различных иммунитетов и откровенного применения «телефонного права»). Это еще более вывело чиновничий аппарат государственных органов из зоны ответственности за злоупотребления по службе, в том числе за коррупционное поведение. Анализ судебной практики за истекшее десятилетие лишний раз подтверждает, что лишь отдельные лица из высшей элиты федерального центра и регионов, уличенные в противоправных коррупционных действиях, были привлечены к ответственности и наказаны, да и то, в основном, после того, как прямо или косвенно выразили свою нелояльность руководству государства или субъектов федерации.

Все это привело к тому, что в последние годы даже при сохраняющейся уголовной ответственности взятки стали братья, по существу, открыто. Результаты проведенного исследования показывают, в частности, что при относительно стабильном общем количестве лиц, избобличаемых во взяточничестве на протяжении последних 12–15 лет, сегодня к ответственности за это деяние удастся привлечь всего одного из двух-двух с половиной тысяч(!) лиц, совершивших данное преступление (т.е. более чем в 20 раз меньше, чем в конце 80-х–начале 90-х гг.). Это, по существу, если не формально, то практически декриминализовало казнокрадство и взяточничество как вид преступления. Тем более, что значительное снижение санкций за данное преступление в новом Уголовном кодексе существенно подорвало превентивное значение соответствующих уголовно-правовых норм, тем самым, переведя казнокрадство и взяточничество в весьма прибыльный и мало рискованный промысел для криминальных чиновников. Симптоматично, что из числа осуждаемых сегодня за взяточничество до половины составляют представители правоохранительных структур, что свидетельствует о высокой степени коррумпированности именно тех, на кого по идее власть и население должны рассчитывать как на главную опору в противодействии правонарушителям.

В некоторых регионах в коррумпируемые отношения вовлечены до двух третей коммерсантов. Материалы изучения незаконной деятельности преступных формирований в хозяйственной сфере свидетельствуют, что на подкуп должностных лиц ими расходуется до 50% незаконно полученных средств. Излишне говорить, что данные расходы напрямую перекадываются на рядовых покупателей и клиентов, поскольку потраченные на взятки деньги изначально закладываются в цену товаров и услуг.

Острота восприятия материалов о коррупции в обществе все больше утрачивается, а воздействующая сила в плане создания обстановки нетерпимости к коррупции как социальному явлению день ото дня ослабевает. Возник своего рода синдром привыкания к ней,

который стал настолько существенным, что огромную часть общества не слишком раздражает не только продажность отдельных государственных чиновников, но даже то, что по подозрению в причастности к коррупционным отношениям под сомнение была поставлена репутация первого Президента России и его ближайшего окружения. Значительной частью граждан сообщения и разоблачения коррупции вообще воспринимаются как попытки одних российских политиков очернить своих оппонентов и заработать дополнительные очки в продвижении на те или иные должности.

Между тем, оценивая общественную опасность казнокрадства и коррупции, можно утверждать, что она действительно чрезвычайно велика. Ее последствия негативно отражаются на экономической деятельности хозяйствующих субъектов и государства в целом, эффективности конкретных государственных решений и программ, состоянии морально-правственного климата в обществе. Она подрывает доверие граждан и предпринимательских кругов к власти, разрушает принцип справедливости и правового равенства.

К сожалению, реальная опасность казнокрадства и коррупции не преувеличивается. Более того, сегодня размах и глубина коррумпированных отношений не поддаются точному просчету. Очевидно лишь то, что за последнее десятилетие эти явления по существу проникли во все без исключения государственные институты и на всех уровнях: от небольшого сельского района до столицы государства, от местных муниципальных структур до федеральных органов законодательной и исполнительной власти.

Не является секретом, что сегодня коррупционные отношения выступают связующим звеном между государственными органами и криминальными группировками, в том числе и организованными. Весьма характерно, что еще на рубеже 90-х гг. эта тенденция просматривалась уже достаточно отчетливо, а коррумпированные связи криминальных кругов с государственными чиновниками разных уровней в этот период в значительной степени предрешили последующее активное формирование и развитие в России организованной преступности. По оценкам экспертов, от одной трети до половины доходов, полученных в результате преступной деятельности, сегодня в России тратятся на создание и укрепление позиций организаторов и активных участников преступных сообществ в органах законодательной и исполнительной власти, судебной и правоохранительной системе. Если оценивать эти доходы из расчета примерно около 40% ВВП (а именно на этом показателе сегодня сходятся многие специалисты), то нетрудно просчитать реальный объем «криминальных» инвестиций в государственный аппарат (не сложно сравнить с бюджетными ассигнованиями). Из этого вытекает вывод, что мы являемся свидетелями активной криминализации власти.

Однако, на наш взгляд, еще более угрожающий характер для государственной системы имеет тенденция к политизации коррумпированных отношений. Политическая коррупция представляет собой коррупционные или связанные с коррупцией формы политической борьбы правящих или оппозиционных элит, партий, групп, корпораций или отдельных лиц за власть. Данный вид коррупции разрушает фундаментальные демократические процессы и основательно подрывает политические и правовые устои власти и ее авторитет.

Особенно очевидно, что если до недавнего времени различные формы коррупции использовались участниками этих отношений преимущественно для достижения материальных выгод, то сегодня значительно чаще доминантными являются как раз политические

цели: вхождение во власть, приобретение большего политического веса и влияния, возможность воздействовать на принятие государственных решений и т.п. Нынешняя действительность изобилует примерами подобного рода. В частности, они составляют стержень так называемых «новых избирательных технологий», целью которых является избрание не честных и достойных депутатов или региональных руководителей, а тех, кто готов больше заплатить за вхождение во власть. Однако никто не может точно сказать, сколько подобных попыток оказались успешными и сколько представителей законодательной, исполнительной и судебной власти, опиравшихся на теневые капиталы, сегодня вершат судьбы людей в стране. Несомненно одно, что дальнейшее развитие этой тенденции чревато весьма серьезными негативными последствиями для государственной системы в целом.

Почему вопрос о распространении и противодействии казнокрадству и коррупции приобрел сегодня общенациональное значение? Ведь еще менее десятилетия назад даже в среде специалистов проблеме коррупции не уделялось такого повышенного внимания, как сегодня. Более того, она не рассматривалась даже в качестве самостоятельного фактора, а ее проявления, прежде всего в виде взяточничества, относились к признакам, определяющим преступности в целом.

Полагаем, что российское общество, наконец, стало осознавать всю степень реальной опасности, которую несет за собой казнокрадство и коррупция. Все более растет понимание, что истоки проистекают вовсе не из дурного воспитания людей и отсутствия правовых механизмов борьбы с ними. Они производят от социальных, экономических, политических, духовно-нравственных издержек, которыми сопровождается развитие любого государства. А именно 90-е гг. были в этом смысле, к сожалению, наиболее благоприятными для еще большего внедрения коррупционных отношений во все институты власти и общества. К тому же они усугублялись влиянием некоторых внешних факторов, национальных и местных традиций, которые также наложили определенный отпечаток на формы, глубину и масштабы коррупционных проявлений как в центре, так и на местах.

Кроме того, постепенно удалось хотя бы частично избавиться от иллюзии, что казнокрадство и коррупция проявляются только вне рамок закона. Исторический опыт свидетельствует, что она выходит далеко за рамки сугубо правовой проблемы, являясь совокупностью многофакторных социальных, экономических, политических, нравственно-этических вопросов. Она состоит лишь из частично совпадающих групп этических нарушений и собственно правонарушений, причем далеко не всегда уголовно наказуемых, что само по себе указывает на относительную независимость нравственного и юридического измерения. В силу этого и противодействовать им только правовыми средствами весьма сложно. Опыт показывает, что невозможно достигнуть желаемого результата только за счет создания и использования более эффективной правовой базы, а также предоставления более широких полномочий правоохранительным органам, если не устранены социальные и экономические предпосылки коррупции. Кроме вреда это нигде и никогда не давало положительных результатов. Более того, расширение полномочий силовых структур без адекватных механизмов контроля за их деятельностью грозит тем, что они сами, будучи коррумпированными, способны подмять под себя любые демократические институты общества.

Тем не менее, несмотря на это, приходится признать, что и сегодня проблема казнокрадства и коррупции и борьбы с ними порой подается на уровне поверхностных, большей частью популистских взглядов, а также предложений и обещаний решить ее за счет быстрых и не слишком дорогих средств (редко уточняется каких). При отсутствии научно обоснованной борьбы с этими явлениями по-прежнему в качестве панацеи от этой беды вновь предлагается создать дополнительные или увеличить существующие силовые структуры, а также применить неординарные организационные (преимущественно карательные) формы борьбы с казнокрадством и коррупцией, которые в решающей степени будут способны воздействовать на ситуацию.

Полагаем, что подобный подход к решению этих проблем вряд ли можно поддержать, поскольку, как подтверждает опыт многих стран, он изначально не приводит к желаемому результату. Достаточно вспомнить как дореволюционный, так и советский опыт исключительно сурового наказания за взяточничество, что, тем не менее, так и не позволило не только искоренить его, но и свести хотя бы к социально терпимому уровню.

Вот почему высказываемые нередко призывы и предложения раз и навсегда покончить с казнокрадством и коррупцией, на наш взгляд, следует рассматривать как откровенную профанацию проблемы, подмену одних понятий другими и введение общества в заблуждение посредством внедрения в его сознание изначально невыполнимой по объективным причинам задачи. Вспомним, как сравнительно недавно уже «искореняли» такое социальное зло как преступность и что из этого вышло. С трудом, но пришлось, наконец, признать, что она является объективным существующим социальным феноменом любой государственной системы и искоренить ее можно, скорее всего, только вместе с самим государством. Более того, в этот же период был признан и феномен существующей в стране организованной преступности, активно прогрессирующей и интегрирующейся в международную преступность. Между тем, нетрудно проследить, что преступность и коррупция – это явления в принципе однопорядковые. В этой связи, по-видимому, нет смысла продолжать отрицать очевидное и за красивыми призывами и обещаниями искоренить коррупцию фактически вводить общество в заблуждение. Необходимо признать, что полностью уничтожить коррупцию невозможно: в более или менее опасных формах она неизбежно будет проявляться. Другое дело, что без промедления необходимо сосредоточить усилия на ограничении сферы приложения ее проявлений, снижении степени ее влияния, минимизации вредных последствий, чтобы в конечном итоге свести ее до приемлемого социально терпимого уровня.

Наконец, с чем, безусловно, нельзя не согласиться, так это с тем, что поскольку казнокрадство и коррупция действительно выросли в реальную опасность для государства, к усилению угроз государственным устоям, которые она в себе содержит. Как, по-видимому, и с тем, что эффективная правовая база не вредит, а, напротив, в значительной степени способствует сужению круга использования коррупционных отношений, прежде всего путем создания условий для их предупреждения на более ранних стадиях, нежели при переходе к откровенно криминальным фазам. Это подчеркивают многие исследователи, а также подтверждает мировой опыт противодействия коррупции.

Необходимо, по-видимому, учитывать и национальные особенности, обуславливающие распространение казнокрадства и коррупции. Не секрет, что в основе многих современных традиций, в свое время пришедших с Кавказа и из азиатских республик бывшего СССР, заложены в принципе коррупционные отношения. Не получив в свое время достойного противодействия, они постепенно вживлялись в нашу жизнь, приобретая уже статус общероссийских традиций (кумовство, плата за должности и т.п.). Они играют все большую роль, поскольку по сравнению с нормальным рынком товаров и услуг, «коррупцированный» рынок характеризуется высокой ценностью, придаваемой как раз знанием местных обычаев и иной специфики. Для подкупа местных чиновников недостаточно полагаться лишь «на наибольший конверт с наибольшими деньгами». Рынок «услуг» в сфере коррупции подпольный, закрытый. Чтобы выдерживать конкуренцию на этом рынке, необходимо знать, следует ли давать взятку вообще, и если да, то кому, как и когда. Соответственно у местных предпринимателей лучшие позиции на этом «рынке», поскольку они уже встроены в существующую систему связей, местному бизнесу гораздо больше благоприятствует коррумпированная среда, нежели открытый рынок.

Суммируя сказанное, можно высказать следующие соображения: коррупция имманентно присуща всем моделям социального и государственного устройства, вследствие чего Россия не является каким-то исключением; ее формы не только интернациональны, но и имеют национальные особенности; ее содержанием являются коррупционные правонарушения и неправовые этические поступки; ее проявления не исчерпываются только продажностью чиновников, а содержат более широкий спектр действий; борьба с нею предполагает использование не только правовых, но, прежде всего, системы экономических, политических и социально-нравственных мер; деятельность по предупреждению коррупции должна быть приоритетной по отношению к иным мерам борьбы с нею; реальную цель борьбы с коррупцией следует видеть не в ее искоренении, что невозможно в принципе, а снижении до уровня, не препятствующего прогрессивному развитию общества.

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ⁹⁸

Введение

Современная социально-политическая ситуация в России и тенденции ее развития являются объектом пристального внимания как федеральных, так и региональных властей. Политизированная этничность, принимающая все более агрессивные формы, угрожает российскому сообществу этносепаратизмом, сецессией, межэтническими конфликтами и этнополитическими кризисами.

Сложившаяся на территории СКФО РФ ситуация в политической, социальной и культурной сферах требует неотложных решений. Со всей остротой ощущается недостаточная разработанность теоретического аспекта данного предмета и практических рекомендаций по проведению этносоциальной политики государства в условиях нарастающего национального радикализма со стороны противников территориальной целостности Российской Федерации. При этом этничность приобретает политические функции, а этнос превращается в субъект политики. Последнее представляет опасность территориальной и социальной целостности государства. Особенно остро это ощущается при распространении экстремизма вглубь религиозной составляющей жизни социума.

Проблема национального радикализма в аспекте политологии и социальной антропологии на Северном Кавказе отражена в работах отечественных и зарубежных авторов, результаты этих исследований важны для понимания происходящих процессов. Ряд исследователей трактуют явление национального радикализма как социальное, связанное с гипертрофией этничности, как шовинизацию национальной истории и культуры. Другие прида-

⁹⁸ Представленные материалы основаны на материалах экспертного опроса, проведенного в ноябре 2013 г. в республиках СКФО РФ. В нем приняли участие 18 экспертов, в числе которых: журналисты, политологи, социологи, государственные чиновники, депутаты Законодательного собрания, экономисты, военнослужащие, специалисты промышленного и сельскохозяйственного производства, юристы, историки, представители общественных и политических движений.

ют ему сугубо политический смысл и связывают его генезис и развитие с процессом формирования государственности в разных исторических условиях.

В современной этносоциологии доминируют три подхода, не допускающие иных, кроме официально принятых, толкований этногенеза и межнациональных конфликтов. Одним из них является этнографический, объясняющий конфликт интересов различных этносов различием культурных традиций, нравов, стиля жизни, верований.

Второй – политологический, объясняющий межнациональные конфликты различием политических позиций национальной элиты или буржуазии, идеологической «диверсией» оппозиционных политических образований или националистических групп, сепаратистских движений.

Третьим служит конфликтологический подход, рассматривающий межэтнические столкновения как конфликт интересов, обусловленный частными интересами политического или культурного характера, которые можно решить путем поиска компромиссов.

На современном этапе при исследовании причин межнациональных конфликтов прежде всего следует исходить из концепции конфликта цивилизаций, в последние два десятилетия акцентированной американским социальным философом и политологом Самюэлем Хантингтоном. Согласно этой концепции все формы межнациональных конфликтов, в том числе и религиозных, являются выражением единого противоречия – цивилизационного. Всевозможные формы (этнические, социальные, политические) в этом смысле являются не истинными источниками, а только формой проявления. Подход к исследованию источника конфликта с позиции конфликта цивилизаций предоставляет возможность правильно измерять те ожидания конфликтующих сторон, которые могут лечь в основу компромисса.

Из концепции цивилизационного подхода вытекает вывод о том, что исследование причин межнациональных конфликтов в России нельзя осуществлять, опираясь только на западный (прежде всего американский) опыт конфликтологических исследований. В отличие от США, Канады, Австралии, большинство этнических образований в России не является эмигрантским этническим землячеством, а представляет собой автономные государственные объединения на исторических территориях. Поэтому ожидать от них идентичности этнического сознания наподобие эмигрантского «гостевого» менталитета землячеств мигрантов США и Канады, в основе которого лежат сугубо экономический интерес и большей частью – лишенная этических основ масскультурная коммуникация, неправомерно.

Господствовавшие в СССР общинные распределительные отношения, теологическая по форме и этическая (моральная) по содержанию идеология соответствовали менталитету народов, чье цивилизационное развитие завершилось задолго до зарождения элементов капитализма в царской Российской империи и в большей степени являлось (и является) атрибутом феодальных отношений, чем рыночных. Поэтому стремление Российского государства сегодня утвердить в стране рыночные отношения ломает не только уклад жизни, принципы межличностной коммуникации и самореализации в референтных группах, в том числе по причине разрушения их самих (ценностной структуры семьи, иерархии межпоколенческих отношений, принципов этической (не правовой) формы регулирования общинных отношений), но и одновременно оказывает непомерное давление на генетику индивида. Насильственное «втягивание» в рынок исторически завершивших свое цивилизационное становление этнических групп порождает внешнее и внутреннее противоречия:

– внешнее, перерастающее в ряде случаев в конфликт государственного масштаба, есть противоречие не между малыми этническими группами и русскими как государствообразующим этносом, а между малыми этносами и федеральной (иногда – национальной) государственной властью как воплощением олигархической политики интенсивного развития рынка, вовлекающей малые этносы в капиталистическую цивилизацию;

– внутреннее противоречие порождено самими элементами рынка, создающими конфликт интересов между группами внутри этносов: это классические противоречия становления капитализма, а именно между городом и разрушающейся деревней, общинным земледелием и фермерством, собственниками средств производства и наемными работниками, между частью населения с теологическим менталитетом и другой частью с индивидуализированным сознанием «рантье», молодым и старшим поколениями по причине разрушения традиций.

Современное состояние исследований по проблеме

Исторические формы этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе рассматривались в дореволюционных трудах российских и отечественных авторов. Н.Ф.Дубровин, Н.Я.Данилевский, И.Н.Захарьин, А.И.Руновский, Р.А.Фадеев и другие видели Кавказскую войну как столкновение цивилизации (Российской империи XIX в.) и варварства (горские народы) и битву христианства с исламом. Немецкие историки и политики в основном поддерживали оценки российских авторов. Французские и английские ученые и политики, наоборот, считали участников сопротивления на Кавказе своими геополитическими союзниками и стремились использовать их для отторжения от Российской империи ее окраинных территорий. Советские историки, в зависимости от политико-идеологической конъюнктуры, рассматривали Кавказскую войну и имамат 1877 г. либо как многочисленные формы проявления насилия на социальной, национальной или религиозной почве, либо как национально-освободительное движение (М.Н.Покровский, Н.Н.Покровский, Р.М.Магомедов). Определенная часть советских исследователей отстаивала точку зрения, согласно которой восстания горцев на Кавказе были инспирированы из-за рубежа (Х.Г.Аджемян, Ш.В.Цагарейшвили и др.) Некоторые историки считали, что экспансионизм горцев, находившихся на стадии военной демократии, был направлен исключительно против российской государственности (М.М.Блиев, В.В.Дегоев, В.Б.Виноградов и др.) Военно-политические и административно-правовые методы регулирования этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе в XIX–XX вв. рассматриваются в трудах Н.Ф.Бугая, А.М.Гонова, Г.В.Марченко, В.В.Попова, В.П.Пляскина и др.

Современному этнорелигиозному экстремизму посвящена обширная научная литература. Проблемы этнонационализма и его экстремистские проявления исследуются Р.Г.Абдулатиповым, Ю.В.Арутюняном, Ю.Г.Волковым, Л.М.Дробижевой, Г.С.Денисовой, В.Н.Ивановым, Ю.Ю.Карповым, Е.Е.Несмеяновым, Г.В.Осиповым, В.Н.Рябцевым, В.А.Тишковым, Л.Л.Хоперской, В.В.Черноусом и др. Если В.А.Тишков и его школа относят все проявления этнонационализма к политическому экстремизму, то Л.М.Дробижева, В.В.Черноус и другие развивают идеи сложной типологии национализма. Работы по проблемам религиозного экстремизма на Северном Кавказе в основном ограничены проблемами исламского ради-

кализма в этом регионе. Выделяются труды З.С.Арухова, В.Х.Акаева, В.О.Бобровникова, И.П.Добаева, А.В.Кудрявцева, А.А.Игнатенко, А.В.Малашенко, Д.В.Макарова, В.Н.Шевелева, А.А.Ярлыкапова и др. Исламский экстремизм на Северном Кавказе рассматривается авторами в контексте геополитики мусульманского мира. Эти исследователи обращают внимание на политизированность конфессионально-государственных отношений в России. Ряд авторов полагают, что религиозный экстремизм связан с проникновением в регион нетрадиционных исламских течений (например, ваххабизма).

Мусульманская правовая культура, ее влияние на концепции исламского радикализма и их регулирование рассматриваются в трудах В.О.Бобровникова, Г.М.Керимова, А.Р.Сюкияйнена. Этнонациональный и этнорелигиозный экстремизм в рамках различных конфликтологических теорий рассматривается в работах Ю.Г.Запрудского, Е.Е.Несмеянова, Е.И.Степанова, Ю.Ю.Синелиной, В.Г.Федотовой, В.Ю.Шпака, И.П.Чернобровкина и др.

Терроризм как крайняя форма политического экстремизма, его социокультурные и региональные особенности анализируются в трудах И.М.Вакулы, В.В.Витюка, С.А.Воронцова, И.П.Добаева, Е.Г.Ляхова, И.В.Манацкова и др.

Несмотря на значительные достижения в изучении природы этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе, они еще не получили адекватное признание в российском обществе, особенно если иметь в виду политико-правовой аспект проблемы.

Ученые, законодатели, практические юристы расходятся в теоретическом понимании и трактовке таких понятий, как «фундаментализм», «радикализм», «экстремизм». Об этом свидетельствуют дискуссии, появившиеся в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», неоднозначные оценки со стороны ученых и политиков и критика регионального законодательства, направленного против исламского экстремизма.

Экспертным сообществом высказано мнение о том, что на Северном Кавказе имеют место те же конфликты, которые присутствуют на территории всей Российской Федерации. Однако в этом регионе они ярче выражены вследствие более низкого уровня экономического развития, пестрой национальной картины и бесконтрольности национальной же элиты.

Исторические причины межнациональной напряженности

Человечество на протяжении своего развития демонстрирует доказательства того, что общественное сознание сформированных этносов за исторически короткие сроки изменить невозможно. Свидетельством этому служит сохранившееся противостояние коренных народов Южной Америки и их сограждан – потомков выходцев из Европы. Попытки последних «привить» систему христианских ценностей и искоренить представления «дикарей и безбожников» сопровождалась уничтожением уникальных цивилизаций инков, майя и ацтеков.

В этом смысле противостояние народообразующей нации и малых народов на территории Российской Федерации имеет драматическую окраску. К моменту возникновения Российского государства в пределах нынешних границ РФ народы Северного Кавказа были уже сложившимися как нации общностями со своей цивилизацией, а именно: с укладом жизни и ведения хозяйства, религиозным и бытовым мировоззрением, системой представлений и ценностей.

Истоки сегодняшних проблем Кавказа и России в целом уходят в историю. На Северном Кавказе интеграция с Российским государством проходила по очень сложному пути с применением силы. Те народы, в минувшие столетия вошедшие в состав России добровольно (осетины, адыги), не создали в нынешнем проблемы для федеральной власти. Те же, которые были присоединены силой (чеченцы, народы Дагестана), проявили себя в новейшей истории противостоянием федеральной власти и обострением взаимоотношений между собой.

Народы Северного Кавказа изначально были отличны от основной части империи по менталитету, культуре, уровню общественного развития. Апологетами советской власти было приложено немало тщетных усилий в деле привития населению кавказских республик советского образа жизни. Малые народы региона так и не смогли «раствориться в русской нации». Определяющую роль в этом сыграли традиционная культура и так называемый мусульманский буфер. В этом контексте религия определила роль духовной субстанции, позволившей кавказским этносам сохранить этническую самобытность и аутентичность. Существенная разница в мировоззрении, укладе жизни малых народов Кавказа и государствообразующей русской нации не могла не стать угрозой целостности Советского Союза и Российской Федерации.

Политические причины межнациональной напряженности и экстремизма

Несмотря на территориальную историческую общность, причины экстремизма в республиках СКФО имеют некоторые отличия, однако религиозный экстремизм признан политологами, социологами и правоведами самой существенной причиной нестабильности в республиках Северного Кавказа. По высказыванию одного из экспертов, «ни национальная идентичность, ни земельные конфликты, ни бытовые неурядицы, ни проблемы миграции и взаимоотношения между поколениями не могут сравниться с фактором религиозного экстремизма».

По оценкам экспертов, в Дагестане с начала 90-х гг. XX в. построены 117 медресе, 17 университетов, 1600 дагестанцев обучаются в арабских странах в религиозных заведениях. И в то же время в почти трехмиллионном Дагестане за тот же период были введены в эксплуатацию только две(!) средние школы.

Современный исламизм несет в себе угрозу тому высокому уровню образования, который Дагестан действительно получил за годы советской власти. Образование постепенно становится платным, элитным. Учиться могут позволить себе лишь дети состоятельных людей.

Сейчас в России создается даже не классовое, а настоящее кастовое общество. В нем нет речи ни о доступности образования или услуг здравоохранения, ни о каком бы то ни было равноправии. Такому мрачному сценарию во многом способствует и распространение религии, которое поддерживается «сверху», местными элитами.

Современное северокавказское общество, а особенно дагестанское – с начала 90-х гг. провалилось в пучину архаизации. Именно поэтому в XXI в. нам суждено иметь дело с массами «взращенных» за эти годы религиозных фанатиков с едва ли не средневековым сознанием. Они тотально отрицают не просто все светское, но и вообще любые зачатки

цивилизации. В Дагестане не только у духовных лиц, но и у определенного числа обывателей в мыслях присутствует одно: создать шариатское государство.

Длительное время Кабардино-Балкария пользовалась репутацией островка стабильности и относительного благополучия на фоне других северокавказских республик. Этническое самосознание кабардинцев и балкарцев остается достаточно выраженным, но не препятствует интеграционным процессам. Вместе с тем в последние годы характер распространения ислама в КБР аналогичен дагестанскому сценарию.

Экономические причины межнациональной напряженности

Стремление человека к благосостоятельной жизни является нормой. Для него важно иметь такое качество, которое позволяет удовлетворять как биологические, так и социальные потребности. Если же оно не отвечает им, значит, и формируемое сознание насыщено противоречиями. Кроме того, оно в значительной степени подвержено внешнему воздействию различных идей, в том числе извечных: националистического шовинизма, религиозно-экстремизма, что особенно актуально в сохранившихся в определенной мере архаичных условиях традиционного общества Северного Кавказа. Такая восприимчивость не может не быть использована силами (как внутри страны, так и вне ее), стремящимися к власти, управлению и манипулированию социумом. В результате мы наблюдаем, например, быстрое распространение религий, в том числе в радикальных и нетрадиционных формах.

Основой благополучия социума служат экономические ресурсы и уровень развития экономики страны в целом и региона проживания, в частности. Экономические ресурсы республик Северного Кавказа, на первый взгляд, составляют достаточно прочную базу для поступательного развития региона и высоких показателей уровня жизни населения:

– благоприятные климатические условия для ведения сельского хозяйства, развития туризма, рекреации и комфортной жизни человека:

- весь регион сосредоточен в поясе комфортного умеренного климата;
- 40% почвы республик Северного Кавказа признаны пригодными для эффективного ведения сельского хозяйства;
- на сравнительно небольшой площади присутствует широкий набор климатических зон с выраженной высотной поясностью: континентальный сухой полупустынный на востоке, умеренно континентальный со значительными осадками на западе и холодный влажный в зоне альпийских лугов.

- транспортная инфраструктура имеет сравнительно высокий уровень развития;
- высокая степень концентрации трудовых ресурсов;
- территория СКФО насыщена водными ресурсами (4% их запасов по России в целом).

Кроме того, Северный Кавказ имеет массу месторождений других видов ресурсов. Только в Чечне доказанные запасы нефти составляют по сегодняшним экспортным ценам 12 млрд долл., газа – более 1 млрд долл. Стоимость запасов углеводородов в Чечне составляет 13 млрд долл.⁹⁹. В общей сложности их стоимость – 39,4 млрд руб. в год.

⁹⁹ Запасы ОАО «Грознефтегаз» (на 1 января 2011 г., по классификации PRMS, DeGolyer & MacNaughton) // http://www.rosneft.ru/Upstream/ProductionAndDevelopment/southern_russia/grozneftegaz/.

Ключевой ресурсный фактор Северного Кавказа – примерно две трети от выхода России к Каспийскому морю, которое является ключевым энергетическим месторождением и ключевой же логистической точкой мира. Доказанные запасы нефти в нем составляют около 8 трлн долл.¹⁰⁰, общие геологические нефтегазовые ресурсы Каспия оцениваются в размере 32 трлн долл.¹⁰¹.

При этом показатель экономического развития СКФО низкий и не имеет тенденции к увеличению. Из года в год уровень дотационности республик, а следовательно и безработицы, и бедности, продолжает оставаться одним из самых высоких в стране. Совокупные дотации Северному Кавказу составляют 156,374 млрд руб. в год, это 0,84% от консолидированного бюджета России или 1,9% от федерального.

Причинами этого является, прежде всего, политическая и экономическая (инвестиционная, коррупционная) непривлекательность национальных республик. Недооценен логистический потенциал региона. Среди наиболее серьезных проблем экономического аспекта в республиках Северного Кавказа экспертами были выделены:

- высокая степень изношенности основных производственных фондов;
- высокий уровень изношенности инфраструктуры (за исключением транспортной);
- низкий уровень инвестиционной активности в региональной экономике;
- низкие показатели инвестиционной привлекательности региона;
- высокий уровень коррупции и относительно большая доля теневой экономики;
- высокий уровень безработицы;
- низкие показатели качества государственного и муниципального управления;
- низкий уровень трудовых доходов населения;
- высокая плотность населения, провоцирующая конфликты интересов владения ресурсами, в том числе земельными.

Несовершенство земельного законодательства, отсутствие кадастровой документации в сельских администрациях порождают самозахват и самораздел прилегающих к административным единицам территориям. А это, в свою очередь, провоцирует столкновение заинтересованных сторон, имеющее тенденцию к перерастанию в межэтнические конфликты.

Если экономические вопросы не будут эффективно решаться, то ситуация будет усугубляться. Экономический подъем в России напрямую связан с укреплением межнациональных отношений.

Социальные причины межнациональной напряженности

Среди социальных проблем Северного Кавказа экспертным сообществом особенно были выделены:

- низкий уровень жизни в республике;

¹⁰⁰ Нефть и газ на всем Северном Кавказе добывает только государственная компания «Роснефть», местные бюджеты доходы от этой добычи практически не получают.

¹⁰¹ Россия начала промышленную добычу нефти в Каспийском море // РИА «Новости». Экономика. 2013, 3 ноября, 15:38. <http://lenta.ru/news/2010/04/28/casp/>.

- высокий уровень преступности;
- высокие показатели проявления девиантного поведения (наркомания, пьянство и т.д.);
- увеличение нагрузки на социальную инфраструктуру в результате неорганизованной миграции;
- риски терактов различного происхождения: коммерческого, политического, религиозного, национального;
- низкий профессионализм управления обществом;
- снижение качества образования всех уровней (в бюджете на 2013–2015 гг. планируется абсолютное снижение расходов на образование);
- **отсутствие перспектив для молодежи и, как следствие, восприятие внешней социокультурной среды как агрессивной и недоброжелательной, а не поддерживающей и помогающей.**

Развал экономики республик Северного Кавказа произошел в период экономических реформ 90-х гг. В результате этих преобразований образовались небольшой слой очень богатых людей и большая масса обедневшего населения. Никто из реформаторов не задумался о политике формирования среднего класса – самодостаточного слоя общества, служащего опорой его экономического и политического благополучия. Фактический уровень безработицы в некоторых республиках СКФО доходил до 80–90% взрослой части населения. И сейчас, если учесть масштабы скрытой безработицы, официальные данные о численности безработных занижены в разы. Спрос в основном на низкооплачиваемые должности в сфере услуг (это продавцы, охранники, водители и т.д.), и дающие мало перспектив на продвижение по службе при высоком спросе на рабочие места в системе управления. По статистике численность чиновников достигает 14% от общей численности населения, в то время, как в СССР эта доля достигала 0,45%. Увеличение численности чиновников ведет к увеличению масштабов коррупционного фона.

Заработки женщин стали играть более существенную роль в семейном бюджете, чем когда-либо, на Кавказе. В итоге для поддержания существующих патриархальных основ семьи, общества активизируются начала различного рода радикализма, в том числе и религиозного. Самое сильное воздействие на проявления его разных форм оказывает безработица. И, напротив, самым действенным средством противодействия ему служит занятость населения трудом, обеспечивающим достойный уровень жизни.

Для Правительства РФ и властей республик СКФО, настроенных на борьбу с бедностью и безработицей, первоочередной задачей является оживление рынка труда. Чем больше людей будут работать, тем больше появится ресурсов в бюджетах республик СКФО и федеральном, которые можно направить на нужды населения.

Попытки объяснить бедность на Кавказе можно разделить на две главные составляющие:

- бедные в регионе сами ответственны за свою бедность. Это мнение необоснованно: значительная часть нынешних бедных людей до развала Советского Союза имели благоприятные условия жизни. Более того, у них есть ожидания того, что они «выкарабкаются» из бедности когда-либо в будущем;
- исследования показывают: большая часть бедного населения при условии создания рабочих мест могла бы сама «выйти» из униженного положения социального отчуждения от общества;

– бедность воспроизводится структурными силами в обществе. Такие факторы, как этническая принадлежность, клановость (фамилии) и т.д., формируют способ распределения ресурсов, прежде всего государственных (бюджеты, внебюджетные государственные фонды как самые крупные и стабильные денежные фонды регионов и т.д.) В итоге складывается общественное мнение по поводу того, что личные успех и благополучие зависят от таких факторов, как близость к первым лицам власти в республиках, родственные отношения и т.д.

Некоторые эксперты связывают социальное отчуждение подавляющей части населения республик СКФО РФ с ростом преступности (например, «лесные бандиты»). Уровень преступности на Северном Кавказе, возможно, отражает факт: часть людей не чувствуют того, что общество (государство), в котором они живут, их ценит и что у них есть в этом обществе благополучное будущее.

СМИ РФ провоцируют рост социального отчуждения, приводящего к моральной деградации, и прежде всего молодежи. Социокультурная (внешняя) среда оказывает большее влияние на развитие молодежи, чем региональная (этническая), и является более значимым фактором, влияющим на остроту ее переживания кризиса идентичности. Молодежь, оставленная без государственной идеологии, без осязаемой государственной же поддержки, в условиях сокращения возможностей получения качественного образования, услуг здравоохранения, трудоустройства, легальных источников средств к существованию и развитию, приходит к глубокому чувству своей собственной обездоленности и готовности прибегнуть к противозаконным средствам для поддержания желаемого уровня жизни. Рыночная идеология может оправдать многие средства достижения цели. Между тем современное общество несет ответственность за будущие поколения, формирование в их сознании таких аспектов социокультурной идентичности, как гражданская и государственная, межнациональное содружество и общенациональная солидарность в едином государстве – Российской Федерации.

Социальные проблемы на Северном Кавказе вызывают недовольство населения всех его республик. Особенно наглядно это прослеживается на примере Чечни. Последствия военного конфликта масштабны. Положение усугубляется тем, что социальная ситуация в ней способствует обогащению незначительной части общества, правящей верхушки и родственников, тогда как большая часть населения бедна. Причем социальное недовольство «распыляется» благодаря состоянию послевоенного выживания, миграционному оттоку, религии.

Экспертами по Чечне отмечена чрезмерная централизация власти, в том числе и религиозной. Духовная власть сосредоточена в руках муфтията. Муфтиями назначаются не только имамы, кадии, но и рецензируются тексты проповедей.

По мнению большинства экспертов, проблему ЧР стоит все еще рассматривать сквозь призму поствоенного состояния общества. Нарастание насилия эксперты связывают с распространением в молодежной среде идей радикального исламизма, с одной стороны, и с незаконными действиями представителей власти в рамках реализации «мер по противодействию терроризму и распространению экстремистской идеологии» – с другой.

В Дагестане религиозный фактор стал главным идеологическим «знаменем», объединяющим под своим крылом различные группы недовольных. По мнению большинства экс-

пертов, распространение идей радикального ислама остается лидирующим фактором в дестабилизации ситуации в Дагестане. По такому же пути с разницей в несколько лет идет Кабардино-Балкария. Нарастает разрушительный религиозный фактор и в других регионах СКФО, включая даже такой традиционно православный субъект, как Северная Осетия.

Заключение

Итак, процессы, происходящие в России на протяжении последних 20 лет, с разрушительной силой давят на генетику большинства ее народов, в том числе кавказских. Это давление происходит через разорение рыночной экономикой сельских районов, в которых живет большая часть этнического населения, что ведет не только к нивелированию традиций и укладу жизни, но и стимулируя ассимиляцию и постепенное генетическое растворение этноса.

В постсоветский период стали складываться альтернативные модели региональных политических систем и идеологий, ориентированных на титульные нации при формировании властных структур республик Северного Кавказа. Борьба титульных наций за власть и собственность стала находить опору в этническом национализме и традиционной религиозности, что привело к обостренному чувству психологической общности со своим этническим сообществом (аффилиации). Этничность меньшинств приобрела гипертрофированные формы и политизировалась в соответствии с интересами определенных экстремистки настроенных социальных групп.

Смена советской идентичности на этнонациональную и религиозную обострила проблему государственно-правового национального самоопределения на Северном Кавказе – в самом сложном в этническом и конфессиональном отношении регионе Российской Федерации.

В регионе этническая мобилизация на основе этнонационализма и религии вышла за рамки бытового национализма, этничность приобрела явные политические функции, а этнос из сферы социальной перешел в политическую. Последнее представляет опасность территориальной и социальной целостности государства.

К концу 90-х гг. XX в. вертикаль власти значительно ослабла. К тому же процесс регионализации страны совпал с переструктуризацией геополитической и геоэкономической картин мира, что, в свою очередь, было вызвано рядом важнейших тенденций глобализации. Юг России из тесно связанных между собой и центром экономически административных единиц превратился в аморфное приграничное образование и стал объектом интересов сил, стремящихся реализовывать различные модели масштабности проблемы.

Поиск исторических, политических, экономических, социальных истоков межнациональной напряженности и экстремизма на Северном Кавказе позволит определить формы компромисса, способного смягчить стрессовое состояние малых народов в условиях интенсивного перехода России к рыночной экономической системе.

**Управление миграционными
процессами**

УСЛОВИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ИСТОЧНИКИ ЗАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЧЕСТВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДИНАМИКЕ И РАССЕЛЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Россия прожила 20 лет в условиях депопуляции. Она привела не только к сокращению численности населения страны и изменению её места в мировом демографическом пространстве, но и к нарушению тех тенденций в динамике расселения, которые соответствуют её геополитическим интересам. За эти годы существенно сократились доля восточных регионов в населении России и плотность их заселения (см. табл. 1).

В послевоенные годы советского периода (1959–1988) осуществлялась программа заселения восточных районов, в первую очередь дальневосточных, тогда как в европейской части проводилась политика сдерживания роста крупных и крупнейших городов и, прежде всего, столичных. В первом и, особенно, во втором случаях, не все получалось. К примеру, разработка генпланов развития Москвы, ограничивающих рост её населения, соблюдение правил прописки и пр. не в полной мере сдерживали рост численности жителей столицы. В частности с 1959 г. по 1989 г. население столицы, несмотря на всевозможные ограничения его роста, увеличилось на 4,5 млн человек. В это же время численность населения Дальнего Востока, куда направлялись переселенцы и где применялись различные льготы (даже в его южной части в начале 60-х гг. были установлены районные коэффициенты к заработной плате) число жителей этого стратегически важного региона возросло всего на 3,1 млн.

Таблица 1

Численность, доля и плотность населения европейской и азиатской частей России, 1939–2010 гг. (на даты переписей населения)

	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Тыс. человек							
Россия в целом	108379	117534	129941	137410	147022	143954	142833
Европейская часть	92695	96068	106009	111321	118004	117033	117226
В том числе Москва и Санкт-Петербург	7922	9330	11162	12626	13867	14958	16215
Азиатская часть*	15684	21467	23932	26089	29018	26921	25607
В том числе							
Сибирь	12708	16633	18152	19244	21068	20178	19287
Дальний Восток	2976	4834	5780	6845	7950	6743	6266
% к численности населения России							
Европейская часть	85,5	81,7	81,6	81,0	80,3	81,3	82,1
В том числе Москва и Санкт-Петербург	7,3	7,9	8,6	9,2	9,4	10,4	11,4
Азиатская часть	14,5	18,3	18,4	19,0	19,7	18,7	17,9
В том числе							
Сибирь	11,8	14,2	14,0	14,0	14,3	14,0	13,5
Дальний Восток	2,7	4,1	4,4	5,0	5,4	4,7	4,4
Плотность населения (человек на кв. км)							
Россия в целом	6,3	6,9	7,6	8,0	8,6	8,4	8,4
В том числе							
Европейская часть	16,1	16,7	18,5	19,4	20,5	20,4	20,4
Азиатская часть	1,4	1,9	2,1	2,3	2,6	2,4	2,3

Примечание: * без Тюменской области.

В 90-е гг. было забыто какое-либо регулирование демографической динамики и на Дальнем Востоке, и тем более в столичных городах. Институт прописки был отменен, все стали решать деньги. Так, чтобы рядовой житель России смог купить в Москве даже на вторичном рынке однокомнатную квартиру, он должен копить деньги в течение 60–80 лет. Тем не менее это не сдерживало рост населения в обеих столицах. В 2000–2012 гг. на фоне сокращения численности населения России на 3,8 млн человек (2,6%) и особенно Сибирского и Дальневосточного федеральных округов – на 6,7%, причем Дальнего Востока более, чем на 9,4%, население Санкт-Петербурга увеличилось на 4,4%, а Москвы – даже на 16,9% (1680 тыс.).

И дело даже не в том, что растет население столиц, а в том, что оно росло на фоне общероссийской депопуляции, когда повсеместно сокращалась население, в том числе и за счет оттока в Москву, Санкт-Петербург и соседние с ними области. Нельзя не отметить по-

сыл московских властей ограничить рост числа жителей столицы. В 2005 г. Правительством Москвы была одобрена Концепция демографического развития столицы, в которой цель была сформулирована как стабилизация численности населения города на современном уровне. Прошло 7 лет, и население Москвы увеличилось на 0,9 млн человек. Правда, надо сказать, что если в предшествующие 5 лет в среднем за год население столицы увеличивалось на 160 тыс., то в последующие 7 лет – только на 127 тыс. человек.

Рост населения Москвы, как и ряда других благополучных регионов в условиях депопуляции может происходить только за счет миграции. Это общероссийское достояние, к сожалению, обеспечивает только рост нескольких привилегированных регионов страны. Среди них Москва и область, тоже Санкт-Петербург с областью и Краснодарский край, поглощающие весь межгосударственный миграционный прирост (см. табл. 2).

Таблица 2

Доля в миграционном приросте и темпы его увеличения в пяти основных регионах-донорах в XXI в., %

Регионы	Доля в миграционном приросте группы регионов			2006 к 2001	2011 к 2006	2011 к 2001
	2001	2006	2011			
г. Москва	39,2	28,6	18,5	97,3	117,5	113,7
Московская область	30,2	37,9	35,9	167,3	170,1	285,5
г. Санкт-Петербург	8,1	11,5	18,3	188,9	287,3	542,6
Ленинградская область	8,9	6,9	8,1	103,4	211,5	218,6
Краснодарский край	13,6	15,1	19,2	147,0	231,2	340,0
Итого по группе	100,0	100,0	100,0	133,2	180,6	240,6

В 2001 г. миграционный прирост у этой группы регионов превышал весь миграционный прирост населения страны в 1,6 раза, т.е. эти 5 субъектов РФ поглощали все 100% сальдо межгосударственной миграции (свыше 80 тыс. человек) и еще почти 50 тыс. мигрантов получали за счет межрегионального обмена. В 2006 г. миграционный прирост населения этих регионов на одну треть превысил общероссийское миграционное сальдо, поглотив в нем 45 тыс. мигрантов из других районов страны. К 2011 г. доля Москвы заметно снизилась при росте доли Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а главное произошло существенное увеличение удельного веса в миграционном сальдо Краснодарского края. Но суммарно миграционный прирост населения Москвы и особенно Московской области в 2011 г. возрос по отношению к 2006 г. на 47,5%, что привело к снижению доли этих двух районов в группе с 66,5% в 2006 г. до 54,4% в 2011 г.

В 2011 г. общий миграционный прирост населения у этих пяти регионов был равен всему сальдо межгосударственной миграции России. Кроме этих пяти еще несколько субъектов РФ, таких, как Татарстан, Тюменская область с ее нефтегазоносными округами, Нижегородская, Самарская и некоторые другие области, имели достаточно большое сальдо миграции, формируемое за счет межрегионального перераспределения населения, тогда как больше половины субъектов РФ отдавали им своих мигрантов. В числе этих доноров было 70% регионов, входящих в Сибирский и Дальневосточный федеральные округа.

Россия – это страна, расположенная на двух континентах. Доля ее населения, живущего в европейской части, в 1985 г. составляла 23,4% всего европейского населения, в 2010 г. – 15,9%. Доля россиян, живущих в азиатской части страны, во всем населении Азии соответственно в эти годы были равны 1,0 и 0,6%. Доля России в европейском населении за этот двадцатипятилетний период сократилась на 32%, тогда как в азиатском населении – на 38,4% (см. табл. 3).

Таблица 3

Изменение доли европейской и азиатской частей России в мировом населении, 1985–2011 гг., на начало года, тыс. человек

	1985	1992	1998	2003	2006	2011
Европейская часть	114824	119354	139774	118728	116530	117328
Азиатская часть	27999	29161	28028	26921	26.224	25537
Доля в мире (%)	2,95	2,71	2,50	2,31	2,14	2,05
Доля европейской части России в Европе	23,35	23,31	19,18	16,35	15,93	15,87
Доля азиатской части России в Азии	0,99	0,90	0,78	0,70	0,65	0,61

Это различие в темпах сокращения доли российских регионов в европейском и азиатском населении вызвано не только тем, что население Азии растет значительно быстрее, чем население Европы, и в этом смысле азиатская часть России всегда будет в проигрыше. Сокращение доли восточных районов России во всем населении азиатского континента происходило по двум причинным, во-первых, вследствие стремительного роста населения в этой части мира и, во-вторых, в результате продолжающегося уже два десятилетия обезлюдивания восточных районов России. И это главное.

Со времени переписи 1959 г. вплоть до последней советской переписи 1989 г. численность населения страны непрерывно возрастала. Она в целом по России увеличилась на 25,1%, в ее европейской части – на 22,8% и в Сибири и на Дальнем Востоке – на 35,2%. Такой была политика советского государства относительно заселения восточных районов. Она реализовалась все советские годы. Но рухнул Советский Союз. И к началу 2010 г. население России сократилось по сравнению с 1989 г., при этом в регионах Сибири и Дальнего Востока темпы сокращения оказались больше чем в европейской части страны в 12 раз. Численность населения Дальнего Востока с начала его освоения все 140 лет непрерывно росла и достигла к 1989 г. 7950 тыс. В результате депопуляции и особенно миграционного оттока Дальний Восток потерял почти 1,7 млн человек или пятую часть своего населения. Да и оставшееся население в силу оторванности Дальнего Востока от политических, культурных и рекреационных центров, расположенных в европейской части страны, начинает все больше тяготеть в торгово-экономическом отношении к странам, расположенным по соседству.

Вместе с заселением азиатской части страны в дореволюционные и советские годы показатели плотности ее населения неуклонно повышались вплоть до начала 90-х гг. За этим

ростом заселенности в каждом восточном регионе – страницы самоотверженного освоения природных ресурсов Дальнего Востока, Восточной и Западной Сибири. Здесь и БАМ, и гидростанции на реках Ангара, Зея, Бурея и др., и полиметаллические руды Красноярского края, и Якутские алмазы и многое, многое другое, что еще сегодня продолжает «кормить» Россию. Но уже в начале 90-х гг. в рамках сокращения населения страны происходило одновременно и обезлюживание Сибири и Дальнего Востока. В целом плотность населения азиатской части страны сократилась в новом столетии относительно 1989 г. на одну десятую часть, оставаясь ниже, чем в европейской части, в 12 раз.

Одна из главных причин слабой заселенности азиатских районов России в годы, предшествующие обретению ею независимости, включая в первую очередь советский период, состоит, и это надо особо подчеркнуть, не только в динамике её населения в XX в., но и в том, что огромные массы людей из центральной части страны переселялись в города Средней Азии, на целинные земли Казахстана и др. В качестве примера можно назвать Смоленскую область. Из сельской местности этой области уже в довоенные 1927–1938 гг. выбыло в другие регионы страны примерно 0,5 млн человек. В послевоенные годы (1951–1990) миграционная убыль составила около 300 тыс. человек, значительная часть которых относится к мигрантам, выбывшим на целинные земли. К началу 1989 г. в Среднеазиатских республиках и Казахстане только русских насчитывалось свыше 9,5 млн человек.

Можно обвинить советскую власть в неправильной миграционной политике. Но не надо забывать об идейной стороне политики государства в целом, одним из принципов которой был интернационализм, выражавшийся в том числе и в подъеме отсталых национальных окраин. Лишь теперь многое осознано, в том числе и то, что в советские времена не союзные республики кормили Россию, а скорее, наоборот. Да и ныне синдром помощи бывшим союзным республикам не прошел. Если бы ресурсы (людские, финансовые и др.) России направлялись на освоение собственных окраин, то сегодня они не выглядели бы столь плачевно. Да и разрушение демографического потенциала Сибири и Дальнего Востока в 90-е и последующие годы не было бы так опасно для страны.

Все субъекты РФ с точки зрения динамики населения можно распределить на три группы. В первую включим те регионы, население которых сокращалось и в советские и в постсоветские годы. Во вторую – те, где население в советские годы постоянно росло, а вот в постсоветские в результате депопуляции стало сокращаться. И к третьей группе отнесем тех субъектов РФ, у которых население росло и в советское и постсоветское время, несмотря даже на сокращение его общей численности по стране. В первой группе выделим две подгруппы, к одной из которых отнесем регионы, с сокращающимся населением во все послевоенные межпереписные периоды. Оставшиеся субъекты войдут в подгруппу с населением, численность которого увеличивалась хотя бы в один из послевоенных межпереписных периодов. Во второй группе тоже выделены две подгруппы: одна – это та, где в оба межпереписных периода (1989–2002 гг. и 2002–2010 гг.) сокращалось население, а другая – где сокращение было лишь в один из указанных периодов. В табл. 4 дано распределение всех этих регионов в зависимости от динамики их населения в последние 60 лет.

Первую группу составляют регионы, в которых либо все 60 лет, либо с временным исключением, население постоянно сокращалось. Среди них 11 субъектов РФ, входящих в Центральный ФО, причем 3 из четырех, относящихся к тем, где население сокращалось все межпереписные периоды этих 60 лет. Это Курская, Рязанская и Тамбовская области. К

этой группе можно прибавить те регионы, население которых возросло лишь в 60-е гг., а затем всегда снижалось. Это еще 5 областей Центрального ФО, где стабильно удерживалось сокращение численности населения.

В 1959 г. численность населения Брянской области была меньше, чем в довоенном 1939 г. на 250 тыс. человек, Орловской области – на 357 тыс., Воронежской – на 340 тыс. и т.д. В эту группу также входят 3 региона Северо-Западного ФО, население двух из которых в наибольшей мере пострадало в годы войны: в Новгородской области оно в 1959 г. было меньше, чем в 1939 г. на 417 тыс. человек и в Псковской области – на 598 тыс. (сократилось почти на 40%). Сюда же относятся также 4 субъекта РФ, входящих в Приволжский ФО, причем один из них – Республика Мордовия, находящаяся в числе регионов с наилучшими демографическими показателями.

Таблица 4

Распределение субъектов РФ в зависимости от характера динамики их населения в послевоенные межпереписные периоды

Число регионов	Перечень регионов в группе
I. Регионы с сокращением населения в советские и постсоветские годы	
21	<i>Подгруппа А</i> Курская, Рязанская, Тамбовская и Псковская области
	<i>Подгруппа Б</i> Брянская, Воронежская, Ивановская, Орловская, Тульская области и Республика Мордовия. У этих регионов население возросло только в 60-е гг. Костромская, Тверская, и Кировская области. Здесь население увеличивалось лишь в 80-е гг. Смоленская, Вологодская, Новгородская, Пензенская, Курганская и Сахалинская области, а также Пермский и Алтайский края. В этих регионах в два из трех советских межпереписных периодов численность населения не сокращалась.
II. Регионы с растущим населением в советское время и его сокращением в постсоветские годы	
44	<i>Подгруппа А</i> Владимирская, Калужская, Липецкая, Ярославская, Архангельская, Мурманская, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Свердловская, Челябинская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Амурская, Магаданская и Еврейская автономная области, Забайкальский, Красноярский, Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Республики Карелия, Коми, Удмуртская, Чувашская, Марий Эл, Бурятия, Хакасия и Саха (Якутия), а также Чукотский АО
	<i>Подгруппа Б</i> Калининградская, Волгоградская, Ростовская и Оренбургская области, Республики Адыгея, Кабардино-Балкария и Башкортостан. В этих регионах в 90-е гг. еще сохранялся рост населения, и лишь в новом столетии оно стало сокращаться. Московская область, республики Тыва и Саха (Якутия), Ненецкий АО и Санкт-Петербург. В этих регионах население уменьшалось только в 90-е гг., а уже в новом столетии снова стало расти.
III. Регионы с растущим населением все 5 межпереписных периодов	
15	Белгородская, Ленинградская, Астраханская, Тюменская** и Томская области, Краснодарский и Ставропольский края, Республики Дагестан, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия–Алания, Татарстан и Алтай, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, а также Москва

Примечание: * принято без Чечни и Ингушетии. В Чечне в 2010 г. относительно 2002 г. численность населения выросла, а в Ингушетии – сократилась. Данными о отдельной динамике населения в этих республиках мы не располагаем; ** у этой области темпы изменения численности населения в 1989–2002 гг. составили 99,9%.

К этой подгруппе относятся по одному региону из Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. В частности, сокращение населения Сахалинской области было предопределено изначально, она была перенаселена сразу же после замены японского населения. За прошедшие 60–65 лет население области уменьшилось до 0,5 млн человек, хотя в 50-е гг. составляло 650 тыс.

Во вторую более благополучную группу входят регионы, население которых все советские годы возрастало и лишь с началом депопуляции стало сокращаться. Это те же 5 регионов Центрального ФО, основная часть, 7 из 11, регионов Северо-Западного ФО, 9 регионов из Приволжского округа, 8 из 12 сибирских регионов, все 9 Дальневосточных субъектов РФ, и по два региона из остальных федеральных округов. Надо лишний раз подчеркнуть, что все 30 лет советского времени (1959–1989) ни в один из межпереписных периодов, ни в одном из Дальневосточных регионов не сокращалось население. Это же относится и к Сибири, где в советское время лишь в 1959–1970 гг. в одном Алтайском крае, и то лишь на 0,9%, уменьшилось население.

Более благоприятная картина наблюдалась в Северокавказском регионе. Там, в четырех регионах из пяти, не считая Чечню и Ингушетию, население возрастало и во все советские годы, и во все годы депопуляции в стране. В этой же лучшей группе – Москва, Белгородская и Ленинградская области, Тюменская область и её автономные округа (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий, Астраханская область и Краснодарский край, а также Татарстан, Томская область и Республика Алтай. Вот собственно и все благополучные субъекты РФ.

В период между послевоенными переписями населения вплоть до начала 90-х гг., лидерами по масштабам увеличения численности населения были: республики Коми, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Дагестан, Бурятия, Тыва и Якутия, Ставропольский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Мурманская и Магаданская области, а также Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО. В частности население автономных округов за этот период возросло, соответственно, в 10,2, 7,8 и в 3,4 раза. В остальных регионах этой группы рост численности населения превышал 1,5 раза. Из них в Мурманской и Магаданской области, Камчатском крае, Республике Саха (Якутия) темпы роста населения были выше 2-х, в Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и Тыве – больше 1,8, в Дагестане – 1,7 раза, и т.д. Эту группу регионов, имевших наибольшие темпы увеличения численности населения, в послевоенные советские годы, попали преимущественно дальневосточные и северные субъекты РФ, а также некоторые национальные республики Северного Кавказа и Сибири. Таких 16 из 17 регионов, входящих в эту группу. Увеличение населения в значительной, если не в подавляющей части в этих регионах, обуславливали миграционные процессы.

В остальных 46 регионах темпы роста населения не превышали 1,5 раза, в частности в Москве, Санкт-Петербурге, Астраханской, Волгоградской, Самарской, Тюменской и Иркутской областях, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии-Алании темпы увеличения населения составляли 1,4 раза и выше. Этим регионам вместе с первой группой было 63 (3/4 всех регионов). У остальных, и в советские годы численность населения либо была стабильной, либо даже сокращалась. В этой группе из 20 субъектов РФ 10 были представителями нынешнего Центрального ФО, 3 региона (Псковская, Новгородская, Вологодская) –

Северо-Западного округа, Мордовия и еще 4 области – из Поволжья, а также Сахалинская область. Наиболее значительно (на 10% и более) население сократилось в этот советский период в Тамбовской, Костромской, Псковской, Курской и Кировской областях.

Наступление депопуляции в России не только ухудшило демографическую ситуацию у этой группы неблагополучных и в советские годы регионов, но и привело к разрушению демографического потенциала в субъектах РФ, имевших в советские годы восходящую демографическую динамику. В Центральном ФО за последние 20 лет население сократилось в 15 регионах. Благополучная ситуация сохранилась лишь в Белгородской и Московской областях и, естественно, в Москве, численность населения которой в 2010 г. увеличилась по отношению к 1989 г. на 28%, а относительно 1959 г. – в 1,9 раза. Из 11 регионов Северо-Западного ФО, лишь в Калининградской и Ленинградской областях сохранился рост населения, в остальных, включая и Санкт-Петербург, оно сократилось, причем наиболее заметно, даже в большей мере, чем в Центральном округе, в Мурманской области (до 69%), Республике Коми (до 71%), в Архангельской области (до 77%). В остальных регионах, как и в Центральном округе, население сократилось на 10–20%.

Иная картина в Южном и Северокавказском федеральных округах. Здесь население сократилось лишь в Калмыкии – до 90% к уровню 1989 г., на 1% – уменьшилось в Ростовской области, а в Астраханской и Волгоградской областях, наоборот, увеличилось в такой же мере (на 1%). Зато в национальных республиках население увеличилось и притом в некоторых из них, как в Дагестане, довольно существенно (в 1,6 раза).

В Приволжском федеральном округе в годы депопуляции население, хотя и незначительно, но все же увеличилось: в Башкортостане (на 3%) и Татарстане (на 4%), тогда как в остальных 12 регионах оно уменьшилось, причем особенно заметно в Мордовии (снизилось до 87% к уровню 1989 г.), Пермском крае (до 85%) и Кировской области (до 79%). Это те же районы, население которых сокращалось и в советские годы. В Уральском округе население продолжало расти все в той же Тюменской области с ее автономными округами, сокращаясь в остальных трех субъектах РФ.

В Сибирском и Дальневосточном округах, где в советские годы не было ни одного региона, в котором сокращалось бы население, наоборот, оно в ряде субъектов увеличилось в 1,5–2 раза, в 90-е гг. и в первое десятилетие нового века население в 19 регионах (на Дальнем Востоке во всех 9-ти) сократилось, причем особенно существенно в Чукотском АО (до 32% к уровню 1989 г.), Магаданской области (до 41%), Камчатском крае (до 69%), Сахалинской области (до 70%). В остальных регионах население сократилось на 5–10%, причем в Тыве оно осталось стабильным, а в Томской области и Республике Алтай возросло, соответственно, на 5 и 8%. Население Сибирского округа в целом в 2010 г. по сравнению с 1989 г. уменьшилось на 9%, а Дальнего Востока – на 21%.

Справедливости ради отметим, причина того, что северные регионы (исключение – Западносибирский Север) теряли население во все постсоветские годы, не только в депопуляции. В советские годы северные регионы, особенно дальневосточные, были перенаселены. В них были производства, себестоимость продукции которых была в 3–5 раз больше, чем в центральных районах страны. Было дешевле завести туда новое оборудование и машины, чем их ремонтировать на месте. Проживание в экстремальных условиях севера было крайне дорогим. Поэтому, сокращение населения, например, в Чукотском АО вчетверо, вполне оправдано.

Но население сократилось не только в северных районах Дальнего Востока, но и в его южной части, причем на 13% – в Приморском крае, на 16% – в Хабаровском крае, на 18% – в Еврейской автономной области и на 22% – в Амурской области. В Сибирском ФО подобные темпы сокращения населения наблюдаются только в Забайкальском крае (на 20%), в Иркутской области (на 14%) и Кемеровской области (на 13%). Надо заметить, что южные дальневосточные регионы, как и Забайкальский край, – это крайне важные в геополитическом отношении территории, граничащие с мощным азиатско-тихоокеанским демографическим потенциалом.

Подобные темпы сокращения численности населения в последнее двадцатилетие присущи не только азиатским регионам страны. В той же мере сокращается население в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Если не касаться северных регионов, о специфике которых говорилось выше, то оказывается, что и в обычных субъектах РФ, расположенных в сердце России население также в истекшее двадцатилетие сократилось не в меньшей мере, чем на Дальнем Востоке. В частности, оно уменьшилось в областях: Брянской, Владимирской и Ярославской на 13%, Рязанской – на 14%, Смоленской – на 15%, Курской и Новгородской – на 16%, Тульской – на 17%, Костромской – на 18%, Ивановской и Тверской – на 19%, Тамбовской и Псковской – на 20%. Большинство этих территорий образуют так называемое «золотое кольцо» вокруг Москвы, которая поддерживает стабильную численность населения Центрального округа в целом при демографическом неблагополучии в его 15 регионах.

Таким образом, из числа федеральных округов только в Центральном (преимущественно за счет Москвы и одноименной области), Южном и Северокавказском увеличилась численность населения. В Северо-Западном округе рост населения был только в Калининградской и Ленинградской областях. В Южном федеральном округе демографическое благополучие продемонстрировал только Краснодарский край, тогда как в Северокавказском округе повсеместно росло население. В Поволжье только в Татарстане и Башкортостане практически сохранилась стабильное население, увеличилось в Ханты-Мансийском АО (ныне Урал) и осталось стабильным в Тюменской области. В Сибири в республиках Алтай и Тыва, а также Томской области практически стабилизировалось население. Остальные регионы, как Дальний Восток в целом и все его регионы, теряли население. В условиях всероссийской депопуляции население сократилось в 61 регионе, в 12 регионах рост не превысил 10%, причем в большинстве из этой группы он был 1–3%. В этот период лишь в 11 субъектах РФ наблюдался рост населения. К этой группе относятся Москва и Белгородская область, 6 республик Северного Кавказа, Краснодарский и Ставропольский края и Ханты-Мансийский АО. Доля этих регионов в населении страны в 2010 г. составляла 20,5%, тогда как в 1989 г. была 16,0% и в 1970 г. – 14,4%.

Итак, начавшаяся в начале 90-х гг. в России депопуляция породила ряд новых для страны проблем, одна из них в том, что на фоне концентрации населения в Москве и некоторых других регионах страны (ныне их доля в населении страны превышает 1/5 часть), происходит снижение численности и плотности населения в остальных регионах страны, как европейской, так и азиатской частей. Поэтому проблема сокращения заселенности азиатской части должна быть перекалифицирована в проблему обезлюживания 80% регионов России. Хотя очевидно, что геополитически наиболее опасным при этом является про-

исходящее уже более двух десятков лет сокращение уровня заселенности наиболее удаленных от центра страны приграничных регионов Дальнего Востока и Забайкалья.

Добавим, что для страны с такой громадной слабозаселенной территорией, обладающей колоссальными природными ресурсами, большее значение имеет, как бы важным это не было, даже не динамика населения, а его расселение, ухудшение которого часто происходит из-за непродуманных управленческих решений. В этой связи России надо радикально пересмотреть расстановку своих приоритетов, в частности, направить усилия и средства на повышение уровня заселенности в первую очередь наиболее важных в геополитическом отношении территорий, которые к тому же и наиболее богатые природными ресурсами.

Для этого, следует осуществить районирование территорий, выделив в них те, которые нуждаются не в заселении, а в дальнейшем переселении из них излишнего населения как это особенно интенсивно происходило в 90-е гг. из районов Магаданской области и Чукотки, выделив далее ту часть местностей, в которых независимо от их экономического развития должен поддерживаться определенный уровень заселенности и т.д. Одновременно, необходимо разработать для азиатской части страны стратегию демографического развития, учитывающую их геополитическое и экономическое значение, географические и этнические факторы. Эта стратегия должна быть отражена в концепциях демографической политики для приграничных, северных, этнически однородных и иных территорий Сибири и Дальнего Востока и дополнена соответствующими программами их демографического и миграционного развития.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ДЛЯ РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИИ (РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ, КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ)

В рамках исследуемой темы основные направления научной работы в 2013 г. были сосредоточены на анализе репродуктивного поведения населения России, в том числе его наиболее молодой и образованной части – студенческой молодежи. Также серьезное внимание было уделено мерам государственной социальной поддержке и отношению к ним населе-

ния. Важным аспектом в изучении проблем смертности стала оценка результативности мер по ее снижению от транспортных происшествий. В условиях формирования трендов старения российского населения в работе было акцентировано внимание на возможностях занятости пожилого населения. Эти аспекты исследований базировались как на данных статистической информации, так и результатах оригинальных социологических опросов.

Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. Среди репродуктивных ориентаций, прежде всего, следует выделить желаемое и ожидаемое число детей. Эти показатели традиционно используются в отечественных исследованиях репродуктивного поведения.

Потребность в детях является той доминантой, на достижение которой индивид ориентируется, к удовлетворению которой он будет стремиться при наличии возможностей для этого, так как при ее неудовлетворении он испытывает затруднения как личность. В этой связи можно, вероятно, говорить о характеристике потребности в детях через результат репродуктивного поведения, т.е. число детей, достижение которого желательно при наиболее благоприятных условиях (в то же время, вряд ли можно саму потребность отождествлять с этим результатом). Наиболее близким индикатором может служить здесь, видимо, желаемое число детей. В то же время нужно иметь в виду, что величина этого показателя может быть несколько завышена по сравнению с тем числом детей, которое человек действительно хотел бы иметь при наличии у него всех необходимых условий.

Представляется, что по сравнению с желаемым числом детей, ожидаемое число детей («Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?») обладает наилучшими аналитическими и прогностическими¹⁰² возможностями. По А.И.Антонову, ожидаемое число детей – коррекция существующей потребности в детях на нынешние условия жизни семьи¹⁰³. Результаты исследования показывают, что немногим более половины (51,7%) опрошенных женщин и 47,8% мужчин при наличии всех необходимых условий хотели бы иметь двоих детей, а около четверти (24,9% женщин и 24,3% мужчин) – троих.

В качестве того числа детей, которое респонденты собираются иметь (ожидаемое число детей), они также чаще всего называли двоих детей (50,3% женщин и 47,9% мужчин). 24,2% женщин и 21,8% мужчин собираются ограничиться одним ребенком, а троих и более детей намереваются иметь 16,3% женщин и 18,0% мужчин.

Среднее желаемое число детей у мужчин, формально, чуть-чуть (на 0,02) выше, а среднее ожидаемое число детей у женщин и мужчин совпало. При этом среднее ожидаемое число детей (1,92) выше, чем имеют сейчас, в среднем, в итоге женщины, заканчивающие процесс деторождения. Интересно, что оно почти совпадает с целевым ориентиром суммарного коэффициента рождаемости в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (в 1,5 раза больше от уровня 2006 г. (1,30), т.е. 1,95).

¹⁰² На достаточно точную реализацию женщинами в среднем ожидаемого числа детей указывают Е.М.Андреев и Г.А.Бондарская (см. *Андреев Е.М., Бондарская Г.А.* Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения? // «Вопросы статистики». 2000, №11. С.60).

¹⁰³ *Антонов А.И.* Социология рождаемости. М., 1980. С.162.

Желаемое число детей, в среднем, несколько выше рубежа, обеспечивающего воспроизводство населения, но ввиду описанной выше возможной специфики этого показателя, достижение такой величины (2,28–2,30) числа рожденных детей в среднем на женщину в обозримом будущем представляется практически невероятным.

Среди помех к рождению желаемого числа детей респонденты чаще всего отмечали материальные трудности. Очень мешающей иметь желаемое число детей ее считают 39,4% женщин и 35,3% мужчин. Неуверенность в завтрашнем дне таковой помехой считают 33,9% женщин и 31,7% мужчин, а жилищные трудности – соответственно, 33,5% и 29,1%.

Очень часто на основе этих ответов делаются выводы о том, что если устранить или хотя бы смягчить те помехи, на которые указывают респонденты, рождаемость повысится, и что именно на этом следует акцентировать внимание при разработке и проведении демографической политики.

Следует иметь в виду, что в ответах о помехах к рождению детей могут проявляться:

- реально негативно воспринимаемые условия жизнедеятельности;
- желание вместо истинных причин отказа от рождения большего числа детей указать социально одобряемые мотивировки, рационально объяснить свое репродуктивное поведение посредством указания на социально приемлемые обстоятельства;
- жалобы на неудовлетворительные условия жизнедеятельности безотносительно к рождению детей;
- представление о том, что данная причина может мешать людям иметь большее число детей, безотносительно к собственной семье;
- конкуренция потребностей, при которой потребность в детях уступает по значимости иным, полноценным удовлетворением которых индивид не готов пожертвовать ради рождения детей.

Из проведенного анализа следуют два вывода. Во-первых, необходимо совершенствование его методологии, одним из направлений которого должен быть, видимо, совместный учет большего количества факторов, детерминирующих оценку респондентами тех или иных сфер и условий жизнедеятельности с точки зрения влияния их на реализацию потребности в детях. Во-вторых, предложения по демографической политике в отношении рождаемости, направленные на устранение восприятия условий жизни как помех к рождению детей, должны учитывать необходимость как улучшения этих условий, так и изменения ценностных ориентаций, системы потребностей.

Социологическое измерение репродуктивного и семейного поведения, а также мер социальной поддержки в представлениях образованной молодежи. Анкета была разработана в Центре социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН и направлена на подтверждение или опровержение ряда гипотез.

Первая гипотеза касалась предположения о том, что образованная молодежь более осознанно формирует модель репродуктивного и семейного поведения, тем самым более рационально и придиричиво относится к условиям, при которых эти модели будут реализовываться.

Вторая гипотеза относится к особенностям ментального свойства современной интеллектуальной молодежи, продолжающей сохранять во многом традиционные нормы в репродуктивном и семейном поведении.

Третья гипотеза касается прикладного выражения концепции «среднего класса», которая базируется на ряде объективных критериях, в число которых не входит модель детности.

Четвертая гипотеза выдвигает в качестве приоритетных условий для решения проблем демографического развития фактор материального благополучия в «противовес» другим факторам, оказывающим влияние на ментальные установки молодого поколения.

Анализ ответов студентов о возрастном периоде, на который выпадают события, связанные с формированием семьи (в данном случае первой семьи), показал, что подавляющее большинство (84%) респондентов выделили десятилетие, которое можно назвать «золотым» брачным периодом. Он приходится на возраст от 21 до 30 лет. Традиционность указанного срока, вступления в семейные отношения современной молодежи, идентифицирующей себя в качестве среднего класса, подтверждается русской поговоркой, которая звучит следующим образом: «В 20 лет ума нет – и не будет, в 30 лет семьи нет – и не будет, в 40 лет дома нет – и не будет». Эта поговорка выражала возрастную структуризацию жизни общества, и тем самым мотивировала доходчивым способом молодое поколение к реализации определенных событий в семейно-брачной сфере. Поэтому можно отметить резкое (обвальное) падение количественного выбора респондентами возраста создание семьи после 30 лет.

«Золотое десятилетие» детерминирует и репродуктивную модель современной образованной молодежи. Так, примерно, столько же респондентов, как и в случае с выбором периода вступления в семейно-брачные отношения, отметили этот же возраст как наиболее благоприятный для рождения первого ребенка – 80,2%.

Можно сказать, что у молодежи, стремящейся к получению высшего образования, имеются четкие представления о возрасте, когда нужно реализовать семейно-брачные и детные установки. И этот возраст приходится на «золотое десятилетие». Вместе с тем именно период «золотого десятилетия» в демографическом плане является и периодом, когда молодое поколение приобретает высококвалифицированную профессию, находится в поисках работы или приобретает трудовой опыт, стремится к самостоятельной жизни, «отрывается» от родительской семьи, выстраивает или осуществляет планы на отдельное жилье. Поэтому этот период является решающим и по отношению к другим аспектам жизни молодежи. Концентрация многих событий, целей, планов в этот возрастной период для молодого поколения и обуславливает формирование конкуренции между задачами этого периода жизни. Поэтому в отсутствии или недостаточной поддержке со стороны государства молодежи в отношении формирования у нее семейно-брачных и репродуктивных планов, они могут быть «подавлены» мотивацией в других сферах молодежной жизни. Карьера, путешествия, второе образование, собственное жилье, материальное благополучие становятся более привлекательными ориентирами в жизни современной молодежи. В связи с этим меры государственной поддержки молодой семьи должны иметь более сбалансированный характер, учитывающий «нелинейность» молодежной мотивации.

Любопытными являются результаты опроса молодого образованного поколения в отношении семей с изменяющейся очередностью детей. Если мы оценим результаты ответов респондентов на вопрос о том, как изменится отношение молодых респондентов к появлению у друзей, знакомых, соседей первого и второго ребенка, то увидим, что большинство (65% и 60%) из них высказались о положительных эмоциях, и их отношение улучшится.

Но начиная с появления третьего ребенка эта часть респондентов сокращается, проявляется более нейтральное отношение и усиливается негативное. То есть наблюдается усиление нейтральной и негативной реакции, связанной с прямопропорциональной корреляцией с ростом числа детей в семьях. Поэтому развитие многодетности в России требует значительного внимания к формированию позитивного отношения к семьям с тремя и большим числом детей, особенно в среде молодого поколения, определяющего будущее демографического развития.

Вместе с тем исследование продемонстрировало, что потенциал традиционных ценностей в семейно-брачной сфере у молодого поколения, относящегося к среднему классу еще достаточно высок. Высокообразованная молодежь характеризуется пониманием того, что демографическое развитие России должно базироваться на принципах укрепления семьи. Так, например, наибольшее позитивное влияние на формирование российских семей и воспитание в них детей оказывают многолетние и традиционные браки (91,3% и 83,1%, соответственно). Отметим также, что на взгляд молодого поколения, воспитание приемных детей также позитивно влияет на демографическое развитие страны (63,3%).

Напротив, наиболее негативное влияние, по мнению студенческой молодежи, на семейную сферу оказывают частые краткосрочные браки (91,9%), нетрадиционные браки (77,2%), фиктивные браки (75,2%), неполные семьи (63,7%), открытые браки (62,8%). Наибольшую нейтральную оценку для семейной сферы получили следующие позиции: наличие сводных детей в семьях (60,7%), этнически смешанные браки (59,4%), браки между представителями различных религий (57,0%), наличие мачехи или отчима (55,1%), суррогатное материнство (51,6%). Достаточно нейтрально оценены и стремительно развивающиеся в среде молодых семей гражданские браки (48,4%).

С позиций студенческой молодежи почти все используемые меры государством для демографического развития оцениваются большинством с позитивной точки зрения. Но степень этой позитивной оценки некоторым образом различается. Самой популярной мерой государственной политики для улучшения демографической ситуации в России является «материнский капитал», на положительную роль которого указали 87,4% респондентов. Вторая по значимости мера демографической политики – это выделение земельных участков многодетным семьям, о важности которой высказались 83,8% опрошенных. От 70% до 80% респондентов заявляют о важности следующих мер:

- пособия малообеспеченным категориям населения, в том числе, неполным семьям;
- выделение автомобилей многодетным семьям;
- бесплатное питание для детей из многодетных и малообеспеченных семей;
- ежемесячные пособия на детей;
- обеспечение совместного отдыха, досуга и спорта для семей с детьми на льготных условиях.

От 60% до 70% респондентов положительно оценили в качестве мер государственной политики единовременное пособие на детей и льготное кредитование. А вот мероприятия, которые связаны с пропагандистским аспектом демографической политики – проведение «года семьи» и организация ежегодного всероссийского праздника – «Дня семьи, любви и верности», отмечены меньше, чем половиной респондентов. Последний факт, очевидно, связан с двумя причинами. Во-первых, можно указать на то, что эффективность пропаган-

дистской деятельности в сфере демографического развития в настоящее время недостаточна из-за отсутствия научных разработок в социальной рекламе и ее относительно небольшого срока действия. Во-вторых, современное молодое поколение формирует в себе прагматический подход к событиям собственной жизни, в том числе и в семейно-брачном и репродуктивном поведении. Поэтому оценка респондентами мер рекламно-пропагандистского характера, возможно, реализованных не на высоком уровне, и оказалась не столь высокой.

Меры социальной поддержки населения. Стабилизация демографической ситуации в стране является приоритетной задачей государственной социальной политики России. Для ее решения в 2007 г. была значительно активизирована социальная поддержка населения, прежде всего семей с детьми. Были не только увеличены размеры пособий, но и разработаны новые меры, направленные на увеличение рождаемости. Эти программы реализуются на протяжении последних шести лет. Они не были закрыты даже в условиях глобального экономического кризиса. Более того, ежегодно увеличивается объем их финансирования.

Какие же ранее действующие и новые программы поддержки материнства и детства реализуются в России в 2013 г.?

2 июля 2013 г. вступили в силу поправки к Федеральному закону №81-ФЗ от 19 мая 1995 г. «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». Данный Федеральный закон устанавливает единую систему государственных пособий гражданам, имеющим детей, в связи с их рождением и воспитанием, которая обеспечивает гарантированную материальную поддержку материнства, отцовства и детства. Согласно ст. 3 в Российской Федерации существуют следующие виды государственных пособий:

- пособие по беременности и родам;
- единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности;
- единовременное пособие при рождении ребенка;
- ежемесячное пособие по уходу за ребенком;
- ежемесячное пособие на ребенка и др.¹⁰⁴.

Особенностью данного закона является то, что все виды пособий подлежат индексации в размере и сроки, которые предусмотрены федеральными законами о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и на плановый период, исходя из установленного указанным Федеральным законом прогнозного уровня инфляции. Так единовременное пособие женщинам, вставшим на учёт в медицинские учреждения в ранние сроки беременности с 1 января 2013 г. составляет 490,79 руб., т.е. в 1,6 раз больше, чем в 2002 г., когда впервые был установлен индексируемый размер пособия¹⁰⁵. Целью данной нормы является сформировать ответственное отношение будущей матери к собственному здоровью в период беременности и здоровью ребенка.

Размер пособия по беременности и родам различен для разной категории лиц. Данное пособие выплачивается в период отпуска по беременности и родам продолжительностью

¹⁰⁴ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. №81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (в ред. от 25 декабря 2008 г. №281-ФЗ) // www.consultant.ru.

¹⁰⁵ Там же.

семьдесят дней до родов (в случае многоплодной беременности – восемьдесят четыре дня) и семьдесят дней после родов (в случае осложненных родов – восемьдесят шесть дней, при рождении двух и более детей – сто десять). Женщины, подлежащие обязательному социальному страхованию, получают пособие в размере 100% среднего заработка за последние два года, предшествующих месяцу наступления отпуска по беременности и родам. При этом, согласно поправкам, вступившим в силу с 1 января 2010 г., максимальный размер пособия не ограничен¹⁰⁶.

Для женщин, уволенных в связи с ликвидацией организации или прекращением физическими лицами профессиональной деятельности, которая подлежит государственной регистрации или лицензированию, размер пособия составляет 490,79 руб. (в 2007 г. – 300 руб.). За последние шесть лет пособие для данной категории лиц увеличилось в 1,6 раза. Женщины, обучающиеся по очной форме обучения в образовательных учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования, а также в учреждениях послевузовского профессионального образования, имеют право получать пособие по беременности и родам в размере стипендии¹⁰⁷.

Единовременное пособие при рождении ребёнка также увеличилось и в 2013 г. составляет 13087,61 руб., что на 5087 руб. больше по сравнению с 2007 г.¹⁰⁸. Данное пособие выплачивается однократно в связи с рождением каждого ребенка. Оно играет важную роль в обеспечении благосостояния семьи, так как эта сумма является ощутимой поддержкой, когда появляется новый член семьи. Кроме того, с 2013 г. выплачиваются дополнительные пособия при рождении третьего и последующего детей. Всего таких субъектов 50, большая их часть сосредоточена в Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Дальневосточном федеральных округах. Размер пособия составляет в среднем 6000–7000 руб. Принимая данную меру, государство старалось стимулировать повышение рождаемости в тех регионах страны, где демографическая ситуация хуже, чем в среднем по стране.

С 1 января 2007 г. установлен дифференцированный подход выплаты ежемесячного пособия по уходу за ребёнком до достижения им полутора лет. Пособие по уходу за первым ребёнком устанавливалось в размере 1500 руб., за вторым и последующим – 3000 руб. В 2013 г. эти суммы составляют 2453,93 руб. и 4907,85 руб., соответственно¹⁰⁹. Эти средства могут получить неработающие граждане, осуществляющие уход за ребёнком. Если лицо (мать, отец, опекуны, другие родственники, фактически осуществляющие уход за ребёнком) подлежит обязательному социальному страхованию и находится в отпуске по уходу за ребёнком, то ежемесячное пособие выплачивается в размере 40% среднего заработка за последние два года, предшествовавших месяцу наступления отпуска по уходу за ребёнком. С 1 января 2011 г. максимальный размер пособия не ограничивается. Однако для исчисления пособия используется величина среднего дневного заработка. С 1 января 2013 г. уста-

¹⁰⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. №255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // www.consultant.ru.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. №81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (в ред. от 25 декабря 2008 г. №281-ФЗ) // www.consultant.ru.

¹⁰⁹ Там же.

новлен его предельный размер. Он не может превышать величины, рассчитанной путем деления на 730 суммы предельной величины базы для начисления взносов в Фонд социального страхования. В 2013 г. предельная величина базы для начисления взносов в ФСС составляла 568000 руб. Исходя из этого, предельный размер среднего дневного заработка в 2013 г. оставил 1556,16 руб. Таким образом, фактически ежемесячное пособие по уходу за ребенком имеет ограничения¹¹⁰.

Единого размера ежемесячного пособия на ребенка федеральными нормативно-правовыми актами не установлено. Субъектам Федерации предоставлено право самостоятельно устанавливать размер, порядок назначения, индексации и выплаты данного пособия. Очевидно, это связано с различиями в величине прожиточного минимума в разных регионах страны.

Кроме того, с 2006 г. женщины имеют право получить родовой сертификат – документ, на основании которого производится оплата медицинской помощи женщинам в период беременности, родов и в течение первого года жизни ребенка. Данная мера была введена с целью повышения материальной заинтересованности медицинских учреждений в предоставлении качественной медицинской помощи. Общая сумма родового сертификата составляет 11000 руб. Из них 3000 руб. получают учреждения здравоохранения, оказывающие медицинскую помощь женщине в период беременности; 6000 руб. – медицинские учреждения, оказывающие помощь в период родов; 2000 руб. – детские поликлиники за диспансерное наблюдение ребёнка в первый год его жизни (1000 руб. за первые шесть месяцев и 1000 руб. – за вторые)¹¹¹. По данным Фонда социального страхования, из года в год размер выплат по родовым сертификатам увеличивается. Это позволяет не только повысить заработную плату медицинскому персоналу, но и оснастить медицинские учреждения новым высокотехнологичным оборудованием¹¹².

Помимо этого введена новая мера поддержки семей с детьми, предусматривающая дифференцированный подход к определению размера расходов на оплату дошкольных учреждений. Размер родительской платы за посещение детьми образовательных организаций, реализующие образовательную программу дошкольного образования, устанавливается нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации. Вместе с тем родители имеют право на компенсацию части платы за содержание детей в дошкольных учреждениях в размере не менее 20% от родительской платы на первого ребенка, 50% – на второго и 70% – на третьего¹¹³.

К сожалению, в стране отмечается дефицит дошкольных образовательных учреждений. В связи с этим, семьи, в которых дети посещают подобные учреждения, и семьи, которые стоят в очереди на место в детские сады, оказываются в неравных условиях. В первом случае мама имеет возможность работать и приносить в семью доход, и они же полу-

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Федеральный закон от 25 ноября 2008 г. №216-ФЗ «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2009 г. и на плановый период 2010 г. и 2011 г.» // www.consultant.ru.

¹¹² Сайт Фонда социального страхования // www.fss.ru.

¹¹³ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // www.consultant.ru.

чают компенсацию. Во втором – семьи либо лишены материнского дохода, либо вынуждены воспользоваться услугами няни (разумеется, компенсация им не выплачивается). Возможно, преодолеть это неравенство поможет предоставление специальной выплаты родителям, чьи дети не посещают детские сады по причине отсутствия достаточного количества мест.

Материнский капитал – одна из самых обсуждаемых мер поддержки семей с детьми. Впервые о нём было сказано в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006 г. В законную силу данная норма вступила с 1 января 2007 г. Согласно Федеральному закону «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. №256-ФЗ при рождении (усыновлении) второго ребенка женщина имеет право на получение материнского (семейного) капитала. Право на получение материнского капитала также имеют женщины, родившие (усыновившие) третьего и последующих детей начиная с 1 января 2007 г., если ранее они не воспользовались правом на материнский капитал; а также мужчины, являющиеся единственными усыновителями второго, третьего и последующих детей, ранее не воспользовавшихся правом на материнский капитал, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу с 1 января 2007 г.

Первоначально сумма материнского капитала составляла 250000,00 руб. Ежегодно она индексируется с учетом темпов роста фактической инфляции. Так, на 2008 г. данная сумма составляла 271250,00 руб., в 2009 г. – 312162,00 руб., а в 2013 г. – 408960,5 руб. Кроме того, она не облагается налогом¹¹⁴.

Воспользоваться средствами материнского (семейного) капитала можно не ранее, чем через три года со дня рождения ребенка, в связи с рождением которого предоставлена государственная поддержка. Эти средства можно направить на приобретение или строительство жилья на территории России, на оплату расходов, связанных с получением образования любым из детей (детский сад, школа, колледж, вуз и т.д.), или на формирование накопительной части трудовой пенсии матери. За шесть лет реализации программы сертификаты на получение материнского капитала получили более 3,65 млн семей¹¹⁵.

В условиях экономического кризиса материнский (семейный) капитал стал важным инструментом регулирования социально-экономической ситуации в стране. Согласно Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. «О внесении изменений в Федеральный закон "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей"» №288-ФЗ, средства материнского капитала могут направляться на погашение основного долга и уплату процентов по кредитам на приобретение жилого помещения независимо от срока, истекшего со дня рождения второго ребенка или последующих детей. Таким образом, Правительство решило поддержать семьи, которые хотели бы иметь на второго ребенка или последующих детей, но в условиях кризиса оказались в трудной жизненной ситуации, когда нет возможности погасить кредит на приобретение жилья¹¹⁶.

¹¹⁴ Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // www.consultant.ru.

¹¹⁵ Сайт Пенсионного фонда Российской Федерации // www.pfrf.ru.

¹¹⁶ Там же.

Вопрос об эффективности данной меры является дискуссионным с момента ее введения. Доказательством положительного эффекта может служить увеличение численности домохозяйств с двумя и тремя детьми. Так, в 2010 г. доля домохозяйств с двумя детьми среди домохозяйств, имеющих детей до 18 лет, выросло по сравнению с 2002 г. с 26,2% до 28%, доля домохозяйств с тремя детьми – с 6,6% до 7%. Наряду с демографическими и социальными факторами такой рост стал возможен, на наш взгляд, и благодаря реализации программы «Материнский капитал».

Оценка результативности мер по снижению смертности от транспортных происшествий. Среди мер демографической политики по снижению смертности значимое место занимают усилия по сокращению потерь от транспортных травм. Действительно, смертность от транспортного травматизма является ведущей причиной в структуре травм и отравлений, которые, в свою очередь, формируют главные потери в трудоспособных возрастах и у мужчин, и у женщин. Оценка результативности мер по снижению смертности от транспортных происшествий проведена на основе статистического анализа и с использованием результатов социологического опроса.

С использованием данных статистики проведена оценка сдвигов смертности от транспортных травм на фоне внешних причин в целом. Этот аспект анализа важен с точки зрения понимания механизмов сокращения травматической смертности. Дело в том, что транспортные травмы были выбраны как приоритетная проблема с целью сокращения сверхсмертности российского населения от внешних причин, которые все 90-е гг. и большую часть 2000-х гг. занимали второе место в структуре причин смертности российского населения, и мужчин и женщин.

Смертность от транспортных травм в течение 2005–2012 гг. сократилась в одинаковой степени и у мужчин, и у женщин (на 25%), более того, и траектория изменения показателя не имеет гендерных отличий: вплоть до 2010 г. смертность снижалась, в 2011–2012 гг. можно говорить о стабилизации, или даже о незначительном приросте смертности от транспортных травм. Анализ природы локального тренда последних двух лет требует более длительного мониторинга: или это временное отступление на фоне позитивной динамики, или новая волна подъема смертности в колебательной динамике смертности от транспортных травм, например такой, которая отмечалась с конца 1990-х гг. до 2003 г. включительно, а в более ранний период – с конца 1980-х гг. по начало 1990-х гг. Существенно, что колебательная динамика смертности мужчин формируется на фоне нисходящего, женщин – восходящего в долгосрочном периоде тренда. Таким образом, оценка динамики смертности от транспортных травм в краткосрочной перспективе будет существенно зависеть от того, на каком гребне волны находится рассматриваемый нами временной отрезок. Период 2005–2012 гг. вместил в себя спад волны, начавшийся в 2003 г., и начало роста следующей волны, сформировавшейся после 2010 г. Складывается впечатление, что в основе динамики смертности от транспортных травм лежат иные фундаментальные факторы, чем те, что формируют тенденции российской смертности, в том числе от внешних причин.

В пользу высказанной гипотезы свидетельствует тот факт, что от внешних причин в целом смертность за период 2005–2012 гг. снизилась на 40,0% у мужчин и 38,2% у женщин. И поскольку транспортные травмы входят в число ведущих внешних причин, это

означает, что тенденции потерь от транспортного травматизма были существенно менее благополучными, чем от других внешних причин.

Обсуждая маркеры результативности мер по снижению смертности от транспортных травм, следует отметить следующее.

Произошло снижение смертности от данных причин, однако темпы динамики ниже, чем от внешних причин в целом. Кроме того, в период после 2010 г. произошла стабилизация смертности, а в молодых возрастах – даже рост, что привело к стагнации среднего возраста смерти. Региональное разнообразие тенденций смертности, в том числе отсутствие выраженного тренда более чем в четверти регионов и негативная динамика смертности и среднего возраста умерших еще в трети территорий, свидетельствует об отсутствии устойчивой основы для формирования долгосрочной позитивной динамики смертности от транспортного травматизма.

Вместе с тем общая негативная оценка не исключает, что по отдельным направлениям достигнуты результаты. В частности, устойчиво снижается смертность в старших возрастах (после 60 лет), что коррелирует с опережающим сокращением смертности пешеходов, в отношении которых в предыдущие годы отмечались наименее благоприятные тенденции.

Лица, пострадавшие в ДТП, достаточно хорошо осведомлены о большинстве факторов риска транспортных травм с тяжелыми последствиями, зависящих от поведения участников дорожного движения и безопасности транспортных средств (в основном в диапазоне 4–5 баллов по 5-балльной шкале).

Вместе с тем, пострадавшими явно недооценивается значимость посторонней деятельности водителя во время движения (разговор по мобильному телефону или с пассажиром, прослушивание музыки, курение): респонденты считают эти факторы средними по значимости или мало значимыми (в диапазоне 2,5–3,5 балла).

В отношении большинства высоко значимых факторов совпадают оценки респондентов с наличием или отсутствием этих факторов в анамнезе ДТП. Это: управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, неисправность тормозной системы, ощущение усталости за рулем (для водителей), отсутствие или не пристегнутые ремни безопасности (для водителей и пассажиров); переход проезжей части в неположенном месте, на красный сигнал светофора, перед близко идущим транспортом (для пешеходов). Таким образом, несоблюдение правил частью участников дорожного движения – не есть результат незнания, но мотивировано иными причинами.

При этом имеется ряд факторов риска, повышение информированности в отношении которых, способно снизить риски транспортных происшествий. Это, прежде всего, недооценка необходимости обучения в автошколе для получения водительского удостоверения, обязательности включения ближнего света, независимо от погоды и времени суток, а также наличия шлемов и у водителей, и у пассажиров мотоциклов и велосипедов. Для этих факторов оценка выше теми, у кого фактор риска в анамнезе ДТП отсутствовал.

Старшее поколение на рынке труда. В условиях демографического старения населения все более весомым фактором экономического развития становится политика, сочетающая создание рабочих мест с учетом инноваций шестого технологического уклада и фо-

рмирование условий поддержания и развития человеческого потенциала, в том числе старшего поколения. В настоящее время это направление в России только лишь начинает формироваться.

Анализ рынка труда показывает, что в первом десятилетии текущего века в структуре экономически активного населения от 4,5 до 3,1% составляли пожилые работники. Старшее поколение современной России по отношению к проблемам занятости является дифференцированной социально-демографической группой. С учетом мотивационных установок на занятость в экономической сфере представителей старшего поколения можно классифицировать по четырем группам:

- 1) не предполагают работать ни при каких условиях;
- 2) работающие;
- 3) активно ищущие работу;
- 4) желающие работать при определенных условиях.

В связи с этим выводом возможны разные подходы по сохранению ресурсного потенциала пожилых россиян.

В обществе бытует мнение, что наибольшее число работающих стариков – люди низкой квалификации. Это не так. По статистике, среди занятых в возрасте 60+ специалистов высшей квалификации и руководителей по численности почти на треть больше, чем занятых неквалифицированным трудом. В 2001 г. первые составляли более 22,6%, вторые — 15,7%. В 2004 г. доля высококвалифицированных специалистов и руководителей от числа работающих пожилых превысила 30%. Наибольшее число пенсионеров — 472 тыс. (18,3%) трудилось на обрабатывающих предприятиях. На втором месте работающие в сфере образования, сельском, охотничье-промысловом, лесном хозяйстве – по 15,2%. На третьем – занятые в здравоохранении и социальном обслуживании (10,2%). Необходимо отметить, что пожилые специалисты, как правило, не конкурируют с молодежью. При росте сферы услуг они могут более активно включаться в рынок труда, например в таком его сегменте, как уход, оказание помощи ровесникам, нуждающимся в этом, более активно работать с молодежью.

В 2010 г. среди занятых пожилых людей наибольшую группу составляли специалисты высшего уровня по всем группам занятий – 515 тыс., затем по численности следовали квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства – 314 тыс. далее руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей организаций – 252 тыс. Неквалифицированных пожилых рабочих всех отраслей насчитывалось 497 тыс.

В «стареющем» обществе возрастающая роль принадлежит социальным институтам, адаптированным как к демографической динамике, так и вызовам постиндустриальной эпохи. Пожилое население может стать существенным фактором модернизации России. Планировать изменение пенсионного или трудового законодательства, следует с учетом демографической динамики, трансформации рынка труда и качественных характеристик населения, в первую очередь состояния здоровья и образования. Рассматривая при этом как минимум три блока проблем, в том числе:

- *структуру рабочих мест для стареющей рабочей силы, и ее увязку с социально-экономической модернизацией страны (по сферам деятельности, отраслям, региональному размещению);*

▪ систему поддержки и улучшения человеческого потенциала (с его трансформацией в человеческий капитал) стареющего населения нашей страны, иными словами – это направление по увеличению численности людей «третьего возраста (Young old) – молодых стариков» как категории пожилых, обладающих «двумя ресурсами: уже есть деньги и еще есть силы». По нашему подходу – это представители старшего поколения, сохранившие ресурсный потенциал, имеющий многокомпонентную структуру;

▪ комплекс программ по преодолению дискриминации по возрасту и полу, в том числе с учетом растущей доли пожилых женщин.

Основные мотивы пожилых людей, понимаемые как их ценности, интересы и потребности составляют сущность мотивационного потенциала старшего поколения. Материальное благополучие (обеспеченность), спокойная старость и семья в значительной мере зависят не только от самого пожилого человека, но и от социальной среды, которая его окружает. Значительная часть представителей старшего поколения мотивирована на участие в социально-экономических процессах. Хотели бы продолжать работу до 49,7% опрошенных пожилых людей, в том числе более 60,8% мужчин и 43,58% женщин. 24% пожилых респондентов желают оказывать безвозмездную, добровольную помощь жителям своего подъезда, дома, микрорайона, в том числе 15,75% женщин и 8% мужчин.

Потенциал пожилых людей – определенная база для дальнейшего развития, поскольку у общества в результате появляются дополнительные ресурсы, а у пожилых людей – возможность самореализации. Важно учитывать мотивацию пожилых, связанную с желанием работать, и создавать условия для возможного использования их потенциала. Это в полной мере соответствует Принципам ООН в отношении пожилых людей, утвержденных резолюцией Генеральной ассамблеи, где сказано, что пожилые должны иметь возможность работать или заниматься другими видами деятельности, приносящей доход, участвовать в определении сроков и форм прекращения трудовой занятости, а также в соответствующих программах образования и профессиональной подготовки, для всесторонней реализации своего потенциала (п. 15). Проблемы старения населения остаются в центре внимания международных организаций ООН, ВОЗ, МОТ, Всемирный банк и ряд других. Отмечается, что занятость – это краеугольный камень экономического и социального развития. В определенном смысле занятость определяет «кто мы есть и как взаимодействуем с другими членами общества». За счет этого может повышаться уровень жизни, производительность труда, укрепляться социальная сплоченность. Отмечено, что страны сталкиваются с проблемами, возникающими из-за сокращения численности населения трудоспособного возраста, высоких затрат на обеспечение постоянно растущего числа жителей пожилого возраста и уход за ними. Вместе с тем последствия сокращения численности населения трудоспособного возраста можно смягчить, проводя политику поощрения активного образа жизни пожилых людей и, таким образом, обеспечивая наиболее производительным членам общества, в том числе высококвалифицированным пожилым людям, возможность работать. Для страны со стареющим населением это, в первую очередь, рабочие места, позволяющие квалифицированным работникам дольше сохранять экономическую активность, также рабочие места, снижающие затраты на предоставление услуг пожилым гражданам.

РАЗРАБОТКА РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ОСНОВЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Власти Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях в последнее время уделяли значительное внимание решению демографических проблем. Начиная с Послания Президента России В.В.Путина Федеральному Собранию 10 мая 2006 г., в котором демографическая проблема была названа «самой острой в современной России», а «демографическая ситуация критической», Советом Безопасности Российской Федерации 20 июня 2006 г. был принят комплекс мер демографической политики. Затем на протяжении 2006–2012 гг. правительством и министерствами, федеральными и региональными властями были реализован целый комплекс мер по поддержке семьи, стимулированию рождаемости, сокращению смертности, регулированию миграции. В итоге, удалось добиться некоторых ощутимых результатов – с 2006 г. в стране растет число родившихся и сокращается число умерших, а по итогам 2013 г. впервые был зафиксирован положительный естественный прирост населения – около 23 тыс. человек. Однако данная позитивная динамика пока не является устойчивой, поскольку многие проблемы в социально-демографической сфере пока не решены окончательно.

Исследование показывает, что предпринятые в последние годы меры *демографической политики имеют «затухающий» эффект и весьма вероятно продолжение депопуляции в случае снижения внимания к демографическим проблемам.* Необходимы кардинальные меры по изменению социально-экономического базиса и ментальных основ демографических процессов в России. Демографические процессы детерминированы следующими негативными социальными факторами: бедность и коррупция, безработица и низкая оплата труда, отсутствие социальной защищенности и уверенности в «завтрашнем дне», разрушение семейных ценностей и недоступность медицинских услуг, деградация моральных устоев и распространение асоциальных форм поведения. Необходимо пересмотреть подходы к социальной поддержке уязвимых групп населения. Основу политики улучшения здоровья и роста продолжительности жизни составляет борьба с бедностью. Именно распространение бедности, т.е. увеличение численности групп с низкими доходами, является одним из важнейших факторов роста смертности населения в целом, в том числе от социально обусловленных предотвратимых причин. Без сокращения численности данных групп населения невозможно достичь существенного прогресса в улучшении здоровья населения в целом. Бедность и плохое здоровье образуют порочный круг. Бедность ведет к нездоровью в силу недостаточного питания, меньшего доступа к знаниям и информации, снижением воз-

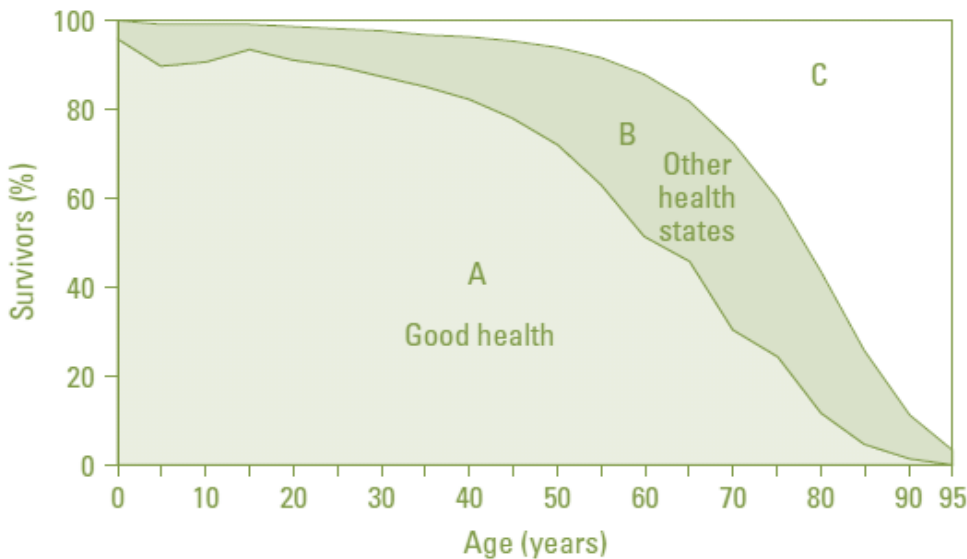
возможности получения медицинской помощи. В свою очередь, плохое состояние здоровья также может стать причиной бедности, поскольку оно связано со снижением доходов домашнего хозяйства и способности людей к обучению, с ухудшением их работоспособности и качества жизни. Таким образом, бедность – это одна из важнейших детерминант плохого здоровья. Жизнь в бедности ассоциируется с более низкой продолжительностью жизни, высокой младенческой смертностью, неудовлетворительным репродуктивным здоровьем, более высокими показателями инфекционных болезней, особенно туберкулеза и ВИЧ-инфекции, более высокими показателями потребления психоактивных веществ (табак, алкоголь, наркотические средства), более высокими показателями неинфекционных болезней, депрессий и самоубийств, а также повышенным воздействием вредных для здоровья факторов окружающей среды. Суть предлагаемых мер с учетом международного опыта двояка. С одной стороны, сократить масштабы групп, которые в силу жизненных обстоятельств оказываются в положении маргиналов (т.е. людей, которые лишены возможности полноценного участия в социальной, политической и экономической жизни сообщества – определение ВОЗ), с другой стороны, – повысить их шансы в социальной интеграции. Пути решения этих задач известны и апробированы: повышение доходов, улучшение доступа на рынок труда, к услугам образования, здравоохранения и т.д. Общий эффект для населения страны характеризуется ростом продолжительности жизни на 3–4 года для мужчин и до 2 лет для женщин.

Исследования состояния здоровья населения базируются на использовании показателей, с той или иной степенью адекватности характеризующих уровень данного явления. ВОЗ выделяет 8 потенциальных областей применения этих показателей: 1) сравнение здоровья одного населения со здоровьем другого населения; 2) выявление и оценка тенденций изменчивости здоровья определенного населения в различные периоды времени; 3) идентификация неравенства в отношении здоровья внутри популяции и измерение его величины; 4) обеспечение должного внимания к состояниям нарушенного здоровья, не приводящим к смерти; 5) информационное обеспечение дискуссий, связанных с определением приоритетов при планировании и обеспечении деятельности служб здравоохранения; 6) информационное обеспечение дискуссий, связанных с определением приоритетов научных исследований в секторе здоровья; 7) оценка пропорций в профессиональной подготовке кадров по направлениям в области здравоохранения и общественного здоровья; 8) анализ и оптимизация выгод от различных медицинских вмешательств на основе оценок их стоимости и эффективности. В качестве базового показателя состояния здоровья обычно использовалась ожидаемая продолжительность жизни. Однако, по мнению многих специалистов, эта характеристика является чрезмерно агрегированной и вследствие этого малочувствительной к изменяющимся условиям жизни и к тому же не отражает других важных аспектов здоровья. В этой связи последние рекомендации ВОЗ сводятся к тому, что при оценке состояния здоровья необходимо учитывать закономерности повозрастной смертности и бремени болезней, характеризующие время жизни в состоянии здоровья¹¹⁷.

¹¹⁷ Mathers C.D. Gains in Health Expectancy From the Elimination of Diseases Among Older People, Disability and Rehabilitation, 1999. Vol. 21 (5–6); Murray C.J., Salomon J.A., Mathers C.D. The Indi-180

Особенности такого учета можно представить следующими графиками (см. рис. 1). Кривая, разделяющая на рис. 1 области *C* и *B*, – пример кривой дожития $S(x)$ для гипотетического населения. Ее значения в каждом возрасте характеризуют доли оставшихся живых из начальной когорты родившихся. Область *A*, под кривой дожития, характеризует время, прожитое членами когорты без нарушения здоровья, область *B* – время, прожитое ими в состояниях нарушенного здоровья. Известный показатель ожидаемой (средней) продолжительности жизни при рождении равен $A + B$ (площадь всей области, находящейся под кривой дожития). Оценка уровня здоровья в общем случае рассматривается с учетом тяжести болезней и равна сумме $A + f(B)$, где $f(B)$ – функция, учитывающая время болезней, взвешенное по их тяжести. Оцененные на основе данного подхода показатели здоровья называют либо ожидаемой продолжительностью жизни, скорректированной по состоянию здоровья, либо продолжительностью качественной жизни. Другим примером показателей ожидаемого здоровья являются продолжительность активной жизни, продолжительность независимой жизни, продолжительность жизни без нарушения психики и продолжительность нездоровой жизни.

Рисунок 1
Составляющие здоровья населения

vidual Basis for Summary Measures of Population People. Murray C.J. et al. eds. Summary Measures of Population Health: Concepts, Ethics, Measurement and Applications, Geneva, WHO, 2002.

При анализе и решении проблем укрепления здоровья населения более удобным представляется использование показателей потерь здоровья, которые в определенном смысле являются обратными показателям ожидаемого здоровья. Они определяются как разница между нормативным уровнем здоровья населения и его фактическим значением. В качестве примера такого норматива можно рассмотреть дожитие в полном здоровье до возраста 100 лет или до 83 лет – максимальная (по странам мирового сообщества) продолжительность жизни населения Японии. В этом случае величина потерь здоровья по отношению к этой нормативной цели будет определяться как сумма $C + r(B)$, где площадь области C представляет количество умерших в различных возрастах, а $r(B)$ является функцией, которая зависит от тяжести нарушений здоровья у индивидуумов когорты и времени, проведенного этими индивидуумами в соответствующих состояниях неполного здоровья.

В настоящее время специалистами предложен целый ряд показателей, которые могут использоваться в оценках состояния и потерь здоровья населения, различающихся между собой подходами к формированию функций $f(B)$ и $r(B)$ соответственно, а также по составу используемой информации. Среди них особую популярность приобрели показатели *QALY*, *HALE*, *DALE* и *DALY*. В частности, показатель *QALY* (Quality Adjusted Life Years) представляет собой количество лет, прожитых индивидуумом в состоянии полного здоровья с момента рождения. Этот показатель определяется с учетом качества лет жизни, прожитых им в различных состояниях (полного здоровья и будучи больным)¹¹⁸. При этом состояния болезни взвешиваются коэффициентами ее тяжести (индексами здоровья), принимающими значения от 0 до 1, 1 – состояние полного здоровья, 0 – состояние смерти. Заметим, что ряд специалистов некоторые состояния индивидуума предлагают оценивать отрицательными коэффициентами, полагая, что они «хуже смерти»¹¹⁹. К ним относятся, например состояния полной неподвижности, сопровождающиеся сильными болями и т.п. Таким образом, для оценки состояния здоровья показателем *QALY* необходимо скорректировать время, проведенное человеком в состоянии той или иной болезни, соответствующим коэффициентом (индексом), уменьшающим продолжительность этого периода. Из этого следует, что объективно значение этого показателя меньше, чем продолжительность жизни индивидуума, поскольку оно определяет количество лет, проведенное им в полном здравии, а не просто число прожитых лет. Значение *QALY* для отдельного индивидуума в упрощенном варианте может быть оценено по следующей формуле:

$$QALY = \sum_{t=0}^L Q_t, \quad (1)$$

где Q_i – продолжительность года жизни, скорректированного по тяжести и продолжительности времени болезни.

¹¹⁸ *Zeckhauser R., Shepard D.S.* Where Now For Saving Lives? *Law and Contemporary Problems*, 1976. Vol. 40, №4.

¹¹⁹ *Drummond M.F., Stoddard G.L., Torrance G.W.* Methods for the Economic Evaluation of Health Care Programs, Oxford, New York, Toronto, Oxford University Press, 1987; *Jones-Lee M.W.* The Economics of Safety and Physical Risk, Oxford, New York, Basil Blackwell, 1989.

$$Q_t = \sum_{i=1}^n q_i \cdot t_i, \quad \sum_{i=1}^n t_i = 1, \quad (2)$$

где t_i – продолжительность i -го состояния индивидуума в рассмотренном году; q_i – индекс здоровья в i -м состоянии; $q_i \leq 1$.

Показатель *HALE* (Healthy Life Expectancy) конкретизирует подход к оценке ожидаемой продолжительности жизни в состоянии полного здоровья для всего населения¹²⁰. Он рассчитывается как среднее значение по всей совокупности индивидуумов, составляющих это население, согласно следующей формуле:

$$HALE = \frac{\sum_x n_x \cdot \sum_h prev_{hx} \cdot HALE_{hx}}{\sum_x n_x}, \quad (3)$$

где n_x – количество лиц, находящихся в возрасте x ; $prev_{hx}$ – распространенность (частота) каждого учитываемого состояния здоровья h среди населения возраста x , $\sum_h prev_{hx} = 1, \forall x$; $HALE_{hx}$ – ожидаемая, скорректированная с учетом состояния здоровья h , продолжительность жизни для индивидуума возраста x .

Таким образом, средняя величина ожидаемой продолжительности жизни индивидуума в возрасте x , скорректированная по возможным состояниям его здоровья, будет определяться следующим выражением:

$$HALE_x = \sum_h prev_{hx} \cdot HALE_{hx}. \quad (4)$$

Для исключения влияния возрастных диспропорций на показатель *HALE* в выражении (3) для его расчета вместо численностей возрастных групп n_x используют их удельные веса в населении, характеризующие его стандартизированную структуру p_x :

$$\overline{HALE} = \sum_x p_x \cdot \sum_h prev_{hx} \cdot HALE_{hx}. \quad (5)$$

¹²⁰ Murray C.J., Lopez A.D. Global Mortality, Disability and the Contribution of Riskfactors, Global Burden of Disease Study. Lancet, 1997, Vol. 349.

Показатель *DALE* представляет собой оценку продолжительности жизни, скорректированной с учетом нарушений здоровья. Этот показатель рассчитывается для конкретной возрастной группы на основе параметров таблиц смертности¹²¹. Классическая методика расчета данного показателя заключается в следующем. Сначала оценивается эквивалент лет здоровой жизни, потерянных в связи с временной нетрудоспособностью и инвалидностью, по следующей формуле:

$$YD_x = L_x \cdot D_x, \quad (6)$$

где YD_x – оценка эквивалента лет здоровой жизни, потерянных в связи с временной нетрудоспособностью и инвалидностью в возрастной группе $[x; x + 5]$; D_x – весовой коэффициент, характеризующий распространенность и может быть тяжесть заболевания в возрастной группе $[x; x + 5]$; L_x – общее количество лет, прожитых всеми живущими в рассматриваемой возрастной группе между возрастами x и $x + 5$.

Затем рассчитывается количество лет здоровой жизни, прожитых членами возрастной группы $[x; x+5]$, по формуле:

$$YWD_x = L_x \cdot (1 - D_x), \quad (7)$$

где YWD_x – оценка эквивалента лет здоровой жизни, прожитых членами возрастной группы $[x; x + 5]$.

С учетом (7) показатель *DALE* оценивается по следующей формуле:

$$DALE_x = \left(\sum_{i=x}^w YWD_x \right) / l_x, \quad (8)$$

где l_x – количество индивидуумов, доживших до возраста x ; w – начальный возраст последнего возрастного интервала; $DALE_x$ – оценка ожидаемой продолжительности жизни индивидуума в возрасте x в состоянии полного здоровья.

В отличие от показателей состояния здоровья показатели его потерь рассчитываются как разность между его «идеальным уровнем» и «фактическим состоянием». Их варианты были предложены еще в 1947 г. в работе¹²². Показатели потерь здоровья более удобны для оценок эффективности мер по его укреплению, базирующихся на сопоставлении эффектов от повышения его уровня и стоимости предпринятых для этого затрат. В настоящее время, пожалуй, наиболее часто используемым в межстрановом и межрегиональном сопоставле-

¹²¹ Mathers C.D., Sadana R., Salomon J.A., Murray C.J.L., Lopez A.D. Estimates of DALE for 191 Countries: Methods and Results, Global Programme on Evidence for Health Policy, Geneva, WHO, Working Paper, 2000, N16, June 2000.

¹²² Dempsey M. Decline in Tuberculosis: the Death Rate Fails to Tell the Entire Story, American Review of Tuberculosis, 1947, Vol. 56.

нии характеристикой бремени заболеваемости является показатель *DALY* (Disability Adjusted Life Years)¹²³. Его значение отражает общее количество потерянного здоровья (лет) в результате как преждевременной смерти, так и заболеваемости и инвалидности на протяжении определенного периода. При этом учитываются: потенциальные годы жизни, потерянные в разных возрастах вследствие смерти; относительная ценность года здоровой жизни, прожитой в разном возрасте; ставки дисконтирования по отношению к человеческой жизни и здоровью; тяжесть нетрудоспособностей. Показатель *DALY* рассчитывается по следующей формуле:

$$DALY = YLL + YLD, \quad (9)$$

где *YLL* – годы жизни, потерянные в связи с преждевременной смертностью; *YLD* – годы жизни, прожитые с инвалидностью или в состоянии болезни.

В свою очередь годы жизни, потерянные в связи с преждевременной смертностью, можно рассчитать по следующей формуле:

$$YLL_{(c,a,s)} = N_{(c,a,s)} \cdot L_{(a,s)}, \quad (10)$$

где $N_{(c,a,s)}$ – число лиц пола *s*, умерших по причине смерти *c*, находящихся в возрасте *a*; $L_{(a,s)}$ – ожидаемая продолжительность жизни в момент смерти для индивидуума пола *s*, находящегося в возрасте *a*.

Для оценки лет жизни, прожитых с инвалидностью, необходимо умножить количество зарегистрированных случаев заболеваний на среднюю продолжительность заболевания и весовой коэффициент, отражающий тяжесть состояния здоровья по шкале от 0 (идеальное состояние здоровья) до 1 (смерть). Формула для оценки показателя *YLD* имеет следующий вид:

$$YLL_{(c,a,s)} = I_{(c,a,s)} \cdot DW_{(c,a,s)} \cdot L_{(c,a,s)}, \quad (11)$$

где $I_{(c,a,s)}$ – число зарегистрированных случаев заболеваний класса *c* у лиц пола *s*, находящихся в возрасте *a*; $L_{(c,a,s)}$ – средняя продолжительность заболевания класса *c* до полного выздоровления или смерти у индивидуума пола *s*, находящегося в возрасте *a*; $DW_{(c,a,s)}$ – коэффициент тяжести заболевания *c* для индивидуума пола *s*, находящегося в возрасте *a*.

Коэффициенты тяжести для различных видов заболеваний можно найти в документах, представленных на сайте ВОЗ, а также в некоторых работах¹²⁴. Для оценки потерь в связи с

¹²³ Lopez A.D., Mathers C.D., Ezzati M., Jamison D.T., Murray C.J.L. Global Burden of Disease and Risk Factors, New York, Oxford University Press & World Bank, 2006.

¹²⁴ Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) // <http://www.who.int/ru/>; Lopez A.D., Mathers C.D., Ezzati M., Jamison D.T., Murray C.J.L. Global Burden of Disease and Risk Factors, New York, Oxford University Press & World Bank, 2006.

преждевременной смертностью, заболеваемостью и инвалидностью с учетом различной «ценности» лет жизни в текущем и будущих периодах выражения (10) и (11) целесообразно модифицировать следующим образом:

$$YLL = \frac{N}{r}(1 - e^{-rL}), \quad (12)$$

$$YLD = \frac{I \cdot DW \cdot L}{r}(1 - e^{-rL}), \quad (13)$$

где N – число умерших индивидуумов; L – ожидаемая продолжительность жизни индивидуумов в момент смерти (в годах); r – ставка дисконтирования.

С учетом весовых коэффициентов значимости различных возрастов, в которых индивидуум заболел или умер, и ставки дисконтирования формула (12) преобразуется к следующему виду:

$$YLL = \frac{K \cdot C \cdot e^{r \cdot a}}{(\beta + r)^2} \left[e^{-(\beta + r)(L + a)} [-(\beta + r)(L + a) - 1] - e^{-(\beta + r)a} [-(\beta + r)a - 1 + 1 - Kr - 1 - e^{-rL}] \right], \quad (14)$$

В свою очередь с учетом весовых коэффициентов значимости различных возрастов, в которых индивидуум заболел или умер, и ставки дисконтирования формула (14) модифицируется к следующему виду:

$$YLD = DW \cdot \left\{ \frac{K \cdot C \cdot e^{r \cdot a}}{(\beta + r)^2} \left[e^{-(\beta + r)(L + a)} [-(\beta + r)(L + a) - 1] - e^{-(\beta + r)a} [-(\beta + r)a - 1] \right] + \frac{1 - K}{r} (1 - e^{-rL}) \right\}, \quad (15)$$

где L – средняя продолжительность заболевания до полного выздоровления или смерти; DW – коэффициент тяжести болезни; a – возраст индивида в момент смерти (в годах от даты рождения); $\beta = 0,04$ – константа (темп убывания ценности года жизни, выражаемый в %), полученная ВОЗ из экспертных оценок функции ценности года жизни в возрасте x для населения конкретной страны в зависимости от уровня ее социально-экономического развития и средней продолжительности жизни (для Европы и других экономически развитых государств ее значение принято равным 0,04; для стран с менее развитой экономикой значение константы β увеличивается); $C = 0,1658$ – константа, полученная ВОЗ из экспертных оценок функции ценности года жизни в возрасте x . Оба параметра связаны выражением $V(a) = \int_a^{a+L(a)} C x e^{-\beta x} dx$. Чем меньше значение β , тем продолжительней период трудоспособной, социально активной жизни населения, тем более плавная функция $V(a)$, харак-

теризующая значимость конкретного возраста человека; K – логическая константа, определяющая режим расчета (если $K = 0$, то вклад различных возрастов в формулах (14) и (15) не учитывается и они преобразуются в выражения (12) и (13), соответственно, если $K = 1$, то второе слагаемое в формулах (14) и (15) обнуляется); $r = 0,03$ – ставка дисконтирования (3%), используемая ВОЗ для приведения ценности лет жизни к настоящему моменту времени; L – количество оставшихся лет жизни, отсчитываемое от момента смерти (находится как разность между средней ожидаемой продолжительности жизни и моментом смерти).

Отличия рассмотренных показателей состояния и потерь здоровья в основном обусловлены особенностями подходов к оценке тяжести этих потерь ценности жизни человека в различных возрастах и периодах, и различиями составов исходной информации, используемой при их получении. В частности, показатели *DALY* учитывают так называемую функцию возрастной нагрузки, которая присваивает различные веса годам жизни в разном возрасте. В показателе *QALY* все годы жизни имеют одинаковую ценность¹²⁵. Способы оценки степени ограничения жизнедеятельности, на которых базируются вычисления *DALY*, более просты. Как правило, это экспертные данные (часто в этом качестве используются константы), хотя методика расчета самого показателя достаточно сложная, по сравнению с методикой расчета *QALY*. В то же время оценки показателей уровней качества жизни, используемые при расчете *QALY*, характеризуются повышенной сложностью и содержат изрядную долю субъективизма, поскольку базируются не только на экспертных оценках, но и на результатах социологических исследований, опросов больных¹²⁶.

Оценки состояния и потерь болезней, полученные для различных стран, могут существенно различаться из-за использования несопоставимой статистики, отличающейся как по составу, так и по степени детализации данных и их достоверности. В целом специалисты отмечают, что показатели *DALY* более подходят для оценки количества лет, спасенных для активной и дееспособной жизни и соответственно для оценки экономических потерь трудового потенциала, в то время как показатели *QALY* более приспособлены для подсчета лет, приобретенных в результате медицинских вмешательств – эффективности медицинских мероприятий. Заметим также, что показатели потерь здоровья могут рассчитываться для отдельных заболеваний, что целесообразно в исследованиях соответствующих рисков потерь. В то же время показатели состояния здоровья удобно использовать для оценки его уровня по разным возрастным когортам населения.

В основу оценки рассмотренных выше показателей состояния и потерь здоровья населения так или иначе положены характеристики возможностей проявления неблагоприятных событий в жизнедеятельности человека – смерти, инвалидности, болезни. Эти возможности могут быть выражены соответствующими вероятностями, которые, в свою очередь, характеризуют риски его жизнедеятельности по достаточно широкому спектру на-

¹²⁵ *Sassi F., Archard L., Le Grand J.* Equity and the Economic Evaluation of Healthcare, Health Technology Assessment, 2001, Vol. 5.

¹²⁶ *Drummond M.F., Sculpher M.J., Torrance G.W.* Methods For the Economic Evaluation of Healthcare Programmes, Oxford, Oxford University Press, 2005; *Murray C.* Quantifying the Burden of Disease: the Technical Basis for Disability – Adjusted Life Years, Bulletin of the World Health Organization, 1994, Vol. 72. P.429–445.

правлений, отражающих особенности трудовой деятельности, социального статуса, среды обитания и некоторых других. По существу, эти риски, определенные вероятностями неблагоприятных исходов, характеризуют степень защищенности населения (отдельного индивидуума) в сложившейся среде его обитания. В этой связи они могут использоваться в качестве составляющих критериев общественного развития, отражающих стремление общества к снижению рисков потерь здоровья и жизни населения при организации жизнедеятельности в различных ее сферах.

Вероятностные оценки рисков различных сфер жизнедеятельности (заболеваемости и смертности) достаточно просто оценить как отношение числа неблагоприятных событий к количеству участвовавших в ней лиц в течение года, хотя период времени может быть уточнен в соответствии с постановкой задачи. Рассматриваемые показатели достаточно устойчивы. Примеры их значений представлены в табл. 1–3.

Таблица 1

Уровни индивидуального риска в различных сферах жизнедеятельности в промышленных странах¹²⁷

Сфера жизнедеятельности	Уровень риска в год
1. Промышленности, в том числе: – производство горчичного газа; – углекислование и вулканизация; – угольная промышленность; – обрабатывающая промышленность; – текстильная, бумажная, типографская промышленность; – пищевая промышленность; – швейная и обувная промышленность	10^{-2} $(2 - 10) \cdot 10^{-3}$ $5 \cdot 10^{-4} - 1,2 \cdot 10^{-3}$ $1,2 \cdot 10^{-3}$ $(0,8 - 1,2) \cdot 10^{-4}$ $(1 - 10) \cdot 10^{-5}$ $(1 - 10) \cdot 10^{-6}$
2. Строительство	$7 \cdot 10^{-4} - 1,2 \cdot 10^{-3}$
3. Сельское хозяйство	$6 \cdot 10^{-4}$
4. Автотранспорт	$6 \cdot 10^{-4}$
5. Транспорт	$3,6 \cdot 10^{-4}$
6. Сфера обслуживания	$1 \cdot 10^{-4}$
7. Торговля	$7 \cdot 10^{-5}$
8. Выработка электроэнергии АЭС	$2 \cdot 10^{-4}$
9. Несчастные случаи, в том числе: – при падении; – на воде; – при пожарах; – прочие	$2,8 \cdot 10^{-4}$ $9,0 \cdot 10^{-5}$ $4,0 \cdot 10^{-5}$ $4,0 \cdot 10^{-5}$
10. Выбросы ТЭС и загрязнение атмосферы	$1,3 \cdot 10^{-4}$
11. Катастрофы в искусственной сфере обитания	$(1 - 5) \cdot 10^{-6}$
12. Все прочие	10^{-3}

¹²⁷ Вопросы дозиметрии и радиационная безопасность на атомных электрических станциях. Учебное пособие. Славутич, 1998; Бюллетень «Производственный травматизм в РФ в 2009 г.» [электронный ресурс].

III. Управление миграционными процессами

Таблица 2

Среднегодовые риски смерти по основным причинам в Российской Федерации, 2004–2011 гг., ($\cdot 10^{-4}$)

Причины смерти	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Случайные отравления алкоголем	3,0	2,9	2,3	1,8	1,7	1,5	1,3	1,1
Самоубийства	3,4	3,2	3,0	2,9	2,7	2,6	2,3	2,2
Убийства	2,7	2,5	2,0	1,8	1,7	1,5	1,3	1,2
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	2,6	2,7	2,5	2,4	2,4	2,4	2,4	2,4
Новообразования	20,1	20,1	20,1	20,3	20,3	20,7	20,5	20,5
Болезни системы кровообращения	89,5	90,8	86,5	83,4	83,5	80,1	80,6	75,4
Болезни органов дыхания	6,5	6,6	5,8	5,5	5,6	5,6	5,2	5,2
Болезни органов пищеварения	5,9	6,6	6,3	6,2	6,4	6,3	6,4	6,2
Внешние причины	22,7	22,0	19,8	18,2	17,2	15,8	15,2	13,2
Всего умерших от всех причин	159,6	160,1	152,1	146,4	146,2	141,7	141,9	134,8
Все типы транспортных несчастных случаев	-	-	-	-	2,5	-	-	2,1
Техногенные катастрофы	-	0,6	0,7	-	-	-	-	-

Устойчивость значений этих показателей трактуется как их приемлемость в обществе, в том смысле, что его заинтересованные слои осведомлены о них и в целом учитывают их при организации своей жизнедеятельности. По-видимому, мерой приемлемости риска смерти в наиболее опасных видах профессиональной деятельности в разных сферах можно считать величину в 10^{-2} , которая соответствует смертности от наиболее тяжелых заболеваний. Для сравнения заметим, что в 2010–2011 гг. этот показатель в РФ находился на уровне $(1,35–1,41) \cdot 10^{-2}$, а в 2004 г. – $1,6 \cdot 10^{-2}$ (см. табл. 2, 3).

Таблица 3

Риски первичной зарегистрированной заболеваемости и смертности населения РФ по основным классам болезней в 2008–2011 гг. ($\cdot 10^{-4}$)

Классы болезней	Риск первичной заболеваемости по основным классам болезней			Риск смертности по основным классам болезней		
	2009	2010	2011	2009	2010	2011
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	3,46	3,28	3,24	2,40	2,35	2,36
Новообразования	1,07	1,08	1,11	20,69	20,51	20,47
Болезни системы кровообращения	2,65	2,61	2,66	80,10	80,59	75,35
Болезни органов дыхания	33,93	32,38	33,90	5,60	5,23	5,20
Болезни органов пищеварения	3,45	3,34	3,34	6,27	6,44	6,22
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	9,06	9,16	9,28	15,83	15,17	13,15
Всего	80,25	77,96	79,74	141,68	141,92	134,79

Риски с уровнем 10^{-3} и ниже для занятых в опасных видах деятельности считаются приемлемыми. В среднем, риск смерти профессионалов, работающих на опасных производствах, на уровне $5 \cdot 10^{-4}$ остается практически неизменным многие годы, несмотря на развитие и усложнение промышленного производства и новых технологий. Это позволяет считать данное значение социально приемлемым в среднем по основным видам деятельности профессиональных работников. Для населения в качестве верхнего допустимого уровня риска в повседневной жизнедеятельности обосновываются величины, не ниже $(1-5) \cdot 10^{-5}$. В обычных условиях при повышении этих значений люди обычно готовы тратить средства на снижение таких рисков (ограждение опасных мест, пожарную безопасность, организацию движения транспорта и т. д.). Риск с уровнем в 10^{-5} и ниже в повседневной жизни считается допустимым. Выход уровней рисков той или иной жизнедеятельности за границы их приемлемости на практике служит определенным сигналом к анализу причин ухудшения состояния безопасности и разработки и принятия мер по их устранению. При этом, как отмечено в работе¹²⁸, верхние ограничения на риски не должны устанавливаться в зависимости от готовности людей подвергаться большему риску за большие блага и от возможной экономической выгоды для общества от реализации такой готовности. Они должны отражать главным образом этические и социальные установки, сложившиеся в обществе. Политика в области снижения уровней рисков жизнедеятельности с необходимостью должна базироваться на количественных оценках вкладов различных факторов риска в сверхнормативную (избыточную) смертность населения разных возрастов. Выделим 10 основных факторов риска для здоровья населения России, вносящих наибольший вклад в его избыточную смертность¹²⁹:

– высокое кровяное давление и высокое содержание холестерина, обуславливающие высокий уровень смертности от сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ). Вклад этих факторов в смертность российского населения составляет более 50%, что более чем в 2 раза превышает его оценку для населения всего мира (20,7%). При этом отмечено, что высокая смертность от ССЗ в России обусловлена, прежде всего, неэффективным лечением, а также ошибками в регистрации болезней;

– курение, которое, по имеющимся оценкам, является основным фактором смертности от болезней органов кровообращения (35% от всех табакозависимых заболеваний), органов дыхания (20%) и легких (17%). Вклад курения в смертность населения России по оценкам Всемирного банка составляет свыше 17%. Хотя по другим оценкам этот показатель в 2004 г. в РФ находился на уровне 5,3%. В других работах потенциальные потери от курения оцениваются в 5 человеко-лет, или в 10,5 лет для курящего мужчины и 6 лет для курящей женщины;

¹²⁸ Лёгасов В.А., Демин В.Ф., Шевелев Я.В. Основы анализа безопасности в ядерной энергетике // Атомно-водородная энергетика и технология. М., 1986. Вып. 7.

¹²⁹ Comparative Quantification of Health Risks: Global and Regional Burden of Disease Attributable to Selected Major Risk Factors, Edited by M. Ezzati A.D. Lopez A.R. and Murray C.J.L. Geneva, WHO, 2004, Vol. 1–2; Murrey C.J., Lopez A.D. Global burden of disease and injury series, The Global Burden of Disease: a Comprehensive Assessment of Mortality and Disability from Diseases, Injuries, and Risk Factors in 1990 and Projected to 2020, Boston, Harvard University Press, 1996, Vol. 1.

– недостаточное потребление овощей и фруктов, в том числе и на фоне избыточного потребления животных жиров. По данным Всемирного банка, в России этот фактор является причиной 12,9% случаев смертей, а снижение их потребления приводит к росту смертности из-за болезней органов кровообращения на 28%. По нашим оценкам, полученным на основе методов эконометрического моделирования, рост потребления этих продуктов питания на 10% увеличивает продолжительность жизни на 0,5–0,7%;

– потребление алкоголя, глобальная оценка вклада которого в смертность различается по отдельным причинам – от 50% для случаев острого отравления, до 20% – для злокачественных новообразований, 15% – болезней органов кровообращения, 13% – цирроз. Значителен вклад этого фактора в смертность от самоубийств, хотя он существенно дифференцирован по странам: Франция – 8,5%, Канада – 30%, Чехия – 39% и т. д. Общий вклад этого фактора в смертность населения России оценивается более чем в 12%. Заметим, что для Канады этот показатель составляет менее 3,5%, Финляндии – 3,7%, США – 4,4%;

– загрязнение воздуха в городах, вклад которого в смертность России оценивается в 1,2% , хотя в некоторых источниках приводятся и более высокие цифры – 3 и 17,5%. В 1,2% оценивается вклад в смертность в городах России загрязнения атмосферного воздуха свинцом от автомобилей транспорта, хотя эта цифра была получена до начала периода автомобилизации населения страны;

– фактор ДТП, размер вклада которого именно в избыточную смертность и инвалидность населения России достаточно высок (см. табл. 1–2), особенно в активных возрастах 25–40 лет. Среднегодовой экономический ущерб от действия этого фактора в России оценивается в 2,2–2,6% ВВП, около 26 млрд долл., в том числе от гибели и ранения людей – 227,7 млрд руб., что в 5–6 раз выше, чем в странах Евросоюза и в 2 раза, чем в США¹³⁰;

– профессиональные факторы риска, смертность от которых составляет 13,6% от общего числа смертей в России, что более, чем в 2 раза выше, по сравнению с развитыми странами. Это объясняется более худшими условиями труда в РФ. Отмечено, что даже по официальным данным за 2000–2004 гг. 26–31% рабочих мест не соответствует гигиеническим нормативам по шуму, 16–22% – по вибрации, 17–24% – по электромагнитным полям, 14–17% – по концентрации пыли и аэрозолей в воздухе рабочих помещений и т.п.;

– другие факторы риска (нелегальное потребление наркотиков, ВИЧ-заболевания и т.п.) в РФ обуславливают свыше 1% общих смертей, хотя эти данные и не отличаются высокой достоверностью. Особенно высока смертность от этих причин в молодых возрастах. Вместе с тем по данным федерального СПИД-центра в России ВИЧ-инфекцией к 2015 г. могут быть заражены около 3 млн человек¹³¹. При этом в отсутствие масштабного использования соответствующей терапии рост смертности по этой причине начался уже в 2007–2008 гг. При этом большинство из умерших регистрируется, как умершие от туберкулеза.

Таким образом, *усиление мер по сокращению преждевременной смертности («сверхсмертности») населения является одним из ключевых направлений развития демографической политики России на современном этапе.* Опыт многих развитых стран по

¹³⁰ Опасное движение // «Российская газета». 2009, №5068 (244).

¹³¹ Покровский В.В. ВИЧ-инфекция в России: прогноз // «Вопросы вирусологии». 2004, №3.

улучшению здоровья и снижению смертности позволяет выделить три направления политики, необходимой в долгосрочной перспективе. Во-первых, оздоровление образа жизни населения и, с учетом российской специфики, прежде всего, сокращение уровня алкоголизации. Во-вторых, ориентация здравоохранения на снижение предотвратимых потерь здоровья. В-третьих, улучшение условий жизни населения и борьба с бедностью. Последнее направление фактически является тем фундаментом, без которого все остальные решения окажутся малоэффективными.

Важным фактором изменения динамики демографических процессов в России стал рост рождаемости, хотя пока его воздействие на численность населения невелико. Именно на это направление демографической политики были направлены максимальные средства в последние годы. Однако, к сожалению, пока этот проект в России не стал общественным. Рождаемость является фундаментальным фактором воспроизводства, который не только пополняет население, но и воспроизводит семью и социальные ценности общества. Опыт некоторых западных стран показывает, что отсутствие политики поддержки семьи и механическое замещение сокращения населения и трудовых ресурсов за счет мигрантов привело к смене этнического состава населения и социально-культурных ценностей в принимающих обществах. В полной мере термин «замещающая» миграция, введенный в 1980-е гг., отразил глубинную суть происходящих процессов в странах Западной Европы. Данные опроса ВЦИОМ показывают, что большинство россиян (60%) в качестве главного условия выхода России из демографического кризиса именно повышение рождаемости, 51% россиян ориентированы в идеале на рождение двоих детей, 22% – на троих, 6% – на четверых и более детей¹³². Все это создает хорошую социальную основу для проведения в России демографической политики, ориентированной на повышение рождаемости и поддержку семей с детьми.

На трудном пути преодоления низкой рождаемости в России сделаны первые, но важные шаги. Необходимо их закрепить и усилить политику поддержки семей и стимулирования рождаемости. Особенности рождаемости заключают в том, что это самый инерционный демографический процесс. Получить эффекты можно спустя несколько лет, в отличие от мер, направленных на снижение смертности или привлечение мигрантов. В этой связи требуются меры долгосрочного порядка, которые будут иметь отложенных во времени эффект, а, учитывая сокращение числа женщин репродуктивного возраста, – смогут «погасить» предстоящий после 2013–2014 гг. спад рождаемости.

Необходимо разработать комплексную целевую программу по формированию семейных ценностей и повышению престижа семей с двумя и более детьми. Программа должна включать активную кампанию по формированию в обществе семейных ценностей, установок на создание полной, состоящей в законном браке, семьи с двумя и более детьми. Этому могут способствовать пропаганда семейных ценностей и детей на телевидении, в прессе, в том числе через молодежные передачи, фильмы, музыку; поощрение многодетных родителей через награды и конкурсы; подготовка специальных передач и фильмов о семье

¹³² Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 20–21 мая 2006 г. Опрошено 1594 человека в 153 населенных пунктах в 46 субъектах Российской Федерации. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

и детей; запрет на передачи и фильмы с пропагандой насилия, наркотиков, алкоголя и др. Со стороны населения данные меры будут пользоваться поддержкой, как показывают результаты социологических опросов, российские граждане по-прежнему ориентированы, как минимум, на двухдетную семью.

Нужно признать рождение и воспитание детей трудовой деятельностью со всеми последствиями. Ввести оплату труда за рождение и воспитание троих и более детей. Если женщина родила или усыновила троих и более детей, государство должно выплачивать ей заработную плату с начислением трудового стажа, а также установлением пенсии. Эта мера снимет перед многими российскими женщинами необходимость выбора между работой и рождением детей, а также повысит престиж материнства и детей в обществе.

Важную роль в формировании и пропаганде семейных ценностей, здорового морально-нравственного климата в обществе могут выполнить традиционные религиозные конфессии. При правильном внедрении в школьное образование предмета «Основы религиозных культур и светской этики» в подрастающем поколении посредством знакомства и усвоения ценностей традиционных религиозных культур будет формироваться положительный и привлекательный образ полноценной семьи с детьми. Важнейшее значение имеет формирования со школьного возраста отрицательного отношения к абортам, пьянству, наркомании, проституции. В России в год производится больше аборт, чем происходит родов, что явилось результатом складывающейся в обществе практики отношения к аборт, как к простой медицинской операции, не имеющей морального контекста и нравственной ответственности. В этой ситуации возвращение традиционных религиозных ценностей и установок в общество позитивно влияет на изменение сложившейся модели поведения. В условиях современного российского общества морально-нравственные ценности зачастую оказываются размытыми, некоторые негативные явления определенными слоями общества могут оцениваться амбивалентно, как право на личную самореализацию. При этом зачастую формируется привлекательный образ наркотиков и проституции. В обществе возникает потребность четких морально-нравственных критериев, оценки и осуждения таких явлений как пьянство, наркомания, проституция. Такую функцию в обществе могут выполнять религиозные институты, имеющие в обществе значительный авторитет. По данным социологических исследований, Церкви как социальному институту доверяют более 50% россиян¹³³.

Самым простым и быстрым способом противодействия сокращению численности населения в России является очень большое (в разы) увеличение иммиграции. Например, при положительном сальдо миграции в объеме порядка 1,5 млн человек можно компенсировать низкую рождаемость и даже добиться к 2050 г. к 5% росту населения. Если бы рождаемость была бы повышена, а нетто-миграции составляло 1,45 млн человек в год, то к 2050 г. население России выросло бы до 189 млн человек. Однако *простое «замещение» демографических потерь за счет иммиграции может привести к серьезным этно- и геополитическим потерям*.

¹³³ Всероссийское исследование религиозности населения ИСПИ РАН проведено в 2006 г. Опросено 1848 человек в 14 регионах России (в городах: Москва, Петербург; в Республиках: Татарстан и Башкортостан; в Краснодарском крае, Хабаровском крае, в областях: Архангельская, Воронежская, Екатеринбургская, Иркутская, Ростовская, Самарская, Томская, Ярославская).

политическим рискам для России. Многие экономически развитые страны долгое время пытались механически восполнять численность населения мигрантами, прежде всего трудовыми. Возник термин «замещающая миграция», который обозначал миграционные потоки, компенсировавшие сокращение численности населения или отдельных возрастных контингентов населения. Однако, как показала практика, масштабная замещающая миграция принесла с собой массу культурных, социальных и даже политических проблем. В настоящее время миграционная политика экономически развитых стран становится все более жесткой в отношении неквалифицированной рабочей силы, она отдает предпочтение людям с высокой квалификацией и учебным мигрантам. Кроме того, все большее внимание правительства экономически развитых стран уделяют демографической политике, направленной на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми.

При том, что необходимо использовать миграции как ресурс пополнения численности населения России, требуется отдать приоритет русскому населению, титульным народам России, проживающим за рубежом и готовым переехать в Россию. Также требует серьезных вложений интеграционная политика для тех мигрантов, которые законно пребывают в России и в которых реально нуждается экономика. При этом в России, по-прежнему, отсутствует концептуальное обоснование миграционной политики, которая включала бы цели и задачи, адекватные методы реализации. Последняя концепция регулирования миграционных процессов была принята в 2003 г. Однако она устарела, поскольку ставит неадекватные времени задачи, не задает концептуальных основ миграционной политики России. На протяжении нескольких лет в «недрах» Федеральной миграционной службы России «разрабатывается» новый вариант концепции миграционной политики.

В стране не имеет концептуального обоснования процесс регулирования внешней трудовой миграции, потоки временных трудовых мигрантов из-за рубежа происходят в стихийном режиме. В настоящее время государство, скорее их фиксирует, чем управляет ими. Система квотирования иностранной рабочей силы в России вызывает серьезные нарекания. Например, в 2003 г. и 2007 г. квота была буквально «взята с потолка». В итоге ее выполнение составило всего 40% и 20%, соответственно. Главным образом потому, что нет четкого механизма оценки и методики определения реальной потребности в иностранной рабочей силе, не существует баланса трудовых ресурсов.

Во-первых, не все работодатели в силу разных обстоятельств могут точно спрогнозировать масштабы потребности в мигрантах на перспективу, часть из них просто не подает вовремя заявок. Во-вторых, сами заявки, которые собираются на региональном уровне, не закрепляются за конкретными работодателями. Нередки ситуации, когда заявку подает один работодатель, а используется квота другим работодателем. А тому, кто заявлял свою потребность в иностранных работниках, просто не хватает квоты. Такая ситуация сложилась в середине 2008 г., когда власти в срочном порядке были вынуждены увеличивать квоту, которая была исчерпана в июне месяце. В итоге, вместо заявленных на 2008 г. первоначально 1,8 млн, было выдано около 3,4 млн разрешений на работу в России иностранным гражданам. Таким образом, первоначально установленная квота была превышена почти в 2 раза. В-третьих, в России практически не используются резервы внутренней трудовой миграции и безработных ни в соседних территориях, ни в собственном регионе. Более эффективное использование собственных трудовых ресурсов могло бы несколько снизить по-

требности России в иностранной рабочей силе. Необходима сдержанная позиция в отношении приема иностранных трудовых мигрантов. Как показывает анализ текущей ситуации и обобщение опыта регулирования трудовой миграции в различных странах мира, фундаментальной основой для формирования политики в отношении трудовой миграции из-за рубежа должно являться определение четких потребностей в рабочей силе. Они должны быть основаны, прежде всего, на экономических и геополитических интересах России.

Поэтому прежде, чем определять политику в отношении привлечения иностранных трудовых мигрантов необходимо представлять размеры этих потребностей и непосредственно увязывать их с перспективами социально-экономического развития государства. Еще недавно в качестве такого приоритета высказывалась идея удвоения ВВП. Очевидно, что достижение этой цели, возможно двумя способами, или их сочетанием. С одной стороны – можно увеличивать численность занятого населения. С другой стороны можно и нужно повышать производительность труда, обновлять оборудование и развивать передовые технологии, стимулируя налоговыми инструментами предпринимателей, вкладывающих средства в модернизацию производства.

Аргументы, которые приводят большинство работодателей в отношении необходимости найма иностранцев, не всегда однозначны. Иностранцев работодателям сейчас выгодно нанимать потому, что они нелегалы. Они сильно зависимы от работодателя, на них можно экономить (платить меньше или вообще не платить), их легче держать в подчинении и запугивать отсутствием регистрации, разрешения на работу или невыплатой заработной платы. Хотя очевидно, что если повышать зарплату в секторах, которые концентрируют в массовом количестве иностранных работников, то часть мест может быть занята местным населением. Некоторые работодатели свидетельствуют, что лучше нанимать работника, у которого в городе есть жилье, обустроен и связывает свою жизнь с этим городом на долгосрочную перспективу, имеет здесь семью и детей. Но в этом случае надо повышать зарплату и соблюдать трудовое законодательство. К этому готовы не все работодатели – очень велик соблазн – можно существенно сэкономить в издержках на труд. Причем делают это все – начиная от обычного человека, который нанимает иностранного работника для ремонта квартиры или уборки дачи, заканчивая крупными предприятиями. Исследования показывают, что труд рабочих-мигрантов из различных стран широко распространен в разных секторах экономики России, их труд применяется практически повсеместно. Во многих отраслях экономики сложился механизм, когда на многих предприятиях официально числятся российские работники, а фактически работают иностранные рабочие-мигранты. Поскольку вторые обходятся гораздо дешевле, разница между этими затратами представляет собой чистую прибыль владельцев предприятий.

На фоне роста компенсаторной роли миграции в формировании населения страны серьезно изменяется социально-демографический и этнический состав иммигрантов. Настоящее время иммиграция компенсирует около 71% естественной убыли населения, а в 11 регионах страны миграция полностью перекрывает естественную убыль населения. В настоящее время приток иммигрантов в Россию происходит преимущественно из стран СНГ: Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. На протяжении 1990-х гг. это была «возвратная миграция» русских и представителей народов России, которые возвращались из бывших республик Закавказья и Средней Азии. Однако за последние годы существенно изменилась

этнический, образовательный, социальный состав иммигрантов из СНГ. Сокращается доля русских в потоке иммигрантов: в 2007 г. на них приходилось около 60%, а в 1995 г. – 74%. Во-вторых, уменьшается уровень образования мигрантов, в миграцию все более активно вовлекаются сельские жители, социально незащищенные слои населения. Под воздействием иммиграции и в условиях оттока российских граждан многие регионы и города России постепенно меняют свой этнический, социальный состав населения.

Государственная программа содействия переселению соотечественников нуждается в серьезном совершенствовании. Старт государственной программы был задержан на десять месяцев. Переселенцы распределяются по территории России крайне неравномерно – более 54% расселились в Калининградской области. Объясняется это особым географическим положением, благоприятным климатом, ростом экономики субъекта и уровня жизни, а также заинтересованностью губернатора, который заявил, что область готова принять до 300 тыс. переселенцев. Регионы Дальнего Востока, которые нуждаются в населении, привлекли только около 5% переселенцев. Причиной такой диспропорции является главный недостаток программы – отсутствие принципиального решения по обеспечению жильем переселенцев за счет средств федерального бюджета. Проблема жилья была «спущена» на региональный уровень, что лишило власти многих регионов заинтересованности в приеме мигрантов, они рассматриваются скорее как обуза, чем средство решения демографических проблем.

На фоне большого числа международных мигрантов в России остается низкой подвижность российского населения. Данные переписи населения 2002 г. свидетельствуют о том, что 97% жителей России живут в месте рождения, т.е. никогда не перемещались даже в пределах своей страны. Во внутренних перемещениях в России участвовали около 2 млн человек или 1,4% населения страны. Миграционная подвижность населения России остается небольшой, поскольку российское население в большей степени «привязано» к рынку жилья, чем к рынку труда по сравнению с зарубежными странами. Это служит основной причиной того, что в стране практически не используются резервы внутренней трудовой миграции и возможности перераспределения трудовых ресурсов внутри страны. В частности, в некоторых российских территориях огромное число безработных: Чечне (300 тыс.), Дагестане (250 тыс.). Еще в 16 регионах страны численность безработных превышала 100 тыс., а в 23 регионах – 50 тыс. человек. Это огромные резервы для рынка труда, которые пока не используются. В советское время был опыт перераспределения избыточных трудовых ресурсов. Тогда внутри России миграционный поток населения был направлен из Европейской части в регионы Севера, Сибири и Дальнего Востока, что было обусловлено соответствующей экономической политикой освоения северных территорий – привлечением мигрантов на большие индустриальные проекты.

В настоящее время потоки внутренней миграции поменяли направление. Главным трендом пространственного перемещения населения внутри страны стала «центростремительные» миграционные потоки, или так называемый «западный дрейф» населения – движение из северных и восточных регионов страны (Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера) в центральные и юго-западные регионы (Северный Кавказ, Центральную Россию). Главной причиной такой направленности является отсутствие программы развития Сибири и Дальнего востока, а также сельских регионов страны. На этом фоне отсутствует

политика привлечения выпускников вузов в восточные регионы России. За счет внутренней миграции происходит перераспределение населения между восточными и европейскими (западными) регионами в пользу последних, что сопровождается ростом «замещающей» миграции. Складывающаяся ситуация опасна с геополитической точки зрения. Демографический вакуум на Дальнем Востоке и в Сибири создает объективные предпосылки для полного замещения населения иммигрантами из соседних стран, прежде всего, из перенаселенного Китая. В среднесрочной перспективе следует сбалансировать территориальное распределение населения в масштабах страны, а также реализовать устойчивые стратегии в области регионального развития. Если это не будет сделано, то свободные пространства России окажутся заселенными исключительно иммигрантами.

Расчеты показывают, что *необходимым условием для формирования устойчивого емкого внутреннего рынка и единого экономического пространства России является численность населения не менее 300 млн. человек.* В настоящее время численность населения страны составляет всего 142,9 млн человек, что в 2 раза меньше чем в США. Прогнозы показывают, что при отсутствии демографической политики к 2050 г. население России может сократиться на 31,5 млн человек (или более чем на 20% от современной численности). Это самые значительные масштабы сокращения населения среди стран мира. В случае реализации данного сценария Россия с населением 112 млн человек может переместиться с нынешнего 9-го места на 17-е место в мире, пропустив вперед себя такие страны как Вьетнам, Филиппины и др. Известны идеи, которые высказывались рядом политиков (М.Тэтчер, М.Олбрайт, З.Бжезинский и др.) о том, что необходимо сократить численность населения России до нескольких десятков миллионов человек, которые будут работать в добывающих отраслях, «размыть» этнический состав населения за счет иммигрантов, расколоть страну на небольшие конфликтующие между собой государства. Расчеты показывают, что на территории России при равномерном расселении в благоприятных районах комфортно могло бы разместиться не менее 500 млн человек. Для России сокращение населения чревато, прежде всего, геополитическими рисками. Слабозаселенные регионы Дальнего Востока и Сибири удерживать в составе страны будет очень сложно, в условиях, когда рядом находятся очень крупно населенные страны (прежде всего, Китай), которые будут нуждаться в ресурсах и новых территориях. Кроме того, имеются экономические аспекты этой проблемы – страну может ожидать дефицит трудовых ресурсов, сокращение призывников, школьников и студентов, интенсивное старение населения. От решения демографической проблемы в настоящее время от решения демографических проблем во многом зависит будущее России.

Демографические процессы в России имеют оптимистические перспективы только при реальном увеличении социальных инвестиций и повышении эффективности расходования средств на социально-демографическую политику. Решение демографической проблемы в России требует объединения всех реализуемых направлений демографической политики в специальную Национальную программу демографического развития на период до 2025 г. с выделением достаточных средств и созданием специальных федеральных органов власти, ответственных за ее реализацию. Расходы на реализацию Национальной программы демографического развития должны составлять не менее 5% ВВП с четким распределением средств по статьям расходов, выделением критериев и индикаторов по

эффективному расходованию средств. Национальная программа демографического развития России должна включать три направления: «Стимулирование рождаемости, поддержка семьи, ответственного материнства и отцовства», «Улучшение здоровья и сокращение смертности населения» и «Оптимизация системы расселения, регулирования миграции и стимулирование занятости населения», а также меры организационного порядка.

Требуется восстановить в составе Правительства РФ должность заместителя Председателя (вице-преьера), который будет курировать министерства и ведомства, работающие в сфере демографического развития (Министерство здравоохранения и социального развития РФ, Министерство образования и науки РФ, Федеральную миграционную службу РФ, Министерство спорта, туризма и молодежной политики РФ).

Необходимо создать Министерство демографического развития РФ для разработки направлений и мер реализации демографической политики, координации деятельности региональных структур, работающих в сфере реализации демографической политики, разработки и осуществления информационно-пропагандистских мероприятий, переподготовки кадров в демографической сфере.

Нужно создать Совет демографической политике как консультативный орган при Президенте Российской Федерации с привлечением представителей всех заинтересованных министерств и ведомств, ведущих экспертов и ученых, представителей бизнеса и средств массовой информации. Функции Совета должны включать в выработку концептуальных положений и предложений по реализации демографической и миграционной политики, координации всех заинтересованных структур в демографической сфере.

Необходимо создать государственный научно-исследовательский институт демографии при Министерстве демографического развития РФ и Российской академии наук для разработки научно обоснованных решений в сфере формирования демографической и миграционной политики страны и подготовки ежегодного доклада о демографической ситуации в России для Президента, Федерального собрания и Правительства докладов.

Целесообразно провести конкурс между субъектами Российской Федерации по реализации региональной программы демографического развития. По результатам конкурс выделить средства поддержки для демографической программы региона на условиях софинансирования. Эффективные демографические программы, а также меры могут стать «модельными» и внедряться в других регионах России.

Необходимо усовершенствовать полноту сбора и обработки систему статистической информации по рождаемости, смертности и миграции. В том числе восстановить сбор данных, упраздненных согласно Закону «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. №143-ФЗ (очередность рождений детей, социальный статус и гражданство умершего человека, национальность мигрантов и пр.). Также развивать систему сбора данных на основе новых источников информации (ввести разработку миграционных карт, регистрации по месту пребывания, завершить создание регистра иностранных граждан в России и т.п.).

Требуется учредить ежегодный общественно-научный Общероссийский форум по демографическим и миграционным проблемам как форму привлечения внимания к демографической проблематике и площадку для диалога власти, бизнеса, средств массовой информации, общественности в данной сфере.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ МЕГАПРОЕКТА «ИНТЕГРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЙСКАЯ ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА»

Транспортная система в России многообразна. Однако основу ее составляют железнодорожный и автомобильный транспорт – дополняющие и развивающие друг друга транспортные системы. Сеть дорожного полотна этих видов транспорта покрывают значительную часть территории страны и, безусловно, влияют на их экономическое развитие и миграцию населения.

При разработке мегапроекта «Интегральная евразийская транспортная система» определяющим в анализе является показатель «густота железных дорог» (км путей на 10000 кв. км территории), по которому вся территория России может быть условно распределена на 5 групп. В каждой группе территорий данный показатель целесообразно рассматривать во взаимосвязи с показателем «густота автомобильных дорог» и другими социально-экономическими показателями.

Первый тип – *регионы с высокой плотностью железнодорожной сети* (более 240 км на 1000 кв. км). В группу входят 16 субъектов, расположенные исключительно в Европейской части страны, главным образом в Центральном федеральном округе (11 регионов). Максимальная густота железных дорог отмечается в Московской, Тульской и Курской областях. Следует отметить, что Московская область имеет максимальную густоту железных дорог в России (577 км на 1000 кв. км). Второе место в стране занимает Калининградская область. Минимальная густота железных дорог в данной группе отмечается в Орловской области (241 км на 1000 кв. км). Основная сеть железных дорог в России сосредоточена в европейской части страны, а именно в регионах этой группы. В частности, здесь проходят Московская, Октябрьская, Горьковская, Северокавказская, Юго-Восточная и Куйбышевская железные дороги. В Москве также берет начало Транссибирская магистраль, которая связывает восток с центром и западом страны. В восточной части России регионов, относящихся к данному типу, пока нет. Наряду с очень высокой густотой ж/д в Европейской части страны 14 территорий имеют и **очень высокую густоту автомобильных дорог**. Территорий с таким показателем нет ни на Урале, ни в Сибири, ни на Дальнем Востоке.

Следует отметить, что наряду с очень высокой густотой ж/д в 1-й группе территорий 7 из 16 имеют и **очень высокую густоту автомобильных дорог**. К ним относятся территории из трех ФО. Это: Московская, Калининградская, Курская, Липецкая, Калужская, Белгородская области, Краснодарский край. Как видим, пять из них расположены также в ЦФО.

При этом только 3-я часть Центрального федерального округа (6 территорий из 18) имеет очень высокую густоту автомобильных дорог. В то же время в Южном федеральном округе почти 40% территорий (5 из 13) имеет такую густоту автомобильных дорог.

Таблица 1

Распределение субъектов Российской Федерации по плотности железнодорожной сети в разрезе федеральных округов в 2011 г.

Федеральные округа	Число субъектов	Типы регионов по густоте железнодорожной сети (км на 1000 кв. км территории)				
		Высокая (более 240)	Повышенная (от 180 до 240)	Средняя (от 120 до 180)	Пониженная (от 60 до 120)	Низкая (менее 60)
Северо-Западный	10	3 (Калининградская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область)	2 (Новгородская, Псковская области)	1 (Карелия)	1 (Мурманская область)	3 (Коми, Архангельская, Вологодская области)
Центральный	18	11 (Белгородская, Брянская, Владимирская, Калужская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Тульская области, г. Москва и Московская область)	5 (Воронежская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Ярославская области)	1 (Ивановская область)	1 (Костромская область)	-
Южный	6	1 (Краснодарский край)	2 (Адыгея, Ростовская область)	2 (Астраханская, Волгоградская области)	-	1 (Калмыкия)
Северокавказский	7	-	2 (Северная Осетия, Чечня)	1 (Ставропольский край)	3 (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария)	1 (Карачаево-Черкесия)
Приволжский	14	1 (Самарская область)	6 (Мордовия, Удмуртия, Чувашия, Пензенская, Саратовская, Ульяновская области)	2 (Татарстан, Нижегородская область)	4 (Башкортостан, Марий Эл, Пермский край, Кировская, Оренбургская области)	-
Уральский	4	-	2 (Свердловская, Челябинская области)	-	1 (Курганская область)	1 (Тюменская область (включая ХМАО и ЯНАО))
Сибирский	10	-	-	1 (Кемеровская область)	3 (Хакасия, Алтайский край, Новосибирская обл.)	6 (Бурятия, Забайкальский, Красноярский края, Иркутская, Омская, Томская области)
Дальневосточный	6	-	-	1 (Еврейская автономная область)	3 (Приморский край, Амурская, Сахалинская области)	2 (Якутия, Хабаровский край)
Итого	75	16	19	9	17	14

Источники: Транспорт и связь в России-2012. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2012.

Таблица 2

Число субъектов РФ с разным уровнем густоты автомобильных дорог, входящие в федеральные округа РФ

Федеральные округа	Число субъектов РФ в ФО	Группы территорий, объединенные по густоте автомобильных дорог на 1000 кв. км территории				
		1-я группа 640–240 км и более	2-я группа 240–180 км	3-я группа 180–130 км	4-я группа 130–60 км	Менее 60 км
Северо-Западный	10	1	1	2	1	5
Центральный	18	6	10	1	1	-
Южный	13	5	2	3	2	1
Приволжский	14	2	2	6	4	-
Уральский	4	-	-	-	3	1
Сибирский	12	-	-	1	3	8
Дальневосточный	9	-	-	1	3	5
Итого	80	14	15	14	17	20

Второй тип – *регионы с повышенной плотностью железнодорожной сети* (от 180 до 240 км на 1000 кв. км). В данную группу входит 19 субъектов, которые расположены также исключительно в европейской части Российской Федерации и занимающие в общероссийском рейтинге места с 15-го до 33-е. Большинство этих регионов находятся в Центральном и Приволжском федеральных округах – соответственно пять и шесть субъектов. Также в группу входят по два субъекта Северо-Западного, Уральского, Южного и Северокавказского федеральных округов. В основном через территорию этих регионов проходит шесть ключевых железных дорог России: Октябрьская, Северная, Северокавказская, Юго-Восточная, Приволжская и Самарская. При этом через три субъекта этой группы проходит и большая Транссибирская магистраль (Ярославская, Свердловская и Челябинская области). Наибольшей густотой железных дорог в пределах группы и своих федеральных округов обладают Челябинская и Свердловская области (соответственно, первое и второе места в Уральском федеральном округе), Чеченская Республика и Северная Осетия (соответственно, первое и второе места в Северокавказском федеральном округе), Республика Адыгея и Ростовская область (соответственно, второе и третье место в Южном федеральном округе), Саратовская область (второе место в Приволжском федеральном округе). Следует отметить, что высокая плотность железнодорожной сети связана с активным присутствием в регионах ОАО «РЖД». Компания прямо или опосредованно инвестирует значительные средства в развитие железнодорожной сети России, обеспечивает рабочими местами значительное количество населения в данных регионах.

По густоте автомобильных дорог особо выделяются Чувашская Республика и Республика Северная Осетия. Они имеют очень высокую густоту автодорог. Первая Республика занимает первое место в Приволжском ФО и 5-е – в стране, вторая Республика – 2-е место на территории ЮФО и 4-е место в России.

Высоким покрытием автодорог в данной группе обладают 7 территорий, из них 4 расположены в границах Центральный ФО.

В то же время густота автомобильных дорог в территориях этой группы не столь равномерна как густота железных дорог. Очень высокая густота автомобильных дорог только в двух территориях (Республики Чувашия и Северная Осетия), в 7 территориях – высокая, в 7 – средняя и в 3 – низкая.

Все вышеуказанное, свидетельствует о достаточном хорошем уровне обеспеченности этих территорий транспортным сообщением.

Третий тип – *регионы со средней плотностью железнодорожной сети* (от 120 до 180 км на 1000 кв. км). В группу входят 10 субъектов из 7 федеральных округов, расположенные в общероссийском рейтинге с 22-го по 43-е места. Три региона расположены в Приволжском федеральном округе – Татарстан, Нижегородская и Оренбургская области; три региона – в Южном федеральном округе – Ставропольский край, Волгоградская и Астраханская области; по одному – в Центральном, Северо-Западном, Сибирском и Дальневосточном федеральном округах. В пределах своих федеральных округов Кемеровская и Еврейская автономная область занимают первые места.

Следует отметить, что ряд территорий этой группы при средней густоте железных дорог имеют очень высокую и высокую сеть автомобильных дорог. Например, Республика Татарстан в своем округе занимает 2-е место, а в России – 7-е и входит в группу с очень высокой густотой автодорог. Ивановская и Нижегородская области, входя в 3-ю группу, имеют высокую густоту автодорог.

Четвертый тип – *регионы с пониженной плотностью железнодорожной сети* (от 60 до 120 км на 1000 кв. км). В состав группы входят 16 субъектов Российской Федерации, которые занимают в общероссийском рейтинге места с 44-го по 59-е. Подавляющая часть регионов этой группы расположена на Урале и в восточной части страны. Наиболее густую железнодорожную сеть среди регионов этой группы имеет Хакасия и Алтайский край (соответственно, второе и третье места в Сибирском федеральном округе), а также Приморский край и Сахалинская область (соответственно, второе и третье места в Дальневосточном федеральном округе). Через территорию шести субъектов этой группы проходит крупнейшая в стране Транссибирская магистраль (Костромская и Кировская области, Пермский край, Новосибирская, Амурская области, Приморский край).

Что касается густоты сети автомобильных дорог в территориях этой группы, то этот вид транспорта развит слабо. Только две территории Северокавказского ФО – Республика Ингушетия и Кабардино-Балкарская Республика имеют очень высокую густоту автомобильных дорог. В своих федеральных округах первое место по густоте автодорог занимают Приморский и Алтайский края, Курганская область. В остальных территориях – средняя, низкая и очень низкая сеть автомобильных дорог.

Пятый тип – *регионы с низкой плотностью железнодорожной сети* (менее 60 км на 1000 кв. км). В состав группы входят 19 субъектов Российской Федерации, преимущественно (13 субъектов) расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь отмечается самая низкая в стране плотность железнодорожных дорог. Особенность железнодорожной сети в этом регионе заключается также в том, что основная часть железных дорог смещена в южные приграничные регионы страны. Вдоль границы России проходит Транссибирская

магистраль с ответвлениями в южные территории восточной части страны. В Северо-Западном федеральном округе также есть три субъекта с низкой плотностью железных дорог: Республика Коми, Вологодская, Архангельская области. В этом регионе проходит Северная железнодорожная магистраль.

Важно подчеркнуть, что эта группа территорий при очень низкой густоте железнодорожных путей имеет и очень низкую густоту автомобильных дорог с твердым покрытием. Иными словами, значительная часть территории страны остается без основных средств сообщения как внутри регионов, так и между ними.

Однако на фоне общей картины для этой группы с очень низкой обеспеченностью железнодорожным и автомобильным транспортом, выделяется одна территория. Это Карачаево-Черкесская Республика, которая при очень низкой густоте железнодорожного покрытия имеет очень высокую густоту автомобильных дорог.

Подводя итог анализу групп территорий, условно распределенных по густоте железных и автомобильных дорог, целесообразно еще раз подчеркнуть, что территория страны условно делится на две части: 35 территорий имеют очень высокую и высокую обеспеченность железнодорожным и автомобильным транспортом. Это территории центральной части России, на которых сосредоточена основная часть населения и предприятий обрабатывающей промышленности.

Среди них выделяются ЦФО, который более, чем любой другой федеральный округ страны наиболее хорошо обеспечен основной транспортной системой.

31 территория страны имеют низкую и очень низкую обеспеченность железнодорожным и автомобильным транспортом. Это в основном слабозаселенные территории Севера, Сибири и Дальнего Востока и Урала с высоким уровнем развития добывающей промышленности. И только 10 территорий страны имеют среднюю обеспеченность как железными, так и автомобильными дорогами. Среди них выделяются Приволжский и Южный федеральные округа, на 2/3 территории которых отмечается данный уровень густоты дорожного покрытия.

Уровень обеспеченности транспортной сетью, несомненно, оказывает заметное влияние как на передвижение населения, так и на социально-экономическое развитие регионов, особенно северных и восточных районов, отдаленных от центра страны.

В этой связи интерес представляет анализ **взаимосвязи уровня развития транспортной системы и вектора миграции.**

Распределение территорий с положительным миграционным приростом по группам с разной густотой железных дорог показало, что большая часть территорий с положительным вектором миграции приходится на группы с очень высокой и высокой степенью покрытия железными дорогами. Из 40 территорий с положительным миграционным приростом 24 приходится на вышеуказанные группы. И только 9 территорий, увеличивающих свое население за счет притока мигрантов, входят в группы с низкой и очень низкой густотой железных дорог.

Это в основном территории областей, по которым проходит Транссибирская железнодорожная магистраль. Так, например, Тюменская, Новосибирская области, Хабаровский край.

В свою очередь, большая часть территорий с отрицательным вектором миграции расположена в регионах с низкой и очень низкой густотой железнодорожного полотна – 26 территорий из 40, из них, более половины находятся в Сибири и на Дальнем Востоке (см. табл. 4).

Таблица 3

Число субъектов РФ с разной интенсивностью миграционного прироста (прибыль), входящих в группы с разной плотностью железных дорог по федеральным округам

Федеральные округа	Группы территорий, объединенные по густоте железных дорог на 10000 кв. км территории				
	1-я группа 240 км и более	2-я группа 240–180 км	3-я группа 180–120 км	4-я группа 120–60 км	Менее 60 км
Северо-Западный	3	1	1	-	1
Центральный	10	3	1	-	-
Южный	1	2	2	2	-
Приволжский	1	1	2	1	-
Уральский	-	2	-	-	1
Сибирский	-	-	1	1	2
Дальневосточный	-	-	-	-	1
Итого	15	9	7	4	5

Таблица 4

Число субъектов РФ с разной интенсивностью миграционной убыли, входящих в группы с разной плотностью железных дорог по федеральным округам

Федеральные округа	Группы территорий, объединенные по густоте железных дорог на 10000 кв. км территории				
	1-я группа 240 км и более	2-я группа 240–180 км	3-я группа 180–120 км	4-я группа 120–60 км	Менее 60 км
Северо-Западный	-	1	-	1	2
Центральный	1	2	-	1	-
Южный	-	2	1	2	2
Приволжский	-	5	1	3	-
Уральский	-	-	-	1	-
Сибирский	-	-	-	1	6
Дальневосточный	-	-	1	3	4
Итого	1	10	3	12	14

Итак, анализ взаимосвязи вектора миграции населения по территории страны с разной плотностью железных дорог показал, что во всех вышеназванных группах имеются регионы как с притоком, так и с оттоком населения. Однако, в группах с очень высокой и высокой плотностью железных дорог регионов с положительным вектором миграции в 2,2 раза больше чем отрицательным вектором. И, наоборот, в территориях низкой и очень низкой плотностью железных дорог доминируют регионы с оттоком населения. Их в 2,9 раза больше территорий привлекающих население. Это позволяет в определенной мере утверждать, что развитие железнодорожного транспорта, хотя и косвенно, но влияет на вектор миграции населения.

Влияние транспортной системы на движение населения по территориям страны взаимосвязано и с развитием промышленности, как обрабатывающей, так и добывающей. И в этом случае наблюдается определенная зависимость от густоты транспортной системы.

Для примера обратимся к некоторым показателям по добывающей и обрабатывающей промышленности (объем отгруженных товаров и выполненных работ и услуг в добывающей и обрабатывающей отраслях производства за период 2005–2009 гг.) Анализ показал, что в ряде случаев в северных и восточных районах развитие отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, казалось бы, не всегда напрямую связано с широкой обеспеченностью ведущими видами транспорта.

Так, Вологодская, Омская области и Красноярский край имеют высокоразвитую обрабатывающую промышленность (от 93% до 81% от объема отгруженных товаров и выполненных услуг), а Тюменская область отличается высокоразвитой добывающей промышленностью (76%). При этом эти территории относятся к группе с низкой и очень низкой обеспеченностью железными и автомобильными дорогами.

Дело в том, что в названных субъектах большая часть территории труднодоступна и слабо заселена. Так, по плотности населения Красноярский край находится на 76-м, Тюменская область – на 70-м, Вологодская область – на 59-м, Омская область – на 51-м месте в стране.

Однако по южной окраине ряда территорий, где сосредоточена основная часть населения и производства проходит Транссибирская магистраль, которая и способствует социально-экономическому развитию названных территорий.

Следует отметить, что почти все 16 территорий первой группы расположены в европейской части страны, где сосредоточена основная сеть железных дорог. Именно по этой территории проходят Московская, Октябрьская, Горьковская, Северо-Кавказская, Юго-Восточная и Самарская железные дороги. В Москве берет свое начало и Транссибирская магистраль, которая связывает восток с центром и западом страны.

Все территории этой группы отличаются высоким уровнем обрабатывающего производства и распределения электроэнергии, газа и воды. Именно в них от 70 до 93% приходится на обрабатывающие производства, а на добычу полезных ископаемых только от 0,2 до 21% и на производство электроэнергии, газа и воды от 6% до 20%.

Иными словами, они в определенной степени являются центрами переработки полезных ископаемых. Несомненно, в их промышленном развитии, значительную роль играет высокая обеспеченность железными и автомобильными дорогами.

Следует отметить, что развитие обрабатывающей промышленности ведет к активному формированию рабочих мест, что является притягательным фактором для мигрантов. Об этом свидетельствуют факты. Так за рассматриваемый период (2005–2009) во всех областях этой группы, кроме Брянской, фиксировался положительный миграционный прирост.

Через всю Азию до Тихого океана протянулась главная и самая большая железнодорожная магистраль страны – Транссибирская железная дорога. Она проходит через следующие территории, рассматриваемой группы: и Омской областей, Красноярского края, Иркутской области, Республики Бурятия, Забайкальского и Хабаровского краев.

В части территорий, которые расположены вдоль транссибирской магистрали, например, Красноярский край, Иркутская, Омская области в большой степени доминируют от-

расли обрабатывающие отрасли промышленности. Так, от общего объема отгруженных товаров и выполненных работ и услуг эти отрасли в Омской области занимают 91,7%, Красноярском крае – 80,5%, Иркутской – 73,7%, Республике Бурятия – 54,2%.

В северных территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока – таких, как: Тюменская область, Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Чукотский автономный округ, где практически не проходит Транссиб, наоборот – более 70% приходится на добывающую, и незначительный процент – на обрабатывающую промышленность. Так, в Тюменской области на добывающую промышленность приходится более 76%, а на обрабатывающую всего 18,2%.

Эти северные территории отличаются очень низкой плотностью железных и автомобильных дорог. При этом в таких территориях как Камчатский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ – на севере Дальнего Востока и в Республиках Тува и Алтай – на юге Сибири, железные дороги практически отсутствуют. Только по южным территориям Тюменской области проходит Транссибирская магистраль.

По густоте автомобильных дорог эти территории также занимают последние места не только среди регионов России, но и внутри своих регионов.

Иными словами практически отсутствие железных и автомобильных дорог сдерживают развитие отраслей обрабатывающей промышленности и, соответственно, развитие всей социальной сферы, что тормозит приток рабочей силы из других регионов. Таким образом, отсутствие дорог является одним из основных факторов в заселении и дальнейшем развитии этих регионов.

Влияние развитости транспортной системы на развитие разных отраслей промышленности в той или иной степени прослеживается во всех выше рассмотренных группах территорий. В группе территорий в высокой плотности железных дорог широко развиты отрасли обрабатывающей промышленности. Так, лидером в этой группе по развитию обрабатывающей промышленности является Челябинская область.

В группе территорий со средней плотностью железных дорог также в основном развита обрабатывающая промышленность. Лидером является Нижегородская область, где более 90% занимают обрабатывающие производства. Более 60% на обрабатывающую промышленность приходится в Республике Татарстан и Еврейской автономной области. Следует подчеркнуть, что именно по названным субъектам проходит Транссибирская магистраль.

Следует заметить, что во всех 5 групп территорий, распределенных по густоте железных и автомобильных дорог, Транссибирская магистраль, проходящая через всю страну, является до настоящего времени важным связующим звеном между восточными территориями с центром страны, а также важным катализатором их социально-экономического развития.

Наряду с рассмотрением доли обрабатывающей и добывающей промышленности от общего объема отгруженных товаров и выполненных работ и услуг целесообразно рассмотреть и некоторые показатели социального развития в зависимости от плотности железнодорожного и автомобильного полотна. Одним из значимых показателей социальной сферы является **показатель ввода в действие жилых домов**.

Данные свидетельствуют о прямой зависимости между уровнем обеспеченности дорогами и вводом в действие жилых домов. Так, в группах территорий с высокоразвитой транспортной системой число территорий с высокой интенсивностью ввода в действие жи-

III. Управление миграционными процессами

лых домов в 2,4 раза больше, чем в территориях с низко развитой системой транспорта, и наоборот. По этому показателю особенно выделяется ЦФО, где в большинстве областей отмечается высокая интенсивность ввода в действие жилых домов. В свою очередь в областях Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов даже там, где проходит Транссиб, практически нет территорий с высокой интенсивностью ввода жилых домов. Большая часть территорий с низкой интенсивностью ввода в действие жилых домов расположена в регионах с низкой плотностью железных и автомобильных дорог. Из 25 территорий 14 расположены в восточной части страны.

Таблица 5

Число субъектов РФ с высокой интенсивностью ввода в действие жилых домов, входящих в группы с разной плотностью железных дорог по федеральным округам

Федеральные округа	Число субъектов РФ с высокой интенсивностью ввода в действие жилых домов по группам территорий, объединенные по плотности железных дорог на 10000 кв. км территории				
	1-я группа 240 км и более	2-я группа 240–180 км	3-я группа 180–120 км	4-я группа 120–60 км	Менее 60 км
Северо-Западный	3	1	-	-	1
Центральный	8	3	-	-	-
Южный	1	1	2	1	-
Приволжский	1	4	3	2	-
Уральский	-	2	-	-	1
Сибирский	-	-	1	1	3
Дальневосточный	-	-	-	-	1
Итого	13	11	6	4	6

Таблица 6

Число субъектов РФ с низкой интенсивностью ввода в действие жилых домов, входящих в группы с разной плотностью железных дорог по федеральным округам

Федеральные округа	Число субъектов РФ с низкой интенсивностью ввода в действие жилых домов по группам территорий, объединенные по плотности железных дорог на 10000 кв. км территории				
	1-я группа 240 км и более	2-я группа 240–180 км	3-я группа 180–120 км	4-я группа 120–60 км	Менее 60 км
Северо-Западный	-	1	1	1	2
Центральный	3	2	1	1	-
Южный	-	3	1	3	2
Приволжский	-	2	-	2	-
Уральский	-	-	-	1	-
Сибирский	-	-	-	1	5
Дальневосточный	-	-	1	3	4
Итого	3	8	4	12	13

Другой социальный показатель – **уровень среднедушевого денежного дохода**. Этот показатель имеет обратно пропорциональную зависимость от развития транспортной системы. В менее освоенных регионах, с низкой плотностью железных и автомобильных дорог число территорий, где население имеет высокий уровень среднедушевого денежного дохода значительно больше (20), чем в территориях с очень высоким и высоким уровнем плотности железных дорог (16). При этом большинство таких территорий расположены на Дальнем Востоке и в Сибири.

Таблица 7

Число субъектов РФ с высоким уровнем среднедушевого денежного дохода, входящих в группы с разной плотностью железных дорог по федеральным округам

Федеральные округа	Число субъектов РФ с высоким уровнем среднедушевого денежного дохода, входящих в группы с разной плотностью железных дорог по Федеральным округам				
	1-я группа 240 км и более	2-я группа 240–180 км	3-я группа 180–120 км	4-я группа 120–60 км	Менее 60 км
Северо-Западный	3	1	1	1	3
Центральный	5	1	-	-	-
Южный	2	1	1	-	-
Приволжский	2	-	2	2	-
Уральский	-	1	1	-	1
Сибирский	-	-	-	1	4
Дальневосточный	-	-	-	3	5
Итого	12	4	5	7	13

В свою очередь, число территорий с очень высоким и высоким уровнем дорожного покрытия, в которых население имеет низкий среднедушевой доход, больше (20), чем число территорий с низким и очень низким уровнем дорожного покрытия (15), с таким же социальным показателем.

Таблица 8

Число субъектов РФ с низким уровнем среднедушевого денежного дохода, входящих в группы с разной плотностью железных дорог по федеральным округам

Федеральные округа	Число субъектов РФ с низким уровнем среднедушевого денежного дохода, входящих в группы с разной плотностью железных дорог по Федеральным округам				
	1-я группа 240 км и более	2-я группа 240–180 км	3-я группа 180–120 км	4-я группа 120–60 км	Менее 60 км
Северо-Западный	-	1	-	1	-
Центральный	6	4	1	-	-
Южный	-	2	2	4	2
Приволжский	-	7	1	2	-
Уральский	-	-	-	1	-
Сибирский	-	-	-	1	4
Дальневосточный	-	-	1	-	-
Итого	6	14	5	9	6

Итак, число субъектов РФ, где население имеет высокий (16) уровень среднедушевого денежного дохода меньше в группах с очень высокой и высокой плотностью транспортного покрытия, чем число субъектов РФ с низким уровнем среднедушевого денежного дохода (20). Это свидетельствует лишь о косвенной зависимости этих показателей.

Иными словами, одним из социальных факторов, влияющих на закрепление населения в указанных регионах, является высокий уровень среднедушевого денежного дохода, на который не оказывает заметного влияния уровень развития транспортной системы.

Итак, развитость транспортной системы страны, безусловно, влияет как на социально-экономическое ее развитие, и на передвижение населения. Однако в одних случаях уровень ее развития оказывает прямое, а в других косвенное влияние.

Поэтому логично провести анализ миграционной политики, проводившейся и проводимой в Российском государстве, особенно в регионах, с низким уровнем развития транспортной системы.

В регулировании миграционных процессов в Российском государстве можно выделить три крупных исторических этапа: имперский, советский и современный.

Имперский этап был обусловлен необходимостью заселения отдаленных регионов страны, что привело к появлению целого ряда переселенческих концепций. На наш взгляд, среди них целесообразно выделить три основных методологических подхода: 1) выбора района выхода переселенцев; 2) подбора состава переселенцев; 3) стимулирования переселений.

Основной концепцией, отражающей необходимость выбора района выхода переселенцев, как ключевого методологического подхода для эффективного заселения малообжитых территорий, в дореволюционной России являлась **концепция поэтапных, или волновых переселений**. Сторонники этой концепции считают, что окраинные районы должны заселяться жителями из смежных с ними промежуточных территорий.

Авторы и последователи данной концепции аргументируют правильность своих соображений следующими тремя *позитивными* моментами. Во-первых, переселенцам легче переходить с малообжитых мест на совершенно не обжитые, чем переселяться из хорошо освоенных старо обжитых районов. Во-вторых, переселяться в близлежащие районы, особенно заселяемые, легче, чем в отдаленные. В-третьих, в таких переселениях участвуют лица, которые уже совершили однажды переселение, т.е. они менее связаны с районами выхода.

Например, в связи с этим Министерство государственных имуществ царской России предлагало заселять Приамурский край и Камчатку старожилами Сибири, а в Сибирь переселять крестьян из Европейской России. И действительно, колонизация Сибири была осуществлена постепенным перемещением населения смежных районов. В.В.Покшишевский, уже в наше время, анализируя этот процесс, образно назвал колонизацию Сибири «последовательно – ползучей». То же можно сказать и о заселении северных районов Дальнего Востока – пионерами их заселения были выходцы из Якутии, которых переселяли на Камчатку и Охотское побережье.

Негативной стороной данного подхода является тот факт, что заселение новых территорий в сколько-нибудь заметных масштабах не может происходить за счет слабообжитых районов. Это возможно лишь за счет густозаселенных территорий¹³⁴.

¹³⁴ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С.67.

Примером концепции, во главу угла ставящей принцип выбора районов выхода, является **концепция предпочтительных районов выхода**. В дореволюционное время данной концепции уделялось много внимания. Было общепринято считать, что обязательным условием успешного переселения должно являться сходство климата районов выхода и вселения.

Позитивным моментом этой концепции является методологический подход достаточно широкой трактовки климатического сходства. В дореволюционное время он выливался в следующие основные предложения подбора районов: во-первых, со сходными ландшафтами, а во-вторых, с требованиями подбора хозяйственно-сходных районов¹³⁵.

Теоретически, наиболее целесообразна вторая позиция. И это нашло отражение в точке зрения официальных кругов царской России – сходство природных и хозяйственных условий принималось в качестве неперемennого условия переселения еще в первой половине XIX в. Сохранился этот подход и в начале XX в. Ведущий теоретик в области колонизации И.Л.Ямзин прямо утверждал, что нельзя недооценивать роль среды. Но в реальной жизни данный методологический подход не всегда оправдывал себя.

В качестве примера можно привести следующие факты. Переселения на Дальний Восток рыбаков из Прибалтики, с Нижней Волги и других мест, базирующиеся на необходимости сходства хозяйственного положения районов выхода и вселения, в начале XX в. кончились печально. Но это не значит, что данная концепция порочна, если она оказалась не состоятельной в вышеприведенных случаях. В то же время иные результаты дало заселение Южного Сахалина выходцами со сходного с ним хозяйственно-климатическими условиями Хоккайдо во время японской оккупации.

В дореволюционный период практика свидетельствовала, что гораздо эффективнее набор переселенцев вести не в сходных по хозяйственному развитию районах, а в малоземельных и густонаселенных местностях. Официально, в частности, это нашло отражение в позиции царского министра Киселева в 1843 г., когда он признавал желательными районами выселения малоземельные губернии страны, а вселения – губернии Азиатской России. Данная точка зрения сохранилась в России и на протяжении XX в. – в советский период плотно заселенные районы Европейского Севера отдавали свое население слабозаселенному Дальнему Востоку.

Что же касается современной трактовки данного подхода, особенно применительно к слабозаселенным территориям на российско-китайской границе, то в изменившихся социально-экономических и геополитических условиях здесь можно увидеть ту же опасность, тот же лейтмотив угрозы китайской территориальной экспансии, что и рассматривался нами при анализе концепций поэтапного переселения.

В связи с этим остановимся на **концепции подбора состава переселенцев**. Данная концепция связывается с более ранним периодом, чем начало заселения Российского Дальнего Востока и его приграничных с Китаем территорий. Еще опыт заселения Северной Америки, Австралии, и особенно Сибири вскрыл тот факт, что на основе стихийно протекающего процесса переселений создается далеко не лучшая структура населения заселяе-

¹³⁵ Венюков М. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Владивосток, 1952. С.114; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М., 1930; Всеподданейший отчет Приамурского генерал-губернатора Гродекова за 1898–1900 гг. Хабаровск, 1901.

мого района, как в социальном, так и в половозрастном отношении. Нарушенные пропорции полов приводили к тому, что появлялась необходимость переселения женщин-каторжанок в Австралию, покупка девушек у аборигенов Сибири для выдачи их замуж за поселенцев, поощрение старожилов, дочери которых выходили замуж за ссыльных и т.д. Например, сибирскому крестьянину, выдавшему свою дочь или племянницу за ссыльного поселенца, царское правительство выплачивало 150 руб., а вышедшей замуж – 50 руб.

В связи с этим на Дальнем Востоке необходимость подбора состава переселенцев была уже теоретически осмысленной мерой и находила практическое применение достаточно широко. Однако в самом определении «желательного» состава переселенцев имелось различие. Прежде всего, рассмотрим социальное положение переселенцев, как одно из условий успешного переселения и заселения малообжитых окраинных территорий. С одной стороны, официальные власти в центре России стремились выселять в отдаленные районы бедноту с целью не только ослабить «земельный голод», но и с целью избавиться от потенциально возможных бунтарей. С другой стороны, в ученых кругах считалось, что, наоборот, для переселений наиболее пригодны сравнительно зажиточные крестьяне, которые смогут быстро устроиться на новом месте и, помимо этого, освободят в районах выхода значительные земельные наделы. Кстати, этой же точки зрения придерживались власти и в местах вселения, так как состоятельным крестьянам требовалось меньше помощи.

Однако реальная жизнь вносила в эти теоретические конструкции свои коррективы – среди переселенцев были, конечно, и зажиточные крестьяне, были и середняки, но основную массу составляли бедняки. И психологически это легко объясняется: последним нечего было терять при переезде, а там, в «далеком крае», они могли надеяться что-то получить и улучшить свое существование. Скорее всего, именно в связи с этим беднейшее население вообще всегда проще принимало решение о переселении.

Что касается практики отбора состава переселенцев конкретно для районов Приамурья, то и в данном вопросе отметим, что для этих территорий уже в дореволюционной России были свои, специфические особенности заселения. Они были связаны, прежде всего, с военно-стратегическими вопросами упрочения позиций Российской империи на Дальнем Востоке не столько вообще, сколько на границе с Китаем. В связи с этим в эти районы состав переселенцев подбирался особенно продуманно. Именно в Приамурье особая роль в заселении принадлежала казакам. Именно Приамурье характеризовалось своеобразием казачьей колонизации, своеобразием их расселения вдоль границы, своеобразием функций охраны границ, которые на них возлагались при вселении.

Характерно, что отбор казаков с самого начала проходил по семейному признаку. Аналогичный подход соблюдался и в военной колонизации данных районов, когда число демобилизованных в пограничном районе превышало число призванных в армию, поскольку благодаря ряду льгот солдаты и матросы, увольняющиеся здесь в запас, имели все возможности остаться в Приамурском крае и перевезти сюда свою семью. Была предпринята попытка заселения Южно-Уссурийского края отпускными нижними чинами, которых досрочно освобождали от несения 25-летней военной службы и расселяли вдоль границ, причем преимущественно – семейных.

В частности, практика подбора состава переселенцев не просто подтвердила, а убедительно доказала, что наиболее эффективно осуществляется процесс заселения малообжи-

тых местностей семейными переселенцами. Недаром в дореволюционное время это требование официально признавалось условием переселения. Так, например, закон 26 марта 1861 г. предусматривал способ водворения в Приамурский край семьями, причем, если из одного места прибывало менее 15 семей, то их расселяли среди старожилов, а если больше – то разрешали создавать новые поселения.

Семейный подход при определении состава переселенцев характеризовался различными аспектами. Так, например, Министерство государственных имуществ выступало при этом не просто за семейный подход, но и одновременно за трудовой подход – за большее число рабочих рук. В связи с этим оно выдвигало требование иметь в семье не менее двух работников.

Помимо этого возникали проблемы соотношения в семье лиц разного пола. Дело в том, что существовавший порядок наделения землей мужчин приводил к тому, что среди семейных переселенцев преобладали мужчины, и, кроме того, в переселениях участвовали мужчины-одиночки. В результате в районах заселения складывался нарушенный половой состав населения с явным преобладанием мужчин. Поэтому приходилось принимать меры по исправлению создававшейся ненормальной половой структуры путем, например, посылки на Нижний Амур женщин-каторжанок, освобождения семей, где преобладали женщины, от оплаты проезда этого женского излишка на новые места и др.

Не только не потеряла своей актуальности на сегодняшний день, а наоборот, можно сказать, стала во главу угла **концепция своекоштных переселений**. На сегодняшний день устарело только это, наиболее распространенное название данной концепции. Однако и в прежние времена ее некоторые также именовали по-другому – **концепцией переселения на коммерческой основе**. Самое интересное, что и в конце века XX суть ее может трактоваться так же, как и в дореволюционные времена, поскольку она кроется не в названии, а в психологическом подходе к определению личности переселенца. Авторы концепции своекоштных переселений считали, что в переселениях участвуют не бедные и богатые, не семейные и одиночки, не мужчины и женщины, не старожилы густонаселенных или слабозаселенных районов, не жители дальних или смежных с заселяемым районом территорий, а просто – «сильные» и «слабые» личности. «Сильные» – энергичны, и именно поэтому имеют средства, поэтому именно они быстро и без посторонней помощи приживаются на новых местах. «Слабые» – пассивны, а поэтому «пожизненно» (т.е. постоянно) нуждаются в помощи и поэтому очень плохо осваивают новую местность.

Мы разделяем взгляды, что мигрантов вообще, а в приграничные с Китаем районы Дальнего Востока, в частности, можно условно разделить на две большие группы, которые условно и кратко можно характеризовать как «инициативные и самостоятельные» и «безынициативные и иждивенческие». Естественно, данная группировка слишком обобщена, но представления об основных методологических и методических ошибках полутора вековой практики заселения российско-китайской границы, на наш взгляд, демонстрирует достаточно четко.

О том, что сегодня данная концепция не только не ослабила своего значения, а наоборот, только должна его приобрести, можно сделать вывод из следующих пророческих слов, сказанных почти век назад Н.В.Слюниным: *«Нельзя привлекать переселенца благотворительными мерами, так как в результате этого происходит наплыв слабого элемента, а необ-*

*ходимо вести переселения на коммерческой основе». Весь же опыт заселения Дальнего Востока вообще, а его приграничных с Китаем территорий особенно – это, в целом, опыт принудительно-благотворительного заселения. А еще в начале этого века теоретик и классик колонизационной теории в России А.А.Кауфман, ссылаясь на зарубежный опыт, подчеркивал, что *искусственные поощрения переселений также вредны, как и принудительные ограничения*¹³⁶.*

В частности, резюмируя анализ дореволюционного опыта экономической помощи переселенцам, А.Ярмош выделял два мнения. Первое – успех колонизации зависит от проводимых мер по облегчению переселенцу устройства в районе вселения. Это требовало *постоянной опеки*. Но помощь могла оказываться либо безвозмездно, либо – быть возмездной. Целесообразность последней точки зрения была доказана опытом Канады, где железнодорожные компании предоставляли новоселам в кредит все нужные предметы, вплоть до жилых домов. Этой же точки зрения придерживался и Ф.Буссе, поскольку считал, что безвозмездная помощь приучала переселенцев к подачкам, а ссуды – были полезны.

Мы разделяем такой подход с теоретической точки зрения, однако вынуждены признать, что в конкретно-исторических условиях России в конце XIX–начале XX вв. только их взаимное сочетание помогло освоить Дальний Восток в дореволюционной России. Дело в том, что все организации, которые занимались переселением, находились либо непосредственно в руках, либо под неослабным контролем правящих кругов. С их позиций целью заселения даже приграничной с Китаем территории, как, впрочем, и всего Дальнего Востока, было, прежде всего, *не заселение, а выселение потенциально опасного беднейшего населения из густо заселенного Центра России*. Не учитывая этого момента, невозможно объяснить колонизационную практику *дореволюционной* России, ориентированную, в основном, на бедняка.

Второе мнение – надо поднимать хозяйственно сам район вселения, а не заботиться о каждом переселенце в отдельности, поскольку опека вредит естественному подбору переселенцев. Сторонники данной точки зрения обращались к историческому опыту заселения Северной Америки, где энергичные переселенцы без какой-либо помощи быстро обустроивались на новых местах.

Методологически данная точка зрения, безусловно, более рациональна, чем первая. Более того, она *способствует естественному отбору переселенцев*. Но опять же в условиях скудости имеющихся средств на поднятие районов вселения, с одной стороны, и политической потребностью переселять именно беднейшие слои населения, с другой стороны, царское правительство в конкретных социально-политических условиях того времени было вынуждено изначально отказаться от данного подхода.

Вместе с тем, указывая на субъективные и объективные причины, которые не могли позволить последовательно и рационально проводить в жизнь основные идеи вышеназванных концепций переселения в дореволюционный период, следует подчеркнуть, что в методах и формах стимулирования переселений в то время было много разумных дейст-

¹³⁶ Главные данные по статистике населения Крайнего Востока Сибири: Приморская и Амурская области и остров Сахалин. СПб., 1903.

вий. В связи с этим рассмотрим **основные концепции материального стимулирования**, регулирующие миграционные процессы **в дореволюционное время**.

Прежде всего, кратко остановимся на трех основных моментах, определяющих возможность массовых крестьянских переселений в то время.

Во-первых, чтобы невыносимо плохо было в местах выхода (малоземелье, безработица в городах, куда ограничен крестьянский отход, голодные годы, политические и религиозные гонения и т.д.).

Во-вторых, чтобы, несомненно, лучше было в районах вселения (наличие свободных, легко доступных земель; повышенный спрос на рабочую силу; высокая оплата труда и т.д.).

В-третьих, чтобы осуществлялась определенная помощь переселенцам (такая как нарезка земли, развитие транспорта, выдача ссуд и т.д.). Последнее подразумевало в случае невозможности оказания данных видов помощи, по крайней мере, отсутствие обязательного характера ограничений переселений (например, возврат в районы выселения, наказания за переселение и т.п. условия).

В связи с этим меры регулирования переселений в дореволюционный период можно разделить на *три основные группы*. *Первая группа* – льготы на стадии потенциальной миграции, формирующие установку на переселение. *Вторая группа* – льготы в процессе непосредственного акта переселения. *Третья группа* – льготы в процессе адаптации на новом месте.

На первой стадии – потенциальной миграции, в дореволюционной России использовались следующие льготы в местах выхода, облегчающие переселение: а) освобождение от недоимок и обязательств перед обществами; б) выдача пособий, предоставление ссудной помощи¹³⁷.

Что касается подпункта «а», то уже переселенцы первых лет заселения Приамурья освобождались на родине от увольнительных общественных приговоров, если за ними не числились недоимки. Но уже с 1882 г. крестьяне стали освобождаться в районах выхода от всех недоимок, если они получали разрешение на переселение.

Подчеркнем, что выдача пособий в имперской России производилось и в натуральной, и в денежной формах. Причем в первые годы заселения южных районов Дальнего Востока пособия играли большую роль в притоке пришлого населения, несмотря на то, что величина пособий была дифференцирована по различным сословиям. Но со временем, когда сюда хлынула крестьянская беднота, переселяемая в соответствии со столыпинской реформой, государство фактически перестало оказывать такую помощь, переложив все расходы на плечи переселенцев.

В дореволюционной России практика выдачи пособий, хотя и была сравнительно широко распространена, но, во-первых, размер этих пособий был невелик, а во-вторых, недолог. Поэтому переход от выдачи пособий к выдаче возвратных ссуд наметился уже буквально в первые десятилетия заселения Дальнего Востока, а к 1886 г. этот процесс был полностью завершен.

Что касается материального стимулирования *второй стадии миграции* (непосредственно самого переезда на новое место), в имперской России практиковались *льготы и по-*

¹³⁷ Глуздовский В.Е. Приморско-Амурская окраина. Владивосток, 1914.

мощь в пути, причем с первых лет заселения южных районов Дальнего Востока. Так, уже в 1855 г. первым переселенцам на Амур был разрешен бесплатный проезд и провоз имущества из Забайкалья. Позднее оплата проезда постоянно видоизменялась, причем для разных сословий по-разному, причем иногда она сводилась фактически к нулю. Вместе с тем нельзя недооценивать больше пропагандистского, чем материального влияния самого обещания помощи в пути даже не на непосредственно второй стадии миграции, сколько ее влияние на стадию формирования установки на переезд, на стадии потенциальной миграции¹³⁸.

На *третьей стадии миграции (приживаемости)* на новом месте) в дореволюционной России практиковались следующие формы материального стимулирования.

Во-первых, *повышенные нормы бесплатного земельного надела* – наиболее значимая льгота в районах вселения. Она не столько облегчала устройство переселенцев в новом месте, сколько служила основным стимулом в дореволюционных переселениях обезземеленных, в ходе реформы 1861 г., крестьян России. Известный теоретик переселений в России А.А.Кауфман прямо указывал, что значительный размер надела был достаточной приманкой для переселения на Амур. Более того, можно сказать, что именно большие земельные нормы (в 3–7 раз превышавшие сибирские) сформировали массовые крестьянские переселения в южные приграничные районы Дальнего Востока. *Земля* нарезалась обществом в *бесплатное пользование* на 20 лет, однако с условием, чтобы она была обработана в течение пяти лет, иначе допускалось ее изъятие в пользу казны. Переселенцы или общества могли также покупать землю из расчета 3 руб. за десятину. Однако ни одно общество не воспользовалось этим правом¹³⁹.

Во-вторых, *льготы* переселенцам на Дальний Восток *по несению воинской повинности*, а точнее – отсрочка рекрутской повинности, которая во времени изменялась по срокам. Так, первым переселенцам в Приамурье было предоставлено полное освобождение от рекрутских наборов, с 1861 г. – на 10 лет (с 1874 г. рекрутская повинность была заменена воинской), а в начале XX в. срок освобождения от воинской повинности постепенно снижался вплоть до 1910 г., когда в Приамурском крае была введена всеобщая воинская повинность. История свидетельствует, что, если полная отмена воинской повинности имела на первых порах неоценимое значение, то с уменьшением всеобщей воинской повинности и уменьшением срока службы значение данного подхода для заселения региона резко упало.

В-третьих, *пособие на постройку дома, приобретение инвентаря*. Например, уже в 1855 г. крестьянам-переселенцам на Амур выдавался инвентарь на сумму 50 руб., лес или деньги на постройку дома. Таким образом, данное пособие выдавалось как в денежной, так и в натуральной форме (последнее, в основном, в виде леса). Пособие в денежной форме реже выдавалось крестьянам, и, как и другие материальные льготы, было дифференцировано для разных слоев населения (впрочем, как и все виды безвозмездной помощи). Его размер и условия выдачи со временем менялись в сторону уменьшения – так, например, в Приамурье к началу XX в. бесплатно выдавался только лес.

¹³⁸ Головачев. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904.

¹³⁹ Записки Приамурского отд. Имп. о-ва востоковедения. Хабаровск, 1916. Вып. 3 (Русский Дальний Восток: хроника. Выставка Приамурского края).

В-четвертых, *ссуды на обзаведение хозяйством* за 3% в год, общим размером в среднем около 60 руб. на каждую семью с возвратом через 5 лет в течение 10-летнего периода. Данный вид материального стимулирования переселений, как и все остальные виды такой помощи, был дифференцирован по группам населения. Особенно стимулировались этим видом льгот казаки и военные, т.е. люди, имеющие навыки военного искусства, что отражалось как в значительно большей величине получаемых ссуд, так и в больших сроках их возврата (до двухкратной разницы). Например, крестьянам, согласным записаться в казачье войско, выдавалась ссуда на одного работника 200 руб. сроком на 20 лет и началом возврата через 5 лет. Еще больше получали казаки, переселявшиеся на Амур из Донского и Оренбургского войск – 600 руб. Это методологически очень важно, как и то, что данный вид материальной помощи со временем не уменьшался, как по охвату, так и по своему размеру, а наоборот, увеличивался.

В-пятых, последнее по счету, но не последнее по значению – *выдача казенного содержания*. В дореволюционные времена данный вид помощи сыграл большую роль. Уже с 1855 г. первым крестьянам-переселенцам на Амур выдавалось казенное содержание в виде продуктового пособия в расчете на 1,5 года, казакам – в расчете на 2 года, причем членам семьи казака этот паек также выдавался, но в половинном размере. Выдача казенного содержания продолжалась и в 80-е гг., но постепенно эта мера сошла на нет. Вообще, натуральный вид пособия со временем имел тенденцию к уменьшению и по охвату выдач, и по их размерам и т.д.

В заключении отметим, что Российское государство с середины XIX в. целенаправленно вело заселение южных территорий Дальнего Востока. Причем этот процесс не был ограничен рамками какой-то одной, даже очень важной концепции переселения, как, например, рамками концепции поэтапно-волновых переселений. Процесс заселения велся, фактически по схеме, специально продуманной для приграничных, стратегически важных для страны районов. Об этом свидетельствует следующее.

Во-первых, показательно, что уже в середине 60-х гг. прошлого века (т.е. того периода, когда только началось освоение Дальневосточного края, и общая численность всего населения Дальнего Востока к моменту включения его южной части в состав России в 1858 г. составляла всего 20–25 тыс. человек) государство целенаправленно укрепляло пограничную линию.

Во-вторых, методологически важно, что укрепление границ шло не столько военными постами, сколько поселениями казаков, принудительно поселяемым вдоль границы по рекам Амур и Усури. Их поселяли на указанных местах и на определенном расстоянии друг от друга, с тем, чтобы они следили за состоянием дорог между станицами для обеспечения связи с Забайкальем, несли охрану границ, и обеспечивали самих себя. Это свидетельствует о формировании *системы расселения казаков вдоль границ*.

В-третьих, если учесть, что русских подданных в 1858 г. здесь жило только 6,7 тыс. человек, а китайских подданных было 8,1 тыс., и независимого коренного населения – 9,2 тыс. человек¹⁴⁰, то можно понять, какую стратегическую линию вело Российское государство,

¹⁴⁰ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С.67.

основывая вдоль границ *привилегированную систему расселения российских подданных*, а не просто военные посты. Дальновидность российских чиновников можно образно выразить следующим *предположением*: границы государства надежно защищают те люди, которые одновременно защищают и границы *своей* земли. И поэтому, о том, что в южных приграничных районах Дальнего Востока с первых же дней их заселения четко был определен *приоритет геополитических военных интересов* над экономическими, можно судить по «полосе Духовского» – отведенной казакам сплошной полосе шириной в 25–100 верст в сторону от рек Амур и Уссури, с клиньями по рекам Хор, Бикин и др. Она составляла 6 млн десятин *лучших земель*, на которых крестьянам не разрешалось селиться. На казаков приходилось по 150–860 дес. лучшей земли! И именно эта специфическая особенность расселения казаков вдоль границ, нагляднее всего отражает *иерархию стратегических государственных целей переселения* на Дальний Восток, а точнее – в его южные районы *в период начального заселения*.

Подводя итог комплексу вопросов, освещенных в данном разделе, отметим следующее. Процесс заселения юга Дальнего Востока в дореволюционной России наглядно показывает, что нельзя жертвовать экономическими интересами ради политических в стратегически важных регионах, ибо этим способом проблемы заселения таких территорий окончательно не решаются. Заселение южных районов Дальнего Востока зажиточными крестьянами в прошлом, на наш взгляд, было способно создать там устойчивую систему расселения и хозяйства. Но этот путь заселения был принесен в жертву политическим интересам – выселению беднейшего крестьянства, как потенциально взрывоопасного элемента в Центре страны. В связи с этим происходило заселение новых районов *не теми* переселенцами, *кто там нужен, а теми, кто не нужен в другом месте*. О таком подходе в современной ситуации не должно быть и речи.

В самом начале **советского этапа** основной концепцией переселения в данный район выступали *сельскохозяйственные переселения*. Отличительной особенностью концепции миграции в довоенный период на Дальнем Востоке была именно специфически сельскохозяйственная ориентация миграционных потоков в регион. Здесь задачей миграции было не только и не столько перераспределение сельского населения в города, как это было на подавляющем большинстве остальных территорий России, а в особенности – сельскохозяйственное заселение края. В результате целенаправленного планового перераспределения в этот район сельского населения из других районов России здесь в этот период фиксируется значительный рост численности сельского населения, что является, прежде всего, результатом освоения сельскохозяйственных территорий этих районов. Определенную роль сыграло и развитие лесной промышленности и рыболовства (поскольку значительная часть трудящихся этих отраслей живет в сельской местности). В период 1926–1956 гг., например, наиболее заметно в России увеличилось население именно на Дальнем Востоке (например, в Хабаровском крае – почти вдвое).

Об этом свидетельствует, в частности, то, что в южных районах Дальнего Востока были пересмотрены льготы по сельскохозяйственному переселению. Для семей, переселяющихся в совхозы и колхозы, с 1967 г. были введены специальные материальные льготы. В их числе – выплаты единовременного пособия семьям, выдача кредита на строительство дома, право приобретения крупного рогатого скота по себестоимости, предоставление от-

дельных домов и квартир, выделение бесплатного топлива, освобождение от квартирной платы и других услуг в течение 2 лет, освобождение от сельскохозяйственного налога в течение 10 лет.

Что касается пополнения рабочей силы промышленности юга Дальнего Востока, то здесь отметим следующее. В первые годы советской власти основной формой перераспределения и привлечения рабочей силы в народное хозяйство было отходничество крестьян из деревни в город, представлявшее собой вид сезонной миграции сельского населения в города. Но отходничество не давало возможности его планомерно регулировать и, в основном, было стихийным процессом миграции сельского населения вплоть до конца восстановительного периода в народном хозяйстве страны после революции. Однако отдельные отрасли производства, которые нуждались в больших количествах сезонных рабочих, уже тогда осуществляли организационные мероприятия по привлечению отходников. К ним относились важнейшие отрасли хозяйства южных районов Дальнего Востока – рыбная путина, заготовка леса и лесосплав.

С 1931 г. в советском государстве для набора рабочих в промышленность стал использоваться оргнабор. В этой форме планомерное перераспределение трудовых ресурсов по отраслям и территории (в отличие от отходничества, когда каждое предприятие самостоятельно и отдельно обеспечивало себя рабочей силой за счет миграции населения из сел в города) государство брало на себя. Государственная программа производства и производительности труда определяла потребность в новых рабочих руках, которые государство брало в основном в колхозах.

Оргнабор был внутриобластным и межобластным. Его особенностью на Дальнем Востоке в довоенные годы была ориентация не на внутриобластную, а на межобластную (точнее – на межрайонную) набор. В южные районы Дальнего Востока в довоенные и первые послевоенные годы привлекалось большое число рабочих из других районов России. Оргнабор рабочих из местных областей фактически не проводился. Только начиная с 1951 г. на Дальнем Востоке во все возрастающих масштабах начался и внутрирайонный оргнабор. Оргнабор являлся планируемой формой миграции населения между сельской и городской местностью, а в случае межрайонного оргнабора – планомерного перераспределения населения между различными территориями страны.

Концепция оргнабора и ее межрегиональная направленность – это основная миграционная концепция, в соответствии с которой процесс планомерной миграции рабочей силы на Дальний Восток и в его южное приграничье остался характерным и для военного периода. В 50-е гг. роль оргнабора стала снижаться, тогда как роль направления, перевода и вызова предприятиями – резко возросла. За 1939–1959 гг. численность Дальнего Востока в целом возросла в 1,7 раза, в то время, как население Союза ССР выросло в 1,1 раза, а население Средней Азии и Казахстана – только в 1,4 раза, что свидетельствует о межрайонном характере планомерного перевода на юг Дальнего Востока кадров для промышленности и растущих городских поселений.

Если в первой половине советского периода на Дальнем Востоке главная роль среди планомерных форм перераспределения населения принадлежала непосредственно планируемым формам (в 20-е гг. – это были сельхозпереселения, в 30-е и 40-е гг. – оргнабор), то в 50–60-е гг. лидирующими становятся децентрализованно планируемые формы (направ-

ление на работу, перевод, вызов предприятиями и т.п.). Вообще в послевоенный период, который можно назвать периодом урбанизационного развития данного региона, роль плановых организованных переселений неуклонно снижалась.

Как отмечалось ранее, меры миграционной политики на Дальнем Востоке можно, в основном, представить следующим образом.

Во-первых, *льготы в местах выхода, облегчающие переселения и способствующие принятию решения о переселении*. В советский период к ним относились, соответственно: заимствованная из опыта дореволюционной практики регулирования переселений ссудная помощь; а также отмена недоимок по налогу, страховых платежей, по обязательным поставкам государству сельхозпродукции; бронирование квартир с льготой в оплате (в довоенный период) и без льготы в оплате (в послевоенный период).

Во-вторых, *льготы во время переезда на Дальний Восток* – врачебно-продовольственная помощь в пути.

В-третьих, *льготы в местах вселения*, облегчающие устройство новоселов.

В довоенный период это – освобождение от воинской повинности на 1–3 года; безакцизный и беспошлинный ввоз иностранных товаров на север; повышенные закупочные цены на добываемую рыбу; установление льготных цен на товары; освобождение от сельхозналога на малосемейных и холостяков.

И в довоенный период, и в более поздние времена практиковалось распространение льгот на все категории населения в зависимости от важности и квалификации труда, от значения отрасли народного хозяйства, от обжитости территории; установление единовременных пособий; установление дополнительных отпусков; установление районных коэффициентов на территории региона.

В послевоенный период практиковались – ссудная помощь; получение кредитов колхозами для переселенцев; выдача кредитов молодым семьям; освобождение от квартирной платы; введение надбавок за работу на одном предприятии; компенсации проезда к месту отдыха и обратно.

Таким образом, на территории Дальнего Востока в советский период действовали меры миграционной политики, направленные на привлечение во вновь осваиваемый район трудоспособного населения. Миграция рассматривалась как основа заселения территории региона, хотя демографический потенциал здесь был вполне достаточным, чтобы при стабилизации миграционных процессов иметь возможность для саморазвития населения. Однако отсутствие должного социально-культурного обустройства территории оказалось серьезной преградой для закрепления населения, что уже в 90-е гг. сказывалось на все возрастающем потоке возвратных миграций.

Основным инструментом демографической политики, а, следовательно, и ее миграционной составляющей, оставалось регулирование заработной платы (установление повышенных районных коэффициентов для строителей БАМа; в том числе в г. Комсомольск-на-Амуре; введение в 30-ти километровой приграничной зоне с Китаем 30% надбавки к зарплате в 1978 г., а начиная с 1986 г., выплата этой надбавки была распространена на все южные районы Дальнего Востока). В 1989 г. установлены для сельской местности денежные пособия на хозяйственное обзаведение, безвозмездная помощь в организации подсобного хозяйства, оплата материалов для строительства жилых домов, предоставление долго-

срочных кредитов на 50 тыс. руб. Но, несмотря на все эти меры, в целом наблюдался процесс снижения жизненного уровня дальневосточников.

Это свидетельствует, что на территории стратегически важного региона вдоль российско-китайской границы основная роль в освоении территории отводилась таким мерам миграционной политики, где главным стимулом переселений было регулирование заработной платы с помощью районных коэффициентов, северных надбавок, льгот сельскохозяйственным переселенцам, работникам по оргнабору, молодым специалистам. Но все это оказалось в целом неэффективным в изменившихся социально-экономических условиях в Российской Федерации после распада Союза ССР. Жизнь убедительно показала, что льготы, которые даются конкретным людям, могут быть разрушены одним росчерком пера. Отсутствие реальных привилегий в экономических условиях развития приграничных территорий, на фоне фактически отсутствия даже просто необходимого уровня развития социальной инфраструктуры в приграничной системе расселения делает проживание в данном районе не только непривлекательным, но и просто нежеланным.

Современный этап миграционной политики России характеризуется неоднозначностью результатов по времени. Распад Советского Союза привел к обострению всех социально-экономических процессов, в том числе и миграции населения. Так, по сравнению с советским этапом, появляются новые типы и виды миграции населения.

Несмотря на то, что проблемы миграции всегда были «острыми», органы государственной власти очень долго не разделяли миграцию населения по направлениям и целям перемещения, и поэтому, принимаемые меры, регулирующие миграцию, отличались низкой эффективностью, а порой – нелогичностью. Однако с середины 2000-х гг. в России были реализованы важные направления совершенствования и оптимизации миграционной политики.

В 2006 г. указом Президента РФ была утверждена Государственная программа содействия стимулированию привлечения соотечественников, проживающих за рубежом. То есть впервые государство принимает специальную программу, направленную на привлечение необходимых категорий мигрантов в страну. С каждым годом эффективность данной программы растет. Сегодня 40 субъектов Федерации участвуют в программе. С начала действия программы до 1 октября 2012 г. в Россию прибыло 99,8 тыс. человек, всего было подано более 104 тыс. анкет (на 227 тыс. человек). Три квартала 2012 г. дали рост на 30% въехавших соотечественников за весь период функционирования Программы. Не такой значительный, но все же положительный рост вселения показывают субъекты Дальневосточного и Сибирского федеральных округов.

С 2007 г. система выдачи разрешений на работу иностранным гражданам в России изменилась в отношении стран, с которыми Россия имеет безвизовый режим, в направлении упрощения. В результате данных мер, значительная часть иностранных работников из стран СНГ вышла «из тени», и их доля в структуре выданных разрешений на работу в России резко увеличилась. Также с 2007 г. квоты на выдачу разрешений на работу иностранным гражданам устанавливаются отдельно для стран с безвизовым и визовым режимом.

Проявлением интереса к возможностям внутренней трудовой миграции можно считать созданный в 2009 г. Федеральной службой по труду и занятости единый банк данных по вакансиям в масштабе всей страны. Что ориентирует на более эффективное использование

собственных трудовых ресурсов и в дальнейшем даст возможность снизить потребности России в иностранной рабочей силе.

Повышается интерес государства к учебной миграции. Это проявляется на концептуальном уровне: 2008 г. – Концепция долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. (целевой ориентир – увеличение доли иностранных студентов, особенно из стран СНГ); 2012 г. – разрабатываемая Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 г. (задача миграционной политики – содействие образовательной миграции); 2010–2012 гг. – на уровне согласования отдельных региональных программ переселения соотечественников этому аспекту уделяется определенное внимание.

В целом можно сказать, что с пониманием основных проблем демографического и миграционного развития России, выявлением значения и особенностей различных видов миграции в России, миграционная политика становится более действенной и эффективной, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Также следует отметить, что геополитическая и социально-экономическая значимость и необходимость развития железнодорожной сети в России важны с точки зрения эффектов для рынков труда. Традиционные методы на региональном и локальном рынках труда, предпринимаемые службой занятости важны, но они не могут кардинально изменить ситуацию с безработицей во многих регионах Российской Федерации. Решение проблемы безработицы, получившей столь широкое распространение в восточных регионах страны, требует неординарных подходов и масштабных проектов по созданию рабочих мест.

Одним из них может быть развитие (строительство) Евразийской транспортной системы. Зарубежный и отечественный опыт подтверждает, что транспортные проекты способны существенно стимулировать занятость, причем как при строительстве, так и после его завершения (последующее обслуживание дороги, развитие социальной инфраструктуры «вокруг железных дорог» и др.). В последние годы высокие цены на нефть, растущая загруженность автомагистралей и авиа-направлений заставили власти многих стран пересмотреть приоритеты в пользу развития железнодорожного транспорта.

По примерным расчетам, с учетом отечественного и зарубежного опыта, строительство ИЕТС может создать дополнительно на первом этапе (строительство полотна, прокладка коммуникаций и пр.) не менее 1,5–2 млн рабочих мест. На следующем этапе это может иметь мультипликативный эффект до 5 млн рабочих мест (строительство и реконструкция городов и поселков, поддержание коммуникаций, обслуживание дороги, сервис и пр.). Фактически строительство дорог может «поглотить» всех безработных не только в регионе, но и в целом по России. Конечно, будут ограничения связанные со структурными факторами безработицы, что потребует переобучение части безработных. Но это также в свою очередь может «вдохнуть жизнь» в умирающую сеть профессионально-технических училищ по всей стране. Очевидно, что подобная «стройка века» потребует дополнительных трудовых из других регионов страны. В условиях демографического спада числа абитуриентов это может иметь дополнительные эффекты для системы образования в стране. Также это поможет решить проблему перенаселенности ряда крупных городов за счет оттока молодежи на работу в регионы Сибири и Дальнего Востока. Но главное, это может стать реальной основой для изменения вектора миграционных процессов в России в пользу восточных регионов.

Модели совершенствования социальной реальности

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ СОЛИДАРНОГО РАЗВИТИЯ НА ЕВРО-АЗИАТСКОМ КОНТИНЕНТЕ (НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ)

Россия в пространстве парадигм

«Стратегические ловушки» и феномен научного манипулирования. Мир вступил в период тектонических глобальных изменений. В их основе лежит сомнительный, но принятый на вооружение Западом концепт истощения ресурсов Земли и перенаселения. В этих условиях борьба за ресурсы жизнеобеспечения в политике США и их западных союзников стала доминирующей. И не важно, что 10000 американских ученых, включая 52 нобелевских лауреата, в 2006 г. заявили о манипулировании правительством США общественным мнением.

Сюда относится и вопрос так называемого *«катастрофического потепления климата»*, и использование *примата общечеловеческих ценностей* с упором на права гомосексуальных меньшинств, и присвоение права одностороннего вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств, до агрессии включительно и т.д. Основной бенефициар проводимой США и Западом политики – глобальная финансово-спекулятивная олигархия.

Что касается видения западными политиками будущего России, то в этом плане характерны высказывания госсекретаря США Мадлен Олбрайт о «несправедливой» принадлежности Сибири только России.

Россия сегодня оказывается в значительной степени заложницей подобных концептов. Восприятие их на уровне окормляющих власть экспертных группировок заводит государство в «стратегические ловушки», ведет к снижению суверенности. Экономическая политика многих стран сегодня подразумевает не только целевое инвестирование собственной экономики, но и подрыв экономики конкурентов. Одним из приемов в этой борьбе является дезинформация, выражающаяся, в частности, в подсажке ложных стратегем развития.

Одной из такого рода «стратегических ловушек» для России является теория постиндустриализма, способствующая увековечиванию неокOLONиализма. После выдвижения постиндустриального концепта на Западе был инициирован активный процесс вывода реального промышленного производства в страны третьего мира. Это было необходимо не только с точки зрения рентабельности (дешевизна рабочей силы), но и в геоэкономическом смысле. Вывода индустрию в третий мир, Запад обеспечивал его новую экспортную привязку к метрополии. Принятие концепта постиндустриализма на вооружение в качестве ориентира государственного целеполагания для России может иметь самые разрушительные последствия. Практически постиндустриализм означает разрушение связанного с отраслями реального производства фундамента экономики. Лишившись фундамента, дом неизбежно рухнет. При этом под его руинами окажутся погребены и отрасли сервисных направлений.

Жизнь за счет виртуальных сфер экономики, аккумулируемых в понятии сервис, – опасная иллюзия. Отказ от промышленного развития равносителен отказу от развития вообще. Это стали понимать и в самих США – «родине постиндустриализма». В некоторых экспертных кругах, уже выдвигается концепт реиндустриализации США. И в это самое время известные российские экспертные группировки – ИНСОР, ВШЭ рассматривают путь постиндустриализма для России и мира безальтернативным. Что это – неосведомленность о современном состоянии мирового дискурса или идеологическая ангажированность?

В этой связи важно сказать со всей определенностью: путь постиндустриализма для России – это путь к закреплению технологического отставания и, в конечном счете, к остановке развития. Необходимо идти в ином направлении, в направлении освоения нового высокотехнологичного уклада. К сожалению, Россия «застряла» в пятом технологическом укладе (ТУ), к тому же, не успев его полностью освоить и внедрить. Сегодня речь идет не о наверстывании упущенного, а об опережающем рывке в шестой ТУ. Но это не произойдет само собой. Это может стать следствием только точных, выверенных государственных решений по поддержке сбалансированных масштабных межотраслевых проектов, к числу которых относится и обсуждаемый в настоящем докладе проект.

Еще раз подчеркнем, что многие ошибки государственного управления программируются принятием ошибочных научных концептов. Зачастую эти ошибки подсказываются извне, со стороны геополитических противников и экономических конкурентов. Принятие таких концептов властью обеспечивается соответствующим информационным продвижением, искусственным созданием соответствующих научных авторитетов.

Россия в пространстве смыслов

Наряду с экономическим содержанием, в жизни есть и неэкономическая, духовная составляющая. Духовная составляющая, это не только религии, но и весь спектр нематериальной культуры народа, его история, язык, особенности менталитета, представления о справедливости, его моральные идеалы. Игнорирование этой – самой главной – стороны жизни при разработке стратегии жизнедеятельности государства, приводит, в конце концов, к утрате смысла существования народа, что заканчивается его исчезновением, растворением в других культурах.

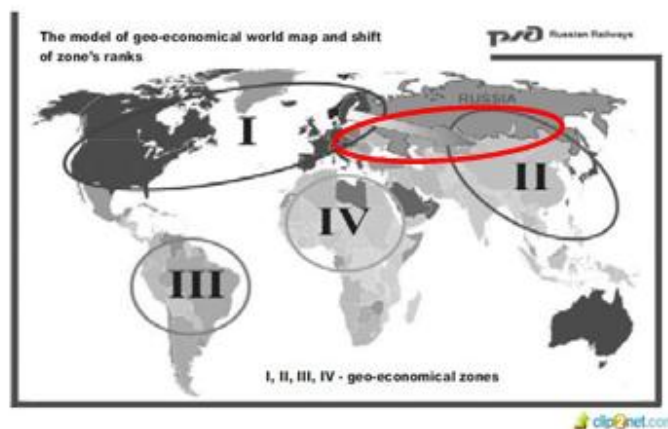
Тысячелетнее существование России, те сложные трансформации своего бытия, апробирование различных моделей существования, эмоциональная и ментальная память, материальные и нематериальные богатства – все вместе позволяет говорить о России как о самобытной цивилизации. В относительно небольшой по историческим меркам период – немногим более 100 лет – Россия настойчиво движется вперед не как просто большая страна, а как цивилизация, находящаяся в окружении других четырех мировых цивилизационных центров: европейского, мусульманского, китайского и японского. Дружественная индийская цивилизация сейчас территориально отделена от России, латиноамериканская на пути складывания, а североамериканскую мы рассматриваем как часть европейской.

Наступил период, когда свое будущее Россия должна выстраивать в качестве самостоятельного цивилизационного центра, вступающего в новый фазис интеграционных взаимодействий с другими центрами, осознанно формируя при этом собственный самобытный путь, опираясь при этом на свою ценностную матрицу.

Идея о том, что Россия должна стать интегратором на Евро-Азиатском континенте (на рис. 1 – красный овал) нами была выдвинута в 2009 г. Эта идея означает альтернативу ситуации «яблока раздора» между конкурирующими центрами и закладывает представление о возможности интегрального проекта солидарного развития всех цивилизационных центров вокруг России как государства-цивилизации.

Рисунок 1

REPOSITIONING FOR THE FUTURE: NEW OPPORTUNITIES
 Main points from a Report by V. Yakunin, President of RZD, at
 the Russia–Singapore Business Forum, September 29, 2009

Что есть развитие?

Фактически мир стоит перед выбором, каким образом, какой экономической моделью будет наполнена идея солидарного развития в Евразии. Одновременно это и принципиальный вопрос о механизме взаимодействия между разными странами в современных условиях. На каком языке, на основе каких представлений будут вырабатываться и проводиться в жизнь управленческие решения глобальных игроков в мировой экономике, включая Евразию.

Совершенно очевидно, что язык неолиберальной модели больше не работает. Ни у нас, ни в странах Запада. Эта ситуация концептуального тупика убедительно показана в исследовании МОФ «Диалог цивилизаций» под названием «Будущее человечества».

Если неолиберальным экономистам надо «идти в первый класс» и с нуля осваивать новую экономическую науку, которую еще предстоит создавать, то это означает, что надо пересматривать всю иерархию «развитых и развивающихся стран», которая сложилась на основе неолиберальной экономики. Требуется исправление имени самого слова «развитие». И требует пересмотра вся модель взаимоотношений между «развитыми» и «развивающимися» странами. Специфика экономических представлений, доминирующих на Западе и переносимых в качестве «переднего края цивилизации» на Восток, состоит в том, что категория «развития» как изменений качественных выхолощена и вытеснена категорией «роста» как изменений количественных. Имеется достаточно много фактов, чтобы утверждать, что искажение сути «развития» имеет давнюю историю и далеко идущие последствия, эхо которых сказывается по сей день.

Вопрос – «что есть развитие» – далеко не праздный и не отвлеченно-теоретический. Все политики, каких бы взглядов они ни придерживались, каковы бы ни были их истинные цели – говорят о развитии и предлагают не только свои пути и методы развития, но и свои признаки, критерии развития. К сожалению, очень часто в результате применения этих методов и следования этим признакам, обществу приходится пожинать печальные плоды: распад государства и деградацию всех сфер жизни, политическую, экономическую и духовную зависимость от чужих и чуждых интересов. Вторая опасность состоит в том, что люди в большинстве своем уверены, что смысл слова «развитие» и так всем понятен, причем понимается всеми одинаково. Это трагическое заблуждение приводит к тому, что огромные массы людей вовлекаются в губительные для них же процессы, не отдавая себе отчет в том, что роют себе могилу, а не возводят фундамент будущего благополучия.

Мы считаем, что признаком развития может и должно служить движение общества к наиболее полному воплощению и практической реализации своих идеалов, системы ценностей, выработанной социумом на протяжении всего своего существования, и осознаваемого как историческое предназначение.

Различение роста и развития

Политика экономического роста является краеугольным камнем и основой монетаристского либерализма. Поскольку линейный характер роста прежде всего и задаётся денежными показателями **количественного увеличения прибыли**. Политика развития предполагает выход за рамки денежных показателей к определению действительного предмета

преобразования, обеспечивающего **качественное изменение** сегодняшнего мирового экономического хозяйства.

Сегодня сложилась деформированная ситуация, когда само «развитие» сводится к подтягиванию «развивающихся» стран к уровню стран «развитых». Тогда как это «развитие» целиком растворилось в таком представлении как «экономический рост».

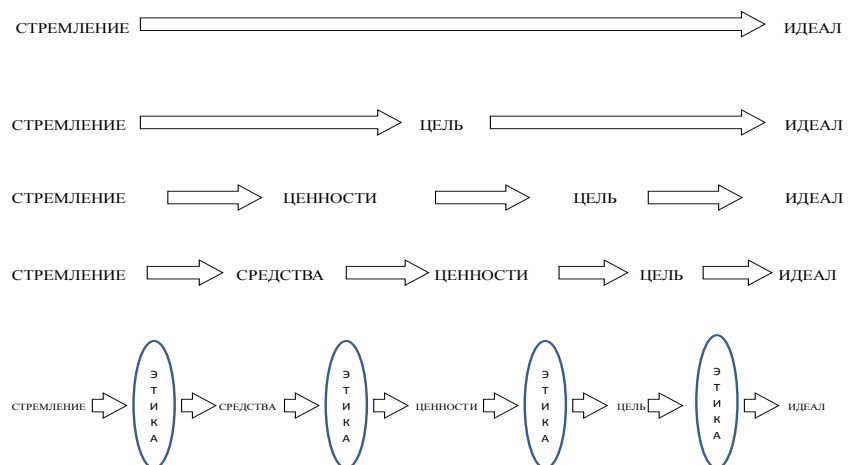
Если ввести другой признак различия стран, например, западные и незападные, то подтягивание незападных стран к стандартам экономики западных стран отнюдь не означает «развитие».

Если Россия всерьез рассчитывает восстановить свою глобальную субъектность, то она должна предложить принципиально новую для современного мира модель управления. Следовательно, необходимо выдвижение некоей экономической альтернативы. Она может позиционироваться как особый идеологический призыв к миру. В общих чертах такую модель можно характеризовать как «экономику духовного типа». Хозяйственная деятельность в ней есть не самодостаточная, а подчиненная высшим духовно-нравственным критериям общества сфера.

Постановка целей с учетом и на основании ценностей

Одной из важнейших категорий, используемых при анализе общественных процессов, является категория «ценностей». Опуская в докладе описание долгого и незавершенного пути, пройденного этим понятием от Платона и Гегеля до Сартра, Хайдеггера и других современных мыслителей, обратим внимание на механизм формирования ценностей и целей не только в процессе деятельности людей, но и при принятии управленческих и политических решений. Алгоритм можно представить в виде схемы.

Схема 1

Таким образом, первичным является одновременное возникновение идеала и стремления к нему. Идеал (образ), к которому не возникает стремления, не является идеалом. Идеал на первой, часто инстинктивной, стадии этически нейтрален: он не «плох» и не «хорош» и вообще может формироваться в виде эмоционально-чувственного образа с неопределенной семантикой. Смысловое оформление идеала – интеллектуальное, вербальное, семантическое и др. – возникает на стадии осознания и формулирования цели. Лишь на третьей стадии формируются материальные ценности – как качества ресурсов, условий и правил достижения цели, ведущей к идеалу. Алгоритм завершается «инвентаризацией» имеющихся и желательных средств достижения цели.

Все элементы и стадии этого алгоритма важны, но следует обратить внимание на то, что и формирование идеала, и определение цели, и выбор средств осуществляются под влиянием не только потребностей, но и этических норм, «фильтрующих» каждую стадию алгоритма. Этические, нравственные нормы – это и есть та «матрица ценностей», тот духовный мир, которым и определяется содержание и смысл жизни. «Матрица ценностей» присутствует в сознании (в том числе и в общественном сознании) как «продукт» прежних алгоритмов и, в этой связи, восприниматься как «объективно существующие», но могут формироваться и заново в рамках вновь возникшего идеала и соответствующего алгоритма.

Специфика предлагаемого нами подхода заключается в принятии исходного для управленческого проектирования понятия «ценностная цель». Введение категории ценностных целей в научный и управленческий оборот совершенно необходимо для преодоления традиционной объяснительной модели экономики, опирающейся на абстрактный образ «экономического человека». Предлагаемый новый подход к экономике состоит во введении в нее категории «ценность», которая в явном виде вводится в цепочку проектирования государственной политики.

Рисунок 2

Именно через блок «ценностей» происходит утрата государственной субъектности, утрата цивилизационной идентичности. Троянским конем в блоке ценностей и стал «экономический рост» как самодовлеющая ценность экономизма, человека «экономического».

Это принципиальный момент для принятия управленческих и политических решений.

Цели должны ставиться на основе определённых духовно-нравственных ценностей.

Ценность роста и её основание – количественное увеличение прибыли – это мир материальных ценностей и он задаёт один тип целей, преимущественно, потребительских. Ценность развития и её основание – качественное усложнение общества и сфер деятельности, его духовный рост – задают другой тип целей, неразрывно связанный с ценностной матрицей и этическим выбором. Не случайно мы наблюдаем сегодня стремительное упрощение и деградацию в тех сферах, которые руководствуются показателями количественного роста, измеряемого в деньгах.

Важно понимать, что **Развитие – это внеэкономическая, надэкономическая категория.** Будучи вставлена внутрь экономизма и подчинена экономизму как определенному типу ограниченного мировидения, развитие перестает отличаться от понятия роста, и отождествляется с ним. В доминирующем сегодня типе экономического мышления развитие и рост употребляются через запятую. Развитие – это объемлющий оператор, в рамках которого осуществляется рост. **Развитие не отменяет рост, но задаёт требования на нужный нам рост, в том числе, и прежде всего – духовно-нравственный, качественный рост социума.** В этом смысле развитие осознается как позитивная ценностная категория.

Нам необходимо не зашоренное экономическое мышление, идущее от бухгалтерских показателей бюджета частной корпорации, субъекта федерации или государства в целом. Необходимо надэкономическое мышление *Развитием*, идущее от реалий усложнения общества, появления его новой формы организации, создания новых индустрий, новых городов, новых проектируемых стилей жизни. Только такое государственное управление способно всколыхнуть российское общество и повести его за собой.

Для восстановления субъектности России как государства–цивилизации в упомянутую цепочку управления необходимо вводить такую ценность как «РАЗВИТИЕ».

Вопрос о взаимодействии «развитых» и «развивающихся» странах становится центральным для будущего евразийского пространства. Что будет взято за основу освоения цивилизационной вакансии Евразии – «экономический рост» или «развитие»?

Важно при этом иметь в виду, что ключевые документы стратегического развития США, Западной Европы, Японии нацелены на обеспечение экономического «роста».

Такое надэкономическое целеполагание, реализующее перспективу развития России – как цивилизационного ядра – и интегрированными с ним ареалами от Тихого океана до Атлантики, о котором говорил В.В.Путин, воплощено в проекте Транс-Евразийский пояс «RAZVITIE» (ТЕПР).

Чтобы не было путаницы с «развитием», употребляемым в обширной западной экономической литературе, в официальных документах стран Запада, и нашим пониманием «развития», поскольку английское *development* не покрывает содержание понятия *развития*, мы выделяем русское слово «развитие» латиницей: RAZVITIE.

Мегапроекты как один из алгоритмов развития России

Россия на протяжении своей истории осуществила несколько рывков в своем развитии, каждый из которых можно рассматривать как мегапроект. Причем сфера «проектирования» собственной судьбы всегда выходила за рамки чисто экономического прагматизма. Начиная с принятия христианства – духовного «мегапроекта», – через титаническое собирание русских земель вопреки междоусобицам, ордынскому игу и т.д. – Россия осуществила грандиозный имперский мегапроект Петра Великого, осознала себя как «Третий Рим», осилила масштабный коммунистический проект, создала развитую промышленность, систему образования, здравоохранения и национальной безопасности.

Мегапроекты – не случайный выбор страны и народа, а ее глубинное свойство, способ развития. Проект строительства Транссиба в свое время дал огромный толчок к развитию не только прилегающих регионов, но и целых отраслей промышленности. В нашем недавнем советском прошлом было реализовано немало успешных больших проектов, оказывавших позитивное влияние на жизнь народа не только в рамках одной отрасли. Таковы, например, проекты ГОЭЛРО, атомный проект, развитие авиационной промышленности, железнодорожного транспорта, систем телерадиокоммуникаций и т.п. И современная Россия готова и стремится к продолжению русской традиции развития через реализацию крупных инфраструктурных, промышленных и духовных проектов.

Среди современных духовных проектов не только возрождение православия и других религий, но и осознание цивилизационной роли, места России в мире, чему в немалой степени способствует деятельность МОФ «Диалог цивилизаций».

Среди недавних успешных больших инфраструктурных проектов – создание спортивно-рекреационного кластера и проведение Зимних Олимпийских игр в Сочи, развитие инфраструктуры на Дальнем Востоке для проведения форумов АТЭС, строительство автомобильных и железных дорог. Крупными инфраструктурными проектами является стремительное расширение сети телекоммуникаций, развитие интернета. Нельзя не упомянуть и проект по развитию высокоскоростного железнодорожного транспорта.

Все эти проекты являются важными, развивающими страну, улучшающими жизнь населения. Однако Россия сегодня готова к настоящему мегапроекту, который позволит вырваться в пространство нового качества жизни, в новый промышленно-технологический уклад.

Транс-Евразийский пояс «RAZVITIE»

Проект предполагает формирование на территории Сибири и Дальнего Востока важнейших составляющих нового техно-промышленного и социо-культурного уклада. Принципиальными элементами этого уклада являются интегральная инфраструктурная система (мультиинфраструктура). Она объединит транспорт, энергетику, телекоммуникации, транспортировку воды, нефти и газа, обеспечит создание новых отраслей промышленности и новых научно-технологических и инженерных городов вдоль БАМа и Транссиба.

Пояс «RAZVITIE» является принципиально новым геоэкономическим, геополитическим и геокультурным концептом. Он отличается от понятий «страновой мост» и «коридор развития», которые включаются внутрь этого концепта и выступают в виде отдельных ас-

пектов понятия пояс RAZVITIE. Геоэкономическая новизна состоит в формировании **нового полюса генерации общественного богатства**, заметного на фоне имеющихся мировых экономик. Геополитический аспект предполагает создание **новой формы международного сотрудничества** в совместном стратегическом планировании и неиндустриальном освоении значительных территорий. Наконец, геокультурный аспект заключается в проявлении **евразийского мировоззрения**, основанного на **цивилизационной идентичности и диалоге цивилизаций** между представителями, имеющими разные цивилизационные идентичности.

Реализация этого проекта предполагает, что **развитие понимается как ценность и одновременно предмет кооперации** и солидарного взаимодействия различных стран. Страны, которые готовы запустить планетарные процессы развития, собственно и способны вытащить мир из застоя и кризиса, не допустить разрастание международных конфликтов в новую мировую войну.

Ценностью является не просто преобразование некоторого социального процесса, но резкое расширение возможностей и отдельного человека и всего человечества. Это расширение возможностей определяется получением новых знаний о принципах и эффектах физических природных процессов, социальных процессов, созданием новых технологий, развитием способностей и компетенций человека, созданием новых социальных институтов.

Развитие – это всегда совокупное взаимосвязанное развитие знаний, технологий, институтов и человека – подъём уровня его сознания, развитие его способностей. Принципиальным моментом является расширение доступа к новым возможностям всё большего количества людей, в пределе всего человечества. Именно в этом пункте – **в контроле за доступом к возможностям развития – ценность развития начинает превращаться в политическую категорию**. И это не политэкономическая абстракция: совершенно конкретным и успешно реализованным **механизмом развития являлся трансфер институтов фундаментальной науки, образования и промышленности из России в другие республики Советского Союза**.

Интегральная инфраструктурная система

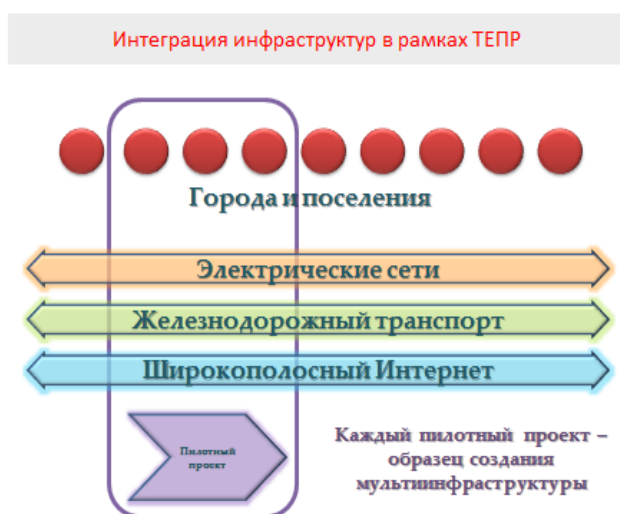
Интегральная инфраструктурная система – основа перехода к новому техно-промышленному укладу и модернизации страны. Важным шагом в этом направлении является создание мультиинфраструктуры – гибкого единства транспортных, энергетических и телекоммуникационных инфраструктурных систем (включающих космос и спутники). Это нужно не только для того, чтобы облегчить таможенные барьеры для обмена между государствами имеющимся ассортиментом продукции. Не менее важно запустить новую масштабную индустриализацию по производству принципиально новых товаров, услуг, технологий, на основе советского и мирового опыта, и исходя из понимания тех реальных процессов, которые сегодня происходят в мире.

Необходим выход за ведомственно-отраслевой характер российской экономики. Должен быть осуществлён переход от моноотраслевых проектов к межотраслевым проектам, **от проектов исключительно строительства инфраструктуры к проектам использования инфраструктуры**. Если, например, проект начинает РЖД, то она втягивает в свою ор-

биту практически все основные, образующие основу российской экономики корпорации. Инфраструктурный инициатор (например, РЖД), запуская межотраслевой и надотраслевой проект ТЕПР, является проводящей системой для инвестиций в комплексные проекты: заказы на создание узлов мультиинфраструктуры будут поступать в энергетические, телекоммуникационные и машиностроительные предприятия. Элементы интегральной инфраструктуры:

- обеспечивают связь сегодня разделённых и разрозненных инфраструктурных услуг (транспорт, энергетика, телекоммуникации, транспортировка воды).
- обеспечивают синтез информации обо всех типах потоков, движущихся через данную инфраструктуру – энергии, товаров, людей;
- увеличивают не только мощность потока энергии через интегративный инфраструктурный канал, но и КПД;
- позволяют в реальном времени координировать взаимодействие множества пользователей инфраструктуры, изменяющих свои запросы и решения.

Рисунок 3

ТЕПР означает формирование огромного внутреннего спроса: только железнодорожный транспорт обслуживают 19 отраслей, а сколько их будет для интегральной инфраструктуры в целом! Развитие железных дорог влечет ускоренное развитие индустрии тяжелого машиностроения, дизелестроения, электротехники, создание новых материалов, средств коммуникаций и т.д. Любые хозяйственные системы, которые впускают внутрь себя «вирус инфраструктурной интеграции», и преобразуют себя на основе новых инфраструктурных решений – увеличивают капитализацию своих активов на порядок: формирование новых связей

на основе инфраструктурных решений – это создание принципиально новых возможностей, которые потом могут быть капитализированы. Интегративная инфраструктура – это рост комплексного социального капитала страны. Корпорации и целые сферы деятельности, которые связаны с новым социальным капиталом, естественно оказываются включёнными в более эффективный техно-промышленный и социо-культурный уклад.

Стратегическое планирование

Сегодня в России нет органа, способного выявлять приоритетные проблемы, планировать масштабные способы их решений, а затем отслеживать продвижение в их решении. У нас в лучшем случае существуют группы прогнозистов, но не группы планировщиков и постановщиков целей развития. Поэтому на основе проекта ТЕПР предлагается создать экспериментальный вариант планирующего агентства, способного управлять процессами развития на территориях реализации проекта.

Процедуры стратегического планирования в рассматриваемом случае начинают развёртываться с уровня создания крупных материальных инфраструктурных проектов как общей базы для различных корпораций. Подобный подход можно было бы назвать «Ситуационный Госплан снизу» или «Федеральная контрактная система снизу». В этом случае деятельность различных корпораций одной отрасли можно организовывать за счёт включения в общую систему контрактов по созданию ТЕПР. Для организации надотраслевого пространства ТЕПР необходимо сформировать системно-инженерную **матрицу связей циклов жизни контракта, проекта и актива**. Эта управленческая матрица является операциональным механизмом развёртывания ТЕПР в надотраслевом и надкорпоративном пространстве. Она позволяет конкретно связывать заказы на создание узлов мультиинфраструктуры и формы их дальнейшего использования группами потребителей.

Важно подчеркнуть, что Транс-Евразийский пояс «RAZVITIE» создаётся под наши собственные требования, когда нам необходимо развиваться в большом пространстве страны с небольшим числом населения, которое должно быть стимулировано к росту численности семей. Это совершенно иной тип движения в будущее, чем опора на естественный огромный прирост населения Юго-Восточной Азии.

Конкретизация целей развития в проекте ТЕПР

Во-первых, речь идёт о социально-экономическом развитии, которое предполагает **создание 10–15 новых индустриальных отраслей**, их локализацию и строительство вписанных в окружающую среду перспективных поселений. Именно эти создаваемые новые отрасли и определяют стратегические типы занятости с заявленной президентом В.В.Путиным необходимостью создания 25 млн продуктивных рабочих мест.

Во-вторых, предполагается **интеграция разделённых ведомственными перегородами инфраструктур и в виде единой мультиинфраструктуры**.

В-третьих, сам проект ТЕПР должен опираться на **привлекательность для западных корпораций и правительств**, предоставляя возможность выноса опережающего промышленно-технологического развития стран участников мегапроекта на Российскую тер-

риторию. Этот вынос может происходить по разным причинам – причинам отсутствия пространства, связанности ресурсов уже осуществляемыми экономическими планами и др. В этом случае на российской территории можно было бы совместно создавать нечто принципиально новое.

Наконец, четвёртый момент – **приоритет долгосрочного инвестирования в развитие любых масштабов с гарантированной возвратностью** для создания нового мирового полюса генерирования общественного богатства.

Принципы финансирования проекта ТЕПР

Необходима единая проблемно-проектная среда управления долгосрочными инвестициями. Нужен орган, разрабатывающий глобальную архитектуру сборки действующих игроков в цепочки формирования добавленной стоимости, планирования действия различных субъектов. Без создания подобной программы не получается ни развития, ни роста.

Основу данной среды обеспечивают специальные процедуры постановки проблем и перевода проблем в проектные задачи, обеспечивающие решение проблем. Очень важно понимать, что глобальные инфраструктурные проекты являются способом решения приоритетных проблем страны и континента. Постановка такой проблемы и предложения варианта её решения позволяет выйти за рамки экономической динамики существующих институтов, сделать шаг в новое будущее. **Фактически обнаружение реальной практической проблемы – это выявление зоны, где уже сейчас или в скором времени отсрочено перестают действовать механизмы власти.** Попытка решения проблемы и передача этого решения структурам власти – это форма восстановления властной вертикали, управляемости общественно-экономическими процессами.

Последний аспект исключительно важен, содержание грандиозного проекта ТЕПР немедленно вызывает у всякого вопрос: откуда возьмутся гигантские деньги на воплощение проекта в жизнь? Действительно, если говорить о Транс-Евразийском поясе RAZVITIE как о поселенческо-индустриальной полосе шириной 200–300 км вокруг транспортных и энергетических коридоров вдоль всей Евразии, то объём вложений должен достигать триллионов, а то и десятков триллионов евро.

Новые формы международного переговорного процесса

Основная характеристика данного проекта заключается в том, что он не может быть реализован без совместности. Без специальных многочисленных и многоуровневых процедур планирования и операционализации взаимодействий разных участников, прежде всего международных. **Этот проект специально вводится для того, чтобы выступить альтернативой доминирующим принципам глобальной экономической динамики, результатом которых и стал мощнейший финансово-экономический кризис,** и предназначается для того, чтобы направленно повлиять на изменение доминирующей экономической парадигмы.

Осуществление трансконтинентальных проектов, для которых необходимы подобные огромные инвестиции, оказывается возможным, если используется корзина валют. Точнее,

корзина нескольких фиат-валют, национальных денег, за которыми стоит вся мощь конкретного государства. Фиат-валюта определяется не золотовалютными резервами, а интегративной способностью государства довести масштабный проект до реализации. Это особенно хорошо становится понятно после Олимпиады в Сочи, поскольку ТЕПР на порядки сложнее тех задач, которые решались при строительстве объектов к Олимпиаде.

Возможность переосмысления связи между государством и обслуживающим его интересами финансовой системой опирается на использовании провидческих идей русского экономиста начала XX в. Сергея Фёдоровича Шарапова. Он утверждал, что стоимость денег определяется интегративной мощью государства, направленной на реализацию масштабных проектов, а стоимость самого рубля определяется мощью российской государственной власти.

В нашем случае мобилизационная мощь власти нескольких государств определяется их способностью разработать совместно глобальную архитектуру проекта. Именно знание о глобальном будущем как вполне достижимом и реальном, а не произвольное печатание необеспеченных бумажных купюр, определяет стоимость денег в современном глобально проектируемом мире. При подобном подходе ТЕПР позволяет вырваться из удушающей системы долларизованной экономики, которая грозит постоянной нестабильностью возникающим мировым рынкам таких стран, как Китай, Бразилия, Индия, ЮАР, Россия, Казахстан.

Пояс RAZVITIE как зона будущего для всего мира

В рамках пояса «Razvitie» предполагается выделить зоны, на которых будут создаваться индустриально-промышленные системы, инфраструктурные решения, формы поселений, которых не существует в настоящее время нигде на земном шаре, и которые задают следующий шаг развития возможностей человечества. К работе на этих экспериментальных «футурозонах» могут быть приглашены исследователи, разработчики, архитекторы, у которых есть заслуживающие внимание сумасшедшие идеи прорыва человечества в будущее, которые пройдут через самую требовательную и серьёзную комплексную экспертизу. И главное – российская и мировая молодёжь!!!

Принципиально важно превратить ТЕПР в мировую футурозону. С этой точки зрения, Транс-Евразийский пояс может стать формой мобилизации системной промышленности и практико-ориентированных проектных разработок Евросоюза, Японии, Китая и Кореи.

ТЕПР должен быть основан на опережающей, а не догоняющей индустриализации. Мы заинтересованы в создании принципиально новых, прорывных технологий, формирующих инфраструктуру следующего техно-промышленного уклада – термоядерную и солнечную энергетику, наноматериалы, композиты, лазерные станочные агрегаты, космические двигатели, биофотонические системы, системы транспорта на магнитном подвесе.

Речь идёт о технологических узлах, соединяющих в своей организации 3, 4, 5 новых открытий. В научных центрах на постсоветском пространстве – в Республике Казахстан, Беларуси и России есть решения по всему спектру подобных направлений. Но постсоветская практико-ориентированная наука, имеющая экспериментальные решения, сегодня ещё больше, чем советская наука, оторвана от крупносерийного производства. В силу институци-

ональной отсталости промышленных систем, а также разрушения проектных и прикладных институтов.

Поэтому необходима интеграция российских, белорусских и казахстанских научных разработок – и институциональных систем западной промышленности будущего (включая интереснейшие технологические решения в Японии и Корее). В контуре подобных инновационных групп могут определяться условия превращения научных открытий в конечные технологии «под ключ». Такие технологии, которые вставлялись бы в новые инфраструктуры за счёт деятельности любых корпораций в соответствии с технологическими стандартами.

Страновые, международные и планетарные рамки проекта ТЕПР

ТЕПР с точки зрения авторов этого проекта является гибким единством внутрисканового и международного планетарного действия. Поэтому данный проект одновременно рассматривается в четырёх рамках.

Рисунок 4

Внутрискановая рамка. ТЕПР как способ смены доминирующей сегодня в России экспортно-сырьевой модели экономики на модель опережающей реиндустриализации, соответствующей потребностям начала XXI в. Обычно инфраструктурное развитие рассматривается как вспомогательное и обеспечивающее для промышленной политики и бизнеса. В данном случае предполагается наоборот – за счёт опережающего формирования инфра-

структуры следующего поколения сделать инфраструктурное освоение территории резервуаром накопления новых технологий. Фактически – речь идёт о создании территориально выделенного плацдарма опережающего технологического развития, откуда новые технологические решения будут диффундировать, и распространяться в другие области при специальном их сопровождении.

Рамка структуризации Евразийского Союза. В этой рамке ТЕПР выступает как средство территориальной реорганизации и переструктуризации пространства Евразийского Союза. Выделяются стыковочные регионы внутри Евразийского Союза и Евразийского Союза с другими странами, которые обеспечивают координацию разных темпов и уровней социального развития для преодоления эволюционно сложившихся расхождений. На территории Евразийского Союза планируется территориальное размещение ядер нового технопромышленного и социокультурного уклада. С этой точки зрения, ТЕПР – это не только транспортно-транзитный коридор, не только «труба» для перекачивания дешёвого ширпотреба из Китая в Европу через пространства Евразийского Союза. ТЕПР – это зона новой индустриальной технологической революции, связанной с использованием прорывных технологий в создании интегративных инфраструктур, промышленных кластеров и новых поселений.

Трансконтинентальная рамка ТЕПР как организация пространственных взаимодействий международных участников проекта: Евросоюза, Китая, Японии, Кореи, Монголии. ТЕПР – это особый способ организации евразийского пространства, в котором **«не Россия находится между Европой и Азией, а Европа и Азия находятся слева и справа от России»**. Другими словами, роль России не сводится к капитализации ее транзитного потенциала, а к формированию нового очага генерации общественного богатства на основе **со-развития** с участием всех цивилизационных центров, соседствующих с Россией.

Наконец, в **четвёртой, планетарной рамке** ТЕПР рассматривается как новая интеллектуально-управленческая **платформа Razvitie**, которая обнаруживает общие условия действия на разных континентах. В форме Транс-Евразийского пояса Razvitie для Евросоюза, России, Китая, Японии, Индии, Кореи, Казахстана, Украины, Белоруссии, стран СНГ. В форме Транс-Латиноамериканского для Бразилии, Колумбии, Чили, Перу, Аргентины, Транс-Африканского для ЮАР, Анголы и других стран континента. И даже Евразийско-Американского, предполагающего соединение Аляски с Чукоткой. Эта платформа Razvitie позволяет осуществлять на разных континентах совместное продвижение трансконтинентальных проектов. В складывании этой рамки и накоплении знаний в этой области трудно переоценить роль МОФ «Диалог цивилизаций».

Заключение.

Большое Дело как условие цивилизационной идентичности России

Но кто будет субъектом этих грандиозных преобразований? Речь идёт не о теоретической или прикладной социологии с высчитыванием уровней дохода, образования, политических предпочтений, рода занятий отдельных групп населения. Речь идёт о формировании задачи Большого Дела, которая сможет привлечь людей, и инициировать их самоопределение.

Упомянутые четыре рамки проекта ТЕПР сквозным образом опираются на представление о солидарном развитии, вытекающем из цивилизационной идентичности России. Инфраструктурные приоритеты создают условия для формирования в России общества Развития, уникальной социальной системы, основанной на цивилизационной идентичности. Проект ТЕПР позволяет формировать на этой основе новые принципы и цели социально-экономического развития. Восстанавливать в обществе дух творчества, исканий и победы.

Общество развития в России – это новые типы перспективной занятости для реализации проектов ТЕПР. Они представлены в виде новых типов и семейств профессий. Это новые молодёжные города, новые технологии транспорта, энергетики, производства здоровой пищи и материалов, телекоммуникаций, но одновременно это и новые перспективные стили жизни, работы, досуга, семейного бизнеса. Ядро общества развития – это Российский человек, способный осознать свою цивилизационную идентичность, связанную задачами развития страны, общества, места жизни и планеты.

Сегодня цивилизационная идентичность российского человека может быть введена именно через идею RAZVITIE¹⁴¹. При анализе проблем идентичности, самоопределения и идентификации необходимо различать гражданскую, этнонациональную, конфессиональную и цивилизационную идентичность. В каждой из этих областей есть свой набор проблем и свои варианты их решения. Ни этнонациональная, ни гражданская, ни конфессиональная идентичности не могут быть иерархически доминирующими и определяющими при проведении культурной политики российского государства, формировании государственной идеологии.

Ведущим типом является **цивилизационная идентичность** Российского человека, определяющего традицию существования Российского государства-цивилизации. В рамках этой ведущей идентичности находится место для раскрытия и обнаружения многогранных форм самоопределения этносов, конфессий, гражданских групп в соответствии со всеми другими типами социокультурных традиций. Именно цивилизационная идентичность Рос-

¹⁴¹ В чём собственно «русский» социокультурный подход к идее RAZVITIE, отличающийся от “development” или китайского «фаджань»? Полноценный принцип развития, вытекающий из специфически «русских» факторов может быть сведен к пяти важнейшим реальным характеристикам: а) русская наука – создание неизвестных технологий на основе новых физических принципов и эффектов фундаментальной науки, создание новых индустрий и кластеров, нового опережающего техно-промышленного и социо-культурного уклада; б) русская инфраструктура – создание на территориях мультиинфраструктуры, объединяющей мультиагентскую интеллектуальную энергетику, умный транспорт, проактивные телекоммуникационные сети; в) русская Гардарика – создание новых научно-технологических городов, формирующих социокультурную среду развития, создающих новые знания, технологии и новый перспективный стиль жизни, обеспечивающих переселение страны; г) русские финансы – долгосрочные инвестиции в развитие инфраструктуры, кластеров, поселений на основе формирования корзины фиат-валют; д) создание своеобразного национально-ориентированного международного сетевого класса RAZVITIE, способного к самоорганизации на основе предъявления ценностной вертикали развития и создания трансконтинентальных схем управления развитием.

сийского человека создаёт условия для цветущей сложности и многообразия государственного устройства России.

Самоубийственным для российского государства-цивилизации является превращение этноконфессионального самоопределения, национально-этнического, гендерного или гражданского активизма в форму доминирующей исключительности. Более того, именно цивилизационная идентичность российского человека является определяющей для формирования суперэтноса, который станет субъектом нового формирующегося государства – Евразийского союза.

Важнейший вопрос – та ценностная матрица, которая определяет это цивилизационное своеобразие России. На наш взгляд, важнейшие ценностные фокусы российской цивилизации – это человеческое достоинство, основанное на примате духовных принципов над материальными, служение wybranым идеалам и планетарным целям, справедливость и братство. Именно интеграция этих ценностей в единую ценностную матрицу позволяет отличить принцип формальной свободы в виде прав и свобод индивида, навязываемых сегодня всему миру западной цивилизацией, прежде всего США, от духовной свободы, связанной с сохранением братской общности народов, реализующих цели развития. Удушающий национализм, провоцируемый у русского народа, как раз и направлен на то, чтобы лишить его возможности осуществить цивилизационное служение, связанное с утверждением России как цивилизации Развития.

Идея развития не является политехнологическим сиюминутным «новоделом», пере­чёркивающим самоопределение на основе тысячелетней традиции Российской государственности, конфессиональных и этнических традиций, исторических инициатив гражданского самоопределения. Идея взрывного RAZVITIE не противостоит традиции. Существование в традиции требует непрерывного духовного творчества. Традиция и существует как неотрадиционализм, как постоянный творческий акт, а не как пустая непродуктивная имитация и повторение чужого творчества.

Превращение развития в государственную стратегию и общественную идеологию предполагает выход за узкие рамки экономизма к широкому взгляду на общественные процессы. Общественное развитие является практикой идеологии развития. Именно в общественном развитии России заключены огромные резервы. Разбитая на ведомства, экономика является плохо функционирующей машиной, которую можно собирать и разбирать. Но в ней нет органического момента самодвижения. Для инициации общественного развития и в дальнейшем саморазвития необходимо инициировать формирование общества RAZVITIE.

Человек RAZVITIE – это прежде всего русский человек, готовый к планетарному Большому Делу, который существует в обществе RAZVITIE. **Общество RAZVITIE подталкивает к необходимости отказаться от принятого в политологии членения стран на развитые и развивающиеся.** Развитого общества не существует. Основу всякого общества составляет – саморазвитие, самодеятельность, предметом которой становятся узкие тесные рамки сложившихся институтов, которые необходимо преобразовывать. **Общество, которое надменно посчитало себя развитым, подвержено опасности впасть в стагнацию.**

У России есть все шансы превратиться в общество RAZVITIE, но есть и опасность проспать, пропустить время МИРОВОГО РАЗВИТИЯ. Мы живём в период смены картины мира, когда закладываются совершенно новые и непривычные представления о его уст-

ройстве и движущих силах. Но эти новые представления будут определять жизнь людей в течение ближайших десятилетий и столетий. Это обсуждалось на форуме «Диалог цивилизаций 2013 г. Время картины мира».

Развитие – это сложный акт собственного творчества, который возможен только на фундаменте традиции, в традиции мышления, в традиции русских научных школ и инженерных обществ, в традиции общественного продвижения на новые территории к новым рубежам. Практика развития связана для нас прежде всего с реализацией проекта Транс-Евразийского пояса RAZVITIE. Таким образом, идея RAZVITIE является способом конституировать себя в традиции с одновременным предъявлением масштабного дела.

Проект ТЕПР как практическая реализация идеологии развития не только не дает превратить традицию Российской государственности и поместить её в американский музей, но восстановить Россию в числе субъектов новой конфигурации цивилизационной карты мира.

Рисунок 5

Миссия России как государства-цивилизации сегодня состоит в формировании на евразийском пространстве нового очага генерации мирового общественного богатства на основе интегральной инфраструктуры нового поколения. Средством реализации такой миссии России является проект ТЕПР как интегральный проект солидарного развития всех цивилизационных центров вокруг России.

Выводы

Подведём основные итоги. Прежде всего, речь идёт о формировании ареала стран парадигмы Развития по оси Транссиба. По сути, это создание альтернативы неолиберальной парадигме глобального доминирования. Для нашей страны ТЕПР означает реиндустриализацию, привлечение трудовых ресурсов в Зауралье и на Дальний Восток, активное переселение территории страны. Оценочный прирост ВВП будет иметь порядковую кратность, поскольку намечаемая реиндустриализация будет основана на перевоспроизводстве всей технологической инфраструктуры Транссиба, а затем и страны на основе новых научных решений. Не менее важно, что это Большое Дело – основа для цивилизационного самоопределения населения страны.

В докладе представлена научно-практическая *концепция* проекта нового *типа*, а именно интегрального по внутренней структуре и солидарного по внешней форме реализации: интегрально-инфраструктурного и солидарно-цивилизационного одновременно.

На примере этого типа проекта демонстрируется новый подход вообще к постановке целей развития РФ, в корне отличающийся от традиционного целеполагания.

Смена подхода определяется, с одной стороны, объективными внутренними потребностями и внешними обстоятельствами развития РФ, а с другой – их осмыслением в виде постановки Президентом РФ конкретных стратегических задач развития. То есть внутренней и внешней политической логикой развития страны на современном историческом этапе.

Главные черты и принципиальные отличия этого подхода:

– переход от развития внутренних территорий разных стран на основе проектов развития внутренней инфраструктуры этих стран к развитию этих территорий на основе проектов солидарного развития трансконтинентальной инфраструктуры;

– идеология развития территорий не на основе экономического роста (т.е. роста экономических показателей), а на проектной основе включения этих земель в развитие трансрегиональной, трансстрановой и трансконтинентальной инфраструктуры;

– в рамках этой идеологии экономический рост не упраздняется совсем, а только встает на своё законное место и является подчинённым показателем (и одним из них) успешности реализации проекта;

– проектирование разных по своей природе типов инфраструктуры (социокультурной, технологической, инновационной, промышленной, финансово-инвестиционной, внешней и внутренней безопасности, политической), интегрированных в единый комплекс;

– солидарное (т.е. одновременно совместное, взаимно поддерживающее, согласованное) развитие, прежде всего, тех территорий, которые лежат между концевыми (оконечными) точками этой инфраструктуры;

– таким образом, такого рода инфраструктурные проекты – это не очередные проекты развития транзитных инфраструктур или инфраструктур освоения месторождений сырья, имеющих узконаправленный, узкоспециальный характер, а проекты создания инфраструктуры следующего уровня человеческой цивилизации, связанного с солидарным развитием разных стран, народов, культур.

Такого типа проекты меняют сам вектор мирового развития:

– от углубления глобального неравенства на основе развития транзитной и сырьевой (т.е. сквозной и выкачивающей) инфраструктуры с перспективой дальнейшего ухода в отрыв существующих сегодня полюсов создания общественного богатства к принципиальному отказу от системы глобального неравенства за счёт реализации проектов солидарного развития стран, народов, культур на основе интегративной трансконтинентальной инфраструктуры.

ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Постановка проблемы

Научное управление обществом невозможно без системы достоверных данных, получаемых в ходе измерения социальной реальности, т.е. социальных показателей и индикаторов¹⁴². В их основные функции входит: мониторинг, прогноз и информирование общества¹⁴³. Мониторинг общественного развития и прогноз его тенденций является необходимым элементом социального конструирования, направленного на предупреждение негативных и создание желательных последствий. С другой стороны, благодаря информационной функции социальных показателей и индикаторов общество получает в свои руки мощный инструмент оценки качества принимаемых управленческих решений.

¹⁴² В отечественной литературе не проводится четкого различия между социальными показателями и социальными индикаторами. В зарубежной англоязычной литературе термин “social indicators” (который можно перевести и как «социальные показатели», и как «социальные индикаторы») используется в двух основных значениях: в широком смысле он относится к любым показателям функционирования социетальной системы, а в узком - именно к социальным (немонетарным) параметрам, характеризующим доступ к определенным общественным благам. В этой работе мы будем пользоваться термином «социальные показатели» для передачи первого (широкого) значения, сохраняя термин «социальные индикаторы» для второго (узкого).

¹⁴³ Social indicator models. K.C.Land and S.Spilerman eds. N.Y., 1975. P.12–14.

Особый характер инструментов измерения социальной реальности определяется сложностью измеряемого объекта. Социальная реальность представляет собой многомерный феномен, который лучше всего концептуализируется в виде двух пересекающихся континуумов: субъективно-объективного и микро-макро¹⁴⁴. С одной стороны, социальная реальность является объективацией субъективных действий людей, т.е. субъективно-объективным феноменом. Вместе с тем она также является непредвиденным последствием совокупных действий множества индивидов, каждый из которых действует в собственных интересах, т.е. представляет собой сочетание аспектов «микро» и «макро». Соответственно, адекватное измерение социальной реальности требует учета ее многомерности.

Субъективно-объективный характер социальной реальности предполагает, что в дополнение к объективной стороне социальных явлений, которым традиционно уделяет основное внимание социальная статистика, должно также фиксироваться субъективное отношение к этим явлениям индивидов и групп. То есть социальные показатели и индикаторы должны давать представление не только об объективных условиях жизни людей (доход, жилищные условия, экология и т.д.), но также указывать на отношение людей к этим условиям (удовлетворенность, соответствие ожиданиям, желание изменений и т.д.).

Не следует также ограничиваться только системным аспектом социальной реальности, но необходимо оценивать также функционирование социетальных систем с точки зрения реализации интересов конкретных социальных групп. Как правило, под социальными показателями понимают любые статистические данные, относящиеся к социальному развитию без четкой дифференциации их характера. В этом плане представляется полезным провести различие между показателями уровня и показателями качества. Первые дают главным образом количественные характеристики условий социальных изменений, фиксируют общие направления процессов и относятся в основном к тому, что можно назвать «социальной инфраструктурой». Вторые же указывают на качественные характеристики происходящих изменений с точки зрения реализации социальных целей которая, в соответствии с Декларацией социального прогресса и развития ООН, должна способствовать «постоянному повышению материального и духовного уровня жизни всех членов общества при уважении и осуществлении прав человека и основных свобод»¹⁴⁵.

Таким образом, показатели качества выступают необходимым дополнением к показателям уровня, и вместе они образуют целостную систему социальных данных, которая позволяет с научной достоверностью судить как об общем направлении развития социальной системы, так и о конкретных условиях жизни людей.

Основные подходы

Указанные выше особенности социальной реальности нашли отражение в существующих в настоящее время подходах к ее измерению.

¹⁴⁴ *Осипов Г.В.* Введение в социологическую науку. М., 2010. С.97–98.

¹⁴⁵ Декларация социального прогресса и развития. Принята резолюцией 2542 (XXIV) Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1969 г. Глава II.

Сочетание объективного и субъективного подходов. Артур Пигу определял благополучие как показатель субъективного самочувствия человека, его удовлетворенности жизнью. С этой точки зрения, экономическое благополучие является лишь частью общего благополучия человека, которое также включает в себя такие факторы, как характер труда, окружающая среда, взаимоотношения между людьми, жилищные условия и общественный порядок. Пигу также принадлежит идея разделения количественных (измеримых) и качественных (неизмеримых) характеристик условий жизни¹⁴⁶.

Гуннар Мюрдаль в написанных в 1930–1940-х гг. работах выразил сомнения в правильности чисто теоретического подхода к проблемам благосостояния и утверждал, что представления о системе ценностей нужно считать составной частью всей экономической теории.

В исследованиях Франка Эндрюса и Стивена Уити¹⁴⁷, а также группы социологов Мичиганского университета во главе с Ангусом Кэмпбеллом¹⁴⁸ было введено понятие «качества жизни», которое, в отличие от уровня жизни, определяется не столько объемом общественного благосостояния, сколько субъективным восприятием индивидом условий жизни. Опираясь на теорию потребностей Абрахама Маслоу, американские исследователи предложили измерять удовлетворенность по трем основным категориям¹⁴⁹: «обладание» (материальный достаток), «отношение» (социальные связи), «экзистенция» (потребности самореализации).

В настоящее время в практике измерения социальной реальности существуют два основных подхода. Первый, делающий акцент на субъективных оценках людьми собственного благополучия, получил название «экономики счастья». Второй, который использует более традиционные объективные измерения условий жизни людей, характеризующие развитость общественной системы, правомерно назвать «экономикой развития»¹⁵⁰.

Обобщенный подход нашел отражение в интегральной концепции качества жизни, сочетающей в себе измерение как объективных условий, так и субъективных оценок жизни людей. С этой точки зрения, качество жизни понимается как степень удовлетворения объективных человеческих потребностей относительно индивидуального или группового восприятия благополучия¹⁵¹.

Подход с точки зрения способностей. Подход с точки зрения способностей был впервые сформулирован в 1980-е гг. Амартией Сеном¹⁵². В основе подхода лежит понятие функциональных способностей (capabilities)¹⁵³ вроде возможностей дожить до ста-

¹⁴⁶ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.

¹⁴⁷ Andrews F.M. and Withey S.B. Social indicators of well-being: America's perception of life quality. N.Y., 1976.

¹⁴⁸ Campbell A. The sense of well-being in America. N.Y., 1981.

¹⁴⁹ Ibidem. P.226.

¹⁵⁰ Осипов Г.В. Измерение социальной реальности: показатели и индикаторы. М., 2011. Гл. 3, 4.

¹⁵¹ Costanza R. et al. An integrative approach to quality of life measurement, research, and policy // SAPIENS, vol. 1, #1, 2008. <http://sapiens.revues.org/index169.html>.

¹⁵² Sen A. Commodities and capabilities. Amsterdam, 1985.

¹⁵³ Общепринятого перевода этого термина на русский язык пока не существует. Возможны также варианты: «необходимые возможности» и «потенциал развития».

рости, совершать экономические трансакции или участвовать в политической деятельности. Эти функциональные способности Сен рассматривает как «сущностные свободы» и считает более обоснованными ценностями, чем полезность или доступ к ресурсам. Важно также, что Сен делает акцент не столько на самом функционировании, сколько на способностях (возможностях) функционирования, т.е. выбора той или иной деятельности при наличии желания. С этой точки зрения, бедность понимается как лишение функциональных способностей. Это лишение может происходить различными способами: в результате незнания, социальной дискриминации, недостатка ресурсов или ложного сознания.

Основными понятиями концепции Сена¹⁵⁴ являются функционирования (functionings), способности и деятельность (agency). Функционирования включают в себя «бытие и делание», т.е. состояния и действия человека, из последовательности которых и состоит его жизнь. Они могут варьировать от простых вроде состояния здоровья или наличия хорошей работы до более сложных вроде состояния счастья. Связь между функционированиями и способностями состоит в том, что способности отражают свободу достижения значимых функционирований. Таким образом, выбранная индивидом комбинация функционирований, т.е. того, что он есть и что он делает, обусловлена его общим набором способностей.

В определении способностей Сен делает акцент на понятии свободы выбора, т.е. свободы осуществлять различные комбинации функционирований. Таким образом, в то время как комбинация функционирований человека определяет его реальные достижения, набор его способностей определяет его возможность выбора из альтернативных комбинаций функционирований.

Наконец, деятельность понимается Сеном как активность, направленная на совершение изменений и оцениваемая в терминах целей и ценностей индивида¹⁵⁵. Здесь Сен подчеркивает важность нематериального аспекта в человеческой деятельности. По его мнению, существует принципиальное различие между аспектом деятельности и аспектом благополучия. Деятельность совершенно не обязательно должна быть направлена на достижение благополучия; у нее могут быть совершенно другие цели, в соответствии с которыми и следует оценивать достижения. Разработанный Сеном подход лег в основу созданного по инициативе ООН Индекса развития человеческого потенциала.

Типология систем социальных показателей

Системы социальных показателей (ССП) – это наборы социальных показателей, специальным образом организованные и подобранные для изучения соотношения различных параметров социальных процессов и явлений. В зависимости от целей исследования могут использоваться различные типы СПП.

Таблицы показателей и сложные индексы. В настоящее время двумя основными подходами к построению СПП являются создание таблиц показателей и конструирование сложных (интегральных) индексов. Каждый из этих подходов имеет свои достоинства и недостатки. Основным достоинством таблиц является возможность раздельной оценки

¹⁵⁴ Sen A. Inequality reexamined. Cambridge, MA, 1992.

¹⁵⁵ Sen A. Development as freedom. N.Y., 1999.

различных параметров, однако они не очень удобны в сравнительных исследованиях ввиду большого количества сравниваемых величин. Интегральные индексы удобнее для проведения сравнительных исследований, однако в качестве их основных недостатков обычно указывают: сложность адекватной агрегации различных аспектов изучаемых явлений, невозможность отслеживания отдельных параметров, произвольность приписывания весов.

Охват. С точки зрения охвата ССП могут быть тематическими, относящимися к какому-либо одному из компонентов социетальной системы (здравоохранению, технологии, образованию и т.д.), и комплексными, охватывающими функционирование социальной системы в целом.

Тематические ССП предоставляют более подробную информацию об измеряемом объекте. Так, ССП по здравоохранению может включать в себя такие показатели, как распространенность тех или иных заболеваний, доля населения, находящегося в группе риска, доступность медицинской помощи, количество больниц и врачей по отдельным регионам, удовлетворенность пациентов качеством обслуживания, наличие средств профилактики и т.д.).

Комплексные ССП составляются путем отбора данных из тематических ССП; они дают общую картину развития социетальной системы и позволяют выявить взаимовлияние ее различных элементов.

Масштаб. С точки зрения масштаба изучаемого объекта, ССП могут относиться к международному, национальному, региональному, локальному уровням, а также уровню отдельных социальных групп. В принципе, масштаб изучаемого явления не оказывает значимого влияния на конструирование ССП за исключением доступности данных. Так, некоторые данные могут быть доступны только на национальном или локальном уровнях.

Модели таблиц социальных показателей

Модель таблицы социальных показателей зависит от целей исследования и характера изучаемого объекта, в соответствии с которыми выделяются релевантные параметры для измерения.

В комплексных исследованиях, оценивающих функционирование социетальной системы в целом, обычно используются таблицы социальных показателей, сгруппированных по определенным областям или сферам жизнедеятельности общества. Это позволяет отслеживать изменение отношений различных групп показателей в рамках таблицы.

Так, в одном из первых исследований в области социальных индикаторов Шелдон и Лэнд¹⁵⁶ предложили следующую модель, в основе которой лежит выделение основных элементов функциональной системы изменяющегося общества.

1. Социально-экономическое благополучие.

1. Население (состав, рост, распределение).
2. Рабочая сила и занятость.
3. Доход.
4. Знание и технология.

¹⁵⁶ Sheldon E.B., Land K.C. Social reporting for the 1970's: A review and programmatic statement // Policy Science, 3, 1972. P.139.

5. Образование.
6. Здоровье.
7. Досуг.
8. Общественная безопасность и правосудие.
9. Жилищные условия.
10. Транспорт.
11. Окружающая среда.
12. Социальная мобильность и стратификация.

II. *Социальное участие и отчуждение.*

1. Семья.
2. Религия.
3. Политика.
4. Добровольные объединения.
5. Отчуждение.

III. *Использование времени.*

IV. *Потребительское поведение.*

V. *Притязания, удовлетворенность, одобрение, моральное состояние.*

Иная модель возникает при использовании предложенного Г.В.Осиповым деления социетальной системы на четыре сферы жизнедеятельности: экономическую, политическую, социальную и духовно-нравственную¹⁵⁷. Она может иметь следующий вид.

I. *Экономическая сфера.*

1. Доход.
2. Демография.
3. Занятость.
4. Условия труда.
5. Потребительское поведение.
6. Социальное обеспечение.
7. Устойчивое развитие.
8. Технология.

II. *Социальная сфера.*

1. Общественная безопасность.
2. Расходы.
3. Семья (брак, развод, деторождение и т.д.).
4. Жилищные условия.
5. Социальная стратификация и мобильность.
6. здравоохранение.
7. Образование.
8. Сфера услуг.
9. Общественный транспорт.
10. Домашний труд.
11. Досуг.

¹⁵⁷ Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010. С.39–40.

III. Политическая сфера:

1. Доверие к политическим институтам.
2. Участие в политической жизни.
3. Возможность реализации гражданских прав.
4. Участие в общественных объединениях, НПО.

IV. Духовно-нравственная сфера:

1. Культура.
2. Наука.
3. Религия.
4. Моральное состояние (участие, оптимизм, отчуждение, ритритизм и т.д.).
5. Девиантное поведение (алкоголизм, наркомания, суицид, психическая патология

и т.д.).

При исследованиях, в большей степени ориентированных на изучение психологического благополучия, используются иные модели и, соответственно, иные композиции таблиц. Так, предложенная специалистами Евростата модель ССП¹⁵⁸ основывается на комбинации модели человеческих потребностей Маслоу и модели психологических потребностей Деси и Райана¹⁵⁹. В результате набор потребностей включает в себя:

- 1) физиологические потребности;
- 2) безопасность;
- 3) индивидуально ценную деятельность;
- 4) социальные связи;
- 5) компетентность и самоуважение (см. табл. 1).

Таблица 1

Потребности и психологическое благополучие

Потребности	Компонент благополучия
Физиологические потребности	Доход и жилье Здоровье Основные права в области дохода и здоровья (системы страхования)
Безопасность	Физическая и политическая безопасность Экономическая безопасность (образование, навыки, работа) Физическая среда (экология)
Индивидуально ценная деятельность	Автономия и свобода (занятость, свободное время)
Социальные связи	Близкие отношения, совместная деятельность, помощь другим, социальный капитал (сплоченность, доверие) Основные права на социальном/социетальном уровне (равенство возможностей, социальная дискриминация)
Компетентность и самоуважение	Личная эффективность, смысл жизни

Источник: Eurostat feasibility study for well-being indicators. P.19.

¹⁵⁸ Eurostat feasibility study for well-being indicators. http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/gdp_and_beyond/documents/Feasibility_study_Well-Being_Indicators.pdf.

¹⁵⁹ Deci E.L., Ryan R.M. The 'what' and 'why' of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry, 11, 2000. P.227–268.

Функциональная классификация показателей

Базовая модель социальной реальности описывает ее как пересечение двух континуумов – микро-макро и объективно-субъективного¹⁶⁰. Кроме того, как уже отмечалось выше, необходимо принимать в расчет как количественную, так и качественную сторону социальных явлений и процессов. Приводимая ниже функциональная типология социальных показателей позволяет учесть эти аспекты в рамках конструируемой ССП.

Уровень и качество. Показатели уровня отражают в основном количественные изменения средств, находящихся в распоряжении общества. Это необходимые ресурсы социального развития, которые можно рассматривать как своего рода инфраструктуру социальных изменений. Однако эффективность социального развития измеряется не только количественным ростом общественных ресурсов, но и качественной динамикой условий жизни различных социальных групп и индивидов, которая во многом зависит от степени институционального развития того или иного общества.

Только количественный аспект не в состоянии дать дифференцированную характеристику всех сложных изменений, характеризующих социальные процессы, ограничиваясь, как правило, среднестатистическими данными. Показатели качества выступают необходимым дополнением к показателям уровня и позволяют судить о реальных изменениях в условиях жизни людей.

Связь макроуровня объективных условий развития общества с микроуровнем качественного изменения жизни отдельных страт, групп и индивидов устанавливается через соотношение происходящих общественных изменений с реализацией целей социального развития. В соответствии с Декларацией социального прогресса и развития ООН, социальное развитие должно способствовать «постоянному повышению материального и духовного уровня жизни всех членов общества при уважении и осуществлении прав человека и основных свобод»¹⁶¹. В качестве конкретных целей Декларация упоминает: обеспечение права на труд, справедливое распределение общественного богатства, обеспечение высокого уровня охраны здоровья, обеспечение равного доступа к образованию, обеспечение удовлетворительным жилищем и коммунальными услугами, защиту окружающей среды, борьбу с преступностью, развитие социального обеспечения и т.д.

Таким образом, показатели уровня фиксируют количественную динамику процесса социального развития, а показатели качества – его качественные характеристики с точки зрения реализации целей социального развития. Соотношение между некоторыми показателями уровня и качества представлены в табл. 2.

Так, показатель уровня занятости указывает на общее состояние рынка труда, а показатель условий труда позволяет судить о его качественных характеристиках, указывая, как именно реализуется цель обеспечения права на труд. Показатель уровня доходов (средний доход на семью) фиксирует общий уровень общественного богатства, а показатель дифференциации доходов указывает на качественную реализацию цели его справедливого распределения.

¹⁶⁰ *Осипов Г.В.* Введение в социологическую науку. С.97–99.

¹⁶¹ Декларация // Цит. соч. Гл. II.

Таблица 2

Соотношение между показателями уровня и качества

Показатели уровня	Показатели качества
Уровень занятости	Условия труда
Уровень доходов	Дифференциация доходов
Уровень здравоохранения	Состояние здоровья населения
Уровень образования	Доступ к образованию
Уровень жилищных условий	Количество живущих в некондиционном жилье и бездомных
Уровень охраны окружающей среды	Состояние экологии
Уровень преступности	Степень защищенности населения
Уровень расходов на социальное обеспечение	Развитость системы социального обеспечения

Показатель уровня здравоохранения указывает на состояние материальной базы здравоохранения (количество больниц, врачей, затраты на оборудование и т.д.), а показатель состояния здоровья населения (заболеваемость, инвалидность и смертность от различных болезней) позволяет судить о реализации цели обеспечения высокого уровня охраны здоровья. Показатель уровня образования дает представление об общих характеристиках системы образования, а показатель доступности образования позволяет судить о реализации цели его доступности для различных социальных групп. Показатель уровня жилищных условий (метраж, количество комнат и т.д.) указывает на среднюю обеспеченность населения жильем, а показатель живущих в некондиционном жилье и бездомных указывает на качественную реализацию цели обеспечения удовлетворительным жильем и услугами. Показатель уровня охраны окружающей среды дает представление о затратах на охрану экологии и ликвидацию экологического ущерба, а показатель состояния экологии – на эффективность использования этих ресурсов. Показатель уровня преступности отражает формальную статистику фиксируемых преступлений, а показатель степени защищенности (общее количество жертв преступлений, включая домашнее насилие, по сообщениям потерпевших и группам населения) указывает на реальное положение с безопасностью личности в различных социальных группах. Наконец, показатель уровня государственных расходов на социальное обеспечение указывает на ресурсную базу системы социального обеспечения, а степень ее развитости (виды и размер пособий и пенсий, количество и социальный состав реципиентов) – на качественную реализацию функции перераспределения доходов.

Виды деятельности. Классификация социальных показателей по видам деятельности дает возможность связать микроуровень индивидов с макроуровнем социальных институтов через дистрибутивные последствия социальной деятельности, которые выступают одновременно как характеристики институциональной среды и как объективные условия социального положения индивида. В табл. 3 представлена одна из возможных классификаций, связывающая наиболее существенные виды социальной деятельности и их дистрибутивные последствия с институциональной сферой.

Таблица 3

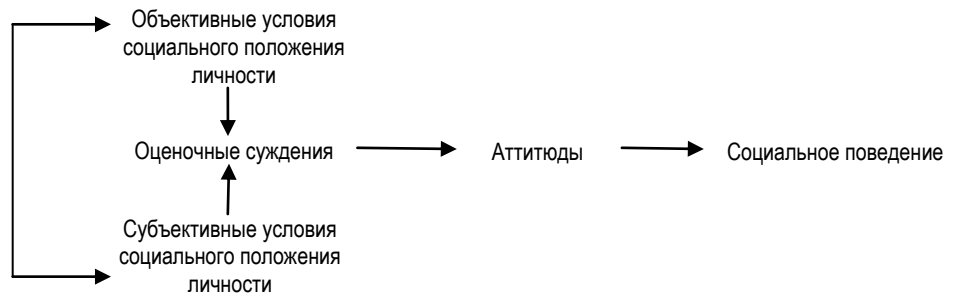
Виды деятельности, институциональные сферы и дистрибутивные последствия

Вид деятельности	Институциональная сфера	Дистрибутивные последствия
Экономическая	Экономика	Занятость, доход, условия труда, социальное обеспечение
Политическая	Политика	Участие в политической жизни, деятельности общественных объединений, возможность реализации гражданских прав
Социально-бытовая	Семья (домохозяйство)	Общественная безопасность; расходы; домашний труд, забота о детях и самообслуживание; социальное обеспечение; жилищные условия
Культурная	Образование Культура	Уровень и доступность образования; доступ к культурным ресурсам; характер досуга
Репродуктивная	Семья	Брак, развод, рождаемость
Самосохраняющая	Здравоохранение Физкультура Экология	Продолжительность жизни, заболеваемость, смертность; возможности занятия физкультурой и спортом; экологическая ситуация

Объективность и субъективность. Дистрибутивные последствия деятельности формируют объективные условия социального положения человека в обществе. Однако для понимания реального социального поведения человека, лежащих в его основе установок и диспозиций, измерения только объективных социальных условий недостаточно. Объективные показатели оставляют непроясненным вопрос о восприятии человеком условий собственного существования. Так, показатель уровня преступности мало что говорит о том, насколько защищенными ощущают себя люди, а уровень дохода – о его достаточности для удовлетворения потребностей человека. Мерами субъективного восприятия человеком своего положения в обществе и его отношения к различным социальным явлениям и процессам служат такие категории, как уверенность, удовлетворенность, ориентация на изменения и т.д. В любом случае речь идет о субъективной оценке соответствия между реальным положением индивида и его ожиданиями. Таким образом, связь объективных и субъективных условий социального положения личности, определяющая ее социальные установки и поведение, выявляется через ее оценочные суждения (см. рис. 1). В табл. 4 приведена классификация объективных и субъективных показателей дистрибутивных последствий социальной деятельности. Использование социальных показателей различных функциональных типов позволяет получить максимально достоверную оценку социальной реальности с учетом ее многомерности и качества жизни людей.

Рисунок 1

Объективные и субъективные условия социального положения личности

IV. Модели совершенствования социальной реальности

Таблица 4

Объективные и субъективные показатели дистрибутивных последствий деятельности

Дистрибутивные последствия	Объективные показатели	Субъективные показатели
<i>Экономическая деятельность</i>		
Занятость	Уровень безработицы; возможность трудоустройства по специальности; горизонтальная и вертикальная мобильность	Уверенность в сохранении работы; ориентация на переобучение; наличие стремления к повышению профессиональной квалификации и карьерному росту
Доход	Размер дохода по группам	Субъективное восприятие соответствия дохода количеству и качеству труда
Условия труда	Безопасность и гигиена труда, удобство рабочего места, удаленность от дома	Удовлетворенность условиями труда
Социальное обеспечение	Размер пособий и пенсий	Удовлетворенность размером пособий и пенсий
<i>Политическая деятельность</i>		
Участие в политической жизни	Участие в выборах, референдумах, органах местного самоуправления, политических акциях; возможность реализации гражданских прав	Удовлетворенность функционированием политических институтов
Участие в деятельности общественных объединений	Количество и численный состав общественных объединений	Удовлетворенность участием в общественных объединениях
<i>Социально-бытовая деятельность</i>		
Общественная безопасность	Уровень преступности	Субъективные оценки защищенности от преступлений; удовлетворенность функционированием органов правопорядка
Расходы	Семейный бюджет по группам; структура расходов в пределах семьи	Оценка достаточности доходов членов семьи для удовлетворения ее потребностей; удовлетворенность структурой расходов
Домашний труд, забота о детях, самообслуживание	Время, затрачиваемое на домашний труд, заботу о детях и приобретение средств потребления; гендерное распределение семейных обязанностей; доля домашнего труда, выполняемая работниками сферы услуг	Удовлетворенность затратами домашнего труда и распределением семейных обязанностей; доступность платных услуг
Жилищные условия	Размер и коммунальная благоустроенность жилья	Удовлетворенность жилищными условиями
<i>Социально-культурная деятельность</i>		
Уровень и доступность образования	Уровень и качество образования; доступность среднего и высшего образования по группам; развитость информационной инфраструктуры (наличие возможностей дистанционного обучения)	Удовлетворенность уровнем и качеством образования; удовлетворенность системой образования; удовлетворенность развитием информационной инфраструктуры
Доступ к культурным ресурсам	Возможность удовлетворения культурных потребностей; доступ к культурным ресурсам Интернета; структура досуга	Субъективная оценка возможностей удовлетворения культурных потребностей; удовлетворенность структурой досуга
<i>Репродуктивная деятельность</i>		
Брак	Число лиц, находящихся в браке (по возрастным группам); число одиноких мужчин и женщин (по возрастным группам)	Брачная ориентация; мотивы невступления в брак
Развод	Число разводов; число мужчин и женщин, повторно вступивших в брак (по возрастным группам)	Мотивы разводов; наличие или отсутствие установки на повторное вступление в брак
Рождаемость	Число рождений на 1000 семей; группировка семей по числу детей; число неполных семей	Репродуктивные установки (ожидаемое, желаемое, идеальное число детей в семье); мотивы отказа от рождения детей

Самосохраняющая деятельность		
Смертность	Уровень смертности (в том числе по классам причин); средняя продолжительность жизни; детская смертность на 1000 человек родившихся	Ориентация на долгожительство; осведомленность об основных причинах преждевременной смертности
Здоровье	Общее количество нетрудоспособных по категориям; уровень заболеваемости различными болезнями; число клиник, врачей и медицинского персонала на 1000 человек; доступ к информации о причинах основных заболеваний и здоровом образе жизни	Субъективная оценка собственного состояния здоровья; удовлетворенность системой здравоохранения; осведомленность о причинах основных заболеваний и здоровом образе жизни
Возможности занятия физической культурой и спортом	Наличие спортивной инфраструктуры (спортзалы, бассейны, стадионы и т.д.); доля населения, регулярно занимающаяся физкультурой и спортом	Субъективная оценка возможностей занятия физической культурой и спортом
Экология	Уровень загрязнения воды и воздуха, шумов, вредных излучений; сохранность природной среды, биоразнообразие	Удовлетворенность экологической ситуацией

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПО КРИТЕРИЯМ РИСКА

Введение

Развитие российского общества в XXI в. порождает новые социальные конфигурации: зарождаются новая экономика, новая политика, новые формы социального взаимодействия. Новая социальная реальность может дать многое человеку и обществу, но она порождает новые угрозы и риски. Среди них: задача перехода в шестой научно-технологический уклад, в значительной мере минуя пятый, усложняющиеся, экологические вызовы, связанные в частности, с новым витком эволюции Земли и нарушением экологического равновесия.

Одновременно необходимо учитывать уже существующие вызовы и риски и среди них:

- чрезвычайно высокий избыточный, более того, динамично растущий уровень материального неравенства (риск социальной несправедливости);
- социально-нравственная и социально-политическая атомизация общества, изменение иерархии ценностей в пользу потребительства;

- запредельный уровень коррупции;
- и один из самых ощутимых – низкая эффективность управления, как на уровне государства, так и предпринимательских организаций;
- динамично ослабевает роль прогностических функций внутреннего аудита, его возможности и умения выявлять возникающие внешние и внутренние угрозы и риски.

В условиях риска и неопределенности выбор решения и выбор действия приводят или к позитивным или к негативным последствиям. При этом риск может возникнуть как при активных действиях так и бездействия (риск упущенных возможностей).

Задача науки, политического, хозяйственного, административного и общественного руководства предвидеть опасность возникновения негативного события и его последствия, оценить степень и характер воздействия на жизнедеятельность общества, определить возможные альтернативы решений и действий, задействовать механизмы предотвращения или минимизации негативных последствий.

Угрозы и риски могут быть долговременными и ситуационными, стратегическими и локальными, рисками застоя и инноваций. Политические риски это и риски в политической сфере и политические последствия действий в других, смежных сферах.

В современной социально-политической ситуации анализ, прогноз и оценка риска социальной и политической устойчивости и возможных угроз и рисков должны стать одним из основных приоритетов государства, гражданского общества и коммерческих организаций.

Перед Россией стоит масштабнейшая задача: форсированное развитие высоких технологий, переход на инновационный тип развития, качественное обновление техноструктуры и техносферы, преодоление на этой основе и в этом процессе накопившихся и возникающих угроз и рисков. От успехов в этом сложном и противоречивом процессе зависит цивилизационное будущее страны.

Именно поэтому так важна выработка рекомендаций по обеспечению социально-политической и экономической безопасности по критериям угроз и рисков.

В этом контексте представляет чрезвычайно своевременным и актуальным создание в Институте социально-политических исследований Центра исследования и предотвращения угроз и рисков. Целью деятельности Центра является изучение и предотвращение угроз и рисков на основе комплексных междисциплинарных исследований, а также разработка теоретических проблем рискологии.

Одно из важнейших направлений деятельности Центра явился мониторинг вызовов и рисков социально-политической реальности новой России.

В отчет включены риски трех весьма значимых социально-политических сфер нашего общества: государства, смены управленческой элиты и социального неравенства.

Российское государство в условиях неопределенности и рисков: выбор альтернатив

Без большого преувеличения можно сказать, что огромное количество чрезвычайно значимых угроз и рисков связано с проблемами государства.

В стране замедлились темпы экономического роста. Правительство полагает, что для решения фундаментальных социальных проблем внутренний валовой продукт должен иметь как минимум 5% годового роста.

Прогнозируется его рост около 2,5–3%, что явно недостаточно. Более того, ряд экспертов и государственных чиновников (А.В.Улюкаев) полагают, что в период 2013–2030 гг. Россия будет отставать от среднегодовых темпов развития, а ее доля в мировом производстве будет сокращаться, значительным будет отставание от развитых стран и стран Организации экономического сотрудничества по уровню и качеству жизни.

Ряд ведущих экспертов (П.Кугельман, Дж.Стиглиц) прогнозируют растущую неопределенность мировой экономики. Все это обостряет проблемы дефицита российского бюджета и источников его пополнения. Некоторые государственные чиновники и эксперты видят эти источники в урезании бюджетных расходов, в том числе на социальную сферу.

Логика такой позиции следующая. Сокращение социальных расходов выглядит проблемной с точки зрения сохранения стабильности в краткосрочном периоде. Однако это будет способствовать решению задач среднесрочной и долгосрочной перспективы. Конечно, перспективы развития всегда актуальны. Но без решения насущных проблем сегодняшнего дня завтрашнего дня может и не быть.

События в Греции наглядно продемонстрировали социальную взрывоопасность таких подходов. Президент России В.В.Путин неоднократно и в жесткой форме говорил о том, что социальные обязательства государства будут неукоснительно выполнены. И это – правильная установка. Мировой опыт показывает, что сокращение бюджетных расходов, как правило, ведет к стагнации. Опыт многих экономически успешных стран показывает, что главные направления роста расходов государственного бюджета – это вложения инвестиций в развитие и в социальную сферу (человеческий потенциал), а не их сокращение, или увеличение резервного фонда. Ряд прогнозных сценариев с уверенностью утверждают, что социальная напряженность в ближайшие годы будет оказывать существенное влияние на российскую экономику, порождая значительные социальные угрозы и риски.

Социально-политические предпочтения политической власти не могут не учитывать общемировые тенденции «левого поворота» и решающую роль человеческого потенциала в инновационном развитии страны. Не случайно акцентирование социальных предпочтений такими разными идеологиями, как социальный консерватизм, социальный либерализм, социал-демократизм, социализм. Поэтому популярные в некоторых кругах российской элиты рассуждения о социальной справедливости как о вредном политическом популизме и «шариковщине» ориентируют экономическую политику государства на туниковый вариант.

Различные, весьма значимые риски связаны с противоречиями внутри отечественного бизнес-сообщества, опасностями импортной зависимости внутреннего рынка и низкой конкурентной способностью многих отечественных производств, товаров и услуг.

В целом, вызовы и риски новой российской реальности весьма разнообразны и носят как системный, так и ситуационный характер. В основе многих из них – конфликт разноуровневых интересов. Огромное упрощение сводить его к конфликту «обеспеченного креативного класса и бедного, темного меньшинства». В своей глубинной основе этот конфликт и эти риски отражают коренные противоречия в выборе социальной развилки развития России в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

Одно из концептуальных видений такой развилки представлено в Послании Президента России В.В.Путина и в его предвыборных статьях. По-существу, они отражают идеологию сильной социально ориентированной государственности. Эти положения получили

поддержку и развитие на ряде научных форумов, например, Московском экономическом форуме. В тоже время они крайне негативно встречены неолиберальной политической и научной элитой. Нельзя не видеть, что сегодня резко активизировалась ее идеологическая деятельность. Достаточно назвать фундаментальную и объемную (587 стр.) публикацию Фонда Карнеги «Россия 2020: сценарии развития», серию теоретических и публицистических статей в «Независимой газете», публикациях Московского центра Карнеги и ряде газет неолиберальной ориентации. Главная их идея: «Власть может загнать себя в ловушку левизны». Более сдержано и корректно эта идея отражена в двухтомном издании «Стратегия-2020» (М., 2013).

Без большего преувеличения можно сказать, что в центре идеологических дискуссий сегодня – проблемы государства, государственности. В силу национально-исторических особенностей нашей страны общенациональный интерес традиционно связан с государственными приоритетами, причем не корпоративного, а социально ориентированного, патерналистского государства. Стало уже аксиомой говорить об антагонизме интересов государства и общества. Методологически – это не строгое утверждение. Любое государство своими экономическими и административными механизмами обеспечивает реализацию интересов господствующих слоев и групп общества. Поэтому правомерно анализировать диалектическую связь и противостояние интересов различных социальных слоев и групп и их реализацию политикой государства.

В постсоветской России государственная политика во многом ориентирована на интересы определенных олигархических групп, прежде всего сырьевого комплекса страны и связанной с ним частью чиновничьего корпуса. Социальное государство (каким по Конституции должна стать Россия) призвано обеспечить высокое качество жизни всех социальных слоев населения, материально и морально стимулировать социальные группы, обеспечивающие инновационное развитие страны.

Сильное государство – это не везде проникающий бюрократический аппарат, а государство с сильным президентом, с сильным правительством, с сильной законодательной, исполнительной, судебной властями.

Динамичное и многофакторное усложнение общественных отношений и производственных процессов объективно предполагает необходимость качественного повышения профессионализма механизма управления. В то же время менеджмент сегодняшнего российского государства нуждается в серьезном совершенствовании. Необходимо значительно повысить адаптивность управленческого аппарата к динамично и часто нестандартно меняющейся экономической и социальной ситуации, ориентацию его деятельности на конечный результат. Серьезнейшей задачей остается повышение профессиональной ответственности кадров всех уровней за принимаемые решения и их успешную реализацию.

Большие нарекания вызывает практика подбора кадров, главный принцип которого не профессионализм и морально-нравственные качества, а омоложение. На ключевые позиции руководителей министерств, регионов, топ-менеджеров крупных компаний, позиций требующих высокого профессионализма, опыта и самоотдачи не редко назначаются люди, не имеющие необходимых в сложной ситуации сегодняшнего дня профессиональных знаний и необходимого опыта. Не случайно Президенту страны часто приходится использовать «ручное управление» и оперативно вмешиваться в оперативный управленческий процесс.

Критически значимой политической проблемой стал чудовищный уровень коррупции и расхищения государственных средств, превратившейся, фактически, в системообразующий фактор. В прессе постоянно появляются сообщения о случаях доминирования частных корпоративных интересов при подготовке важных государственных решений и коммерческих сделок. Вопрос ставится жизнью достаточно жестко: или Президент и его команда победят коррупцию, или коррупция победит их.

Государство должно показать, что оно не только хочет, но и может надежно обеспечить социально результативное, инновационно-ориентированное развитие. Представляется методологически правомерным разделить понятия государственное управление и управление государственной собственностью, управление предприятиями государственной собственности с соответствующими критериями и оценками эффективности.

Серьезные риски связаны с возможным ослаблением роли государства в проведении научно-технологической политики, в том числе протекционистской политики по отношению к фундаментальной науке НИОКР, использованию льгот и целевого кредитования для развития приоритетных технологических направлений, повышения общего научно-технологического уровня.

Существует широко пропагандируемая позиция, согласно которой выбор приоритетов промышленной политики должен осуществляться самим бизнесом в рамках реализации им инвестиционных программ. А государство в условиях быстрого развития технологий обязано заниматься улучшением делового климата, повышением инновационной привлекательности страны. Такая позиция представляется чрезвычайно рискованной. Конечно, государство обязано всемерно повышать инновационную привлекательность России и делать это лучше, чем сейчас.

Но сильное государство, имеющее профессионально грамотный, инновационно-ориентированный аппарат, должно активно и содержательно участвовать в формировании и реализации крупных модернизационных национальных проектах, и в соответствии с направлениями научно-технологического прогресса в мире и рыночной конъюнктуры брать на себя риски и определять приоритетные направления и «фаворитные» фирмы, поддерживать их экономически и политически. Это тем более необходимо в условиях быстрого развития и изменения технологий. Так поступали «Азиатские тигры», Индия, Бразилия и добились впечатляющих успехов. Другое дело, что коммерческие фирмы сами определяют приоритеты своих программ и технологий, соответственно принимая на себя модернизационные риски.

Задача инновационного прорыва в будущее должна решаться государством наряду с качественным устранением потерь от деиндустриализации, значительным износом и старением технотехники и инфраструктуры, т.е. потенциальных угроз и рисков громадных техногенных катастроф.

Сегодня постоянной, уничижительной критике подвергаются государственные корпорации. Действительно, они оказались не достаточно эффективными. Вопрос, почему? По самой своей сущностной природе, или из-за тех или иных субъективных причин, в частности недостаточно эффективного менеджмента? Между тем, такие формы собственности как государственно-частное, общественно-государственное, общественно-частное партнерства могут быть востребованными и результативными. Можно отметить, например, что мега сделка Роснефти с ТНК-ВР позволила государству стать самым крупным в мире производителем нефтепродуктов, существенно усилив позиции на рынке энергоносителей.

Сильное эффективное государство не исключает, а, наоборот, предполагает развитое гражданское общество. Теоретически не состоятельно, а практически не подтверждается опытом многих стран политический миф об объективно неизбежном антагонизме государства и гражданского общества. Издержки в их взаимодействии – это значительные упущенные возможности. Именно такое взаимодействие, прежде всего, может обеспечить необходимый уровень социальной консолидации общества.

В программных предвыборных статьях В.В.Путина социально ориентированному, активному, демократическому государству отводится, по существу, ключевая роль. И это соответствует новой социальной реальности. В печати обращается внимание на такой чрезвычайно значимый факт. Среди сторонников либеральной идеологии ослабления роли государства – статистическое меньшинство. А большинство – тех, кто требует повышения управляемости, укрепления порядка и усиление роли государства. Сегодня уже неприемлема большинством общества олигархическая модель экономики: приоритет интересов олигархических групп и топ-менеджеров как новой элиты, ориентации страны на роль периферийного капитализма, а также концепции уменьшения размеров страны, сведения ее до коренных русских областей. Также политически нереально построить великую Россию на фундаменте абсолютной ненависти и осмеянии советского прошлого. Кремль не может не чувствовать и не учитывать эти настроения общества.

Однако одно дело провозгласить принципы и общие положения, другое развернуть их в деталях, сформулировать теоретические постулаты и облечь их в конкретные, понятные обществу и принятые им приоритеты, формы и показатели. Должна быть разработана политико-экономическая модель развития России в XXI в., способная обеспечить динамичный инновационный рост, повышение качества жизни, экологическую безопасность и целостность державы.

При определении долгосрочной стратегии развития страны важно избежать банальности, упрощения и прямолинейности. И инерционный, и инновационный сценарии – многовариантны. Каждый из них может иметь и поступательный, и колебательный, и динамичный типы развития. Авторитарный, как и демократический, характер государственного устройства могут иметь ряд разновидностей. Стабильность может трактоваться и как неизменность, линейность развития, и как готовность системы к упреждению новых вызовов и рисков, как готовность системы к не линейному развитию.

Наиболее перспективным, представляется, выбор развилки, выражающей идеологию сильного социального государства, активно и тесно взаимодействующего с гражданским обществом. Однако нельзя исключать, что при определенных условиях возобладают политические силы, ориентированные на рыночный фундаментализм и будет выбран иной экономический и политический сценарий, на мой взгляд, тупиковый, ведущий к развалу страны. Возможен и третий вариант: сильное государство в той или иной модификации, ориентированное на предупреждение социальных конфликтов и их перерастания в конфликты политические. И все же, полагаю, что в сложившейся сегодня в стране социально-политической ситуации ставка на повышение результативности, социальной ориентации и демократизацию сильного государства выглядит безальтернативной.

Риски и вызовы этапа смены управленческой элиты

Внимание к анализу социально-политической реальности объясняется тем, что в обществе идет осознание того, что страна вступила в новый, особый этап своего развития. Судьбоносное значение этого этапа состоит в том, что он решает, какой станет Россия.

Специфика новой социально-политической реальности в том и состоит, что она предопределяет новую веху в развитии страны. «Россия сосредотачивается», – так обозначил этот этап В.В.Путин в самой первой из программных своих статей, опубликованных им в качестве кандидата в Президенты РФ, используя крылатые слова министра иностранных дел Российской империи Александра Горчакова. «Постсоветский этап в развитии России, – отмечает В.В.Путин, – завершен и исчерпан... Потенциал сырьевой экономики пройден и иссякает, а главное не имеет перспектив»¹⁶². Главная задача нового этапа, отмечается в статье, состоит в том, чтобы завершить создание в России такой политической системы, такой структуры социальных гарантий и защиты граждан, которые вместе составят единый, живой постоянно развивающийся и одновременно устойчивый и стабильный, здоровый государственный организм, способный, безусловно, гарантировать суверенитет России и процветание великой державы на десятилетия вперед.

Думается, что сущность нового этапа и его стратегическая цель в развитии страны обозначены В.В.Путиным с предельной четкостью.

Но прошел уже год после опубликования программных статей, год после вступления В.В.Путина на президентский пост. Но полной уверенности в том, что страна идет по пути реализации той стратегии, которая обеспечит вхождение России в число ведущих держав мира, нет. Кардинальных изменений в социально-экономической сфере не происходит. Этим и объясняется поиск научной общественностью, обществом альтернатив сегодняшней социально-экономической реальности. Показателем в этом плане состоявшийся в конце марта «Московский экономический форум-2013» (МЭФ), организаторами которого стали МГУ им. М.В.Ломоносова, Институт экономики РАН, Промышленный союз «Новое сотрудничество» привлечший повышенное внимание международной и российской экономической общественности.

Принципиальное отличие МЭФ от Петербургского, Красноярского и других форумов, организуемых сырьевыми структурами под эгидой номенклатурных чиновников, ставящих задачу привлечения в страну иностранных инвестиций, состоит в том, что он претендует на роль интеллектуальной площадки, на которой можно рассматривать альтернативные варианты экономического развития страны. Цель МЭФ – объединение усилий экономистов, политологов, философов, математиков вокруг идеи формирования экономики будущего. Вице-президент РАН А.Некипелов отметил, что ученые-экономисты РАН готовят свое видение экономической стратегии страны в русле тезисов «Московского экономического форума-2013» – «Экономика для человека – новая экономическая стратегия России».

Необходимость обсуждения стратегии развития России обозначил в своей первой программной статье и В.В.Путин. «Меня тревожит, что уже практически не происходит обсу-

¹⁶² Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // «Известия». 2012, 16 января.

ждение того, что надо делать за рамками выборов. Это не отвечает интересам страны, качеству развития нашего общества, уровню его образования и ответственности, нужен широкий диалог о будущем, о приоритетах, о долгосрочном выборе, национальном развитии и национальных перспективах».

Для социологов, изучающих социальные и социально-политические процессы, особый интерес вызывает четвертый вопрос в повестке нашего круглого стола «Оценка расстановки и социально-политических ориентаций основных политических сил и групп политической элиты».

Социологические исследования, раскрывающие особенности современного российского общества, а также процессы внутри политической и экономической элиты свидетельствуют, что в стране сосуществуют как минимум три различных общества со своими собственными институциональными матрицами, сложились значимые слои населения с противоположным видением и восприятием мира, принципиально несовпадающими взглядами на роль государства в их жизни. С различной системой базовых ценностей.

Приверженцы идеологии либерализма, ориентирующиеся на то, чтобы рынок делал свое дело, а государство лишь способствовало наиболее полной реализации возможностей рынка, выступают за невмешательство государства в хозяйственно-экономическую деятельность, отдавая приоритет в сфере экономики бизнесу, а не государству.

Таким воззрениям противостоят так называемые «государственники», ратующие за приоритет государства в сфере экономики, за проведение активной промышленной политики, за регулируемую роль государства над бизнесом.

Все это ставит вопрос: «На что делать ставку? На предпринимательскую инициативу или же на государство, которое через свои институты будет добиваться экономического роста?».

Разделение социума по мировоззренческим позициям в отношении моделей будущего развития страны, расслоение и противостояние позиций внутри политической и экономической элит свидетельствует о социальной и политической неустойчивости российского общества. Это порождает целую систему рисков и угроз успешной реализации курса на создание в России конкурентоспособной экономики.

Система рисков обусловленных отсутствием единства мировоззренческих позиций в отношении моделей социально-экономического развития страны дополняется наличием противостоящих позиций в отношении модели федерального устройства государства, затрагивающих проблему отношений федерального центра и регионов, политического веса и значимости региональных элит, их влияние на социум в регионах. Отражением этого являются, с одной стороны, суждения о необходимости повышения статуса регионов вплоть до уровня конфедеративных отношений, с другой, – мнения об укреплении унитаризма, снижении значимости этнического фактора в системе государственного устройства.

В условиях наличия в обществе разнообразных групп интересов, конкурирующих представлений и воззрений в отношении моделей будущего России, характере ее политического устройства, формируется опасность размывания судьбоносной значимости, провозглашенного В.В.Путиным этапа на обеспечение конкурентоспособного российского государства.

В этих условиях чрезвычайно важно обеспечение единства политических целей и интересов, прежде всего среди тех слоев политической и экономической элит, составляющих команду Президента РФ, которая выступает стержневой основой нового этапа в развитии

страны. «Россия возрождается», так обозначил В.В.Путин сложившуюся в стране социально-экономическую реальность, предполагающую особую востребованность консолидационных процессов внутри управленческой элиты.

Риски и вызовы этапа смены управленческой элиты

Нынешняя элита, сложившаяся в постсоветский период свою историческую миссию выполнила. Реализована новая модель политического и социально-экономического устройства государства, заложены основы формирующегося гражданского общества, выстроена новая система взаимоотношений государства и личности, создан фундамент рыночной экономики. Реализация этого сложного и бескомпромиссного, а порой и трагичного этапа в развитии страны, начавшегося с разрушения прежнего государственного устройства, выдвинуло на передний план политиков, которых условно можно обозначить в качестве «разрушителей», а затем уже «созидателей». Именно из их числа в основном и была сформирована основа сегодняшней управленческой элиты.

Обозначившаяся сейчас в стране новая политическая реальность отразила не только необходимость смены элитарного слоя в обществе, но и наличие в нем серьезного кризиса. Сегодняшний управленческий слой элиты уже никого не устраивает: ни общество, ни власть. В общественном сознании укрепляется идея о том, что функционирующий слой управленческой элиты становится одним из главных препятствий для развития страны. Все острее проявляется запрос на вхождение в систему управления страной созидателей, лидеров общенационального уровня, способных возглавить процесс созидания новой экономики, новой страны.

Вопрос стоит об инициировании условий, способствующих широкому обновлению российской элиты, а не только ее верхнего слоя. Сейчас политическая база власти не носит широкого представительного характера. Решающее политическое влияние сосредоточено среди узкой группировки правящего класса, в узком кругу верхнего слоя политической элиты. Потребности нового этапа в развитии страны, расширяющиеся возможности политической конкуренции, объективно способствуют увеличению политической среды, влияющей на принятие политических решений. Актуальной становится линия на приток во власть масштабно мыслящих личностей не в силу принадлежности к определенному социальному слою, «команде», а в силу своих личных достоинств, профессионализма. Этого требует обозначившийся в сфере управления дефицит компетентности. Так, оценивая риски в наибольшей степени представляющие опасность для российской экономики, эксперты в ходе социологических опросов выделяют прежде всего риски, связанные с коррупцией и некомпетентностью властей. Причем, по мнению экспертов, наметилась тенденция к возрастанию степени этих рисков (см. табл. 1).

Обращает на себя внимание, что от 75% до 86% экспертов, оценивая коррупцию и некомпетентность властей в качестве главных рисков, предопределяющих неэффективность российской экономики, ставят их рядом, друг за другом. Происходит это неслучайно. Коррупция способствует продвижению во власть субъектов, отобранных не по уровню их компетентности, а из-за их принадлежности к определенной социальной группе или же по мотивам их личной преданности. Отсюда вытекает, что борьба с коррупцией, ослабление

ее влияния на общество является одним из значимых условий обновления управленческой элиты в стране.

Таблица 1

Оценка экспертами рисков, в наибольшей степени, представляющих опасность для российской экономики¹⁶³, % от числа опрошенных

Риски	Период проведения опроса		
	2007	2009	2011
Риски связанные с коррупцией	66	56	86
Некомпетентностью властей	61	49	75
Демографические	43	33	51
Социальные	36	21	47
Инвестиционные	21	17	23
Политические	20	18	41
Мировые финансовые	17	12	26
Мировые экономические	17	14	32
Техногенные	14	19	28
Экологические	12	11	16

Обновление управленческой элиты не может не сталкиваться с процессом торможения, с вызовами. Весьма значимые слои властной элиты не заинтересованы в принципиальных переменах. Отдельные представители крупного бизнеса и связанный с ними управленческий слой бюрократического аппарата, ориентирующийся на оффшорную экономику, рассматривает Россию не как место для жизни элиты, а как место для зарабатывания сверхдоходов. Им выгоден процесс сохранения и углубления коррупционных связей. Не случайно поэтому провозглашенный на самом высоком уровне курс на борьбу с коррупцией не приводит к кардинальным изменениям в обществе.

Вызывает опасение возможность прихода во власть новой волны управленцев и у добросовестной части управленческой элиты, остерегающейся возможного ухудшения своего положения. В стране уже сейчас функционирует слой управленцев в возрасте 28–38 лет, находящийся на третьих – четвертых позициях в государственных, коммерческих, общественно-политических структурах, в том числе оппозиционного толка, жаждущих новых позиций в системе управленческих структур. Именно этот слой становится сейчас источником развития нового сегмента лидеров. Основное его предназначение обеспечение про-

¹⁶³ В качестве экспертов выступили участники форумов: Российское научное экономическое собрание «Проблема модернизации экономики и экономической политики России» (Москва, 2007 г., октябрь); Первый российский экономический конгресс (Москва, 2009 г., декабрь); Общероссийский форум «Разумная экономическая программа» (Москва, 2011 г., ноябрь). Подробнее см. *Савин М.С.* Актуальные проблемы развития российской экономики: вопросы социологического анализа // «Безопасность Евразии». 2012, №1. С.381.

цесса смены сегодняшней управленческой элиты, внедрение в систему государственного управления инновационных подходов.

Длительность этого процесса во многом будет зависеть от активности гражданского общества, от его усилий воздействовать на систему властных отношений, от устремленности оппозиционных общественно-политических структур выступить в новом избирательном цикле 2012–2018 гг. в качестве альтернативного видения будущего России.

Важное значение также имеет то, что новый слой управленческой элиты, отвергая коррупционные мотивы, на первый план выдвигает репутационные и профессиональные факторы. Это становится определяющим критерием при принятии кадровых решений. Профессионализм, компетентность выступают решающими мотивами в обеспечении смены управленческой элиты. В этом и состоит залог успеха нового этапа в развитии России.

Все это выдвигает на первый план проблему управления рисками, организацию научного мониторинга за ситуациями, формирующимися в социально-политической сфере, угрожающими стабильному развитию общества.

Развитие человеческого капитала: новые вызовы и риски

Развитие человеческого капитала является одним из основных условий повышения конкурентоспособности, а также главным фактором и важнейшим ресурсом создания и развития национальной инновационной экономики. Именно человеческий капитал генерирует инновации и формирует благоприятные условия для инновационного процесса.

В современном постиндустриальном обществе именно бережно сохраненный, накопленный и реализованный человеческий капитал в значительной степени определяет конкурентные преимущества национальной экономики, возможности и границы ее развития и модернизации.

Экономические и технологические знания развивают и создают новые технологии, внедряют в жизнь новейшие научные разработки и технику, создавая и формируя национальное богатство страны.

Саймон (Семен) Кузнец, лауреат Нобелевской премии по экономике, еще в прошлом веке писал, что для научно-технического рывка в стране должен быть накоплен необходимый стартовый человеческий капитал. Иначе переход в следующий технологический уклад экономики невозможен.

Однако такими научными, инновационными, высокотехнологическими, экономическими и техническими процессами могут управлять только грамотные и высококвалифицированные специалисты, которые обладают разносторонними теоретическими и практическими профессиональными знаниями и навыками.

Как показывают различные социологические исследования, значение человеческого капитала в условиях глобализации мировой экономики и современного уровня развития цивилизации как фактора социально-экономического и социально-политического развития неуклонно возрастает. При этом необходимо учитывать, что недостаточно высокий уровень человеческого капитала сегодня, завтра станет главным препятствием для экономического обновления России.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. отмечается, что в середине текущего десятилетия российская эко-

номика оказалась перед долговременными системными вызовами, отражающими как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития.

Один из таких вызовов – возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития. Уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики в значительной степени определяется качеством профессиональных кадров, уровнем их социализации и кооперационности.

Россия не сможет поддерживать конкурентные позиции в мировой экономике за счет дешевизны рабочей силы и экономии на развитии образования и здравоохранения. Обозначились новые внутренние ограничения роста, обусловленные наряду с недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры также и дефицитом квалифицированных инженерных и рабочих кадров.

Необходимо обратить самое пристальное внимание на качество образования, получаемого в высших учебных заведениях страны, значительный перекос в сторону экономического и юридического образования в ущерб техническому образованию. Причем, как уже было сказано, – не так плохо наличие большого числа людей с высшим юридическим или экономическим образованием, как качество этого образования, полученное в непрофильных вузах, призванных готовить инженеров, строителей, дефицит которых мы сегодня ощущаем особенно остро.

Стране нужны грамотные управленцы с практическим опытом работы и современными теоретическими знаниями. Необходимо минимизировать риски прихода к управлению некомпетентных людей.

Сегодняшняя экономика Российской Федерации вступила в такую фазу, когда собственник предприятия, если даже владеет крупным пакетом акций или даже контрольным пакетом акций, не имеет времени, чтобы управлять всем процессом, он просто-напросто не имеет возможности не то, чтобы управлять, а даже мониторить ситуацию. Иногда у такого собственника нет узкопрофессиональных знаний, необходимых для управления в той или иной отрасли экономики.

Поэтому на современном этапе в полный рост встает вопрос управления предприятием, в полный рост встает вопрос управления экономикой в целом, минимизации социально-экономических и социально-политических рисков и угроз. Поэтому для этого, в первую очередь, нужны компетентные, трезвомыслящие, заинтересованные менеджеры, которые способны были бы управлять этими процессами, создавать модели, стратегические направления и системы, упреждающие и минимизирующие риски, смягчающие и ликвидирующие последствия от их возникновения.

У нас на сегодняшний день в стране есть финансовые ресурсы, есть ресурсы с точки зрения техники и технологии. Если этой техники и технологии не хватает у нас в стране, мы имеем возможность купить ее за рубежом. Но к величайшему сожалению, у нас сегодня возникает острый недостаток в людях, которые способны были бы управлять экономикой и бизнесом, управлять рисками.

Сегодня чрезвычайно важен вопрос: кто будет управлять этим проектом на территории? Вопрос людей, вопрос управленцев, вопрос грамотных практиков. Раньше складывалась такая ситуация, что формировалась команда сначала из родственников, потом из друзей, потом из тех, с кем учились, потом из тех, с кем поработали чуть раньше. Но все это

себя исчерпало, все это имеет определенный предел. Нам необходимо на сегодняшний день этот предел, эту грань преодолеть и сформулировать такие требования к менеджерам, такие требования к специалистам, которые хотели бы управлять процессом, равные для всех, с одной стороны, а с другой стороны, чтобы в рамках этих требований решались задачи по управлению конкретным предприятием.

Многие исследователи современной мировой экономики отмечают, что процессы глобализации изменили внешнюю и внутреннюю системы корпоративных взаимоотношений, изменился сам институт организации, условия и факторы ее конкурентоспособности.

Современные условия жизни постоянно ставят компании и предприятия в очень непростые, высоко рискованные условия ведения бизнеса, испытывают их на прочность. Поэтому сегодня особенно важен систематизированный и последовательный подход к формированию системы внутреннего контроля, к оценке и повышению эффективности процессов управления рисками, формированию целостной системы корпоративного управления, управления человеческими ресурсами.

Роль корпоративной культуры на современном этапе развития социально-экономических отношений, в новой экономике, построенной на знаниях, быстро и стабильно возрастает.

Системы управления персоналом, системы внутреннего контроля и управление рисками в настоящее время являются центральным, ключевым моментом многих корпоративных стратегий. Репутация, на создание которой ушли десятилетия, может быть мгновенно разрушена некомпетентностью и неподготовленностью сотрудников, коррупционными скандалами, экологическими катастрофами или проблемами с качеством продукции. Все это может отпугнуть потенциальных клиентов и потребителей. Поэтому создание собственной культуры «надлежащего поведения» в корпорации может минимизировать эти риски.

Очень важно, когда те чиновники, от которых зависит принятие или поддержка тех или иных решений, тоже бы мыслили одинаково и понимали бы эти риски тоже одинаково. Вот в этом на сегодняшний день мы видим свою задачу. Это главное, на наш взгляд, что необходимо сегодня для движения вперед. Потому что, если мы не достигнем этого понимания, если мы не решим эту задачу, то будет разговор слепого с глухим и время обсуждений будет бесконечным.

Проблемы с кадрами сегодня есть везде – и в бизнесе, и на государственной службе. Я хочу сказать, что можно по-разному относиться к чиновникам, но нельзя забывать о том, что государственная служба как государственно-правовой институт занимает особое место в достижении общенациональных целей и играет важную роль в механизме управления государством.

Происходящие сегодня процессы в экономической и социально-политической жизни требуют модернизации организационных форм и методов государственного управления в сфере государственной гражданской службы и выдвигают перед государственными гражданскими служащими качественно новые задачи. Выполнение этих задач зависит в первую очередь от состава и профессионализма кадров государственного управления. В этих условиях особую значимость приобретает проблема формирования эффективной организационной системы государственной гражданской службы.

В то же время нынешнее состояние правовой основы государственной и, в частности гражданской службы, не в полной мере соответствует новым задачам развития государства.

На фоне общего старения населения происходит старение научных, педагогических, управленческих и рабочих кадров. При сохранении сложившихся тенденций действие данных факторов может привести к резкому замедлению темпов экономического роста.

Вместе с тем, что касается ресурсов, я глубоко убежден, что такие ресурсы будут. Правительство сегодня подписало соответствующую Программу развития до 2018 г., мы переходим сегодня фактически на проектное управление не только отдельными предприятиями, отдельными отраслями, но и в целом всей страны. И мы на сегодняшний день готовы обеспечить этот процесс ресурсами

Для успешного создания инновационной экономики, в том числе ее индустриального развития, необходимы также не только высокое и конкурентоспособное качество жизни, не только соответствующие конкурентоспособные уровни развития образования и науки, но и высокий уровень культуры, морали и нравственности. Аморальной и одновременно эффективной инновационной экономики в природе никогда не существовало и не существует.

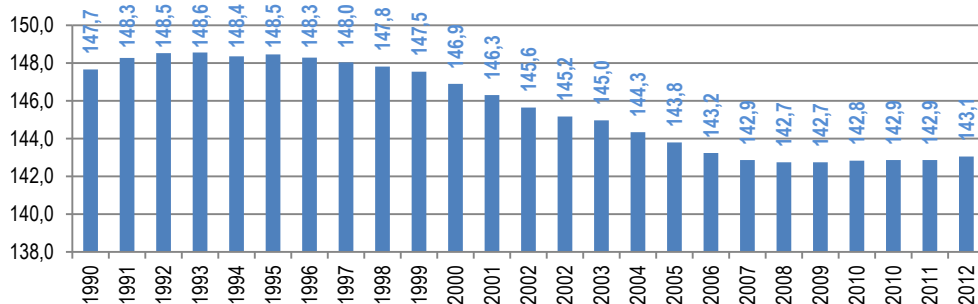
Необходимо продолжать работу по совершенствованию кадровой политики России. Конечным результатом данной работы должно быть построение современной модели управления персоналом и формирование работников нового типа: высокопрофессионального, высокоморального, активного и заинтересованного в результатах своего труда.

Количественное и качественное состояние человеческого потенциала в России как одна из угроз модернизации и экономической безопасности страны

Один из серьезнейших кризисов в России сегодня связан с депопуляцией и ее угрожающими масштабами для нашей страны. Государственной стратегически важной задачей, вышедшей на первый план, является стабилизация численности населения и создание условий для ее роста. Демографическая ситуация в России на сегодняшний день одна из самых сложных в мире. В последние годы XX в. и в начале XI в. каждый год Россия теряла количество населения, по численности равное, например, губернии Орловской (0,9 млн человек), Новгородской (0,7 млн человек) или Костромской (0,8 млн человек) (см. рис. 1). И это – с учетом притока миллионов соотечественников, прибывших на постоянное место жительства в РФ из республик бывшего СССР.

Рисунок 1

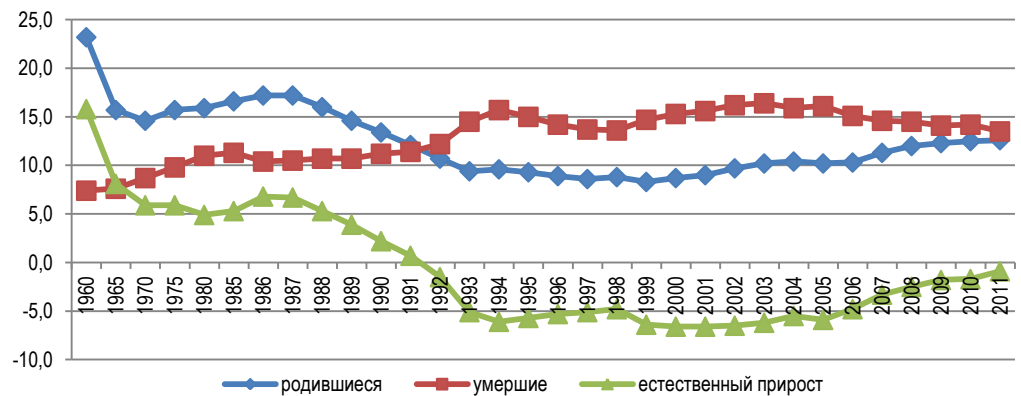
Динамика изменения численности населения России, млн человек, оценка на начало года

Источник: Росстат, Демографический ежегодник России. 2012.

Феномен депопуляции в России связан с низкой рождаемостью и высокой смертностью. На рис. 2 видны весьма характерные последствия трансформаций, происходящих в стране с 90-х гг. В частности, «русский крест» – период, когда впервые за историю страны, в мирное время, смертность населения превысила рождаемость.

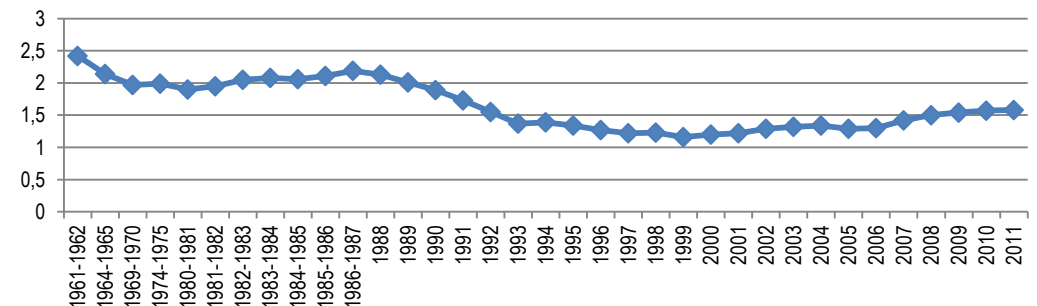
Рисунок 2
Естественное движение населения в России

Источник: Росстат, Демографический ежегодник России. 2012.

Рождаемость. Для обеспечения нулевого естественного прироста (т.е. баланса рождений и смертей) необходим суммарный коэффициент рождаемости 2,11–2,15. Данный показатель в России в 1960–1970-х гг. был довольно высок и превышал аналогичный показатель для многих развитых стран (см. рис. 3). Резкий перелом произошел в конце 80-х, и к 1999 г. коэффициент уменьшился более чем в 2 раза – до 1,16. Это минимум для постсоветской России. С 2000 г. он стал возрастать. К 2011 г. увеличился до 1,58.

Рисунок 3
Суммарный коэффициент рождаемости

Источник: Росстат, Демографический ежегодник России. 2012.

Рост рождаемости был вызван, как увеличением возрастных коэффициентов рождаемости, обусловленным, главным образом, реализацией мер государственной помощи семьям с детьми (начиная с 2007 г.), так и благоприятными сдвигами в половозрастной структуре населения – вступлением в репродуктивный возраст молодежи, родившейся в 80-е гг. Однако уже после 2010 г. контингент женщин детородного возраста будет уменьшаться, соответственно начнет уменьшаться рождаемость. В активный репродуктивный возраст будут входить малочисленные поколения родившихся в 1990-е гг. На начало 2012 г. численность 10–19-летних лиц женского пола была в 1,7 раза меньше, чем 20–29-летних. Прогнозные расчеты показывают, что, при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости на уровне 2011 г. ежегодное число родившихся к 2020 г. сократится на 19%, к 2025 г. – на 29% относительно 2011 г.

Смертность. Если процесс снижения рождаемости в России характерен для большинства стран Европы, то динамика показателей смертности в нашей стране, особенно в последнее время, резко отличается от всех развитых стран. Ежегодно мы теряем более 2 млн человек. Среди всех умерших почти 30% приходится на лиц трудоспособных возрастов, из них 80% – мужчины, которые умирают в основном в результате предотвратимых причин смерти.

По уровню смертности Россию опережают лишь Афганистан, Украина и некоторые беднейшие африканские страны, в том числе пораженные эпидемией ВИЧ/СПИД (см. табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент смертности населения в странах-мировых лидерах по этому показателю

Россия	14
Украина	15
Свазиленд	15
Зимбабве	15
Мали	15
Малави	15
Лесото	16
ЮАР	16
Чад	16
Сомали	16
Сьерра Леоне	16
Конго	17

Источник: Population Reference Bureau. 2012 World Population Data Sheet.

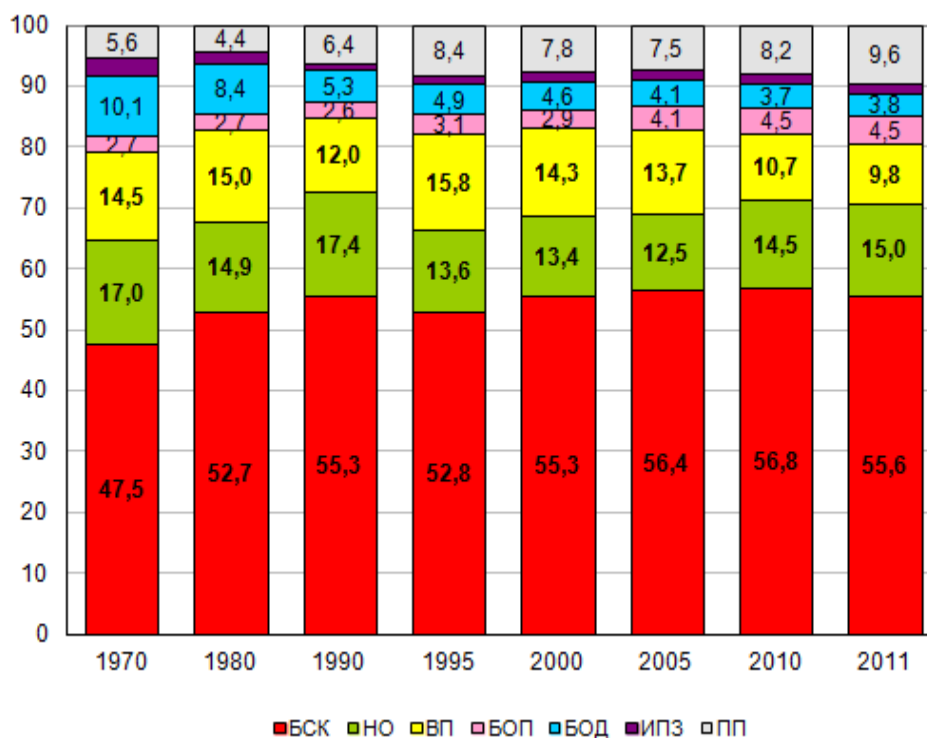
В России более половины смертей начиная с 1970-х гг. обусловлены болезнями системы кровообращения (см. рис. 4). Неприятная специфика российской смертности от болезней системы кровообращения заключается в том, что средний возраст смерти от них, будучи самым высоким, по сравнению с другими причинами смерти в России, в свою очередь, намного ниже, чем средний возраст смерти от этой причины в других странах.

Второе место среди причин смерти занимают новообразования (в основном, злокачественные), хотя иногда они отодвигались на третье место, уступая «пальму первенства» внешними причинами смерти.

Третье место среди причин смерти до сих пор прочно удерживают внешние причины смерти, выходя в отдельные периоды (1993–1996 гг. и 1999–2005 гг.) на второе место. В последние годы доля умерших от внешних причин устойчиво сокращается, что можно расценить как благоприятную тенденцию последних лет, поскольку такая структура причин смерти ближе к структуре смертности населения развитых стран мира с более низкими уровнями смертности. Но, несмотря на устойчивое и значительное снижение, наблюдающееся с 2003 г. смертность от внешних причин в России остается крайне высокой.

Рисунок 4

Распределение умерших по основным классам причин смерти, 2011 г. – по данным ежемесячной регистрации (без учета диагнозов окончательных медицинских свидетельств)

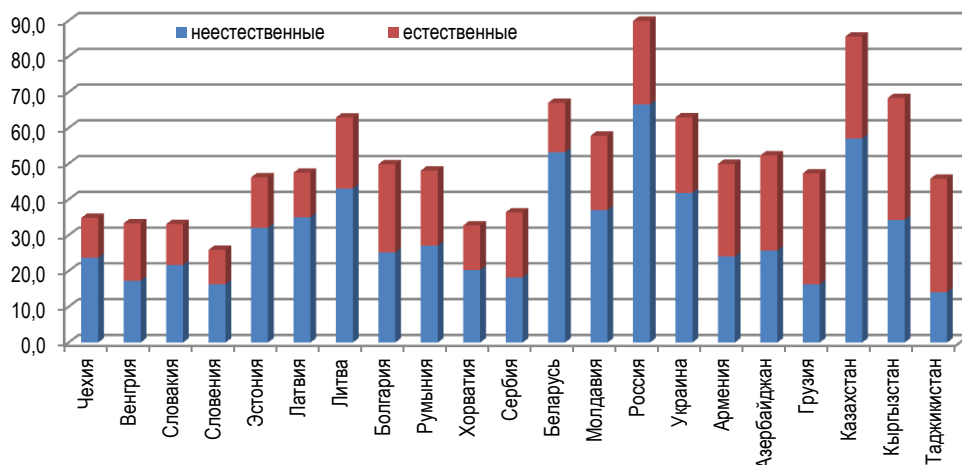

Примечание: БСК – болезни системы кровообращения, НО – новообразования, ВП – внешние причины, БОП – болезни органов пищеварения, БОД – болезни органов дыхания, ИПЗ – некоторые инфекционные и паразитарные болезни, ПП – прочие причины.

В России зарегистрирован беспрецедентный для мирного времени уровень смертности среди подростков 15–19 лет, намного опережающий аналогичный показатель не только в развитых странах, но и в государствах Центральной и Восточной Европы (см. рис. 5). При этом основными причинами смерти являются внешние причины – травмы в результате несчастных случаев, отравления, самоубийств или насилия. На их долю приходится более 70% случаев раннего ухода из жизни.

Рисунок 5

Уровень смертности молодых людей в возрасте 15–19 лет, на 100 тыс. населения соответствующего возраста, 2010 г.

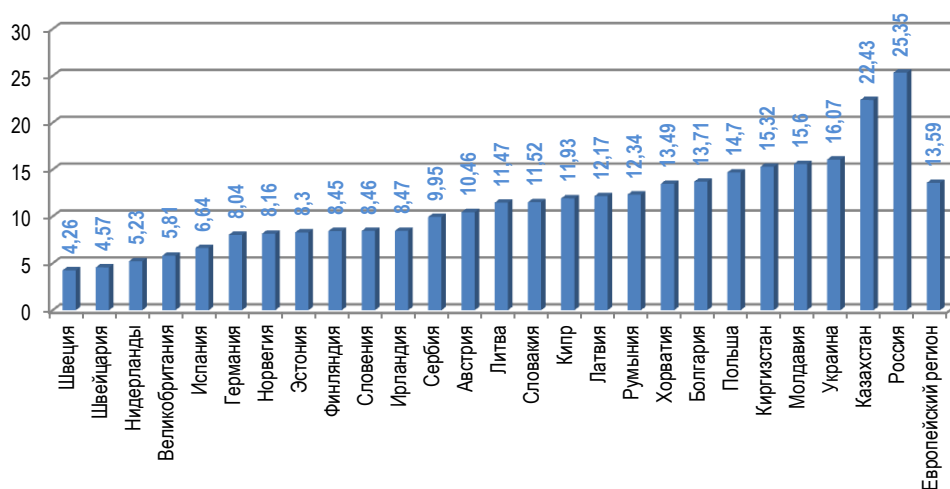
Источник: TransMONEE 2012 DATABASE. UNICEF Innocenti Research Centre. www.unicef-irc.org.

Среди ведущих причин подростковой смертности выделяются дорожно-транспортные происшествия. Наряду с увеличением автомобильного парка с начала 90-х гг., в России наблюдалось драматическое ухудшение дорожной безопасности, обусловленное сочетанием таких факторов как плохие дороги, злоупотребление алкогольными напитками водителями и пешеходами, низкое качество догоспитальной помощи. В результате Россия относится к странам Европейского региона с самым высоким уровнем смертности от дорожно-транспортного травматизма в возрастной группе 15–29 лет (см. рис. 6).

Следующей по распространенности причиной смерти в результате травм являются самоубийства. Порой целые города охватывает эпидемия детских и подростковых суицидов, по уровню которых среди юношей 15–19 лет Россия вновь опережает большинство европейских стран (см. рис. 7).

Рисунок 6

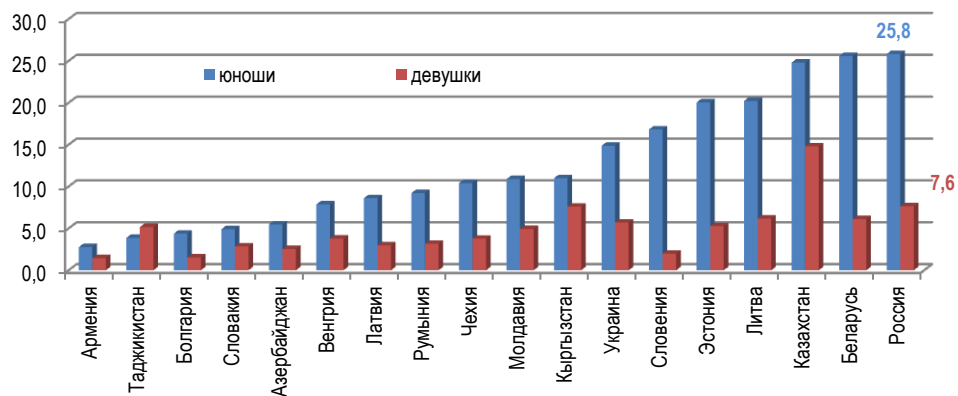
Уровень смертности подростков и молодежи 15–29 лет по причине дорожно-транспортного травматизма, на 100 тыс. населения соответствующего возраста, 2010 г.

Источник: European mortality database. 2012.

Рисунок 7

Уровень смертности молодых людей в возрасте 15–19 лет по причине суицидов, на 100 тыс. населения соответствующего возраста, 2010 г.

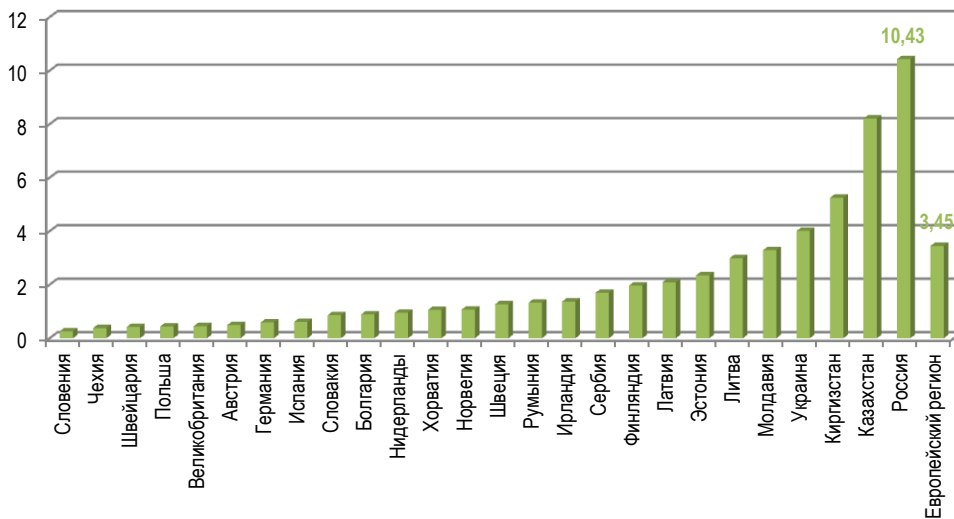

Источник: TransMONEE 2012 DATABASE. UNICEF Innocenti Research Centre. www.unicef-irc.org

Важнейшей причиной подростковой травматической смертности являются убийства (см. рис. 8). Молодые россияне убивают друг друга чаще, чем где-либо в других странах Европы, причем чаще на бытовой почве, нежели в военных конфликтах. Среди основных причин, по мнению экспертов, можно выделить невозможность самореализации и повсеместное употребление алкоголя.

Рисунок 8

Уровень смертности молодых людей в возрасте 15–29 лет по причине убийств, на 100 тыс. населения соответствующего возраста, 2010

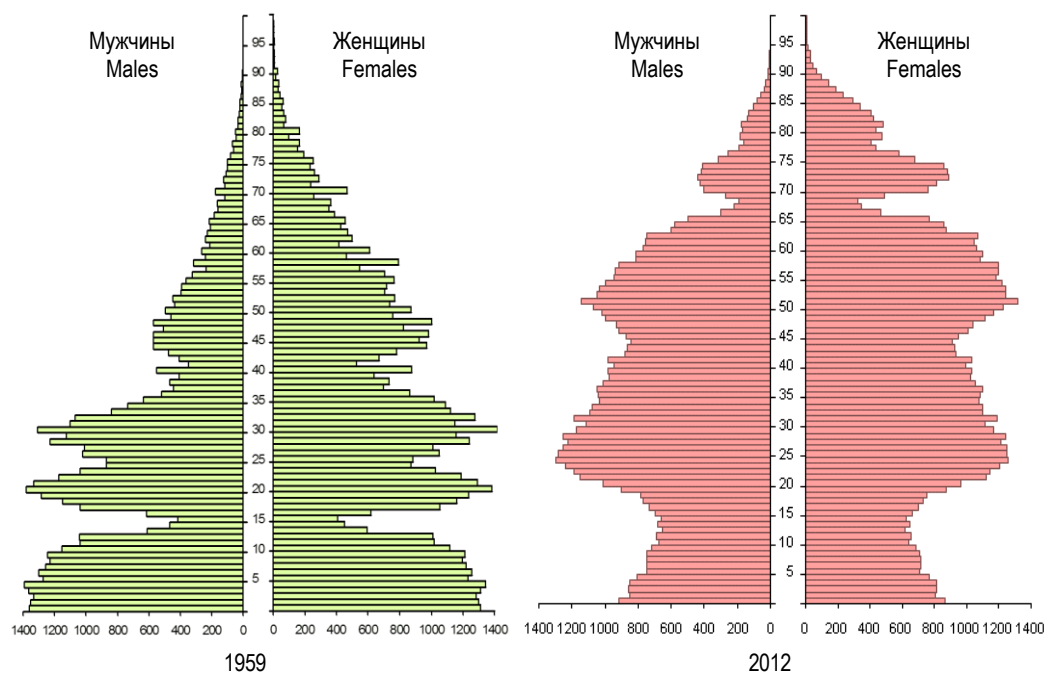

Источник: European mortality database. 2012.

Старение населения. Процессы рождаемости и смертности (причем не только последних лет, но на протяжении всего прошлого столетия) сильно деформировали половозрастную структуру населения страны, привели к «провалам», которые влияют на динамику численности россиян сегодня и будут влиять в течение этого столетия. Доля населения старше трудоспособного возраста относительно стабильна на протяжении последних лет, что обусловлено относительной малочисленностью поколения, рожденного в военные и первые послевоенные годы. Однако она уже стала быстро увеличиваться, поскольку пенсионного возраста достигают многолюдные поколения людей, родившихся в 1950-е гг. Это является и причиной сокращения численности населения трудоспособных возрастов, которое усугубляется также резким сокращением контингентов, вступающих в рабочие возраста (поколения родившихся в первой половине 1990-х гг.). Небольшое увеличение числа родившихся, наблюдавшееся с 2000-х гг., не может заметно затормозить быстрое сокращение доли детских возрастов.

Рисунок 9

Половозрастная структура населения

Источник: Росстат, Демографический ежегодник России. 2012.

Таким образом, несмотря на некоторые положительные тенденции, связанные с увеличением рождаемости, сокращением смертности в последние годы, достигнутые уровни этих процессов все еще крайне далеки от желаемых, а сами тенденции слишком кратковременны, чтобы можно было с уверенностью говорить об их устойчивости.

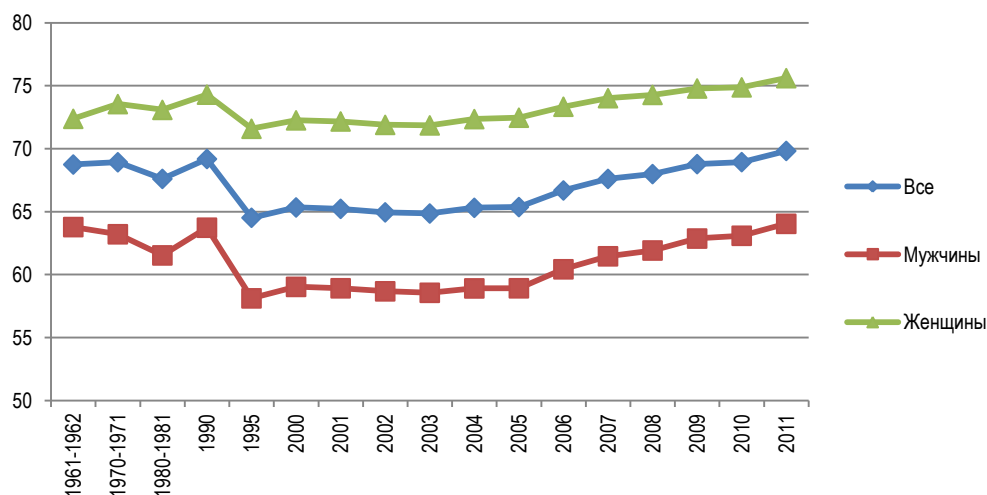
К тому же вызывает тревогу состояние здоровья россиян. Перечислим главные проблемы в этой сфере.

Здоровье населения. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) увеличивается (см. рис. 10), но остается значительно ниже, чем в европейских странах (см. табл. 3). Для сравнения, например, в Японии величина ожидаемой продолжительности жизни достигает 86 лет, в развитых европейских странах она чуть ниже (Швейцария – 84 года, Швеция – 83 года, Италия – 84 года, Испания – 85 лет), затем идут североамериканские страны (США – 79 лет, Канада – 81 год). По уровню ОПЖ Россия стоит в одном ряду с Азербайджаном – 68 лет, Боливией – 68 лет, Гватемалой – 69 лет, опережая лишь Африканские страны и ряд стран Азии. При этом в России мужчины в среднем живут на 17 лет меньше, чем в развитых европейских государствах, а женщины – на 10 лет. Ключевую роль

в снижении ОПЖ в России играет увеличение смертности людей трудоспособного возраста, главным образом мужчин, которая с 1990 г. выросла на 40%.

Рисунок 10

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет

Источник: Росстат, Российский статистический ежегодник. 2012.

Россияне не только живут меньше по сравнению с населением большинства стран европейского региона, но и в худшем состоянии здоровья. ВОЗ использует относительно новый индикатор – *ожидаемую продолжительность здоровой жизни* (ОПЗЖ), рассчитываемую на основе ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) за вычетом числа лет, прожитых в состоянии болезни и инвалидности. По сравнению с другими развитыми странами Россия имеет один из наиболее низких показателей ОПЗЖ, равный в 2007 г. 60 годам (65 лет для женщин и 55 лет для мужчин), что примерно на 13 лет меньше, чем в среднем по Европе (см. табл. 4).

Продолжает увеличиваться заболеваемость россиян. Общий показатель частоты впервые выявленных заболеваний в Российской Федерации в 1992–2011 гг. вырос на 30%. В 2010 г. уровень заболеваемости немного снизился по сравнению с предыдущим годом, однако в 2011 г. негативный тренд был продолжен (см. табл. 5). Отчасти рост заболеваемости является неизбежным следствием старения населения, отчасти – ухудшения состояния здоровья населения.

Таблица 3

Ожидаемая продолжительность жизни

Страна	Ожидаемая продолжительность жизни (лет)		
	Оба пола	Мужчины	Женщины
<i>Страны с наибольшей ожидаемой продолжительностью жизни</i>			
Япония	83	80	86
Австралия	82	80	84
Исландия	82	80	84
Италия	82	79	84
Швейцария	82	80	84
Израиль	82	80	83
Испания	82	79	85
Канада	81	79	83
Новая Зеландия	81	79	83
Норвегия	81	79	83
Швеция	81	79	83
Нидерланды	81	78	83
<i>Российская Федерация</i>			
Россия (2011)	70	64	76
<i>Страны с наименьшей ожидаемой продолжительностью жизни</i>			
Сьерра-Леоне	49	48	50
Конго	49	47	51
Замбия	48	46	50
Свазиленд	49	47	50
Мозамбик	49	47	51
Зимбабве	49	47	50
Центральноафриканская Республика	48	49	48
Лесото	48	46	50
Чад	48	48	48

Источник: WHO, World health statistics. 2012.

IV. Модели совершенствования социальной реальности

Таблица 4

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ) в Европейском регионе ВОЗ (последний год, по которому доступны данные – 2007 г.)

Страна	ОПЗЖ	Страна	ОПЗЖ
Австрия	72	Словения	71
Бельгия	72	Финляндия	72
Венгрия	66	Франция	73
Германия	73	Швейцария	75
Греция	72	Швеция	74
Дания	72	Эстония	66
Ирландия	73	Беларусь	62
Испания	74	Казахстан	56
Италия	74	Кыргызстан	57
Латвия	64	Таджикистан	57
Литва	63	Туркменистан	55
Норвегия	73	Узбекистан	59
Польша	67	Молдавия	61
Португалия	71	Украина	60
Румыния	65	Россия	60
Словакия	67	Азербайджан	59

Источник: WHO, World health statistics. 2009.

Таблица 5

Заболееваемость населения в России по основным классам болезней на 1000 человек населения (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни)

	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Инфекционные и паразитарные болезни	34,9	47,1	44,3	37,3	37,2	37,3	36,3	34,4	32,8	32,4
Новообразования	5,5	6,6	8,4	9,5	9,9	10,1	10,1	10,7	10,8	11,1
Болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ и иммунитета	3,6	5,5	8,5	9,6	11,7	11,5	11,4	10,4	10,2	10,3
Болезни крови и кроветворных органов	1,3	2,7	3,8	4,5	5,3	5,4	5,3	5,1	4,9	4,7
Болезни нервной системы и органов чувств	45,8	57,9	69,1	73	76,4	76,2	75,6	76,2	76,5	77,6
Болезни системы кровообращения	11,2	13,2	17,1	23	26,5	26	26,5	26,3	26,1	26,6
Болезни органов дыхания	336,1	294,1	317,2	294,4	296	300,8	302,8	337,2	324	338,8
Болезни органов пищеварения	27,2	36,1	32,3	35,4	35,1	34,3	34,4	34,3	33,4	33,3
Болезни мочеполовой системы	19,6	28,8	37,6	46,1	48,7	48,6	48,4	47,9	47,9	49,3
Болезни кожи и подкожной клетчатки	35	47,9	44	49,7	50,6	50,1	49,4	49	48,2	47,5
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	24,8	26,6	30,6	33,3	35,2	35,2	35,1	34,7	33,5	33,6
Врожденные аномалии (пороки развития)	0,7	1,1	1,5	1,7	1,8	1,9	2,1	2,1	2,1	2,1
Травмы и отравления	85,2	87,7	86,2	90	89,2	91,5	91,2	90	91,7	92,8

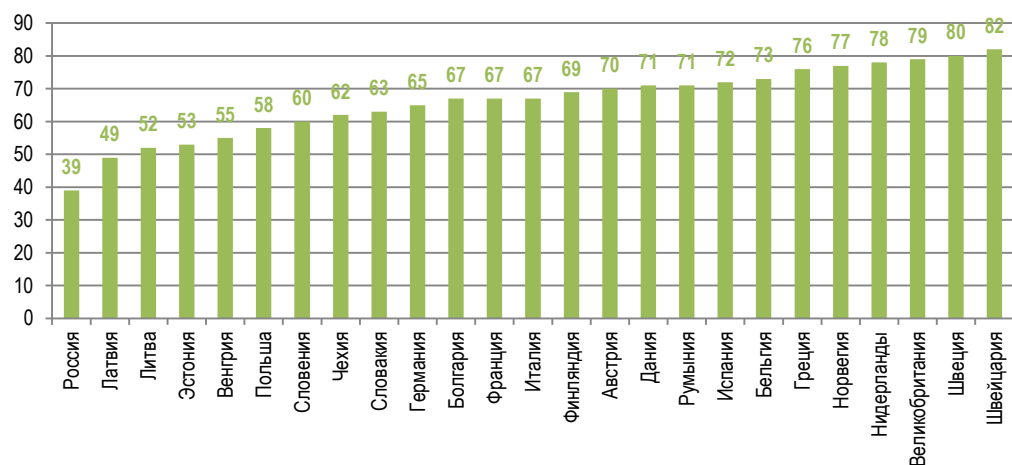
Источник: Росстат, Российский статистический ежегодник. 2012.

Рост заболеваемости наблюдается по всем классам болезней. Наиболее существенное увеличение числа зарегистрированных больных с впервые установленным диагнозом было отмечено по болезням крови и кроветворных органов (в 3,6 раз), эндокринной системы (в 2,9 раз), мочеполовой системы (в 2,5 раз), системы кровообращения (в 2,4 раза).

Объективные показатели здоровья населения могут быть дополнены субъективными, полученными в результате опроса населения самооценками состояния здоровья. Сравнение самооценок здоровья граждан Российской Федерации с аналогичными показателями жителей Европейского региона – не в пользу первых (см. рис. 11).

Рисунок 11

Доля населения с хорошим и очень хорошим здоровьем в Европейском регионе ВОЗ

Источник: OECD (2012), Health at a Glance: Europe 2012, OECD Publishing, Росстат.

Ухудшается репродуктивное здоровье женщин. Продолжается рост заболеваемости злокачественными новообразованиями, расстройствами менструации, бесплодиями, осложнениями беременности, родов и послеродового периода (см. табл. 6).

Беспокойство вызывает состояние здоровья детей и, особенно, подростков. Растет заболеваемость, в том числе и болезнями высокого уровня, т.е. тяжелыми, трудноизлечимыми или практически неизлечимыми.

С 1991 г. по 2009 г. первичная заболеваемость детей в возрасте до 14 лет увеличилась в 1,7 раз, а детей подросткового возраста (15–17 лет) – в 2,5 раза (см. рис. 12). По мнению специалистов, реальный уровень заболеваемости в 1,5–2 раза выше, чем по данным официальной статистики (о чем свидетельствуют научные исследования)¹⁶⁴. В 2010 г. заболеваемость детей немного снизилась, но в 2011 г. рост заболеваемости был продолжен.

¹⁶⁴ Баранов А.А. Профилактика болезней детского возраста, их социальных и медицинских последствий // <http://www.otrok.ru/doktor/info/baranov.pdf>.

Таблица 6

Заболеваемость женщин отдельными гинекологическими болезнями, зарегистрировано с диагнозом, установленным впервые в жизни на 100000 женщин

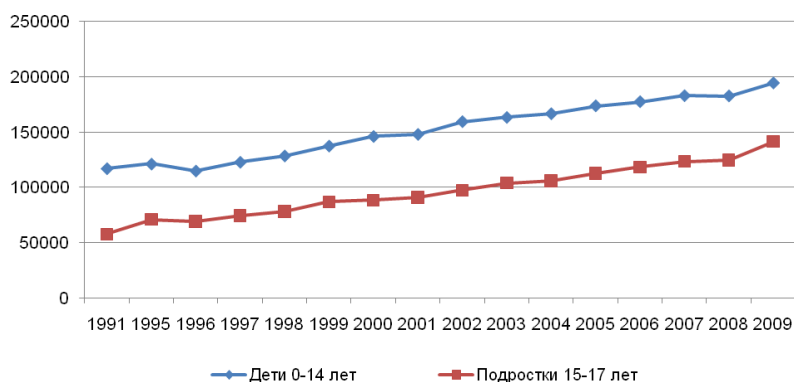
	1990	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011
Злокачественные новообразования	246,8	263,7	299,6	328,5	342,0	351,4	363,1	367,4
Из них								
Молочной железы	39,5	48,1	57,7	65,1	68,3	70,7	74,5	74,9
Шейки и тела матки, плаценты	30,9	31,9	35,4	39,6	42,6	44,4	45,1	46,5
Яичника	12,8	13,7	15,1	16,2	16,6	16,7	17,0	16,9
Эрозия и эктропион шейки матки ¹⁾	949,1	844,2	812,3	796,1	639,9	645,5	...	432,8
Расстройства менструаций ²⁾	239,9	542,6	876,9	1240,8	1268,0	1282,0	1365,6	1389,3
Бесплодие ³⁾	127,1	116,4	138,4	146,2	192,0	196,2	201,3	224,2
Осложнения беременности, родов и послеродового периода ⁴⁾	3650,7	3798,1	5288,2	6289,2	6819,5	7119,6	7595,8	7722,8

Примечание: ¹⁾ в возрасте 18 лет и старше; ²⁾ в возрасте 10–49 лет; ³⁾ в возрасте 18–49 лет; ⁴⁾ в возрасте 15–49 лет.

Источник: Росстат, Российский статистический ежегодник. 2012.

Рисунок 12

Заболеваемость детей 0–14 лет и подростков 15–17 лет, зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни на 100 тыс. детей

Источник: Росстат, Здравоохранение в России. 2011.

Заболеваемость выросла по всем классам болезней и для всех возрастных групп детского населения (см. табл. 7). Существенно увеличилась первичная заболеваемости детей и подростков некоторыми болезнями высокого уровня, т.е. тяжелыми, трудноизлечимыми или практически неизлечимыми. Темпы прироста хронической патологии значительно выше среди подростков.

Таблица 7

Рост первичной заболеваемости детей и подростков по основным группам болезней, 1991–2009 гг., раз

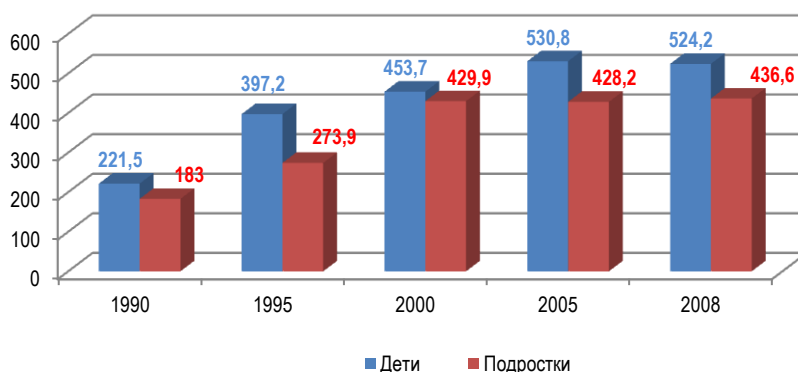
	Дети 0–14 лет	Подростки 15–17 лет
Болезни системы кровообращения	4,4	4,7
Болезни крови и кроветворных органов	4,0	7,9
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	4,3	5,6
Болезни мочеполовой системы	3,8	5,7
Болезни эндокринной системы	2,8	4,8
Болезни кожи и подкожной клетчатки	1,9	2,7
Болезни нервной системы и органов чувств	2,4	3,8
Новообразования	3,8	5,5
Врожденные аномалии	3,9	4,8
Болезни органов пищеварения	2,1	2,5
Травмы и отравления	1,6	1,8

С каждым годом увеличивается количество детей и подростков, страдающих расстройствами психики. С 1990 г. число таких детей, обратившихся за консультативно-лечебной помощью, на 100 тыс. выросло более чем в 2 раза; численность больных, которым оказывается консультативно-диагностическая помощь, – в 4 раза (см. рис. 13 и рис. 14).

Сложившийся уровень физического и психического здоровья детей и подростков во многом определяет ограничение возможности получения полноценного общего среднего и профессионального образования, снижение уровня годности юношей к военной службе, влияет на возможность дальнейшего трудоустройства.

Рисунок 13

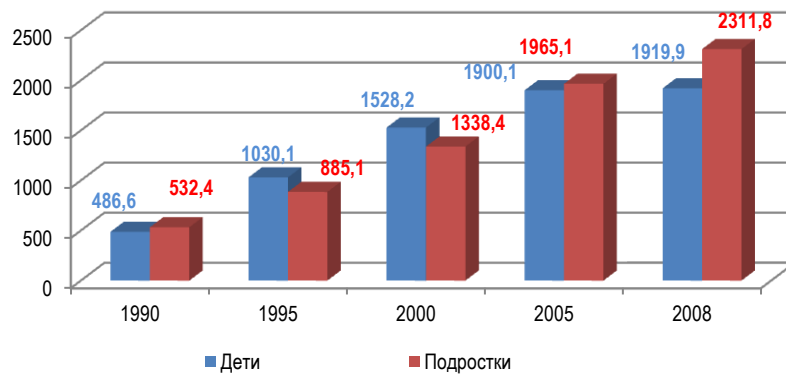
Численность больных, обратившихся за консультативно-лечебной помощью, на 100 тыс.

Источник: Росстат, Здравоохранение в России. 2011.

Рисунок 14

Численность больных, которым оказывается консультативно-лечебная помощь, на 100 тыс.

Источник: Росстат, Здравоохранение в России. 2011.

Растет заболеваемость детей и подростков патологиями, существенно влияющими на реализацию репродуктивной функции. Увеличивается и не имеет тенденции к снижению заболеваемость мочеполовой системы. По оценкам специалистов, проблемы в репродуктивной сфере имеют 70% девушек и 50% юношей. По мнению экспертов, каждый пятый подросток в будущем не сможет иметь детей.

Краткий обзор демографической ситуации и состояния здоровья населения позволяет сделать вывод, что если в ближайшие годы не будут предприняты меры, общество столкнется с серьезными проблемами в будущем.

Для восстановления численности населения следует делать ставку на интенсивную семейную политику, культ семьи, преодоление малодетного мышления у большинства населения. Основной целью государственной политики, направленной на снижение смертности, сохранение и улучшение здоровья населения, должно стать создание социальных и экономических условий, которые способствуют хорошему здоровью и долголетию в равной мере для всего населения (снижение бедности и неравенства, обеспечение благоприятных условий раннего развития, адекватного и доступного по стоимости жилья, занятости населения с достойной оплатой и безопасными условиями труда). Необходимы специальные программы для решения особо важных проблем: профилактика дорожно-транспортного травматизма; формирование здорового образа жизни, в том числе популяризация культуры здорового питания, спортивно-оздоровительных программ и профилактика наркомании, алкоголизма.

Социально-экономическое неравенство как риск для демографического развития России

Одним из самых отрицательных последствий реформ 90-х гг. стало резкое расслоение населения по уровню жизни. Только за период с 1991 г. по 1995 г. индекс, характеризующий степень неравномерности в распределении доходов, – индекс Джини – практически

удвоился (см. табл. 8). Картина растущего неравенства становится еще более драматичной, если рассмотреть социальные различия между богатыми и бедными группами населения. Менее чем за пять лет (1991–1995) это соотношение увеличилось почти в 4 раза и составило 13,5:1 (см. табл. 8). В то время как в качестве предельно допустимого значения коэффициента фондов (соотношения средних доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченных групп) мировая практика применяет соотношение 10:1¹⁶⁵.

Таблица 8

Распределение общего объема денежных доходов населения

	1991	1995	2000	2005	2011
Денежные доходы – всего (%)	100	100	100	100	100
В том числе по 20-процентным группам населения:					
Первая (с наименьшими доходами)	11,9	6,1	5,9	5,4	5,2
Вторая	15,8	10,8	10,4	10,1	9,9
Третья	18,8	15,2	15,1	15,1	14,9
Четвертая	22,8	21,6	21,9	22,7	22,6
Пятая (с наибольшими доходами)	30,7	46,3	46,7	46,7	47,4
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) (раз)	4,5	13,5	13,9	15,2	16,2
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,260	0,387	0,395	0,409	0,417

Источник: Росстат.

Плоды оживления экономики и экономического роста 2000-х гг. вновь распределялись в пользу богатых слоев населения. Почти половина общего объема доходов достается самой богатой 20-процентной группе населения, а наиболее бедным 20% остается лишь пять процентов. Коэффициент Джини в 2000-х гг. продолжил свой рост и превысил 0,4. Это только официальные данные. Реальные показатели расслоения общества, по оценкам специалистов, значительно выше. По показателям неравномерности распределения доходов Россия находится на уровне южно-африканских стран. Так, в Кении коэффициент Джини равен 0,42; в Нигерии – 0,44; в то время, как в Беларуси – 0,27; Украине – 0,28; Германии – 0,27; во Франции – 0,33; в Великобритании – 0,34¹⁶⁶.

Один из аргументов противников неравенства сводится к тому, что чрезмерная дифференциация доходов оказывает негативное влияние на общественное здоровье. Для России указанная проблема имеет особое значение, так как ее обострение вызвано «наступлением с обоих флангов», с одной стороны, резкого социально-экономического расслоения общества и не имеющего мировых аналогов ухудшения демографической ситуации – с другой. Одновременно с ростом неравенства в России наблюдается катастрофическая депопуля-

¹⁶⁵ Столяров И.И., Ильина И.А. Доходы россиян: постреформенная динамика // «Финансы». 1997, №7. С. 57–59.

¹⁶⁶ The World Factbook // https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/print_2172.html.

ция, обусловленная «сложившимся режимом воспроизводства населения», который сочетает в себе «европейскую рождаемость и африканскую смертность»¹⁶⁷. Ежегодно мы теряем более 2 млн человек. Среди всех умерших почти 30% (более 500 тыс. человек) приходится на лиц трудоспособных возрастов, из них 80% – мужчины, которые умирают в основном в результате предотвратимых причин смерти. Население России не только уменьшается, но и становится все менее и менее здоровым.

Неравенство убивает: эмпирическое доказательство

Эмпирические исследования связи неравенства и различных агрегированных индикаторов здоровья, главным образом основанные на сравнениях в экономически развитых странах или в штатах и городах США, свидетельствуют о существовании положительной корреляции между неравномерностью распределения дохода и здоровьем. Анализ около 169 исследований показал, что зависимость здоровья от неравенства была установлена в 70% случаев (см. табл. 9): страны с неравным распределением доходов характеризуются низкой продолжительностью жизни, высокой смертностью, в том числе и младенческой, большой долей маловесных новорожденных¹⁶⁸. Обращает на себя тот факт, что из 27 исследований, который рассматривали влияние неравенства на смертность по причине убийств, 26 полностью подтвердили эту связь.

Кроме того, установлено, что неравенство не только оказывает негативное воздействие на здоровье, но и способствует возникновению различных социальных проблем (см. табл. 10)¹⁶⁹.

Таблица 9

Результаты 169 исследований связи между неравенством и здоровьем

	Связь полностью подтверждена	Связь частично подтверждена	Связь не подтверждена	Всего исследований	% исследований, в которых связь была полностью подтверждена
Международные исследования	30 (11)	9	6	45 (11)	83%
Исследования на уровне штатов, регионов, городов	46 (13)	21	17	84 (13)	73%
Исследования на уровне уездов, районов и т.п.	12 (2)	14	14 (1)	40 (3)	45%
Итого	88 (26)	44	37 (1)	169 (27)	70%

Примечание: в скобках – исследования связи между неравенством и смертностью по причине убийств.

Источник: Wilkinson R.G., Pickett K.E. Income inequality and population health: A review and explanation of the evidence // "Social Science & Medicine". 2006, 62(7). P.1768–1784.

¹⁶⁷ Рыбаковский Л.Л. Десятилетие депопуляции в России (причины, результаты, последствия) // Социальная сфера: проблемы и суждения. Материалы шестых Мильнеровских чтений (Москва, декабрь 2002 г.). М., 2002. С.384.

¹⁶⁸ Wilkinson R.G., Pickett K.E. Income inequality and population health: A review and explanation of the evidence // "Social Science & Medicine". 2006, 62(7). P.1768–1784.

¹⁶⁹ Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. London: Penguin. 2009. P.352.

Таблица 10

Влияние неравенства на здоровье и возникновение различных социальных проблем

	Коэффициент корреляции
Социальная мобильность	0,93
Подростковые беременности	0,73
Количество заключенных	0,67
Доверие	-0,66
Психические расстройства	0,59
Ожирение	0,57
Убийства	0,47
Успеваемость	-0,45
Продолжительность жизни	-0,44
Младенческая смертность	0,42
Итоговый индекс общественного здоровья и социальных проблем	0,87

Источник: Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. London: Penguin. 2009.

Результаты, представленные в табл. 10, свидетельствуют о высокой корреляции между неравенством и социальной мобильностью, подростковыми беременностями, уровнем доверия в обществе, количеством заключенных в пенитенциарных учреждениях, психическими заболеваниями и ожирением. Связь между неравенством и другими индикаторами была чуть меньше по величине, но также впечатляющей. Среди этих индикаторов: убийства, успеваемость, продолжительность жизни, младенческая смертность.

Влияние неравенства в распределении доходов на демографическую ситуацию было эмпирически доказано на примере стран с переходной экономикой, включая Россию¹⁷⁰. Установлена тесная связь между расслоением по доходам и смертностью взрослого населения, особенно мужчин в возрасте 45–54 лет и женщин в возрасте 35–44 лет. В этом случае фактор неравенства объясняет около 30% вариабельности показателя смертности. Огромный вклад болезней системы кровообращения в избыточную преждевременную смертность населения заставил рассмотреть этот класс причин более подробно. Оказалось, что переменная, характеризующая неравенство доходов, более преуспела в объяснении смертности от болезней системы кровообращения у мужчин, нежели у женщин. Например, для мужчин в возрасте 45–54 лет неравенство объясняет около 22% смертности от сердечно-сосудистых заболеваний.

¹⁷⁰ Кислицына О. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. М., 2005.

Неравенство и демографическое развитие: теоретическая связь

Существует несколько объяснений устойчивой взаимосвязи между общественным здоровьем и неравенством¹⁷¹.

Теория абсолютного дохода. В обществах с высоким неравенством большая доля населения живет в бедности, которая, в свою очередь, неблагоприятно влияет на здоровье. Например, согласно результатам Люксембургского исследования доходов (Luxemburg Income Study), существует устойчивая положительная корреляция между степенью неравенства в доходах в стране, и долей детей, живущих в бедности, т.е., чем больше неравенство, тем большую долю составляют бедные дети¹⁷².

Теория психосоциального воздействия. Неравенство само по себе производит общественную среду, которая, в конце концов, оказывает негативное влияние на демографическую ситуацию. Различают две версии теории психосоциального воздействия¹⁷³, одна из которых акцентирует внимание на роли негативных психологических последствий высокого неравенства на здоровье (психологический аспект), другая рассматривает социальный капитал в качестве посредника между неравенством и здоровьем (социальный аспект).

Психологический аспект теории психосоциального воздействия. По мнению исследователей, люди оценивают свое положение в обществе путем сравнения с положением других окружающих их людей. Чем больше социальное неравенство, тем больше они осознают, что ничего не могут сделать, чтобы изменить свой низкий социальный статус. Это создает губительный стресс, который в свою очередь способствует развитию сердечнососудистых заболеваний, депрессии, и т.п. Таким образом, неравенство является причиной возникновения проблем со здоровьем среди тех, кто находится на нижних ступенях социальной иерархии. Однако стресс и депрессии способствуют тому, что индивид, возможно, станет виновником аварии или совершит преступление. И, таким образом, вредное воздействие неравенства может распространиться на все население в целом.

Социальный аспект теории психосоциального воздействия. Разрушение социального капитала выступает как дополнительный механизм, лежащий в основе отношений между неравенством дохода и здоровьем¹⁷⁴. Под социальным капиталом понимается уровень доверия и сплоченности в обществе, включая такую деятельность как, например, участие в выборах, в добровольных общественных организациях. Люди предпочитают объединяться

¹⁷¹ Wagstaff A., van Doorslaer E. Income inequality and health: what does the literature tell us? // "Annual Review of Public Health". 2000, 21. P.543–567.

¹⁷² Raphael D. From increasing poverty to societal disintegration. How economic inequality affects the health of individuals and communities // Armstrong H., Armstrong P., Coburn D. (Eds.) The political economy of health and health care in Canada. Toronto, Oxford University Press. 2001. P.223–246.

¹⁷³ Layte R. The association between income inequality and mental health: Testing status anxiety, social capital, and neo-materialist explanations // "European Sociological Review". 2011. V. 28, №4. P.498–511.

¹⁷⁴ Kawachi I., Kennedy B.P. Income inequality and health: Pathways and mechanism // "Health Services Research". 1999, №34 (1). P.215–227.

с другими, подобными им самим¹⁷⁵. Неравенство разъединяет социум, препятствует образованию социального капитала, что оказывает отрицательное воздействие на здоровье. В поляризованном обществе на нижнем полюсе – полюсе бедности, к которому принадлежит большая часть населения, – концентрируется апатия, пассивность, недоверие власти, недоверие людей друг другу. Недостаток социального капитала может привести к тому, что люди чувствуют себя изолированными и уязвимыми, что, в свою очередь, влечет за собой рост числа стрессовых состояний, депрессий. Более того, для того, чтобы снять напряжение, люди, подверженные стрессу, злоупотребляют алкоголем, наркотиками, табакокурением. Это повышает риск смерти в результате внешних причин (аварий, актов насилия) не только для бедного, но и для хорошо обеспеченного населения. Прослеживается тесная связь между неравенством и случаями смерти в результате насилия, несчастных случаев и злоупотребления алкоголем в странах как Восточной, так и Западной Европы¹⁷⁶.

Неоматериальная теория (теория ресурсов). Несправедливое распределение дохода в стране приводит к неравному доступу различных слоев населения к товарам и услугам, прямо или косвенно способствующим улучшению состояния здоровья. Высокое неравенство приводит к более ограниченным инвестициям в такие общественные программы, как здравоохранение и образование, которые особенно важны для групп с низкими доходами¹⁷⁷.

Таким образом, можно считать доказанным тот факт, что ухудшение демографических показателей и возникновение многих социальных проблем в значительной мере обусловлено уровнем социально-экономического расслоения. Отсюда следует, что без регулирования неравенства в распределении доходов населения невозможно преодолеть негативные демографические и другие социально-экономические и политические тенденции, сложившиеся в России. Основные пути для сокращения неравенства хорошо известны и многократно апробированы в других странах (мероприятия по формированию эффективного рынка труда, снижению неравенства доходов за счет социальных трансфертов и повышения минимальных гарантий в сфере социального обеспечения, введение прогрессивной шкалы налогообложения, а также налогов на богатство и роскошь). Воплощение их в России – **вопрос лишь политической воли.**

¹⁷⁵ McPherson M., Smith-Lovi L., Cook J.M. Birds of a Feather: Homophily in social networks // “Annual Review of Sociology”. 2001, 27. P.415–444.

¹⁷⁶ McIsaac S.J., Wilkinson R.G. Income distribution and cause-specific mortality // “European Journal of Public Health”. 1997, 7 (1). P.45–53.

¹⁷⁷ Lynch J.W., Smith G.D., Kaplan G.A., House J.S. Income inequality and mortality: Importance to health of individual income, psychosocial environment, or material conditions // “British Medical Journal”. 2000, 320. P.1200–1204.

МЕТОДОЛОГИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРАН-УЧАСТНИЦ ПРОЦЕССА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Экономическая ситуация в России и мире, геополитическое соперничество на постсоветском пространстве, с одной стороны, и понимание Россией своей роли в интеграции экономического пространства Евразии (в силу обладания самыми мощными экономическими, военными и политическими ресурсами), с другой, актуализировали идею евразийского интеграционного проекта. Его успех зависит от степени и качества проработки долгосрочной стратегии формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС), важнейшей частью которой является модель социального взаимодействия стран-участниц ЕАЭС, обеспечивающая реализацию главной задачи данного интеграционного объединения – построение конкурентоспособного экономического союза в интересах повышения стабильности и уровня жизни населения всех участников, обоснование роли и места России в социальном измерении интеграционного сотрудничества. Однако в настоящее время поиск социальной формулы интеграции не ведется, что может стать сдерживающим фактором реализации евразийского проекта, негативно отразиться на потенциале РФ.

Конструирование социальной модели ЕАЭС, важно как с точки зрения, социологического знания, так и социальной практики. Эта работа будет способствовать развитию социологической теории социальных институтов и социальных процессов, позволит выявить особенности формирования наднациональных социальных институтов, разработать современные модели социальной политики, показатели и индикаторы социального измерения консолидации, социальной сплоченности населения стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС), создаст условия для включения социологии в управление общественными процессами.

С позиции социальной реальности, актуальность предложенной проблемы состоит в востребованности практикой научно обоснованных институциональных, правовых и организационных основ модели социальной политики нового интеграционного объединения. Развитие евразийского экономического союза неизбежно поставит вопрос о взаимодействии в решении социальных вопросов стран-участниц данного процесса. Но ЕАЭС может брать на себя регулирование только тех вопросов, которые могут и должны быть решены именно на общем уровне, чтобы содействовать национальным и местным органам власти в повышении уровня и качества жизни населения. Предварительный анализ, конструирование и апробация модели по регулированию на наднациональном и национальном уровне социальных вопросов, обоснование роли и места России в социальном измерении инте-

грационного сотрудничества, помогут избежать проб и ошибок в принятии социально значимых решений ЕАЭС и РФ, получить максимальный социальный эффект в средне- и долгосрочной перспективе, укрепят лидирующие позиции России. Учитывая, что нормативно-правовая база евразийской интеграции должна быть сформирована до подписания Договора о Евразийском экономическом союзе, представляется очень важным, чтобы в ней были учтены социальные механизмы межгосударственного взаимодействия.

Научная новизна разработки социальной модели состоит в уникальности процесса формирования нового интеграционного объединения в условиях значительных изменений, произошедших на постсоветском и мировом пространстве. Социальная модель ЕАЭС не может повторить ни одну из предшествующих социальных моделей (СССР, ЕС), поскольку должна учесть поэтапность формирования союза в условиях глобализации, структурную перестройку экономики, разный уровень экономического и социального развития, демографическую неоднородность стран-участниц, изменение образа жизни людей, дифференциацию уровня жизни.

Предлагаемая тема адекватна современному состоянию мировой науки. Проблемы интеграции/дезинтеграции, идентификации находятся в центре внимания ученых мира. На всех последних конференциях Европейской и Международной социологических ассоциаций они находились в центре внимания ученых Европы и мира.

В современном научном знании проблема социального регулирования деятельности ЕАЭС остается на периферии научного поиска. Основное внимание российских исследователей сосредоточено на генезисе и развитии идей евразийства в трудах классиков и наших современников (М.И.Кротов, М.Л.Лапенко, А.Г.Мустафин), экономических и политических оценках проблем и перспектив евразийской интеграции (С.Н.Белоусов, В.Л.Бусько, А.Н.Быков, Е.А.Достанько, А.Г.Дугин, С.Г.Иванов, О.Леонова, Ю.В.Мишальченко, Л.М.Музапарова, Е.Пономарева, Г.Рудов, А.И.Фурсов), правовых вопросах деятельности ЕвразЭС и евразийской интеграции (А.Я.Капустин, Г.А.Яшева), стратегических вопросах национальной политики РФ в контексте формирования Евразийского союза (В.В.Кутепов, В.А.Михайлов), проблемах социальной политики Евросоюза и европейских государств (М.В.Карагалова, К.В.Кудинова, И.Л.Сизова). К проблемам евразийской интеграции обращаются наши коллеги из стран-участников ЕАЭС или потенциальных участников (А.Амребаев, Е.Волл, С.Миносян, Н.Радов)

В зарубежной литературе к вопросам консолидации и интеграции в современном мире, месте и роли России в глобализационных проектах Запада обращаются ученые и практики в рамках дискурса о геополитике (Зб.Бжезинский, А.Кинг, Э.Ласло, Э.Пестель, Ф.Ратцель, Э.М.Хаус, Б.Шнайдер и др.). Исследуются проблемы социальной защиты в ЕС (F.Pennings), социального партнерства, государства всеобщего благоденствия, глобализации социальной политики (B.Deacon, P.Stubbs, Г.Веттерберг, Дж.Скотт). Подробно проблемы глобальной социальной политики обсуждаются в одноименном журнале "Global Social Polisy". В Европе созданы объединения исследователей социальной политики в ЕС, которые обращаются к проблемам пенсионного обеспечения отдельных стран, рынка труда, безработицы. Специальных фундаментальных работ по социальной политике ЕАЭС в России и за рубежом нет.

Таким образом, проблема социального регулирования в рамках Евразийского экономического союза остается не разработанной и требует внимания ученых.

Создание ЕАЭС формирует новое поле представлений о едином экономическом и социальном пространстве, евразийской социальной безопасности, наднациональной социальной политике и социальной политике стран, вошедших в интеграционное объединение, социальной защите населения.

В качестве теоретического подхода к разработке модели социального взаимодействия целесообразно использовать полипарадигмальный подход, открывающий возможности обращения к парадигмам, опирающимся на различные теоретико-методологические инструментари. Это позволит в ходе исследования получить комплексное представление о динамической сущности социальных аспектов евразийской интеграции как сложном социальном феномене, включающем в себя, с одной стороны, объективную реальность, с другой, социально-сконструированные угрозы.

Продуктивными при построении модели являются идеи: происхождения и сущности социальных институтов и социального порядка, сформулированные в работах М.Вебера, Э.Дюркгейма, Г.Зиммеля, П.Сорокина, социального государства Т.Маршалла, необходимости вмешательства государства средствами социальной политики в разрешение конфликтов Т.Парсонса, правового государства Д.Локка, Вольтера, подконтрольности государства гражданскому обществу Р.Найера, государственного регулирования рыночной экономики Д.Кейнса. Важно иметь в виду преимущества и ограничения сложившихся моделей социальной политики в мире: государства всеобщего благосостояния (неолиберальная модель, консервативно-корпоративистская, социально-демократическая), плюралистической, корпоративной, марксистской, шведской патерналистской, немецкой моделей, моделей элит, социального рыночного хозяйства.

Очевидно, что каждое государство, вошедшее в ЕАЭС, будет реализовывать социальную политику самостоятельно в зависимости от уровня социально-экономического развития. Но учитывая социальные цели, растущее взаимодействие капиталов, товаров, услуг, модель социального взаимодействия должна создавать условия и предложить систему мер для того, чтобы сбалансировать экономические достижения и социальное развитие, экономический рост и социальную справедливость.

Под моделью социального взаимодействия стран-участниц процесса евразийской интеграции мы понимаем систему взаимообусловленных социальных действий, реализуемых в рамках определенной наднациональной стратегии данного интеграционного объединения. Именно она определяет роль субъектов наднациональной и национальной социальной политики, (государства, семьи, бизнеса, неправительственных организаций, гражданского общества), характер социально-трудовых отношений, принципы перераспределения национального дохода, обеспечения достойных стандартов жизни в условиях рыночной экономики, нейтрализации рисков в интересах повышения уровня и качества жизни населения интеграционного объединения.

При сохранении национального суверенитета стран, вошедших в евразийский проект, модель социального взаимодействия обеспечивает формирование социальной сплоченности населения стран, входящих в Союз, повышение дееспособности интеграционного объединения. Она основана на социальной идее и ценностях социального развития, идея сотрудничества и взаимопомощи, проверенных социальных принципах: социальной справедливости, социальной и экологической безопасности, социальной сплоченности, чело-

веческого достоинства, уважения, сохранения этнокультурной и политической палитры. Реализация этих принципов в процессе социального взаимодействия стран-членов евразийского союза, безусловно, положительно скажется на статусе семей и каждого их члена, окажет позитивное влияние на экономику и социальное развитие ЕАЭС, сформирует социальную базу интеграционных процессов.

Ориентация на достижение позитивных эффектов социального взаимодействия стран-членов ЕАЭС объясняется тем, что успешное построение нового объединения не может базироваться только на экономической составляющей. Решение задач модернизации, формирования устойчивой и конкурентоспособной экономической системы, инновационно-технологического прорыва возможно только при поддержке населения, социальной сплоченности социума, а это достигается усилиями по повышению уровня жизни людей, т.е. усилиями в социальной сфере. Социально неудовлетворенные слои и группы могут стать носителями угрозы стабильности и безопасности, а ущемленные, невключенные группы – питательной средой для экстремизма, этнических и религиозных конфликтов. В условиях, когда проект создания ЕАЭС, как один из самых дискуссионных проектов нашего времени, чаще всего рассматривается с геополитической точки зрения в контексте формирования новой мировой архитектуры, его социальный успех приобретает и политическую значимость.

Показателями успешности наднационального социального взаимодействия и национальных социальных политик выступает социальная сплоченность населения стран, входящих в евразийский союз, под которой мы понимаем степень интеграции группы, общности, общества, включающей уровень единства ценностных ориентаций, прочности межличностных взаимоотношений и согласованности поведения членов группы, общности, общества в основных сферах деятельности. При этом внутригрупповые связи, показывающие степень совпадений оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам, людям, идеям, событиям и прочему, особенно значимы для характеристики меры социальной сплоченности социума интеграционного объединения в целом.

Ключом в оценке социальной сплоченности региональных сообществ является единство «генерализированных» и инструментальных ценностных ориентаций людей. «Ценность» представляет собой особое общественное отношение, благодаря которому потребности и интересы индивида или социальной группы переносятся на мир вещей, предметов, духовных явлений, придавая им определенные социальные свойства, не связанные прямо с их утилитарным назначением. Особое значение в системе ценностей имеют ценности социальные, в которых значимость явлений и предметов реальной действительности рассматривается с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям общества, социальной группы, личности. Именно они, выступая в качестве целей жизни и основных средств их достижения, являются важнейшим фактором, регулирующим мотивацию личности и ее поведение, составляют ценностные ориентации человека.

Второй составляющей оценки социальной сплоченности выступает прочность межличностных взаимоотношений, понимаемых как система установок, ожиданий, стереотипов, ориентаций, через которые люди воспринимают и оценивают друг друга. Основу межличностных взаимоотношений составляет доверие как устойчивая способность человека, группы, коллектива и всего населения добровольно наделять другого человека, социаль-

ную группу и население в целом ценностными и общественно значимыми свойствами в интересах обеспечения своих прав и свобод, гарантий и льгот, а в целом – стабильности и безопасности существования. Доверие на уровне социума выступает как общественное доверие, включающее в себя экономические, политические, собственно социальные и духовные компоненты. Доверие/недоверие выступает как важный показатель отношения людей друг к другу и к тому обществу, в котором они живут, а также одной из характеристик их социальных ожиданий и поведенческих стратегий, отношения к власти. В условиях поликультурности ЕАЭС важным фактором доверия и межличностного взаимодействия населения является толерантность в системе межэтнического взаимодействия. Отсутствие взаимопонимания и готовности сотрудничать выступает препятствием к формированию социально сплоченного общества, следовательно, препятствует инновационному развитию Союза.

Социальное доверие населения к наднациональным регуляторам, их лидерам и национальным властям представляет собой явление массового сознания и поведения людей, предполагающее наделение ими органов власти ценностно-значимыми качествами и уверенности в ее способности обеспечить эффективное решение актуальных задач по удовлетворению социальных потребностей и интересов, прав и гарантий социальной защиты населения. Объектом социального доверия населения и одновременно субъектом его подтверждения и формирования, выступают наднациональные и национальные социальные институты, органы власти наднационального, федерального, регионального уровня и политические лидеры.

И третьей составляющей оценки социальной сплоченности выступает согласованность поведения населения. Под социальным поведением мы понимаем совокупность человеческих взаимодействий, связанных с удовлетворением физических и социальных потребностей и возникающих как реакция на окружающую социальную среду. Субъектом социального поведения могут быть индивид или группа. Поведенческие различия конкретных людей зависят от индивидуальных особенностей, прежде всего психологических, а также от результатов социализации норм, образцов, усвоенных ими в этом процессе. При оценке эффективности социальной модели важно, насколько согласованно поведение региональных сообществ стран ЕАЭС, как оно направлено, что является «точкой координации» поведения отдельных индивидов. Очевидно, что условием согласованного поведения членов регионального сообщества могут стать обещания, которым народ доверяет, инструментальная рациональность, одинаковость оценок, порожденных похожими условиями жизнедеятельности, давление других лиц, от которых они зависят, страх неодобрения, наказания. Коллективные действия являются результатом множества мотиваций, индивидуальных выборов, ориентированных на оценку соотношения личных затрат и выгод от согласованного поведения. Сплоченность представляет собой характеристику системы внутригрупповых связей, показывает степень совпадений оценок и позиций группы по отношению к объектам, людям, идеям, событиям и прочему, особенно значимым для группы в целом. Это не только процесс, но и некий набор результатов. Уровень социальной сплоченности можно выразить и измерить в достижении определенных условий в обществе.

Социально сплоченное общество – это общество с прочно установившимися социальными правами, которые можно реализовать в обществе, в котором люди и группы людей действуют ответственно, социальный диалог принят за норму, институты и процедуры

работают во имя гражданского диалога и активной вовлеченности людей в демократические процессы, а чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне превалирует. В таком обществе и на наднациональном, и на национальном уровнях политика ориентируется на:

- 1) реализацию социальных прав, дальнейшее развитие смысла и набора действий во круг социальной ответственности;
- 2) укрепление механизмов представительства, социального и гражданского диалога;
- 3) создание условий для общего безопасного будущего.

Разработка социальной модели евразийского экономического союза представляет собой процесс конструирования социальных смыслов социальной реальности, форму практической управленческой деятельности. Она предполагает ответы на такие вопросы, как: Какой из институтов социальной политики будет разработчиком стратегии социального развития ЕАЭС, социальных программ, социальных гарантий? Какая ответственность ложится на органы управления стран, вошедших в ЕАЭС и на наднациональные регуляторы? Каким образом будет выстраиваться бюджет наднациональной социальной политики, учитываться социально-экономическая неидентичность стран, межстрановые различия? Как предусмотреть оптимальные меры по развитию человеческого потенциала, обеспечению сглаживания и выравнивания межрегиональных диспропорций?

В процессе конструирования модели социального взаимодействия ЕАЭС продумывается практическая польза и преимущества для людей с учетом уже имеющегося опыта других интеграционных объединений, социальные гарантии каждому члену нового сообщества, структурные, финансовые, институциональные, информационные предпосылки получения социального эффекта в средне- и долгосрочной перспективе, механизмы ее реализации

Учитывая, что социальная сплоченность в рамках каждой страны конструируется действиями власти, по обеспечению гибкости трудовых ресурсов, содействием повышению активности людей в переходные периоды их жизни, эффективностью политики в сфере социальной защиты, охраны здоровья населения, образования, жилья и экологии, миграционной политики, а в рамках нового интеграционного сообщества действиями наднациональных регуляторов по гармонизации социальной жизни населения Союза, она одновременно полагается и задачей, и всеохватывающим инструментом активного предотвращения и преодоления напряженности, разногласий и конфликтов в ЕАЭС.

К ключевым условиям достижения социальной сплоченности ЕАЭС относятся стабильный рынок труда, достойный, с учетом уровня социально-экономического развития страны, доходный и имущественный статус (заработная плата работающих и пенсии неработающих, условия проживания), обеспечение защиты прав трудящихся, создание комфортных условий для проживания. Несоответствие реального состояния дел ожиданиям населения, значительная дифференциация социально-профессиональных, социально-демографических групп по вышеперечисленным показателям ведет к социальной разобщенности.

Конструирование модели социального взаимодействия стран-участниц процесса евразийской интеграции включает в себя:

- обоснование направлений, параметров наднациональной социальной политики, ее целей и задач;
- определение степени участия всех субъектов социальной политики в разрешении социальных противоречий;

- создание гибкого, поливариантного, действенного механизма принятия решений и контроля за их исполнением, включающего весь арсенал форм и методов;
- формирование и развитие наднациональных институтов, управленческих структур (фондов, агентств, комитетов) нормативной базы, представленной учредительными договорами, регламентами, директивами, практикой работы суда ЕАЭС;
- гармонизацию национальных законодательств, систем социальной защиты граждан; установление видов и типов социальных гарантий;
- создание условий для включенности в жизнь общества и решение социальных проблем всех социально-демографических и социально-профессиональных групп;
- разработку единых критериев оценки эффективности постсоветской интеграции. Это важно как для изучения этого процесса, так и для корректировки принятых решений.

И включает в себя решение следующих важнейших задач.

1. Изучение социального опыта ЕС как европейской интеграционной организации универсальной компетенции, прошедшей за относительно короткий срок времени путь от небольшого субрегионального объединения экономического характера до европейского экономического сообщества. Критическую оценку социальных механизмов, используемых в управлении интеграцией ЕС, выявление эффективных социальных практик.

2. Изучение особенностей социальной политики и её влияния на интеграционные процессы в Советском Союзе, критическую оценку социальных механизмов, используемых в управлении интеграцией; выявление наиболее продуктивных способов, механизмов, технологий социального управления интеграционными процессами в СССР.

3. Изучение социальной деятельности ЕврАзЭС, где за 12 лет была сформирована разветвленная структура механизмов по различным измерениям интеграционного процесса, включая и социальный процесс. Опыт формирования единого экономического пространства ЕврАзЭС признается западными экспертами как первый успешный пример региональной экономической интеграции между странами бывшего Советского Союза (см. Доклад Европейского банка реконструкции и развития 2012 г. Бусько, Достанко, Минск).

4. Анализ контента СМИ России, Беларуси, Казахстана по проблемам интеграции и социального взаимодействия в этой деятельности стран-участниц ЕАЭС.

5. Выявление особенностей повседневной жизни, социальной политики и результатов реализации социальной политики стран-участников в условиях региональной дифференциации ЕАЭС, степени социальной сплоченности населения. Уточнение общественного мнения населения о создании евразийского экономического союза.

6. Обоснование социальной формулы интеграции, принципов, условий, механизмов, институциональных и организационных условий решения социальных вопросов в ЕАЭС, предложение поэтапного варианта реализации социальной модели в процессе формирования ЕАЭС.

В контексте конструирования модели социального взаимодействия стран-участниц процесса евразийской интеграции наиболее важным является выявление факторов, сдерживающих интеграционные процессы. С нашей точки зрения, к ним прежде всего можно отнести:

- сложности согласования национальных амбиций политических элит, разногласия в экспертном сообществе по проблемам интеграции. На сегодня отсутствуют единые подходы к сути, порядку и срокам интеграции; противники создания союза приводят аргумент о

великом экономическом бремени для России по поддержке партнеров по проекту. Препятствуют этому процессу и страхи утраты суверенитета Беларусью и Казахстаном. Дискуссионными остаются вопросы о роли Евразийской экономической комиссии как наднациональном органе, возможности использования единой валюты, приеме новых членов;

- различия стран в уровне экономического развития, которые с одной стороны выступают ограничением, а с другой требованием к наднациональной социальной политике;
- отсутствие конструктивного диалога власти и общества по этим проблемам, представителей разных подходов к евразийской интеграции, хорошо организованных общественно-политических движений в поддержку этого проекта, недостаточная включенность в них населения. Сегодня на этом поле наиболее заметны Евразийское молодежное движение «Молодая Евразия», Конфедерация общественных сил за евразийскую интеграцию;
- проблемы гармонизации нормативно-правовой базы, медленное ее формирование для решения наднациональных проблем;
- отсутствие информационной системы поддержки, мониторинга готовности общества к экономической интеграции, знаний об ожиданиях людей.

Предварительный анализ условий, в которых будет формироваться модель социального взаимодействия стран-участниц евразийской интеграции, позволяет сделать ряд замечаний. Следует отметить, что совместимость объединяющихся государств имеет хороший потенциал, поскольку ранее все страны имели единую инфраструктуру, нормативно-правовую базу, технологические параметры. Важную роль в формировании нормативно-правовой базы социального взаимодействия в процессе евразийской интеграции может сыграть Евразийский парламент. Как известно, 17 мая 2013 г. в Санкт-Петербурге на встрече председателей парламентов Беларуси, Казахстана и России было принято решение о создании рабочей Группы по вопросам парламентского измерения евразийской экономической интеграции, 20 сентября 2013 г. в Москве прошло первое заседание в рамках данной группы. Дискуссии парламентариев, прошедшие после этих двух событий, показывают широкий спектр взглядов на евразийский парламентаризм. Есть мнения «за» и мнения «против». Очевидно, что формирование такого органа евразийской интеграции процесс не простой. И переходным вариантом может стать предложенное экспертами создание Евразийской межпарламентской ассамблеи, путем делегирования в неё депутатов национальных парламентов.

Вполне очевидно уже сейчас, что в качестве наиболее важных направлений регулирования станет политика занятости, социальная защита – социальные гарантии, а совместная работа всех субъектов наднациональной и национальных социальных политик возможна на основе социального контракта, где на каждого ложится своя доля ответственности за будущее.

Особо следует сказать о важности создания системы информирования населения, формирования позитивного мнения вокруг этой идеи, поскольку от этого также зависит успех реализации евразийского проекта. Очень важно, чтобы «евразийство» стало не только идеей элит, но и идеей общества. Конечно, это достигается не общей риторикой о значимости интеграции, а доверием власти, социальными гарантиями. Люди должны быть уверены, что их интересы в процессе интеграции будут соблюдены. Это и можно достичь с помощью глубокого научного обоснования социальной модели. Необходима единая для всех стран программа медийной поддержки проекта, которая может включать информацию о преи-

мущества интеграции для людей, подкрепленную реальными действиями, позитивную информацию о соседях по Союзу, на основе использования современных методов и инструментов информационного продвижения идей. Это и социальные сети и экспертное сообщество и образование и т.п.

Методическая стратегия конструирования модели социального взаимодействия представляет собой совокупность методов: анализ нормативных документов и национальной статистики России, Беларуси, Казахстана, а также публикаций специалистов, связанных с интеграцией на Евразийском пространстве, мониторинг центральных СМИ стран-участниц ЕАЭС, проведение опроса экспертов, опроса населения по репрезентативной выборке. В качестве методологических подходов для социально-экономической типологизации следует использовать следующие положения: сопоставимость данных анализа, выделение приоритетных направлений.

Таким образом, изложенная в статье теория и методология конструирования модели социального взаимодействия стран-участниц процесса евразийской интеграции, позволит внести вклад в развитие социологической теории, формирование системы показателей и индикаторов социального измерения современной социальной реальности.

А разработанная на этой теоретико-методологической основе модель по регулированию социальных вопросов на наднациональном уровне, будет способствовать гармонизации социального взаимодействия в интересах обеспечения сплоченности, солидарности, основанной на принципах социальной справедливости и социальной ориентации конкурентоспособной экономики, построению единого социального пространства.

Ее использование в управлении процессами интеграции на евразийском пространстве, поможет получить максимальный социальный эффект в средне- и долгосрочной перспективе.

ВЗГЛЯД НА ЕВРАЗИЙСКУЮ КОНЦЕПЦИЮ ИЗ 2013 ГОДА

Евразийская концепция в формализованном виде существует уже столетие, хотя идеи, послужившие для нее основой, гораздо старше. За это время кардинально менялась историческая, социальная, геополитическая картина мира, появлялись и исчезали государства, сменялись политические системы, но евразийство не умирало. В различных вариантах евразийские идеи появлялись, угасали и снова возрождались несколько раз. Это было в

70-х гг. прошлого века (Н.Я.Данилевский и др.), затем в 20–30-х гг. XX в. (евразийцы из русской эмиграции) и далее на рубеже нового тысячелетия. Что общего у этих трех периодов? **Первый** – это переломное время после крестьянской реформы 1861 г., период быстрой капитализации России. **Второй** период – 20-е гг. XX столетия – время революции, крушения старого мира, время великой катастрофы. Тогда главным смыслом и содержанием работ евразийцев-русских эмигрантов был поиск «идеи-правительницы», «путеводной нити», которая смогла бы привести Россию к процветанию. **Третий** период – последнее десятилетие XX в. Разрушение единого государства СССР, крах коммунизма, слом социальной системы, крушение прежних ценностей, идеалов, рост националистических, сепаратистских устремлений в бывших союзных республиках, в российских регионах, – и огромная социальная цена, заплаченная всеми народами бывшего Союза за очередную трансформацию общества. И в этот период поиск «путеводной нити», ведущей народы единой в прошлом страны к достойному будущему – главная цель «нового» евразийства. Можно сделать вывод о том, что евразийство возрождается в критические, переломные эпохи. В каждый свой приход новые черты добавляются к неизменной основе.

В конце 90-х гг. для России снова актуальным стал вопрос о выборе пути. Какую модель развития принять? К каким целям стремиться? Каким образцам следовать? Сегодня, через 20 лет реформирования России на эти вопросы мы не получили официального ответа, властью так и не определена стратегическая цель развития страны. России активно и небезуспешно навязывается западная модель, выдаваемая за «универсальную» или «общечеловеческую» цивилизацию. Теоретическим обоснованием такого подхода служит однолинейная схема социально-исторического процесса, в которой за вершину, за высшую точку принимается западная (европейская и её модификация – американская) цивилизация, ценности которой должны, якобы, быть распространены по всему миру. Не дан ответ на центральный теоретический и мировоззренческий вопрос о цивилизационном мироустройстве, о том, является ли Россия ядром самостоятельной евразийской цивилизации или же ее путь – подражание цивилизации западной и стремление к присоединению к ней. Какова вообще схема социально-исторического процесса – однолинейная с единственной вершиной – западной цивилизацией, или же многолинейная? Евразийская концепция построена на мультилинейной схеме социально-исторического процесса. Такой подход разрабатывался в трудах Н.Я.Данилевского, О.Шпенглера, А.Тойнби, Н.С.Трубецкого, П.Н.Савицкого, П.Сорокина, Л.Н.Гумилева, С.Хантингтона и других ученых.

Мультилинейная схема включает цивилизации как самостоятельные единицы социально-исторического процесса, которые нельзя расположить иерархически. Не существует единого ритма социально-исторического движения, в то время как внутри каждой цивилизации существует свой ритм, свои фазы развития (зарождение–расцвет–угасание), которые ими проходятся одновременно, в соответствии с собственной логикой и собственной спецификой.

Западная цивилизация является одной из многих, она не наделена привилегией вечно-го прогресса или привилегией исключительности. Последствия распространения по всему миру одной культуры, одного типа государства, одной цивилизации – губительны для общества. Западная цивилизация, находящаяся в стадии своего «заката», существует параллельно с другими, в числе которых находится евразийская – предмет нашего исследования.

Евразийская концепция интерпретирует Евразию как особую географическую, социально-историческую и социально-культурную общность. Многие ученые: Н.Данилевский, К.Леонтьев, Г.Вернадский, О.Шпенглер писали о том, что в массиве земель Старого Света целесообразно выделять «Европу», «Евразию» и «Азию». Срединную часть континента или Евразию (лежащую между Китаем, горными цепями Тибета и «западным полуостровом Европой» огромную плоскую равнину, не имеющую внутренних природных границ) можно выделить как самостоятельную целостность, отдельную от Европы и Азии, от Запада и Востока. Географы обосновывают такой подход не только специфическими особенностями рельефа, но и характером растительного мира, климата, количества осадков, амплитудой температур.

Целесообразность выделения Евразии как самостоятельной целостности, имеющей свои и только свои характеристики, подтверждается не только географией, но и историей культуры и этнической историей.

Огромный субконтинент: зону лесной полосы и Великую степь нельзя отнести ни к Западу, ни к Востоку. Ее можно выделить как отдельную от того и другого, самостоятельную целостность – Евразию. *Россия является главной составляющей, сердцевиной частью единого образования Евразии.* Русский историк Г.В.Вернадский признавал, что *нет двух России, «европейской» и «азиатской», есть только одна Россия «евразийская» или Россия-Евразия»*¹⁷⁸.

Природа срединной части континента – Евразии – сочетание лесных и степных ландшафтов через разные типы хозяйств – предопределила возникновение системной целостности, включавшей в себя народы, нуждавшиеся в результатах хозяйственной деятельности друг друга и находившиеся в постоянном контакте и взаимодействии.

Взаимодействие евразийских народов за 2500 лет сплелось в единую системную целостность, которая развивалась, видоизменялась.

На протяжении всей известной нам истории, позволяющей проследить взаимодействие евразийских народов, наблюдается одна и та же поразительная закономерность: чередование двух сменяющих друг друга геополитических форм организации евразийского пространства, пульсирующее **чередование двух периодически сменяющих друг друга геополитических форм организации евразийского пространства. Это чередование единой государственности и системы государств.**

В схематичном виде исторические ритмы организации евразийского пространства представлены Г.В.Вернадским так:

I.

- а) единая государственность (Скифская держава);
- б) система государств (сарматы, готы).

II.

- а) единая государственность (Гуннская империя);
- б) система государств (авары, хазары, камские болгары, Русь, печенеги, половцы).

¹⁷⁸ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.

III.

- а) единая государственность (Монгольская империя);
- б) система государств (распад Монгольской империи: Золотая Орда, Джагатай, Литва, Русь, Казань, киргизы, ойраты, монголы).

IV.

- а) единая государственность (Российская империя, Союз Советских Социалистических Республик... ?)

Схема Г.Вернадского заканчивается вопросительным знаком, поставленным после образования СССР как единого государства. Мы, свидетели распада мировой державы – Советского Союза, можем продолжить схему ученого и дописать недостающее у него звено:

- V. б) система государств (15 бывших союзных республик, ставших самостоятельными государствами).

Следующей формой, если следовать логике этой конструкции, должно стать объединенное евразийское государство. Мы являемся свидетелями и непосредственными участниками уникального процесса смены исторических ритмов организации евразийского пространства: разрушения единого государства СССР, создания системы новых государств и намечающихся тенденций движения независимых евразийских государств к интеграции. Но если учесть, что период смены геополитических форм организации евразийского пространства (по Г.Вернадскому) занимал столетия, то, вероятно, свидетелями завершения процесса перехода мы станем. Кроме того, сейчас трудно говорить о том, кто станет главным «объединителем».

В предыдущие периоды «объединителями» становились скифы, гунны, хазары, монголы, славяно-руссы, советские коммунисты. Попытки эти предпринимались с разных сторон – с востока и запада Евразии. При всех временных особенностях, объединению всегда способствовало то, что системные связи между евразийскими народами никогда не бывали полностью разрушенными, и сохранялся исторический фундамент общеевразийского единства.

Другой «сквозной» евразийской идеей, является признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного, неподражаемого развития, опирающегося на национально-культурные традиции, нормы, ценности и опыт многовекового сотворчества народов.

Путь, пройденный странами СНГ за годы отдельного существования, привел к тому, что теперь уже, наверное, все поняли, что нас не ждут ни в Европейском, ни в каком другом доме, что за граница никому не поможет, что опираться придется на собственные силы. Признаки отрезвления много – это не что иное, как **возрождение исторического евразийского императива**: необходимости интеграции народов, объединенных культурно-историческими, цивилизационными связями; народов, имеющих тысячелетний опыт взаимодействия и совместного обустройства своего общего дома – Евразии.

Нарождающиеся новые интеграционные тенденции требуют от ученых концептуального обоснования современных процессов, происходящих на евразийском пространстве. Мы должны **предложить идеи, которые бы работали на объединение** евразийских народов. Какие интеграционные идеи были в нашей истории? Эффективными оказыва-

лись только те из них, которые были привязаны к конкретному социально-историческому контексту и к конкретному отрезку времени. Так в дореволюционный период объединительной выступала **идея русской государственности**. В советский – объединяющим фактором в Евразии–СССР был идеологический: осуществление **идеи диктатуры пролетариата** всех народов СССР. Интеграционную идею для будущего, как нам представляется, можно построить на современной **евразийской идее**.

Другие предлагаемые сегодня интеграционные идеи, призывающие к объединению по религиозным, национальным, партийным, социально-классовым признакам неизбежно подпитывают центробежные тенденции. Различные «пан...измы» (пантюркизм, панславизм) выделяют народы по отдельно взятому признаку, игнорируя при этом общность и переплетенность по множеству других.

Современная евразийская концепция строится на общеметодологических принципах полицентризма и мультилинейности социально-исторического процесса, параллельном существовании и развитию различных цивилизаций, каждая из которых имеет свою логику развития, свою культурную доминанту, собственные ценности, цели и приоритеты.

В соответствии с этим определением Евразия, представляющая собой особую географическую, этническую, культурно-историческую целостность, может быть классифицирована как культурно-историческая система или цивилизация. Евразийская цивилизация – одна из культурно-исторических систем, сложившаяся в ходе более чем тысячелетнего опыта взаимодействия народов, населяющих «срединный континент».

Каждая из современных цивилизаций не только сама является системой, но и представляет собой элемент другой системы: всего множества цивилизаций, существующих на планете. По мере развития и роста сложности цивилизаций растет их взаимосвязь и взаимозависимость, происходит унификация ряда их особенностей, прежде всего технологических, не затрагивающая в то же время консервативных базовых составляющих или социокультурных кодов каждой из цивилизаций. *Взаимосвязь и одновременно дивергенция современных цивилизаций существуют в единстве, в соответствии с законами самоорганизации систем.*

Евразийская концепция направлена на развенчание порочной концептуальной составляющей, закладываемой в деятельность современных российских реформаторов, согласно которой Россия вписывается в западноцентристскую линейную схему социально-исторического процесса, где все народы и культуры выстроены последовательно, как ступени единой лестницы, от «низших» к «высшим». На вершине лестницы в качестве образца для подражания находится цивилизация западная. Таким образом, господствовавшая в советский период линейная формационная концепция с единой для всего мира коммунистической перспективой негласно заменена в России другой, тоже линейной западноцентристской концепцией с ориентацией на построение общества по западным образцам.

Идея евразийства подчеркивает значимость развития национальных культур, уникальность и неповторимость каждой нации и народа, роль в жизни народа собственной высшей национальной идеи и самостоятельного неподражательного развития. Отсутствие подражательности вовсе не означает отторжения того культурного богатства, которое было наработано другими народами за всю историю их существования. Знакомство с верши-

нами духовного наследия других народов и их усвоение раздвигает культурные горизонты, обогащает интеллект и является фоном, на котором развиваются собственные национальные культуры. Это чрезвычайно важно, поскольку национальная культура всегда выполняет ответственную социальную функцию: через культуру, традиции, обеспечивается межпоколенческая связь времен, цементирующая единую общность.

Различия между культурами в духовной сфере гораздо более глубоки, чем в сфере материальной, в материальных потребностях люди достаточно общи. Поэтому, если предположить возможность существования однородной общечеловеческой культуры, то она будет сведена к удовлетворению чисто материальных потребностей при игнорировании или примитивизации потребностей духовных, к навязыванию всему пестрому этнокультурному многообразию стандартов и стереотипов массовой культуры. Культура же, опирающаяся на национальный принцип, способна стимулировать духовно возвышающие человека ценности.

Если к развитию культур применить принципы общей теории систем, то на них можно распространить тезис о том, что жизнеспособной и успешно функционирующей может быть лишь система достаточно сложная. Унифицированная «общечеловеческая культура» и на ее базе «общечеловеческая цивилизация» возможны лишь при предельном упрощении системы, происходящем за счет уничтожения национальных культур. Предел упрощения системы – ее разрушение, гибель. Наоборот, система, обладающая значительным числом элементов, имеющих единые функции, жизнеспособна и перспективна в своем развитии. В нашем контексте примером такой системы служит цивилизация, где в общую «радушную сеть» сплетены многие национальные культуры, где обеспечивается *единство в многообразии*.

Важнейшим условием жизнеспособности евразийской идеи является сдвиг в самосознании людей в сторону понимания ими своей исторически определенной функции в жизни органического целого – Евразии, формирование **двойной идентичности**: собственно национальной и общеевразийской. Евразийская идентичность или общеевразийский национализм способны на социальном и социально-психологическом уровнях цементировать единство народов Евразии.

Евразийская идентичность не возникает сама собой. Установка «наши» или «мы такие-то, а все прочие – другие» формируется постепенно при долгой совместной культурной работе интеллигенции всех евразийских государств, при особой направленности государственной политики, вырабатывающей иерархию приоритетов, стратегических интересов и целей, при активизации экономического и социального взаимодействия в евразийских рамках, при создании единых надгосударственных структур, решающих общие задачи. Мы отдаем себе отчет в том, что **формирование евразийской идентичности и интеграция евразийских народов сегодня в период крайней нестабильности на всем Евразийском пространстве может восприниматься только как тенденция, которая непременно проявится, но, возможно, лишь в далекой перспективе.**

Столь крупные культурно-исторические системы как цивилизации очень трудно научно описать или социологически измерить. Например, по мнению ряда французских ученых, чтобы измерить одну из современных цивилизаций, необходимо использовать 50 млн индикаторов. Вполне понятно, что такая система индикаторов вряд ли может быть использо-

вана на практике. Поэтому необходимо искать нестандартные методы и способы научного описания и измерения цивилизаций. Например, в рамках своеобразного семиотического подхода поиском символов, знаков, выражающих «физиогномию» культур занимался К.Леви-Стросс, воспринимавший цивилизации как «ансамбли символических систем». Его понимание термина «символ» близко термину «социально-культурный код». Символы или коды не обязательно должны объяснять каждый элемент цивилизационной структуры. Они как бы передают ее общий колорит. В «символические системы» Леви-Стросс в первую очередь включал язык, традиции, ритуалы, нормы супружеских отношений, экономические отношения, искусство, науку, религию. В содержании социально-культурных кодов в заархивированном, сжатом виде заключены основные характеристики цивилизации, определяющие ее «лицо», ее ценности, способы поведения, мышление и т.д. При этом многие коды, взятые в отдельности, могут присутствовать и в других цивилизациях. Но именно их единение, ансамбль, а не просто сумма, отражают уникальность каждой цивилизации и еще раз иллюстрируют тезис о несводимости целого к сумме его частей. Описание цивилизаций при помощи социально-культурных кодов – крайне сложная и неразработанная проблематика. Поскольку наука на этом пути пока делает лишь первые шаги, любое продвижение в этом направлении должно приветствоваться.

Своеобразие евразийской цивилизации и в особенности России как ее ядра и сердцевинной части – можно, на наш взгляд, определить сочетанием следующих базовых составляющих или социально-культурных кодов.

• **Усвоение Византийского наследия.** Россия – единственная прямая наследница Византии, ставшая после ее гибели носительницей православной миссии. Византийское наследие не исчерпывается только религиозным влиянием. В течение всего тысячелетнего существования Византийской империи экономическое, культурное, политическое взаимодействие двух государств было развитым и разносторонним. Византия была классическим евразийским государством, существовавшим на перепутье Востока и Запада, на перекрестке экономических и торговых артерий. Евразийская суть Византийской империи заключалась в том, что там никогда не относились предвзято к людям, принадлежавшим к народам Азии, что было характерно для западных обществ.

В Византии каждый, исповедующий христианство, независимо от национальности, мог занять любой пост и достичь высшего признания: так император Лев III Великий (VIII в.) был сирийцем, Роман I Лакапин (X в.) – армянином, а Патриарх Константинопольский Филофей (XIV в.) – евреем. То же характерно и для России. Здесь в X в. в походах князя Игоря принимали участие помимо русов и европейцы-скандинавы, и азиаты-печенеги. Среди высших лиц русского государства были люди разных национальностей. Россия, как и Восточная Римская империя, стала связующим звеном между Востоком и Западом. *Евразийство в России – естественно сложившееся качество, исключаящее какое-либо высокомерие русского национального самосознания в отношении других народов. По самому своему определению русские изначально были евразийским народом, способным вступать в органическое взаимодействие и с европейскими, и с азиатскими этносами, которые в свою очередь, если они действительно вступали во взаимодействие с русскими – сами обретали евразийские черты. В случае же прекращения этого взаимодействия они опять становились в конечном счете либо число европейскими, либо чисто азиатскими наро-*

дами. Новейшей иллюстрацией к этому явилось разделение народов после распада Советского Союза.

• **Национальная терпимость**, основанная на евразийской природе народов, – особенность, неразрывно связанная с предыдущей. Россия, вобравшая в себя племена и народности, сохранила их столько же, сколько получила. На территории России сохранены даже те этнические образования, которые на протяжении всей своей истории по численности не превышали нескольких тысяч или даже несколько сотен человек (тофалаты, удгейцы). В современных переписях населения фиксируется 176 наций и народностей. Многие народы именно при поддержке русского обрели свою письменность, науку, интеллигенцию, получили свою государственность.

В противоположность России, на Западе, например, племена, подвергшиеся германскому завоеванию со времен эпохи Карла Великого и первых Каролингов (славяне: лютичи, поморяне, укры, сорбы, абодриты, гевелы и др.) были либо уничтожены, либо полностью денационализированы. Они были принудительно крещены в католицизм и германизированы. Сейчас население Германии, поглотившей в прошлом множество племен и народов, доведено до всегерманской однородности. В Германии уже не найти не только перечисленные народы, но даже и пруссов – балтский народ, населявший Пруссию, – большую часть Германии. Точно так же в Великобритании не существуют уже бритты, во Франции больше нет гасконцев и т.д.

• **Веротерпимость**. История православия знает лишь единичные примеры мучеников за веру или кровавого преследования ересей. Распространение православия в отличие от насаждавшегося огнем и мечом католицизма, шло без насилия, поэтому оно шло медленно. Этим объясняется и длительное сосуществование двоеверия: христианства и язычества.

Отличительной особенностью православия было то, что оно не провозглашало племенной исключительности русичей. Именно поэтому оно смогло собрать под свою защиту тысячи выходцев из других народов, принявших православное крещение, и сцементировать тот монолит, которым стало Российское государство в свои средние века.

• **Духовность**. Для России характерен особый духовный склад, отличающийся преобладанием *сердца* над волей, созерцания над анализом, совести над рассудком, расчетливостью и практической трезвостью, свободы и воли над властью и принуждением, сострадания над личной выгодой и корыстью. Эти черты, в своей совокупности непостижимые для представителей других цивилизаций, обусловили особую духовную глубину, нашедшую отражение в нашей музыке, живописи, литературе, культуре в целом и породили тот особый феномен, который называется «загадкой русской души».

• **Коллективизм**. Доминирование коллективизма как ценности подтверждается всеми межстрановыми сравнительными исследованиями. Вся история развития евразийской цивилизации – это история выживания народов в суровых природно-климатических условиях. Освоение огромных необжитых пространств, защита рубежей, жизненная необходимость во взаимопомощи, в коллективном труде – сформировали общинность, коллективизм как отличительную черту менталитета.

• **Русский язык**. Духовной связующей инстанцией в рамках евразийской цивилизации является русский язык, при помощи которого осуществляется межнациональное об-

щение. Через русский язык евразийские народы получают доступ к достижениям мировой культуры, он же позволяет раздвинуть узкие региональные культурные рамки до масштабов всей евразийской цивилизации.

• **Русское основание евразийской цивилизации.** Уникальной чертой, отличающей евразийскую цивилизацию от других, является наличие в ней народа, сыгравшего *интегрирующую роль*, явившегося центром культурного притяжения не только для славянских, но и тюркских, финно-угорских и других народов. В отличие от американского «плавильного котла», нивелировавшего национальные влияния иммиграционных потоков, в Евразии, по крайней мере с XV в. и до сегодняшнего дня, русское основание сохраняет цементирующие функции и, по мнению ряда ученых (М.П.Мчедлов), русский народ в цивилизационном аспекте «выступает в большей мере общероссийским началом, чем сугубо этническим»¹⁷⁹.

Существующее отличие базовых характеристик евразийской цивилизации от, например, западной свидетельствует о том, что диалог их культур разумен лишь при условии умеренного взаимодействия, никогда не достигающего полного синтеза. Если же культуры полностью открыты навстречу друг другу, они утрачивают определенность, теряют свое «лицо». Искажение собственных социокультурных кодов в результате, например, неумеренного культурного заимствования, нарушает внутрисистемный детерминизм ценностей, их гармонию и структурный баланс и приводит в конечном итоге к деградации и разрушению цивилизации.

Суть современной евразийской концепции можно свести к нескольким взаимосвязанным тезисам.

1. *Оценка исторического процесса как мультилинейного, отрицание возможности существования единой для всего мира линии социально-исторического развития, единой унифицированной общечеловеческой цивилизации и единой культуры.*

2. *Восприятие Евразии как особой географической, социально-исторической и социально-культурной целостности, как уникальной Евразийской цивилизации;*

3. *Подтверждение объективной предрасположенности евразийских народов к различным формам интеграции;*

4. *Признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного, неподражаемого развития, опирающегося на национально-культурные традиции, ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов, дополненные технической и технологической модернизацией. Модернизация без вестернизации (или то, что Н.Я.Данилевский выразил формулой: «Своя идеология, неважно, чья техника и технология»).*

5. *Синтез национальной идентичности каждого отдельного народа Евразии с общеевразийской идентичностью.*

Современная евразийская концепция подчеркивает значение силы, способной в столкновениях с другими цивилизациями отстоять собственное национально-культурное бытие. Выживают и приобретают историческое значение только те культурно-исторические системы,

¹⁷⁹ Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. М., 1998. С.14.

которые оказываются способными противостоять военно-политическим и культурным экспансиям других цивилизаций. Расшатывание стабильности в таком регионе, как Евразия чревато нарушением мирового цивилизационного баланса и тем самым угрожает всему человечеству.

Для России и других евразийских государств сегодня сохраняется альтернатива: *реинтеграция* в рамках евразийской цивилизации, а значит, обретение силы, возвращение на прерванный собственный путь социально-исторического развития, – или же рассредоточение, распыление, превращение, как выразился русский философ Иван Ильин, в «исторический навоз», в питательную среду для других более активных цивилизаций.

Многие теоретические и практические проблемы социального, экономического, политического взаимодействия в рамках евразийской цивилизации нуждаются сегодня в дополнительном исследовании с учетом новых изменившихся реалий. К их числу можно отнести следующие.

• **Концептуальное обоснование мировой социально-исторической динамики. Многополярность мира и диалог цивилизаций.** Теоретико-методологическое обоснование идеи полицентризма и многолинейности, мировой социально-исторической динамики. Концепция развития России в рамках цивилизационной парадигмы. Западноцентристские концепции мирового развития и последствия их распространения на Россию и другие страны Евразии.

• **Трансдисциплинарные исследования в рамках цивилизационной парадигмы.** Рассмотрение цивилизации в качестве единицы анализа социально-исторического процесса предполагает системное видение, вынуждающее исследователя выходить за пределы узких дисциплинарных границ: отдельные социальные науки, находясь в рамках своих предметных областей, не могут охватить единым взором явления и процессы, свойственные цивилизациям. Их изучение возможно только при трансдисциплинарном подходе с позиций единой науки об обществе. С призывом к созданию такой «исторической социальной науки» обратился к научному сообществу И.Валлерштайн. По его мнению, мы живем «в длительном моменте перехода», когда противоречия той исторической системы, в которой сформировались все известные нам науки об обществе, «сделали невозможным дальнейшее приспособление к ней». Мы живем в период реального исторического выбора. И «период перехода» нельзя понять на основе положений, сложившихся в этой трансформирующейся исторической системе¹⁸⁰.

• **Современные процессы глобализации. Конвергенция и дивергенция цивилизаций и культур.** Исследование роста взаимовлияния и взаимозависимости цивилизаций в современном мире. Экологический императив как основа выживания для будущего глобального Человечества. Принципиальные противоречия между реальными последствиями глобализации, наблюдающимися в масштабах планеты, и стремлением Запада создать во всем мире «единую» или «универсальную цивилизацию» со своими ценностями и диктатом в экономике и политике, с насаждением образцов массовой культуры.

¹⁸⁰ Социология на пороге XXI века. Новые направления исследования. М., 1998. С.146.

• **Вызовы и угрозы XXI в. и их влияние на развитие Евразийской цивилизации.** Нарушение экологического равновесия. Депопуляция и демографический кризис. Духовно-нравственный кризис. Сырьевые ресурсы и доходы от реализации национальных богатств. Новейшие технологии и социальные проблемы информатизации. Власть и ключевые проблемы управления. Поляризация общества и социальная солидарность и др.

Использованная литература:

- Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990.
- Вернадский Г.В. Начертание русской истории // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.
- В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX вв. Ч. I–II. М., 1994.
- Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (феномен евразийства). М., 1993.
- Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период. Л., 1990.
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
- Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С.-Петербург, 1995.
- Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.
- «Евразия. Народы, культуры, религии». 1996, №1 (4).
- Ильин И.А.* Наши задачи. М., 1992.
- Люкс Л.* Россия между Западом и Востоком. М., 1993.
- Моисеев Н.Н.* Цивилизация на переломе. Пути России. М., 1996.
- Орлова И.Б.* Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспективы. М., 1998.
- Орлова И.Б.* Современные цивилизации и Россия. М., 2000.
- Переписка П.Н.Савицкого с Л.Н.Гумилевым. Письмо от 12 января 1958 г. // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993.
- Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. М., 1998.
- Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. Русские источники современной социальной философии. М., 1993.
- Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.
- Савицкий П.Н.* Европа и Евразия // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (феномен евразийства). М., 1993.
- Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991.
- Социология на пороге XXI века. Новые направления исследования. М., 1998
- Тойнби А.Дж.* Постигание истории. Пер. с англ. М., 1991.
- Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации. М., 1993.
- Трубецкой Н.С.* Мы и другие // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации. М., 1993.
- Трубецкой Н.С.* Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М., 1993.
- Ферро М.* Европоцентризм в истории: расцвет и упадок // Метаморфозы Европы. М., 1993.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций, М., 2005.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1 «Гештальт и действительность». М., 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Не упустить предоставившийся шанс!	6
I. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИИ В РОССИИ: ОЦЕНКА ДИНАМИКИ И РИСКОВ	19
Академия наук – великое национальное достояние России	19
Социально-политическая ситуация в России – год 2013: риски и императивы	33
Предпринимательская этика в ходе развития рыночных хозяйственных систем Нового времени и этические проблемы предпринимательской деятельности в рыночной современности	53
Фальсификация как оружие антиистории	64
Молодежь в изменяющейся социальной реальности: изменение отношения к семье, образованию, труду, власти	75
Динамика религиозности населения РФ, изменение ценностных ориентаций россиян, их влияние на процессы консолидации и дезинтеграции российского общества (социологическое исследование религиозности)	100
Влияние миграции на социокультурную идентичность (на примере Франции) ...	111
II. АНТИСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ДЕВИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ	127
Концепция социально-психологического измерения коррупции	127
Социальные и социально-правовые корни казнокрадства и коррупции в России. Совершенствование системы социального и социально-экономического законодательства в целях преодоления этих негативных явления).....	138
Исторические, политические, экономические, социальные причины межнациональной напряженности и экстремизма в республиках Северокавказского Федерального округа Российской Федерации	147
III. УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ	157
Условия, необходимые параметры и источники заселения Сибири и Дальнего Востока: социально-демографические характеристики качества населения России. Современные тенденции в динамике и расселении населения восточных регионов России	157

Формирование системы социальных и социально-экономических условий для решения актуальных демографических проблем России (рождаемость, смертность, качество население	166
Разработка рекомендаций по совершенствованию демографической политики России на основе математической модели демографического развития	179
Миграционная политика Российского государства как важнейший аспект реализации мегапроекта «Интегральная Евразийская Транспортная Система»	199
IV. МОДЕЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ...	222
Интегральная евразийская инфраструктурная система	222
Измерение социальной реальности и качества жизни	241
Социально-политическая и экономическая безопасность России по критериям риска	252
Методология конструирования модели социального взаимодействия стран-участниц процесса евразийской интеграции	285
Взгляд на евразийскую концепцию из 2013 года	293

УДК 323/ 324(470+571)
ББК 66.3(2Рос)3
Р76

ISBN 978-5-7556-0522-9

Социология и экономика современной социальной реальности. *Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году*. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – 296 с.

**СОЦИОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА
СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

*Социальная и социально-политическая ситуация в России
в 2013 году*

Н а у ч н о е и з д а н и е

Подписано в печать 14.07.2014

Объем 21,25 уч.-изд. л.; 19,1 усл.п.л.
Тираж 1000 экз.

119991, Москва, Ленинский пр., 32А
8(495) 938 19 10